

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

A7
Kistiakovskii, A
O presluchenii...

HARVARD LAW LIBRARY

Received

APR 1 1932

О ПРЕСЪЩЕНИИ
ОБВИНЯЕМОМУ СПОСОБОВЪ УКЛОНЯТЬСЯ
ОТЪ СЛѢДСТВІЯ И СУДА.

ИЗЪСЛѢДОВАНИЕ

А. КИСТЯКОВСКАГО.

Дополнено Булгаринъ *В. М. 1868.*

ИЗДАНИЕ «СУДЕБНАГО ВѢСТНИКА».

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

1868.

APR 1932

APR 1 1932

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Излишне доказывать, какое важное значеніе имѣть въ теоріи и въ нашей современной уголовной практикѣ вопросъ о пресѣченіи обвиняемому способу уклоняться отъ слѣдствія и суда. Современная уголовная наша практика въ отношеніи къ сему вопросу есть выраженіе двухъ законодательныхъ системъ: старой, окончательно отредактированной въ 1857 г., и новой, выраженной въ Уставахъ 1864 г. Вслѣдствіе повизны этихъ послѣднихъ, вполне естественно, если она скорѣе пропитана недостатками старой системы уголовного судопроизводства, чѣмъ успѣла усвоить лучшія правила Уставовъ 1864 года.

Цѣль этого изслѣдованія состоитъ въ томъ, чтобы, слѣдя за историческимъ развитіемъ мѣръ пресѣченія, во-первыхъ—объяснить происхожденіе системы 1857 г. и недостатковъ нашей практики, выросшей на ея началахъ; во-вторыхъ—почерпнуть въ исторіи подкрѣпленіе, объясненіе и разумный смыслъ статей Уставовъ 1864 г., давшихъ новое опредѣленіе этому вопросу.

Слѣдя за историческимъ развитіемъ мѣръ пресѣченія, нельзя не удивляться той послѣдовательности, съ которою онѣ возникаютъ въ связи съ видоизмѣненіемъ цѣлаго общественнаго строя и его формы—законодательства. Безъ всякой напередъ сознанной мысли, силою событий и юридической логики, въ одинъ періодъ господствуетъ извѣстная мѣра предупрежденія, которая въ слѣдующій періодъ слабѣетъ, уступаетъ мѣсто другой и, наконецъ, или вовсе или почти исчезаетъ, а въ то же время сія другая, первоначально неизвѣстная, или мало примѣняемая, не замѣтно возникаетъ, усиливается и, наконецъ, достигаетъ полнаго господства. Чтобы понять и объяснить возникновеніе, развитіе и господство той или другой мѣры, необходимо показать связь каждой съ цѣлымъ строемъ общества и законодательства.

Въ исторіи мѣръ предупрежденія легко отличить четыре періода: а) періодъ господства и почти исключительнаго примѣненія *поруки*; б) періодъ совмѣстнаго примѣненія *поруки и отдачи за пристава*; в) періодъ ослабленія поруки и частаго примѣненія *отдачи за пристава и тюрьмы*; г) наконецъ, періодъ преобладающаго примѣненія тюрьмы, крайне рѣдкаго употребленія поруки и уничтоженія отдачи за пристава.

Раздѣленіе это не выражаетъ, впрочемъ, того, чтобы каждый изъ этихъ періодовъ рѣзко заканчивался и рѣзко начинался. Въ исторіи нашего уголовного судопроизводства нѣтъ возможности указать, гдѣ и когда въ первый разъ явились поруки; не законъ, а жизнь ихъ создала; мы ихъ находимъ въ законодательныхъ памятникахъ уже въ полной силѣ примѣненія. Равнымъ образомъ, нѣтъ такого законодательнаго памятника, которымъ бы введены были отдача за пристава и содержаніе въ тюрьмѣ, и можно навѣрное сказать, что они созданы были практикою прежде, чѣмъ встрѣчаются въ законодательныхъ памятникахъ. Даже столь частое и столь исключительное примѣненіе, въ практикѣ послѣднихъ полтора столѣтія, содержанія въ тюрьмѣ создано было не столько отдѣльнымъ закономъ, сколько практикою и цѣлымъ строемъ нашего уголовного права и судопроизводства.

ГЛАВА I.

Время до Судебниковъ.

§ 2. Происхождение порукъ и связь ихъ съ тогдашнимъ бытомъ.

§ 3. Раздробленіе и раздача права уголовного суда разнымъ лицамъ и учрежденіямъ.

§ 4. Вотчинный и финансовый характеръ уголовного суда.

§ 5. Господство взгляда на преступленіе, какъ на обиду, а на наказаніе, какъ на имущественное вознагражденіе; исключительное употребленіе формъ обвинительнаго судопроизводства.

§ 6. Связь порукъ съ общимъ характеромъ тогдашняго уголовного права и судопроизводства; доказательства общеупотребительности порукъ.

§ 7. Пристава и сроки; замѣна порукъ; общій выводъ.

§ 2. Выше сказано, что въ первый періодъ развитія нашего законодательства мѣрою предупрежденія служили главнымъ образомъ *поруки*. Этотъ періодъ, начало котораго скрывается въ недоступной изслѣдованію древней жизни славянскихъ племенъ, продолжается до Судебниковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что поруки, какъ мѣра предупрежденія, есть чисто народное учрежденіе; неоспоримо также и то, что онѣ примѣнялись въ жизни раньше появленія первыхъ зачатковъ общегосударственной власти въ лицѣ князей. Доказательствомъ этому служатъ: во-первыхъ то, что первоначальные наши уголовные законы, неисключая и Русской Правды, возникли подобнымъ образомъ; во-вторыхъ, нѣтъ такого памятника, которымъ бы учреждены были поруки, а между тѣмъ мы ихъ встрѣчаемъ учрежденіемъ чрезвычайно развитымъ, сильно вкоренившимся и постоянно примѣняемымъ.

Для уразумѣнія происхожденія и свойства порукъ, какъ мѣры предупрежденія, важенъ тотъ неоспоримый фактъ, что въ періодъ появленія княжеской власти славяне жили и управлялись отдѣльными племенами и родами, и что духъ родовой ассоціаціи проникалъ весь ихъ бытъ, ихъ управленіе, ихъ судъ. За обиду, нанесенную одному, мстилъ цѣлый родъ; онъ же получалъ и вознагражденіе, въ случаѣ примиренія. Равнымъ образомъ, за преступленіе одного отвѣчала цѣлая годовая община; она же участвовала и въ платѣ вознагражденія. Родовая ассоціація участвовала не только въ несеніи и исполненіи наказанія, но и въ самомъ отправленіи суда, т. е. въ той части, которая предшествовала наказанію въ тогдашнемъ смыслѣ. Однимъ изъ видовъ такого участія и были *поруки*. Въ самомъ дѣлѣ, если цѣлая родовая община отвѣчала за своего члена, то очевидно, что обиженный и его родъ имѣли дѣло не съ обидчикомъ только, а и съ его родомъ, и потому ручательствомъ того, что они получаютъ удовлетвореніе, могла служить не столько личность самого обидчика, сколько цѣлая община. Вотъ отсюда-то и произошли поруки. Потому-то поруки являются вполне самороднымъ, а не искусственнымъ учрежденіемъ; будучи органически связаны съ

тогдашнимъ бытомъ славянскихъ племенъ, онѣ — нѣтъ въ томъ сомнѣнія—первоначально были поруки рода, племени.

Съ возникновеніемъ общегосударственной власти поруки не только не были уничтожены, но и получили утвержденіе отъ этой власти. Что онѣ оставались самымъ народнымъ и самымъ общеупотребительнымъ учрежденіемъ—можно судить потому, что послѣ Русской Правды почти нѣтъ законодательнаго памятника, въ которомъ бы не было о нихъ упоминанія, а равно и потому, что даже позже сами князья и цари къ нимъ прибѣгали для чисто государственныхъ цѣлей. (А. Юр. изд. 1838 г.: №290—поручныя по крестьянахъ и бобыляхъ, № 291—по пососныхъ людяхъ, № 292—по крестьянахъ о поставкѣ ими лѣса, № 293—о явкѣ ихъ въ назначенный срокъ предъ волостными начальниками, № 294—по ямскихъ охотникахъ, № 296—по стрѣльцахъ и пр.) И тотъ фактъ, что онѣ долго остаются сильнымъ и часто примѣняемымъ учрежденіемъ, не былъ дѣломъ случая или произвола, а коренился въ цѣломъ общественномъ строѣ, и въ свойствахъ тогдашней уголовной юстиціи.

§ 3. Появленіе княжеской власти не было, вмѣстѣ съ тѣмъ, отрицаніемъ существовавшаго до нихъ быта и устройства: они были такъ еще могущественны, что князья не въ состояніи были ихъ измѣнить и только спѣшили ими воспользоваться для своихъ цѣлей.

До князей отправленіе юстиціи было дѣломъ и интересомъ каждой родовой ассоціаціи. Нѣтъ сомнѣнія, что появленіе ихъ сопровождалось значительнымъ политическимъ объединеніемъ этихъ ассоціацій; но въ дѣлѣ суда вообще и уголовного въ частности объединеніе выразилось въ слабой еще степени. Князья смотрѣли на уголовный судъ болѣе со стороны интереса, болѣе съ финансовой точки зрѣнія, т. е. восприняли въ значительной степени воззрѣніе тѣхъ племенъ, надъ которыми они стали княжить. До нихъ судъ не имѣлъ общаго центра, а былъ разбитъ и раздѣленъ по племенамъ. Пришедши княжить и владѣть, князья блюли судъ какъ доходъ, раздавали его въ кормленіе своимъ дружинникамъ, отдавали въ собственность монастырямъ, продавали, мѣняли.

Какъ власть княжеская вообще, такъ и уголовный судъ были раздѣлены между многими князьями. Раздѣлялъ ли князь свое княженіе между своими женою и дѣтьми, давалъ ли онъ своему брату или другому родственнику въ удѣлъ городъ, или половину, треть его, волость, село въ чужомъ удѣлѣ, принимавшій князь или княгиня получали эти земли въ управленіе съ данью и судомъ въ цѣломъ его объемѣ: *«а судомъ и данью потянути по удѣломъ, гдѣ кто живетъ»* (Гос. гр. и дог. т. I, № 40); *«а въ твой ми удѣлъ приставовъ не всылати, тако же и тобѣ въ мой удѣлъ, своихъ приставовъ не всылати, ни во все мое великое княжене»* (Гос. гр. и дог. т. I, №№ 27, 29, 35, 80). Это—обыкновенныя выраженія договорныхъ и духовныхъ княжескихъ грамотъ. И дѣло уголовного суда было частнымъ, собственнымъ дѣломъ каждаго князя, или княгини, державшихъ свой удѣлъ.

Но это дробленіе и раздѣленіе суда вообще и уголовного въ частности не ограничивалось только князьями.

Въ свою очередь каждый князь и княгиня въ своемъ удѣлѣ, маломъ ли большомъ ли, раздавали уголовный судъ, въ цѣломъ его объемѣ, на тѣхъ же правахъ, на которыхъ они сами имъ владѣли, митрополитамъ, епископамъ, монастырямъ, церквамъ, членамъ дружины.

Грамоты княжескія на отдачу уголовного суда, въ полномъ его объемѣ, исчисленнымъ лицамъ и учрежденіямъ, начиная съ XII столѣтія, продолжаются до конца XV в., и даже встрѣчаются, въ видѣ исключенія, въ XVII в.; затѣмъ идутъ тѣ же грамоты въ большемъ числѣ и далѣе, даже до второй половины XVIII столѣтія, съ тѣмъ только различіемъ, что начиная съ XIV столѣтія въ нихъ уголовный судъ уступается въ ограниченномъ объемѣ, сначала за исключеніемъ душегубства, потомъ душегубства и разбоя, наконецъ и татбы.

Въ грамотамъ, въ которыхъ уступался уголовный судъ въ цѣломъ его объемѣ, принадлежатъ слѣдующія уставныя и жалованныя грамоты, данныя разными великими и удѣльными князьями, а также ханами Золотой орды: 1) новгородскому Юрьеву монастырю между 1128—1132 (Доп. къ А. И. т. I, № 2); 2) церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ въ 1134—1135 г. (ib. № 3); 3) Смоленской епископіи въ 1150 г. (Доп. къ А. И. т. I, № 4); 4) четыре ханскихъ ярлыка митрополитамъ: Петру въ 1313 г., Θεогносту въ 1333 г., Алексѣю въ 1357 г. и Михаилу въ 1379 г. (Гос. гр. и дог. т. II, №№ 7, 9, 11 и 12); 5) двѣ гр. тверскому Отрочу монастырю, первая отъ 1361—1365, и вторая между 1437 и 1461 г. (А. Э. т. I, №№ 5 и 34); 6) уставная между вел. кн. Васи́ліемъ Дми́тріевичемъ и митрополитомъ Кипріяномъ между 1389 и 1404 г. (А. Э. т. I, № 9); 7) три гр. Троицкому Сергіеву монастырю отъ 1363 — 1386, 1443 и 1455 — 1465 (ib. №№ 7, 38; А. И. т. I, № 58); 8) Толгскому мон. 1400 г. (А. Э. т. I, № 15); 9) Солотническому м. двѣ отъ 1402 г., и одна между 1430 — 456 (А. И. т. I, №№ 13, 14, 36); 10) Срѣтенскому женскому 1437 — 1461 г. (А. Э. т. I, № 35); 11) Благовѣщенскому 1446 (ib. № 39); 12) Чухломскому отъ 1450 г. (А. И. т. I, № 49); 13) Кириллову-Бѣлозерскому 1471 г. (ib. № 95) и 1471—1475 (Доп. къ А. И. т. I, № 207); 14) Спасо-Каменскому мон. 1479 г. (Доп. къ А. И. т. I, № 17); 15) Суздальскому Покровскому мон. 1606 г. (А. И. т. II, № 75); 16) Патриаршей домо-вой Карашской отчичь грамота, данная Алексѣемъ Михайловичемъ до 1653 г., въ подтвержденіе подобныхъ же грамотъ великихъ князей, начиная съ Васи́лія Дми́тріевича, заключившаго мѣновую сдѣлку съ митрополитомъ Кипріяномъ (А. И. т. IV, № 73). Въ древнѣйшихъ изъ сихъ грамотъ говорится, что князь даетъ весь судъ *съ вирами и продажами или съ виною и поличнымъ*; въ болѣе позднихъ передача уголовного суда въ полномъ объемѣ выражается или словами: *наместники наши и волостели и изъ тѣхъ не въздятъ и не судятъ ихъ людей ни въ чемъ и не всылаютъ къ тѣмъ людямъ ни пошто*, или же—и это чаще: *и въ душегубствѣ, и въ разбоѣ, и въ татбѣхъ бояре наши, и наместники и волостели и изъ тѣхъ не судятъ ихъ людей, а судитъ митрополитъ или архимандритъ или кому они прикажутъ*, словомъ, то лицо, или начальникъ того учрежденія, коему отдается право суда. Нѣтъ сомнѣнія, подобныя грамоты давались и от-

дѣльными лицамъ—служилымъ людямъ; князья, давая имъ въ помѣстье землю, вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляли имъ и право суда. Хотя въ обнародованныхъ законодательныхъ памятникахъ мы не встрѣчаемъ грамотъ о пожалованіи отдѣльныхъ лицъ правомъ уголовного суда въ полномъ его объемѣ, тѣмъ не менѣе можно думать, что они были. Этотъ выводъ мы основываемъ на томъ, что существуютъ грамоты съ предоставленіемъ отдѣльнымъ лицамъ права уголовного суда, съ изъятіемъ изъ ихъ вѣдомства или одного душегубства (А. Э. т. I, № 44), или душегубства и разбоя (А. И. т. I, № 115), или, наконецъ, душегубства, разбоя и татбы (Д. къ А. И. т. I, № 123). Достойно замѣчанія, что всѣ эти грамоты упадаютъ на то время, когда митрополитамъ, епископамъ, монастырямъ и церквамъ давался судъ съ подобными же ограниченіями.

Число грамотъ съ уступкою всего уголовного суда, какъ можно видѣть изъ приведеннаго перечня, не велико, по крайней мѣрѣ несравненно меньше числа тѣхъ грамотъ, въ которыхъ уголовный судъ отдается въ ограниченномъ объемѣ. Но это не значитъ, чтобы уступки уголовного суда въ полномъ объемѣ не были всеобщіи, а происходитъ это отъ того, что чѣмъ древнѣе время, тѣмъ менѣе до насъ дошло этого рода грамотъ.

Съ XV вѣка, когда общегосударственная власть начинаетъ усиливаться преимущественно въ лицѣ московскихъ князей, проявляются первые начатки сосредоточенія уголовного суда въ лицѣ великокняжескихъ намѣстниковъ и волостелей; сосредоточеніе это выразилось въ томъ, что, уступая митрополитамъ, монастырямъ, церквамъ и частнымъ лицамъ право суда, князья оставляютъ за своими намѣстниками судъ надъ душегубствомъ; но судъ по дѣламъ о разбоѣ, воровствѣ и друг. по прежнему предоставляется упомянутымъ лицамъ и учрежденіямъ. Грамоты эти преимущественно относятся къ XV столѣтію и къ нимъ принадлежатъ: 1) гр. митрополиту Фотію 1423 г. (А. Э. т. I, № 23); 2) десять грамотъ Троицкому-Сергіеву монастырю, начиная съ 1414 по 1494 г. (ib. №№ 19, 28, 37, 51—53, 56, 122, 131); 3) Саво Сторожевскому 1404 г. (А. И. т. I, № 74); 4) три грамоты Спасо-Ефиміевскому мон. 1425, 1472 и 1473 (А. И. т. I, №№ 29, 83 и 87); 5) четыре грамоты Отраповтову мон. 1437, 1438, 1448 и 1450 г. (А. Э. т. I, №№ 31, 36, 41 и 48); 6) Маріи Копининой и сыну ея Осеодору, (ib. № 44); 7) двѣ Суздальскому Покровскому монастырю 1476 и 1514 г. (А. Э. т. I, № 102; А. И. т. I, № 119); 8) двѣ Кирилло-Бѣлозерскому 1451 и 1488 г. (Доп. къ А. И. т. I, № 193; А. Э. т. I, № 124); 9) Симоновскому 1498 г. (А. И. т. I, № 106); 10) Іосифову Волоколамскому 1500 г. (А. Э. т. I, № 136); 11) Патріарху Іову 1599 г. (Госуд. гр. и догов. т. II, № 73); 12) Троицкому Бѣлосонскому монастырю 1532 г. (А. Э. т. I, № 175). Въ этихъ грамотахъ или просто говорится, что княжескіе намѣстники, волостели и ихъ тѣны не судятъ людей митрополитныхъ или монастырскихъ ни въ чемъ, oprичъ одного душегубства, и что сулятъ ихъ тѣ лица, которымъ уступается право суда, или, кромѣ того, прибавляется: *«а въдаетъ и судитъ тѣхъ людей именуемъ, или монастырскій прикащикъ во всемъ, въ разбоѣ и татбѣ съ полич-*

нымъ»; или: «а и татба съ поличнымъ игуменова жъ»; или: «а судитъ свои люди игуменъ самъ и татбу и разбой съ поличнымъ».

§ 4. Хотя самая отдача и пожалованіе князьями уголовного суда разнымъ лицамъ и учрежденіямъ уже выражаетъ идею принадлежности права суда князьямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ понятіе о нѣкоторомъ объединеніи суда; но не должно забывать того, что это право скорѣе является правомъ вотчиннымъ, чѣмъ государственнымъ, что это объединеніе есть объединеніе экономическое, а не юридическое. Князь отдаетъ или жалуетъ судъ не какъ свое право охраненія юстиціи, а какъ право на доходъ, какъ кормленіе, жалуетъ извѣстному лицу и учрежденію, не какъ своему органу, предназначенному для отправленія юстиціи, а какъ подчиненному вотчиннику, который, главнымъ образомъ, подобно князю, заинтересованъ полученіемъ доходовъ.

Во всѣхъ этихъ грамотахъ изслѣдователя именно поражаетъ эта сторона тогдашняго суда. Читая ихъ, вы видите, что дающій и принимающій заинтересованы охраненіемъ своей власти и правъ на судъ какъ доходъ, а не самымъ отправленіемъ юстиціи, какъ дѣломъ общественнымъ, котораго бы они являлись только органами. «И вы бы его слушали, а онъ васъ въдаетъ и судитъ по старой пошлнкѣ какъ было презъ сего» (А. И. т. I, № 110; Гос. гр. и дог. т. II, № 46)—обыкновенное выраженіе грамотъ послушныхъ и грамотъ на кормленіе. Лучше всего этотъ характеръ суда можно усмотрѣть въ такъ называемомъ судѣ смѣсномъ или вообще, т. е. когда истецъ живетъ въ вотчинѣ одного князя, или монастыря, или отдѣльнаго дружинника, а отвѣтчикъ въ области другаго. Въ такомъ случаѣ судить дѣло оба судьи и права ихъ опредѣляются въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «А смѣшается судъ его людямъ съ Улечаны, а намѣстники мои судятъ, а Никонъ игуменъ съ ними, или кому прикажетъ, а прибыткомъ ся дѣлятъ» (А. Э. т. I, № 19). «А смѣшается судъ смѣсной, говорится въ другой грамотѣ, монастырскимъ людямъ съ городскими или съ волостными людьми, и намѣстники мои и волостели и ихъ тѣи судятъ, а игуменъ съ ними судитъ, или кому прикажетъ; а правъ ли будетъ, виноватъ ли монастырской человекъ, ино его въдаетъ игуменъ въ правдѣ и въ винѣ, а намѣстники мои и волостели и ихъ тѣи не вступаются въ монастырскаго человека ни въ правдо, ни въ виноватаго; правъ ли будетъ, виноватъ ли городской или волостной человекъ, и намѣстники мои и волостели и ихъ тѣи знаютъ своего городского или волостнаго человека и въ правдѣ и въ винѣ, а игуменъ не вступается, или его прикащикъ, въ волостнаго человека ни въ правдо, ни въ виноватаго.» (А. Э. т. I, №№ 23, 28, 37, 51—53; А. И. т. I, №№ 29, 74). Не менѣе сильнымъ подтвержденіемъ высказаннаго нами положенія служатъ дошедшіе до насъ, немногочисленные юридическіе памятники о продажѣ и промѣнѣ уголовного суда въ цѣломъ его объемѣ. Въ грамотѣ 1653 г. ростовскому воеводѣ о ненарушеніи правъ вообще и суда въ частности, предоставленныхъ разными государями патріаршей домовою Карашской отчинѣ, изложено содержаніе мѣновой сдѣлки, нѣкогда заключенной великимъ княземъ Васи́ліемъ Дми́триевичемъ, сыномъ

Донскаго, съ митрополитомъ Кипріяномъ. На основаніи этой мѣновой великій князь взялъ у митрополита Кипріяна городъ Алексинъ, дожовое мѣсто Св. Богородицы, съ данью и съ оброками и съ судомъ, *«и разбой и татба съ поличнымъ, и съ душегубствомъ, и со вѣсмъ съ тѣмъ: какъ купилъ чудотворецъ Петръ митрополитъ»*. А въ замѣнъ Алексина великій князь далъ митрополиту Кипріяну слободку Святославлѣ *«со вѣсмъ, съ данью и съ оброки и съ судбѣмъ, и разбой и татба съ поличнымъ и съ душегубствомъ, и со вѣсми пошлинами»*. (А. И. т. IV, № 73). Въ обонезской откупной грамотѣ 1434 г. говорится, что Якимъ Гурѣвъ и Матвѣй Петровъ покупаютъ у великокняжескаго намѣстника у Григорія Васильевича судъ великаго князя *«внизъ по Волхову, и на Паши на рѣкѣ, и на Кожель, и на Куковскомъ погостѣ, и на Куковскѣ горѣ, и на Лѣпнѣ и на Стѣмль, и на Оятѣ на рѣкѣ, а Куковскаго погоста идѣ нибуди, или въ городъ, или въ селѣ: ино платити имъ судъ Великаго Князя по старинѣ, а судъ имъ судити и пошлыны имати имъ по старинѣ и вѣрное имъ имати»*, (А. Э. т. I, № 27). Въ этой грамотѣ замѣчательны два выраженія: *платити судъ*, — выраженіе прямо указывающее на то, что судъ для князей имѣлъ значеніе вида пошлыны и оброка, словомъ дохода; и *вѣрное имъ имати*, — выраженіе доказывающее, что Гурѣвъ и Петровъ купили и уголовный судъ въ полномъ его объемѣ, потому что *вѣрное, вирное или вира* взымалась за уголовныя преступленія и замѣняла наказаніе въ нынѣшнемъ смыслѣ. Продажа эта, вѣроятно, была продолженіемъ той обычной уступки суда, о которой говорится еще въ договорной грамотѣ Новгорода съ великимъ княземъ тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ 1265 г. *«А судъ, княже, говорится въ этомъ договорѣ, отдалъ Дмитрій съ новгородцы Бѣжичаномъ и Обошжаномъ на 3 лѣта, судѣе не слати»* (Государственныя грамоты и дог. т. I, № 1, стр. 1, стол. 2-й).

§ 5. Давно уже въ нашей историко-юридической литературѣ высказано и доказано было мнѣніе, что преступленіе у славянскихъ племенъ и позднѣе, въ періодѣ Русской Правды, считалось болѣе дѣломъ отдѣльнаго лица и его рода, чѣмъ общественнымъ, что оно, по понятіямъ тогдашняго человѣка, имѣло характеръ обиды и почти уравниено было въ важности и значенія съ гражданскою неправдою. Чтобы не говорили противъ этого позднѣйшіе изслѣдователи-юристы, но доказательства ихъ не могутъ поколебать этого положенія. Все, что они приводятъ, доказываетъ только, что и тогда проявлялось иногда значеніе юстиціи, какъ учрежденія общественнаго, что и тогда преступленіе вызывало въ слабой степени общественное противодѣйствіе; но то и другое было еще слишкомъ слабо, слишкомъ исключительно для того, чтобы придать преступленію то значеніе и тотъ характеръ, которые оно имѣетъ въ глазахъ современнаго человѣка. Между тѣмъ, самыя рѣшительныя доказательства существуютъ въ пользу прежде добытой и доказанной истины.

До возникновенія общегосударственной власти въ лицѣ князей, преступленіе не могло быть ничѣмъ инымъ, какъ только *обидою*, нарушеніемъ интересовъ и правъ члена одного рода или племени и вмѣстѣ самаго рода и племени;

равнымъ образомъ и наказаніе не могло явиться въ другомъ видѣ, какъ только въ видѣ удовлетворенія посредствомъ мести или посредствомъ денежнаго вознагражденія, которое добывалъ себѣ или получалъ обиженный и его родъ. Иначе и не могло быть, потому что не было такой власти, которая могла бы придать и преступленію и наказанію характеръ выше интересовъ частныхъ и родовыхъ. Появленіе княжеской власти не измѣнило господствовавшего въ то время характера преступленія и наказанія; причина этого лежала въ томъ, что самые князья были вполнѣ произведеніемъ тогдашней жизни славянъ, а равно и въ томъ, что нѣтъ такой силы, которая бы гдѣ нибудь и когда нибудь въ состояніи была вдругъ измѣнить бытъ народа и его міровоззрѣніе, а тѣмъ болѣе, если эта сила сама—въ началѣ своего развитія. Правда, князь является въ судѣ вообще и въ уголовномъ въ частности какъ бы посредникомъ, но этого недостаточно для того, чтобы придать преступленію и наказанію характеръ общественный въ настоящемъ смыслѣ слова. Князь или его намѣстникъ беретъ, какъ и до него брали, за преступленіе извѣстную плату; плата эта и теперь, какъ и прежде, падаетъ не на одно виновное лицо, но и на его родъ, на ту общину, въ которой оно живетъ (Русская Правда, изд. Калачова сп. I ст. 19, сп. II ст. 3, III ст. 3 и 4). Даже въ позднѣйшее время, почти вплоть до изданія губныхъ грамотъ и втораго Судебника, когда обыску дано такое обширное развитіе и онъ получилъ общегосударственное значеніе, власть не заинтересована во что бы то ни стало отысканіемъ преступника и его наказаніемъ, а съ готовностью мѣняетъ общественный интересъ на денежный. Въ болѣе древнихъ уставныхъ и въ нѣкоторыхъ жалованныхъ грамотахъ, сплошь и рядомъ встрѣчается такое выраженіе: *«а учинится въ той волости и въ ихъ селахъ и въ монастырскихъ деревняхъ душегубство, а не доишутца душегубца, и намѣстники наши возьмутъ на монастырскихъ крестьяннхъ за голову четыре рубли московскихъ, а доишутца душегубца, и они его дадутъ намѣстникомъ и ихъ тѣномъ, а крестьяномъ въ томъ впръ и продажи нѣтъ»*. (А. И. т. I, №№ 125, 137 и 141; А. Э. т. I, №№ 123, 143 и 181). Очевидно, что это уже есть измѣненіе того болѣе древняго способа взысканія за преступленіе, когда князь и его намѣстникъ были озабочены исключительно только взысканіемъ виры съ общины, безъ всякаго отношенія къ отысканію самого душегубца. Но это измѣненіе слишкомъ близко еще къ старой формѣ: общегосударственная власть не требуетъ, чтобы община непременно отыскала душегубца, какъ она стала того требовать позднѣе, а предоставляетъ усмотрѣнію общины, или сыскать и выдать, или же въ противномъ случаѣ заплатить четыре московскихъ рубля. Тотъ же взглядъ власти на преступленіе и тѣ же отношенія ея къ нему проглядываютъ и въ такъ называемомъ *самосудѣ*, опредѣленіе котораго встрѣчается въ большемъ числѣ грамотъ. *«А самосуда, говорится въ этихъ грамотахъ, наши намѣстники и ихъ тѣни емлютъ два рубли московскіе; а самосудъ то: кто поймаетъ татя съ поличнымъ, да отпуститъ его прочь, а намѣстникомъ и волостелемъ и ихъ тѣномъ не явитъ, а его въ томъ уличатъ, ино то самосудъ, а опрочъ того самосуда нѣтъ»*. (А. Э. т. I,

№№ 13, 123 и 150; А. И. т. I, № 137). Такимъ образомъ, здѣсь собственно не запрещается самосудъ подѣ страхомъ уголовного наказанія, а только берется известная сумма денегъ, которой власть лишена была чрезъ самосудъ, и слѣдовательно, въ этомъ случаѣ власть опять-таки заботится не о наказаніи вора, а о возстановленіи своихъ денежныхъ интересовъ. Наконецъ, не менѣе сильнымъ подтвержденіемъ защищаемого нами положенія служить то, что въ это время въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ дозволялось примиреніе потерпѣвшаго отъ преступленія съ преступникомъ. Примиреніе въ тяжкихъ преступленіяхъ, къ извѣстныхъ случаяхъ, не запрещается даже въ обоихъ Судебникахъ. (А. И. т. I, № 105; Судебн. 1497 г., статья о полевыхъ поплавахъ; Судебникъ 1550 г. ст. 9—12). Въ Актахъ Юридическихъ 1838 г., помѣщено нѣсколько подобныхъ мировыхъ сдѣлокъ, а именно: а) мировая 1560 г., заключенная слугою Новинскаго монастыря съ крестьянами Кириллова монастыря, убившими Ѳомина, слугу Новинскаго монастыря (А. Юр. 1838 г., № 270); б) мировая 1577 г. трехъ крестьянъ съ женою и зятемъ убитаго ими площаднаго писца (ib. № 271); в) три мировыя въ грабежѣ и татьбѣ 1625, 1642 и 1697 г. (ib. №№ 274, 275 и 277). Всѣ эти мировыя относятся къ XVI и XVII стол.; но это нисколько не доказываетъ, чтобы мировыя по преступленіямъ не допускались и не практиковались прежде. Въ самомъ дѣлѣ, если мы встрѣчаемъ ихъ въ то уже время, когда владала общегосударственная власть и когда преступленіе и наказаніе получаютъ тотъ характеръ, какой они и нынѣ имѣютъ, то мы совершенно вправѣ заключить, что эти мировыя—только обломки нѣкогда господствовавшаго порядка, что мировыя по преступленіямъ были нѣкогда самымъ общеупотребительнымъ способомъ возстановленія права, нарушеннаго тяжкимъ преступленіемъ, и что если мы ихъ не имѣемъ отъ временъ болѣе старыхъ, то это просто означаетъ, что они или утеряны, или не обнародованы. Нельзя не обратить вниманія на нѣкоторыя выраженія этихъ мировыхъ сдѣлокъ, выраженія, вполне подтверждающія доказываемое нами положеніе. Такъ, убійцы площаднаго писца говорятъ: *«а за убитую голову головицина платитъ намъ, мнѣ Михаилу, да мнѣ Данилу, да мнѣ Стефану, а Ульянъ (женѣ убитаго) да Василию (зятю убитаго) съ той головицины убытка не довести ни котораго.»* (ib. № 271). *«А государеву пеню и вѣрные деньги,* говорится въ другой грамотѣ, *я Ондрюшка (на котораго была жалоба въ грабежѣ и въ опойной крестьянской головѣ Никона Филипова) перевелъ на себя.»* (ib. № 275). И понятно: пока власть блюла судъ, какъ дань, ей нѣтъ дѣла до личности преступника и до его наказанія, лишь бы эта дань была получена.

Производство уголовного суда въ это время ничѣмъ не отличалось отъ производства суда гражданскаго: это былъ судъ отъ начала до конца состязательный и обвинительный. Изъ обнародованныхъ списковъ уголовного и гражданскаго суда даже нѣсколько позднѣйшаго времени видно, что форма ихъ была одна и та же; въ первомъ и во второмъ употребляется выраженіе: *тискался* такой-то съ такимъ-то; и тамъ и здѣсь судья спрашиваетъ присутствующихъ истца и отвѣтчика (А. Юр. 1838 г.: № 10—судъ въ поджогѣ;

№ 17—судъ въ грабежѣ и побояхъ). Самыя доказательства и способы ихъ изысканія—что всегда имѣетъ такое сильное вліяніе на свойство мѣръ предупрежденія, — въ уголовномъ судѣ употреблялись тѣ же, какъ и въ гражданскомъ, а именно: свидѣтельство, клятва, судъ Божій, поединокъ. Эти доказательства называютъ, что еще не возникла мысль объ общественной обязанности и необходимости, во что бы то ни стало, естественными средствами отырывать преступленіе.

§ 6. Изложенное нами о значеніи суда въ первый періодъ княжеской власти, о его вотчинномъ характерѣ, его дробленіи, мѣнѣ, продажѣ, о взглядѣ на преступленіе, какъ на нарушеніе, главнымъ образомъ, личныхъ или родовыхъ интересовъ, а на наказаніе, какъ на удовлетвореніе тѣхъ же интересовъ, о чисто-обвинительномъ порядкѣ судопроизводства, — предпринято нами съ тою цѣлью, чтобы доказать, что при такомъ порядкѣ и такомъ міросозерцаніи не могло установиться другой мѣры предупрежденія, кромѣ порукъ, и что, слѣдовательно, существованіе порукъ условливалось тогдашнимъ бытомъ и устройствомъ и было въ полной съ ними гармоніи. Такъ какъ каждый судья—былъ-ли то князь, его намѣстникъ, волостель или тиунъ, былъ-ли то митрополитъ или его намѣстникъ, былъ-ли то архимандритъ, игуменъ или ихъ прикащикъ, былъ-ли то, наконецъ, дружинникъ,—въ судѣ блюлъ свой прибытокъ, тѣсно связанный съ личностью истца и отвѣтчика, то, очевидно, онъ не могъ допустить рѣзкаго вмѣшательства посторонняго судьи. въ случаѣ жалобы посторонняго человѣка на живущаго въ его области. Онъ не имѣлъ интереса овладѣвать личностью подлежащаго его суду человѣка, въ случаѣ жалобы посторонняго, и все, что онъ могъ и хотѣлъ, въ обезпеченіе правъ и интересовъ этого послѣдняго и его судьи, предложить,—это поруки. Далѣе, если, какъ выше было сказано, отвѣтственность за злое дѣло падала не на виновника только, но и на его родъ или общину, среди которой сей послѣдній жилъ, и если притомъ цѣль суда, отправляемаго княземъ или другого наименованія судьей, состояла въ томъ, чтобы, удовлетворивъ обиженнаго, получить, главнымъ образомъ, свой прибытокъ, то само собою разумѣется, что совершенно не было необходимости овладѣвать личностью виновнаго на все время суда; напротивъ, рациональнѣе было воспользоваться порукою лицъ близкихъ къ виновнику, такъ какъ эти поручавшіеся исполнѣ отвѣчали за вознагражденіе, слѣдующее съ ручаемаго.

Что поруки были самою употребительною и едва-ли не единственною, по крайней мѣрѣ въ теченіе большей части этого періода, мѣрою предупрежденія въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ,—это подтверждается какъ смысломъ, такъ и подлинными словами многихъ юридическихъ памятниковъ. Въ первый разъ поруки упоминаются въ Русской Правдѣ. Въ ст. 13 (акад. списка изд. Балачова) говорится: *«Если кто познаетъ свою вещь, то онъ не беретъ и не говоритъ: мое; но говоритъ тому, у кого та вещь, такъ: поиди на сводъ, идъ взялъ эту вещь; если не поидетъ, то представляетъ поручника въ теченіе пяти дней»*. Въ вышеприведенныхъ грамотахъ, въ которыхъ предоставляется разнымъ лицамъ и учрежденіямъ уголовный судъ въ полномъ его объемѣ, или за исключеніемъ одного душегубства, постоянно говорится, что

людей своих вѣдаетъ и судить во всемъ то лицо, которому дается право суда, или его прикащикъ. Известно, что даже въ позднѣйшее время, въ періодъ Судебниковъ и Соборнаго Уложения, слово *судъ* выражаетъ ту форму и тотъ способъ судопроизводства, въ которомъ мѣрою предупрежденія служили поруки. Въ другихъ грамотахъ встрѣчается такое выраженіе: *«А что ся учинитъ, или разбой, или душегубство, или татба, который судъ ино будутъ межъ монастырскихъ людей, судитъ ихъ и дворянъ даетъ монастырскій тивунъ одинъ; а нашимъ судьямъ не надобъ ничто»* (А. Э. т. I, № № 5, 1361 г.; 34—1437—1461 гг.). Слова: *и дворянъ даетъ*, равнозначительны словамъ: *даетъ пристава*. Оба эти выраженія употребляются въ нашихъ юридическихъ памятникахъ всегда въ томъ смыслѣ, что, вслѣдствіе челобитной по гражданскому или уголовному дѣлу, судья отряжаетъ недѣльщика съ тѣмъ, чтобы онъ отдалъ отвѣтчика на поруки въ томъ, что онъ въ назначенное время явится въ судъ къ отвѣту. Изъ грамотъ о судныхъ срокахъ очевидно также употребленіе порукъ въ разбоѣ, татбѣ и грабежѣ. *И кто ихъ людей монастырскихъ изобидитъ*—говорится въ грамотѣ вологодскаго князя Андрея Васильевича Кириллову мон.—*изъ моя вѣтчины князя Андрея Васильевича моихъ людей, разбоємъ и грабежемъ и татбами, или какими иными дѣлы обидными, и язь князь пожаловалъ есмь, велѣлъ на тѣхъ людей, по своей грамотѣ, срочные наметывать во всей своей вѣтчинѣ предъ оубъ князя»* (А. Э. т. I, № 55, 1455 г.; Доп. къ А. И. т. I, № № 193, 1451 г.; 196, 1455 г.; 203, 1471 г.). Сроки тѣсно связаны были съ отдачею на поруки; а потому, гдѣ говорится о срокахъ, тамъ само собою должно разумѣть и существованіе порукъ. Когда стали употреблять въ видѣ мѣры предупрежденія отдачу за пристава и содержаніе въ тюрьмѣ, когда обыскъ и пытка сдѣлались главными способами открытія и доказательства преступленій, тогда сроки стали неумѣстны, потому что не было нужды назначать обвиняемому срокъ для явки, когда обвиняемый находился за приставомъ, или въ тюрьмѣ. Дѣйствительно, въ грамотахъ слѣдующаго періода о судныхъ срокахъ устанавливаются сроки съ оговоркою. *«На крестьянъ имати приставаго»,* говорится въ одной изъ такихъ грамотъ, 1591 г., *въ управныхъ дѣлахъ, въ какихъ нибудь, отъ разбоя и татбы съ полчинымъ, и тѣ пристава чинятъ имъ два срока въ яду»* (ib № 228). Во всѣхъ до сихъ поръ указанныхъ нами грамотахъ не содержится прямого упоминанія объ употребленіи порукъ въ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ, хотя въ нихъ есть данныя, изъ которыхъ изслѣдователь имѣетъ право сдѣлать положительный выводъ объ употребленіи порукъ въ этихъ случаяхъ. Но есть нѣсколько грамотъ, содержащихъ въ себѣ прямое указаніе, что поруки были обыкновенною мѣрою предупрежденія въ убійствѣ, разбоѣ, грабежѣ и татбѣ. *«А учинитъся, говорится въ грамотѣ 1448—1468 г. бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю, у нихъ душегубство, и намѣстники мои Бѣлозерскіе и ихъ тиуны и доводишники, будутъ душегубецъ въ лицахъ, ино дадутъ душегубца на поруки, на кою молеятъ и за тою порукою поставятъ *)»*

*) Выраженіе «поставятъ его» отнюдь не означаетъ насильнаго представленія обвиняемаго приставомъ въ судъ; это общее выраженіе какъ для дѣлъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, означающее только, что явка въ судъ была въ завѣдываніи пристава.

его *предо мною княземъ* (Доп. къ А. И. т. I, № 189.) «*А мучится татба и разбой съ поличнымъ*, говорится въ другой грамотѣ 1465 г. дмитровскаго князя митрополиту Филиппу, и *волостели мои дадутъ своихъ приставовъ да велѣтъ дати обоимъ исцовъ на поруку, да поставятъ съ поличнымъ предо мною княземъ*. (А. Э. т. I, № 1465; подобная же гр. № 99, 1473 г.; А. И. т. I, № 119, 1514 г.; Доп. къ А. И. т. I, № 17, 1479 г.). То же самое устанавливается и въ договорной грамотѣ 1494 г. великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича съ братомъ его роднымъ Федоромъ Васильевичемъ: «*А въ городъ въ Переяславль были, брате, твоему третичику съ моимъ намѣстникомъ съ большимъ въ душегубствѣ и разбой и въ татбѣ съ поличнымъ, и на посадѣ межю моимъ людей и твоихъ людей, и межю чьихъ людей ни буди, ино пристава дасть мой намѣстникъ великаго князя. А прилучится твоего третичика намѣстникъ тую, и окъ съ нимъ идетъ и на поруку дасть; а не прилучится, и пристава моего намѣстника одинъ идетъ безъ твоего третичика пристава на поруку дасть, и поставитъ предъ моимъ намѣстникомъ, и мой намѣстникъ судитъ*» (Госуд. грам. и догов. т. I, № 127). Нужно замѣтить, что законодательные памятники, въ которыхъ прямо или косвенно говорится объ отдачѣ на поруки обвиняемыхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, относятся къ XIV и XV стол.; но это нисколько не можетъ поколебать того положенія, что поруки, какъ мѣра предупрежденія, есть древнѣйшее народное учрежденіе, что онѣ ведутъ свое начало раньше возникновенія княжеской власти и были въ употребленіи также до XIV стол., какъ и въ эти два вѣка. Если поруки являются столь сильнымъ учрежденіемъ въ XIV и XV стол., когда уже зарождался иной, неблагоприятный для нихъ порядокъ, то съ полною вѣроятностью мы вправѣ сказать, что онѣ были столь же, если не болѣе, общимъ учрежденіемъ до того, когда господствовала система, вполне имъ гармонирующая.

§ 7. Съ поруками, какъ мѣрою предупрежденія, было тѣсно связано другое учрежденіе, столь же общее и могущественное въ то время, какъ и онѣ: это—*пристава*. Въ этотъ періодъ нашего законодательства слово *пристава* не столько означало названіе одной опредѣленной должности, сколько выражало исполненіе судебной обязанности, и преимущественно отдачу на поруки служилыми лицами, носившими разныя наименованія. Эти служилыя лица, ѣздившія приставами и дававшія на поруки, назывались разными именами: отроками, мечниками, емцами въ Русской Правдѣ (Исслѣд. объ уголовн. правѣ Рус. Правды, Ланге, стр. 73—75), дворянами (Госуд. гр. и дог. т. I, №№ 14, 15; А. Э. т. I, №№ 5, 13, 34, 37), доводчиками (А. Э. т. I, №№ 35, 38, 41, 95, 150, 242, 243; А. И. т. I, №№ 15, 25, 49, 58; Д. къ А. И. т. I, № 17), позвониками и подвойскими (Госуд. гр. и дог. т. I № 20; А. Э. т. I, №№ 13, 58), ходоками, вѣдоками (А. И. т. I, № 14; А. Э. т. I, № 259), а еще позднѣе—недѣльщиками. Имя пристава встрѣчается уже въ XIII стол., преимущественно въ договорныхъ грамотахъ великихъ князей съ Новгородомъ (Госуд. грам. и дог. т. I, № 3, 1270 г.; № 8, 1305 г.). Приставъ былъ неотъемлемою принадлежностью каждаго судьи, признакомъ его самостоятельности и независимости отъ всякаго

другаго судьи. Если судья всылалъ въ область другаго своего пристава, то это означало, что сей другой не имѣлъ права судить или вообще, или нѣкоторыхъ только дѣлъ. Въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ великими князьями постоянно встрѣчаются выраженія: «а приставовъ ти не приставлявати» (Госуд. гр. и дог. т. I, №№ 3, 7, 9); «а приставовъ ти съ низу во всю Новгородскую волость не всылати» (ib. №№ 8, 14, 18, 20). Князья, въ договорныхъ грамотахъ, охраняя независимость своего суда, старались каждый оберегать свой удѣлы отъ вѣзда въ оный пристава другаго князя (Госуд. гр. и дог. т. I, №№ 23, 27, 29, 33, 80, 81). Иногда даже великій князь, раздѣляя свое княжество на удѣлы между своими дѣтьми, завѣщевалъ въ своей духовной дѣтямъ своимъ: «брату въ братень удѣлъ и въ матери своей удѣлъ не възъжати на свою утѣху, ни приставовъ своихъ не всылать брату въ братень удѣлъ, ни судовъ имъ не судити» (ib. № 40). То же самое повторяется и въ жалованныхъ грамотахъ князей разнымъ учрежденіямъ и лицамъ. Выраженія: «а намѣстникомъ, и волостелемъ, на ихъ люди пристава не давати, ни судити, и тѣуномъ и доводчикомъ къ нимъ не възъжати»; или: «и намѣстники и доводчики поборовъ своихъ на нихъ не берутъ, и на поруки ихъ не дають, и не възъжаша къ нимъ ни почто»; или: «намѣстники наши и волостели не судятъ тѣхъ людей и не всылають къ нимъ ни почто, а судитъ ихъ и дворянъ (т. е. приставовъ) дають монастырскій тивунъ»—такія и подобныя имъ выраженія встрѣчаются въ каждой несудимой грамотѣ (А. Э. т. I, №№ 5, 7, 34, 35, 37—39, 75, 95; А. И. т. I, №№ 15, 36, 39, 58; Доп. къ А. И. т. I, № 17). Такимъ образомъ, каждый князь, каждый монастырь, патріархъ, митрополиты, архіереи, общины имѣли своихъ дворянъ, доводчиковъ, или недѣльщиковъ, которые ѣздили приставами въ подсудной имъ области и давали на поруки какъ вообще подсудимыхъ, такъ и въ частности обвиняемыхъ въ преступленіяхъ. Подъ конецъ этого періода, а еще болѣе въ теченіе XVI и первой половинѣ XVII стол., когда общегосударственная власть восторжествовала и получила преобладаніе, сдѣлалось общимъ обычаемъ давать монастырямъ и общинамъ особыхъ приставовъ подъ именемъ *данныхъ приставовъ*, или же запрещалось ѣздить въ чью нибудь отчину другому пристава, кромѣ *дворцового*, или *царскаго*. «И язъ далъ имъ своего пристава данаго Тимошку Нечасва и онъ ихъ (Суздальскаго монастыря людей и крестьянъ и ихъ отвѣтчиковъ) на поруки дасть. А опричь того данаго пристава, по монастырскихъ людей и отъ монастырскихъ людей иные приставы по нихъ съ приставными не пздятъ и на поруки ихъ не дають» (А. Э. т. I, №№ 82, 110, 112, 113, 159, 171, 189; А. И. т. I, №№ 119, 125, 149). Или: «А кто къ нимъ приидеть приставъ мой иной, опричь того моего пристава, и язъ ихъ людей на поруку ся ему давати не велѣлъ» (ib. №№ 149, 217). Или: «А недворцовому пристава по нихъ не пздити; а приидеть по нихъ недворцовый приставъ, и язъ имъ тому пристава на поруку даватись не велѣлъ» (А. И. томъ I, № 137). Такія повелѣнія обыкновенны въ несудимыхъ и уставныхъ грамотахъ. Встрѣ-

чаются жалованные грамоты отдельным лицам на приставство въ отчинахъ какого нибудь монастыря; таковы: грамота Захару Зубову (1466—1478 г.) на приставство въ отчинахъ Сергіева-Троицкаго монастыря (А. Э. т. I, № 82); грамота тремъ придворнымъ пѣвчимъ-дьячкамъ 1551 г. на приставство по тому же монастырю и по монастырямъ къ нему приписаннымъ (А. И. т. I, № 157). Назначеніе особыхъ лицъ подъ именемъ *данныхъ приста-вовъ* вызвано было излишнимъ вмѣшательствомъ служилыхъ людей въ дѣла общины и притѣсненіями, чинимыми первыми послѣднимъ. Крестьяне жалуются, что ихъ деревни запустили отъ намѣстниковъ, тѣнуовъ и ихъ доводчиковъ (А. Э. т. I, № 234); монастыри—что къ нимъ пріѣзжаютъ многіе пристава, недѣльщики дворцовые и всякіе ѣздоки, и на ихъ крестьянъ и на слугъ наметываютъ сроки и ихъ волочатъ. Хотя приставамъ постоянно запрещается брать деньги за отдачу на поруки, *«а отъ поруки ничего не емятъ»*, тѣмъ не менѣе пріѣздъ недѣльщика или завазчика былъ тяжель для крестьянъ: его нужно было кормить, ему слѣдовало заплатить *«хоженое и пѣзъ»*. Потому-то въ уставныхъ грамотахъ мы встрѣчаемъ, во-первыхъ, опредѣленіе, какое число доводчиковъ намѣстникъ или волостель долженъ держать (А. Э. т. I, №№ 123, 150, 181); во-вторыхъ, запрещеніе доводчикамъ долго оставаться въ одномъ мѣстѣ: *«а идѣ доводчикъ ночуетъ, туто ему не обѣдати, а идѣ обѣдаетъ, туто ему не ночевати»* (ib. №№ 123, 150, 181). Такъ какъ лица одной подсудности нерѣдко судились съ лицами другой, и такъ какъ въ этомъ случаѣ судьи двухъ судебныхъ областей судили вмѣстѣ, словомъ, выражаясь техническимъ тогдашнимъ языкомъ, *судъ смѣшивался*, то каждый изъ судей посылалъ своего пристава. По крайней мѣрѣ такъ дѣлалось между князьями и князьями и между князьями и Новгородомъ. *«А безъ моего намѣстника пристава пристава твоего третичка въ душегубствѣ и въ поличномъ на поруки не дати»* (Госуд. грам. и догов. т. I, № 127). *«А ударитъ ми челомъ кто изъ великаго княженъ на москвитянина на твоего боярина, и мнѣ пристава послати на него, а тобѣ послати за своимъ своего боярина»* (ib. № 33, стр. 56, стол. 2). *«А позовъ по волостемъ по новгородскимъ позывати позовникомъ великихъ князей, да новгородскимъ; а въ городѣ позывати князей великихъ подвойскій, а Новгородской подвойской»*. (А. Э. т. I, № 58). Нѣтъ сомнѣнія, что тоже дѣлалось, когда судился монастырскій человѣкъ съ городскимъ и волостнымъ, хотя мы точныхъ объ этомъ опредѣленій въ грамотахъ этого періода и не встрѣчаемъ; но очевидно, что смѣшанный судъ монастырскій, построенный на однихъ и тѣхъ же началахъ съ княжескимъ, не могъ расходиться съ нимъ въ этомъ пунктѣ.

Не менѣе важное значеніе въ институтѣ поруки имѣютъ *сроки*. Отдача на поруки состояла въ томъ, что поручники ручались, что обвиняемый явится въ назначенный срокъ. Въ грамотахъ этого періода говорится о срокахъ тогда, когда рѣчь идетъ объ отдачѣ на поруки къ явкѣ на судъ князя, или намѣстника. Но нѣтъ сомнѣнія, они имѣли примѣненіе на судѣ мѣстномъ, когда крестьянина судилъ какой нибудь вотчинникъ, начальникъ монастыря и т. п.

Въ юридическихъ памятникахъ конца этого періода есть довольно опредѣленій относительно судныхъ сроковъ, хотя болѣе частыя о нихъ постановленія находятся въ законахъ слѣдующаго періода. Чаше всего въ грамотахъ идетъ рѣчь о постоянныхъ срокахъ, т. е. приуроченныхъ къ извѣстнымъ временамъ года. Въ такомъ случаѣ, для явки въ судъ назначался болѣею частью одинъ срокъ въ году, а иногда два; если одинъ, то около или послѣ Крещенья; если же два, то или на Сборное Воскресенье и въ Петровъ день или постъ, или на Крещенье и въ Петровъ день или постъ. «*А прїѣдетъ мой пристава великія князи по тѣ люди по монастырскіе, ино имъ срокъ одинъ въ году, двѣ недѣли по Крещеньи* (А. Э. т. I, № 4). «*А который мой пристава дворцовой по нимъ прїѣдетъ, и онъ имъ пишетъ два срока въ году, зимъ по Крещеньи Христовъ въ той же день, а лѣтъ уювъвъ Петрова ювънья недѣлю; а отърѣчь тѣхъ сроковъ иныхъ сроковъ на нихъ не намѣтываюта; а кто на нихъ накинеть срокъ сильно, не по тѣмъ ихъ срокамъ, и язъ имъ къ тому сроку пѣздити не велѣлъ*» (ib. № 143) «*А который недѣльщикъ дѣстъ ихъ на поруку и срочную на нихъ накинеть сильно, и язъ имъ къ тому сроку пѣздити не велѣлъ*». Жалобы крестьянъ, что на нихъ «*сильно намѣтываюта сроки въ дѣловое время, во весь юдъ въ пашенную пору, и на поруки даюта ихъ по вся дни, да имъ деи продажу чинятъ великую*» (ib. №№ 131, 196), — даютъ ясное указаніе на тѣ причины, которыя побудили законодателя издать постановленія объ опредѣленныхъ срокахъ въ году для явки къ суду. Но это, такъ сказать, причины ближайшія, видимыя и притомъ позднѣйшаго происхожденія, такія, которыя заставляли только подтверждать старое, которое нарушалось. Можно думать, что судные сроки имѣли другое, гораздо древнѣйшее происхожденіе; можно думать, что они связаны съ условіями древнѣйшаго быта славянскихъ племенъ, когда судъ отправлялся народными старѣйшинами, на вѣчахъ, собиравшихся въ опредѣленное въ году время. Судные сроки приняты были и князьями, которые посылали своихъ вирчиковъ для собранія виры, а слѣдовательно и для суда, въ опредѣленное время. Въ договорныхъ грамотахъ князей съ Новгородомъ, этимъ прототипомъ быта и устройства и прочихъ славяно-русскихъ племенъ, постоянно говорится: «*А куда пошло судѣи твоему ездити по волости, ехати имъ межень по Петровъ дни*» (Гос. гр. и дог. т. I, № 2, стр. 3, стол. 2); «*а судѣи слати на Петровъ день, тако пошло*» (ib. № 3, стр. 4, стол. 2). Замѣчательно также совпаденіе времени собранія дани съ судными сроками: въ уставныхъ грамотахъ, хотя довольно поздняго времени, Рождество и Петровъ день назначаются временемъ собранія дани. Если бы, наконецъ, судные сроки были нововведеніе, и притомъ явленіе исключительное, тогда былъ бы непонятенъ смыслъ грамотъ о вольныхъ срокахъ. (Доп. къ А. Н. т. I, № 196; А. Э. т. I, № 55, 1455 г.).

Законодательные памятники этого періода не содержатъ въ себѣ точныхъ и подробныхъ опредѣленій объ отдачѣ на поруки, по крайней мѣрѣ намъ неизвѣстно ни одной обнародованной поручной, относящейся къ этому періоду, которая бы раскрыла подробности отдачи въ это время на поруки. Подробныя правила и опредѣленія объ этомъ относятся къ слѣдующему періоду; поэтому

мы изложимъ ихъ при дальнѣйшемъ изслѣдованіи этой мѣры предупрежденія. Все, что можно сказать относительно порукъ въ этомъ періодѣ, это то, что отданный на поруки обязанъ былъ стать въ назначенный срокъ предъ судьей, — за то и ручались его поручники, — что неявка его влекла для поручниковъ ту же ответственность, которая падала на то лицо, за которое они ручались. Нѣтъ сомнѣнія, что во времена болѣе древнія, когда еще родовой и общинный бытъ былъ очень силенъ, поручительство и незыблемо неявки ручаемаго означало, что поручники берутъ на себя не только ручательство въ явкѣ, но и часть ответственности въ случаѣ обвиненія, такъ какъ въ это время наказаніе было не столько личное и индивидуальное, сколько имущественное и коллективное.

Вѣроятно, пока родовой бытъ сохранялъ полную силу и его духъ проникалъ во все отправленія тогдашней общественной жизни, поруки были единственною мѣрою предупрежденія. Всякій бытъ родовичемъ, всякій принадлежалъ къ извѣстному роду, жилъ его жизнью; всякій, потому, имѣлъ и естественныхъ поручниковъ, которыхъ и интересы, и чувства, и обычаи, и общія опасности, заставляли спѣшить своему на помощь. Но по мѣрѣ того, какъ община осложнялась, по мѣрѣ того, какъ отъ размноженія слабѣли узы крови и сознаніе о единствѣ рода, исчезала и необходимость и вмѣстѣ готовность стоять за чужихъ членовъ. И вотъ мы встрѣчаемъ въ двинской уставной грамотѣ 1398 г., древнѣйшей изъ уставныхъ, слѣдующее выраженіе: *«только челоуька скупють, а не будетъ по немъ поруки.....а чрезъ поруку не ковати»* (А. Э. т. I, № 13, стр. 8, столб. 2-й). *«А кто за порукою, или за приставомъ, тому судъ»* — говорится въ нѣкоторыхъ договорныхъ княжескихъ грамотахъ (Гос. грам. и дог. т. I, № 36, стр. 67, стол. 1; № 115, стр. 252, столб. 2). Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, что уже въ настоящемъ періодѣ, при неимѣніи порукъ, употреблялась отдача за пристава; приведенныя выраженія, какъ ниже будетъ объяснено и доказано, означаютъ мѣру предупрежденія, получившую въ слѣдующихъ періодахъ техническое названіе — *отдача за пристава*. Но какъ видно изъ приведенныхъ выраженій, отдача за пристава не была самостоятелною мѣрою предупрежденія, а только дополнительною, такъ сказ. вынужденною. Такъ какъ она въ нынѣшнемъ періодѣ была только въ зачаточномъ состояніи, и такъ какъ она получила значеніе и юридическую опредѣленность въ слѣдующихъ двухъ періодахъ, то подробное объясненіе ея мы переносимъ въ слѣдующую главу.

Итакъ, вотъ результатъ, къ которому мы пришли при изслѣдованіи вопроса о томъ, какая мѣра предупрежденія и почему была принимаема въ первый періодъ нашего уголовного права и судопроизводства:

а) Такъ какъ въ этомъ періодѣ имѣла огромную силу община, сначала вполне естественная — родовая, а потомъ нѣсколько искусственная, въ которую стали входить и чуждые роду члены;

б) такъ какъ преступленіе, по понятіямъ русскихъ славянъ того времени, считалось только обидой;

в) такъ какъ цѣль наказанія въ этомъ періодѣ направлена была на изу-

щественное и денежное вознагражденіе, и наказаніе не имѣло, да и не могло имѣть, личнаго характера;

г) такъ какъ общегосударственная власть этого времени являлась уголовнымъ судьей, только съ характеромъ посредника и для того, чтобы блюсти свой прибытокъ;

д) такъ какъ вслѣдствіе ея слабости, скудости ея средствъ и полувотчиннаго, полубообщественнаго ея характера, она не могла, да и не обнаруживала еще стремленія, дѣятельно, самостоятельно и независимо вести судъ, важнѣйшія части котораго отправляла могущественная въ то время община,—

то другая мѣра предупрежденія, кромѣ порукъ, не могла имѣть первоначально мѣста; поруки-же были вполне гармонирующимъ тогдашнему быту учрежденіемъ, вполне удовлетворяющимъ его потребностямъ. Развитіе въ слѣдующемъ періодѣ новыхъ силъ, которыя были теперь или въ зародышѣ или въ состояніи малаго развитія и слабости, должно было подорвать корни господства порукъ и выдвинуть на сцену другую мѣру предупрежденія, имѣ соответствующую. Изслѣдованіе этого составляетъ предметъ слѣдующей главы.

ГЛАВА II.

Время Судебниковъ.

§ 8. Общій характеръ уголовного суда—соединеніе его въ лицѣ великихъ князей и потомъ царей московскихъ.

§ 9. Обыскъ и пытка какъ проявленія государственнаго характера уголовного суда; возникновеніе слѣдственнаго процесса.

§ 10. Преступленіе считается зломъ общественнымъ, а наказаніе распределяется не по расчетамъ обиженной стороны, а по расчетамъ государственнымъ.

§ 11. Совмѣстное существованіе и дѣйствіе двухъ системъ уголовного права: старой и новой, и границы дѣйствія той и другой.

§ 12. Примѣненіе и соответствіе этихъ системамъ двухъ мѣръ предупрежденія: отдачи за пристава и отдачи на поруки; свойство первой и случаи ея примѣненія.

§ 13. Сущность отдачи на поруки; случаи ихъ примѣненія; особые виды порукъ.

§ 14. Сроки и пристава; общій выводъ.

§ 8. Изданіе обонхъ Судебниковъ, 1497 г. и 1550 г., учрежденіе губныхъ старостъ и изданіе губныхъ грамотъ—вносятъ новыя начала въ наше уголовное право и судопроизводство и потому составляютъ грань для новаго періода. Въ нихъ же ясно обозначается и новый періодъ въ исторіи мѣръ предупрежденія.

Появленіе этихъ памятниковъ есть выраженіе усиленія общегосударственной власти, въ лицѣ великихъ князей, а потомъ царей московскихъ, и признаковъ объединенія какъ въ политическомъ, такъ и въ судебномъ отношеніи земли русской. Оно совпадаетъ съ окончательнымъ паденіемъ удѣльной системы и великаго Новгорода. Съ этихъ поръ въ области уголовного права мы уже находимъ окончательно сложившееся понятіе преступленія и наказанія въ нынѣшнемъ смыслѣ; въ области уголовного судопроизводства государство является не посредникомъ только, но такъ сказ. стороною, преслѣдующею общегосударственные интересы, и потому изобрѣвшею новыя способы открытія преступленій; къ прежней мѣрѣ предупрежденія присоединяется другая—отдача за пристава, въ характерѣ которой также проявляется торжество государственнаго начала надъ частнымъ.

Правда, и въ XVI и XVII ст. цари продолжали давать несудимыя грамоты разнымъ учрежденіямъ и даже лицамъ. Но, во-первыхъ, эти грамоты исходятъ, главнымъ образомъ, отъ одной власти—великихъ князей и потомъ царей московскихъ; во-вторыхъ, несудимость не распространяется на три преступленія: убійство, разбой и татьбу; въ-третьихъ, виды этихъ трехъ преступленій умножаются. Во второмъ Судебникѣ, кромѣ того, даже содержится прямое отреченіе отъ прежней системы раздачи права судить самыя тяжкія преступленія: *«А тарханыхъ грамотъ впередъ не давати никому, а старая поимати у всѣхъ»* (ст. 43). Наконецъ, къ этому времени относится окончательное образованіе понятія о государственныхъ преступленіяхъ, судъ надъ которыми, по самому ихъ свойству, не могъ быть предоставленъ монастырямъ или другимъ учрежденіямъ. Такимъ образомъ, въ самыхъ такъ называемыхъ несудимыхъ грамотахъ мы видимъ успѣхи объединенія уголовного суда.

Въ предыдущемъ періодѣ, какъ выше было показано, уголовный судъ былъ раздробленъ и раздѣленъ между князьями и разными учрежденіями и лицами, какъ вотчинниками извѣстной области или земли съ населеніемъ. Теперь, съ соединеніемъ всѣхъ удѣльныхъ земель подъ властью царей московскихъ, съ сосредоточеніемъ общегосударственной власти въ ихъ лицѣ, уголовный судъ соединяется и централизуется. Независимо отъ лица единого царя, сосредоточеніе это главнымъ образомъ выразилось въ учрежденіи губныхъ старостъ и образованіи разбойнаго приказа.

Обыкновенно смотрятъ на губныхъ старостъ какъ на предоставленіе отправления уголовного суда народу, какъ на возстановленіе старинныхъ его правъ самоуправленія. Но кажется, что учрежденіе губныхъ старостъ и губная юстиція означаютъ успѣхи и торжество скорѣе общегосударственной власти, чѣмъ самоуправления народнаго. Извѣстно, что и до учрежденія губныхъ старостъ народъ принималъ самое непосредственное участіе въ отправленіи уголовного суда,—чему служатъ доказательствомъ не только уставныя княжескія и монастырскія грамоты, но и способъ отправленія уголовного суда княжескими намістниками, волостелями и ихъ тиунами (См. Θ. Дмитріева, «Исторія судебныхъ инстанцій», стр. 8 — 9). Учредивъ губныхъ старостъ, царская власть

только воспользовалась силами народа для достиженія общегосударственной цѣли — преслѣдованія преступленій. Губа и губные старосты и цѣловальники получаютъ не право только отправлять уголовный судъ, какъ получали его прежде разныя учрежденія, а на нихъ возлагается обязанность, подѣ страхомъ тяжкаго наказанія, преслѣдовать и карать преступниковъ.

Тогда какъ прежде грамоты на право отправленія уголовного суда давались отдѣльному учрежденію, и это учрежденіе, соблюдая свои экономическіе интересы, старалось сосредоточить этотъ судъ въ своей области и охранить его отъ чуждаго вторженія и вмѣшательства, какъ бы оно ни было теоретически справедливо, — губныя грамоты даются всему населенію извѣстнаго уѣзда, города, посада, безъ различія вѣдомствъ, званія, подсудности. *«Отъ великаго князя въ бѣлозерскій уездъ»* (такъ начинается бѣлозерская губная грамота) *«княземъ и дѣтемъ боярскимъ, отчинникомъ и помѣщикомъ, и вѣмъ служилымъ людемъ, и старостамъ, сотикамъ и десятичикамъ, и вѣмъ крестьяномъ моимъ великаго князя, митрополичимъ и владычичимъ, княжичимъ и боярскимъ и помѣщичиковымъ, и чернымъ, и писаремъ, и осочнымъ, и перевозникомъ, и бортникомъ, и рыболовомъ, и бобровникомъ, и вѣмъ безомѣны, чей кто нибудь»*. По этимъ грамотамъ, выборъ губныхъ старостъ и цѣловальниковъ, производится лицами вѣхъ сословій: *«межъ собя свѣстясъ всѣ за одинъ»*. Равнымъ образомъ предписывается производить повальный обыскъ и брать преступниковъ вѣмъ міромъ: *«свѣстясъ вѣмъ за одинъ»*, *«и они вѣдомаго душегубца поймаютъ вѣмъ посадомъ»* (А. Э. т. I, № 234, стр. 235, стол. 2-й); *«и выборнымъ судьямъ сыскивати того вѣми людьми впряду»* (ib. № 257, стр. 280, стол. 2-й); *«и вы-бѣ всѣ за одинъ за тѣми разбойники пѣдили»* (ib. № 187, стр. 164, стол. 2-й).

§ 9. Въ прежнемъ періодѣ изысканіе и открытіе преступленій составляло дѣло скорѣ частныхъ лицъ, обиженной стороны, чѣмъ дѣло власти, которая главнымъ образомъ сосредоточивала свое вниманіе на охраненіи своихъ денежныхъ интересовъ въ дѣлѣ уголовной юстиціи. Судебники и губныя грамоты вводятъ обыскъ, какъ мѣру государственную, для открытія преступленій. Нѣтъ сомнѣнія, обыскъ былъ извѣстенъ и до этого времени; выраженіе грамотъ предыдущаго періода: *«доищутца, а не доищутца»* — положительно это доказываютъ. Но не можетъ быть также сомнѣнія, что обыскъ до этого времени былъ внутреннимъ дѣломъ каждой общины, и что власть не была заинтересована ни способомъ его веденія, ни его исходомъ: *«не доищутца, вѣры 4 руб.»* — самое обыкновенное выраженіе этихъ грамотъ, показывающее, въ какой малой степени власть была заинтересована открытіемъ преступленій. Въ рассматриваемый же нами періодъ общегосударственная власть пользуется обыскомъ для отысканія преступниковъ и уже не допускаетъ слова *не доищутся* въ прежнемъ смыслѣ; если она и признаетъ возможнымъ не доискаться преступника, то уже въ томъ смыслѣ, что преступника и не было, а смерть послѣдовала отъ силъ природы. Въ великокняжескомъ Судебникѣ 1497 г. говорится объ обыскѣ уже въ смыслѣ новомъ. Подробное же развитіе этого учрежденія изложено въ губныхъ грамотахъ

были, такъ сказать, дѣломъ дочинимъ тяжущихся; власть относилась къ нимъ какъ посредникъ, наблюдающій за исполненіемъ обычныхъ формальностей. Но когда государственная власть усилилась, она захотѣла воспользоваться этими способами для своихъ цѣлей: употребить волю, огонь и другіе элементы, производящіе боль, какъ орудія вынужденія признанія въ преступленіи, т. е. опять таки тѣ средства, которыя до сихъ поръ употреблялись добровольно тяжущимися, власть признала необходимыми взять въ свои руки и стала направлять ихъ къ определенной цѣли по своему усмотрѣнію, тогда какъ направленіе ихъ до сихъ поръ предоставлено было случаю.

До введенія обыска и пытки и гражданскія дѣла и уголовныя преступленія судились по однимъ формамъ, и для тѣхъ и другихъ существовалъ одинъ видъ судопроизводства—обвинительнаго. Съ обыска и пытки начинается судопроизводство слѣдственное, которое въслѣдствіи получило такое обширное развитіе въ нашемъ законодательствѣ и составило специальную форму суда для преступленій. Съ этого же времени ведетъ свое начало *отдача за пристава*; уже не какъ замѣняющая другую мѣру предупрежденія, а какъ самостоятельная.

§ 10. Въ области уголовнаго права въ это время также обозначались новыя начала. Преступленіе представляется въ этихъ законодательныхъ памятникахъ уже не обидою, а зломъ, задѣвающимъ болѣе чѣмъ интересы частныхъ лицъ: оно уже считается зломъ государственнымъ. Поэтому, противодѣйствіе ему, какъ выше было показано, причислено было къ разряду государственныхъ обязанностей; поэтому и возмездіе за преступленіе или наказаніе поставлено было выше расчетовъ частныхъ лицъ, пострадавшихъ отъ преступленія. Въмѣсто наказаній имущественныхъ, казни вирами и продажами, заступаютъ наказанія личныя: тѣлесныя, или смертная казнь. Правда, наказанія, направленные противъ лица преступника, его тѣла, жизни, мы встрѣчаемъ, не говоря уже объ убійствѣ въ видѣ мести, очень рано, даже въ Русской Правдѣ, въ такъ называемомъ потоцѣ и разграбленіи, въ уставной двинской грамотѣ конца XIV ст. въ видѣ смертной казни, въ отдѣльныхъ случаяхъ казни преступниковъ; словомъ, нельзя отвергать того факта, что элементы наказанія въ нынѣшнемъ смыслѣ слова являются при господствѣ прежней системы. Но это нисколько не опровергаетъ нашей главной мысли, состоящей въ томъ, что только со времени Судебниковъ и губныхъ грамотъ наказаніе стало подчиняться, главнымъ образомъ, соображеніямъ государственнымъ, превратилось, словомъ, въ дѣло общегосударственное, тогда какъ оно до того времени распределялось по расчетамъ частныхъ лицъ,—чему служить доказательствомъ мѣсть,—по расчетамъ той или другой общины, того или другаго учрежденія. Неоспоримо то, что самые тяжкіе преступники: убійцы, разбойники, поджигатели, воры,—въ предыдущемъ періодѣ выдавались головою пострадавшему отъ нихъ преступленія, если они не были въ состояніи заплатить *исцовы иски*, т. е. вознагражденіе за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ. Это доказывается какъ прямыми словами законодательныхъ памятниковъ даже этого періода, такъ и выводомъ изъ противоположнаго. Въ судовомъ спискѣ 1503 г. дѣла о поджогахъ Жукъ, показавшій на судѣ, что: *«уръахъ мой по мнѣ при-*

шелъ, ту есми, господине, деревню монастырскую Ильинскую сжогъ съ житомъ и съ животомъ»,—выданъ былъ головою до искупа (А. Ю. 1838 г., № 10). Во 2-мъ Судебникѣ за первое воровство виновный выдается головою на правѣжъ до искупа; правда, выдачу эту предписывается производить послѣ торговой казни, но послѣдняя, очевидно, нововведеніе, неизвѣстное первому періоду, какъ можно думать, судя по дѣлу Жука. Выводъ же о существованіи всеобщаго обычая выдавать истцу головою самыхъ тяжкихъ преступниковъ мы дѣлаемъ на основаніи слѣдующихъ словъ 2-го Судебника: *«А не будетъ у котораго лихою статка, чѣмъ исцего заплатити, и боярину лихою истцу въ его гибели не выдати, а велѣти его казнити смертною казнію»* (А. Э. т. I, № 105). Очевидно, что запрещеніе это—есть запрещеніе бывшаго прежде во всеобщемъ употребленіи обычая. Итакъ, въ этомъ періодѣ торжество общегосударственной власти выразилось въ отмѣнѣ выдачи головою до искупа тяжкихъ преступниковъ лицу, пострадавшему отъ ихъ преступленія, т. е. выразилось въ подчиненіи частныхъ интересовъ общегосударственному. Не менѣе знаменательнымъ и выразительнымъ въ историческомъ развитіи понятія преступленія является опредѣленіе, въ законодательныхъ памятникахъ предыдущаго періода, что такое поличное и самосудъ, и исчезновеніе этихъ опредѣленій изъ разсматриваемыхъ нами памятниковъ этого періода. Опредѣленіе самосуда приведено нами выше. А поличное опредѣляется такъ: *«А поличное то, что вымрутъ изъ клѣтки, изъ за замка; а найдутъ, что во дворъ или въ пустой тороминъ, а не за замкомъ, ино то не поличное»* (А. Э. т. I, №№ 123, 143, 150, 181). Это-то слишкомъ условное и узкое опредѣленіе поличнаго и не встрѣчается въ губныхъ грамотахъ и Судебникахъ; напротивъ, въ губныхъ и въ уставныхъ грамотахъ повелѣвается брать и безъ поличнаго, особенно вѣдомыхъ разбойниковъ (А. Э. т. II, № 52), а о самосудѣ въ этихъ законахъ не могло быть и рѣчи, какъ явленіи совершенно противоположномъ той цѣли, которой государственная власть изданіемъ ихъ стремилась достигнуть.

§ 11. Если бы мы ограничились изложенною характеристикой новыхъ началъ, внесенныхъ обоими Судебниками и губными грамотами въ наше уголовное право и судопроизводство, то мы сообщили бы самое невѣрное понятіе о состояніи и характерѣ этихъ областей нашего права за данный, разсматриваемый нами періодъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ остались бы непонятными и многія явленія въ исторіи мѣръ предупрежденія въ настоящій періодъ. Дѣло въ томъ, что вышеизложенныя начала выражаютъ собою только одну сторону нашего тогдашняго уголовного права и судопроизводства, служатъ основаніемъ новой системы, созданной усиленіемъ и значительнымъ объединеніемъ общегосударственной власти и сознаниемъ ея общественныхъ обязанностей. Но усиленіе общегосударственной власти не выросло вдругъ и потому не могло повлечь за собою мгновенное разрушеніе прежнихъ началъ и прежней системы уголовного законодательства. Напротивъ, будучи само продуктомъ постепенныхъ бытовыхъ и государственныхъ перемѣнъ, а не принциповъ готовыхъ, выработанныхъ и строго проведенныхъ въ короткое время, оно легко уживалось съ старою систе-

ною предыдущаго періода. Отсюда-то и происходит то, что уголовное право періода Судебниковъ сложилось изъ двухъ системъ: изъ изложенной новей, проникнутой новыми началами, и изъ старой, которая въ большей части сохранила начала перваго періода. Новая система уголовного права и судопроизводства служила выраженіемъ восторжествовавшаго общегосударственнаго элемента и была основана на обязательномъ слѣдственномъ началѣ; старая представляла собою силу частныхъ интересовъ и держалась на обвинительномъ, такъ сказать добровольномъ началѣ; судопроизводство старой системы можно назвать *судомъ*, какъ оно въ самомъ дѣлѣ въ законодательныхъ памятникахъ и называется, судопроизводство же новой системы мы вправѣ назвать *обыскомъ*.

Замѣчательно, что на ряду съ губными грамотами, которыми такъ энергически заявила себя окрѣпшая общегосударственная власть, на ряду съ уставными грамотами, которыя около времени появленія губныхъ дѣлаются болѣе и болѣе съ ними схожими, мы встрѣчаемъ, въ теченіе всего XVI и даже въ первой половинѣ XVII столѣтія, разныхъ наименованій грамоты, которыя по своему характеру проникнуты отъ начала до конца духомъ старой системы, системы слабого развитія общегосударственной власти и господства обвинительнаго судопроизводства (А. И. т. I, №№ 137, 147, 178; т. II, 347; т. III, 76, 129; IV, 214; А. Э. т. I, № 324). Сами оба Судебника,—особенно это характерно во второмъ,—служатъ выраженіемъ обѣихъ системъ. Такъ, можно положительно сказать, что въ первыхъ 51 статьѣ Судебника 1550 г. изложены правила старой системы уголовного права и судопроизводства. Въ обомъ Судебникахъ излагаются правила поединка, какъ способа доказательства и отырытія не только такихъ преступленій, какъ бой (побои), лай (оскорбленіе ругательными словами), но и такихъ какъ воровство, грабежъ, разбой, поджогъ, убійство: «*А побьются на полъ въ пожечь, или въ душегубство, или въ разбой, или въ татьбу*» (ст. 12); «*А въ грабежъ судъ*» (ст. 25). Мы знаемъ, что по Судебникамъ убійцы, разбойники, поджигатели наказывались смертною казнью, когда виновность ихъ была доказана обыскомъ. А между тѣмъ, обвиняемые въ тѣхъ же преступленіяхъ, виновность которыхъ доказана была посредствомъ поединка, не подлежали этой казни. О нихъ говорится—въ первомъ Судебникѣ: «*а самъ убитой* (т. е. оставшійся побѣжденнымъ) *въ казни и продажъ боярину и діаку*» (А. И. т. I, № 105, въ статьѣ о полевыхъ пошлинахъ); во второмъ: «*а убитаго дать на поруки, какъ его государь попытаетъ, ино его поставити предъ государемъ*» (ст. 12). Отъ временъ, когда былъ уже въ дѣйствиіи обыскъ, мы имѣемъ обнародованные судные списки дѣлъ, изъ коихъ видно, что обвиняемые въ поджогъ и убійствѣ судились судомъ, а не обыскомъ, т. е. по правиламъ стараго обвинительнаго, а не новаго слѣдственного судопроизводства (Акты Юрид. изд. Ар. Ком. 1838 г., № № 10 и 17). Правда, обнародованные судные списки слишкомъ скудны и малочисленны; но это доказываетъ только скудость нашей археографіи, но не можетъ помешать защищаемой нами истинѣ. Наконецъ, обнародованные мировые по такимъ преступленіямъ, какъ убійство, грабежъ и татьба, подтверждаютъ

тотъ фактъ, что объ руку съ новой системою уголовного суда и права долго существовала старая система, господствовавшая въ предыдущемъ періодѣ.

Трудно и едвали возможно во всей точности опредѣлить границу той и другой системы уголовного права и судопроизводства, такъ какъ объ онѣ переходили одна въ другую и взаимно переплетались. Можно однакожъ сказать, не рискуя впасть въ ошибку, что первоначально не было твердыхъ границъ, какъ потому, что объ эти системы были тѣсно связаны съ извѣстнымъ судостроительствомъ, которое объединялось очень медленно, такъ и потому, что въ это время, при еще недостаточномъ развитіи умѣнья издавать проникнутые одними началами законы, при нѣкоторой слабости правительственныхъ органовъ, новый порядокъ прививался медленно, а старый соответственно тому не вдругъ падать и уступалъ первому полѣ господства.

Изъ поводовъ, по которымъ изданы были губныя грамоты, вполне очевидно, что обыскъ первоначально направленъ былъ противъ тѣхъ преступниковъ, которые занимались разбоемъ и воровствомъ, какъ ремесломъ, или, выражаясь технически, противъ *вѣдомыхъ лихихъ людей*. Это вполне подтверждается и тѣмъ, что смертная казнь назначалась разбойникамъ и ворами главнымъ образомъ тогда, когда обыскные люди засвидѣтельствуютъ, что обвиняемый — *вѣдомый лихой человекъ*. Но разъ введенная мѣра, выражающая притомъ знамя и стремленія быстро развивавшейся общегосударственной власти, не могла остаться въ одномъ и томъ же положеніи. Сами тогдашнія общественныя группы и частныя лица вѣроятно спѣшили ею воспользоваться. *«Шлются съ суда на обыскъ, и посылаютъ въ обыскъ, и въ обыскныхъ многие люди мѣютъ семьями и заговоры, иные говорятъ по ищень, иные по отъищичькѣ»*. *«А которые ищень и отъищичьки тяжутся предъ бояры и во вѣсехъ приказныхъ, и шлются въ обыскъ на многие люди безгизменно»*. (А. Н. т. I, № 154, V, ст. 1, 3). Разширеніе области примѣненія обыска шло такъ быстро, что скоро стали примѣнять его и въ гражданскихъ дѣлахъ. Итакъ, назначеніе въ извѣстномъ случаѣ обыска зависѣло не только отъ усмотрѣнія судей, но и тяжущихся, и слѣдовательно, по одному дѣлу обыскъ производился, по другому же, совершенно однородному, обыска не было; а изъ этого очевидно, что первоначальное прижизненіе обыска было дѣломъ болѣе факта, чѣмъ строгихъ юридическихъ опредѣленій.

Форма суда или обвинительный порядокъ судопроизводства примѣнялись въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) *«А приведутъ кого съ поличнымъ впервые, ино его судити, да послати про него обыскивати... А скажутъ въ обыску, что онъ добрый человекъ, ино оного вершити по суду»* (Судеб. 1550 г., изд. Тат., ст. 52; А. Э. т. I, № 257). 2) *«А на кого взмолвятъ дѣти боярскіе человекъ 10, или 15 добрыхъ, или черныхъ людей добрыхъ крестьянъ и цѣловальниковъ человекъ 15 или 20 по крестному цѣлованію, что онъ тать, а довода на него преажнихъ дѣлъ не будетъ и кого красть, или татбу прѣималъ, ино на того судъ, а по суду чего доведется»* (Тотъ же Суд. ст. 58). 3) *«А пошлются въ судъ ищень или отъищичь въ службу или въ обыскъ и въ видѣніе и въ вѣдомо не на многихъ людей, человекъ на 5 или на 6 и манно, а про-*

тѣмъ того пошлется въ послушество, а вприти (въ сводномъ сен. спискѣ: вѣдати) будетъ тѣмъ людямъ не мочно; и тѣми людьми не обыскивати, а вершити дѣло по суду и по дѣлу, что положено на судъ» (А. И. т. I, № 154; Допол. ук. къ Судебн. V, ст. 7). 4) «Взыщеть кто великихъ грабежовъ... и имъ въ томъ потому жъ сыскивати на крѣпко, а чего сыскъ не имѣтъ, и имъ въ томъ потому жъ присуживати цѣлованье съ жеребья. А кто взыщеть пожеги или душегубства, или розбоя, или татбы..... а волостнымъ людямъ про то будетъ сыскати не мочно, и имъ въ тѣхъ дѣлахъ присуживати цѣлованья съ жеребья» (А. Э. т. I, № 257).—Итакъ, формою суда судились: а) тѣ обвиняемые, приводимые съ полиціею въ первый разъ, про которыхъ обыскныя скажутъ, что они добрые люди; б) тѣ, которыхъ назоветъ татями небольшое число людей, не болѣе 20, а довода въ татѣвѣ не представитъ; в) тѣ, которыхъ обвиняють ссылкой именно на 5-ть и 6-ть чело-вѣкъ, которымъ почему нибудь вѣрить было не возможно; г) и наконецъ тѣ, преступленіе которыхъ не было открыто сыскомъ, или не могло быть открыто, или противъ которыхъ была подана жалоба, но не послѣдовало просьбы объ обыскѣ. Изъ вышесказаннаго очевидно, что иногда обыскъ переходилъ въ судъ, а иногда судъ въ обыскъ. Нѣтъ сомнѣнія, что производство уголовныхъ дѣлъ слѣдственной или обвинительною формою, исключительно ли судомъ, или исклю-чительно обыскомъ, или смѣшанною формою, зависѣло отъ свойства самаго преступленія, отъ обстоятельствъ его сопровождавшихъ, отъ желанія и доказа-тельствъ обвинителя и отъ личности обвиняемаго. Обвиненіе въ тяжкомъ пре-ступленіи не всегда влекло обыскъ и пытку; съ другой стороны, даже въ граж-данскихъ дѣлахъ употреблялся обыскъ. Такимъ образомъ, какъ прежде слово *судъ* не обозначало собою только судъ гражданскій, а и уголовный, такъ теперь обыскъ не былъ равнозначителенъ съ словомъ *уголовный судъ*, въ нашемъ смыслѣ слова. Одно только можно сказать, что обыскъ былъ полнымъ выраженіемъ крѣпнув-шей государственности, что онъ болѣе приличествовалъ уголовнымъ дѣламъ и къ нимъ часто примѣнялся, и что введеніе его тѣсно связано было съ перемѣ-нами относительно мѣръ предупрежденія.

§ 12. Въ связи съ изложенными двумя системами уголовного права и су-допроизводства, совмѣстно существовавшими и дѣйствовавшими въ этомъ періо-дѣ, находились и два вида мѣръ предупрежденія: системѣ слѣдственного судопроизводства и уголовно-общественнаго права соотвѣтствовала *отдача за при-става*; съ системою обвинительнаго судопроизводства и частно-уголовнаго права тѣсно связана была *отдача на поруки*. Конечно, указавши на это соотвѣт-ствіе, мы не хотимъ сказать этимъ, чтобъ оно было абсолютное, недопускавшее исключеній; напротивъ, нѣтъ сомнѣнія, что при производствѣ дѣлъ по формѣ слѣдственной допускались поруки, и наоборотъ—отдача за пристава примѣнялась въ производствѣ формою суда. Притомъ же, такъ какъ развитіе и воплощеніе новой слѣдственной системы совершалось столько же путемъ закона, сколько и путемъ практики, и такъ какъ она выразилась въ самомъ законодательствѣ не вѣрнѣе въ томъ строинѣ, строго опредѣленномъ и выведенномъ логически изъ

однихъ началъ видѣ, въ какомъ обыкновенно являются новѣйшія законодательныя системы, то, очевидно, и соответствовавшая ей мѣра предупрежденія—отдача за пристава—какъ нововведеніе не могла быть примѣняема всегда и вездѣ, въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ, съ строгою опредѣленностью и послѣдовательностью.

Подобно тому, какъ окрѣпившая общегосударственная власть не довольствовалась прежними понятіями о преступленіи, прежнею системою наказаній, и старыми правилами судопроизводства, а создала новые порядки, выражавшіе идею общаго—созпаніе необходимости энергической государственной дѣятельности,—она соответственно тому выдвинула и новую мѣру предупрежденія—отдачу за пристава, мѣру, болѣе стѣснительную и энергическую, чѣмъ поруки. Въ законодательныхъ памятникахъ предыдущаго періода, когда рѣчь идетъ о способахъ, которыми обезпечивается явка въ судъ, постоянно употребляются выраженія: *дастъ пристава, пристава пздитъ и на поруки дасть, дать на поруки и велѣтъ поставить предъ нами*. Въ законодательныхъ памятникахъ этого періода, кромѣ того, встрѣчаются такія выраженія: *«и вы бѣ тѣхъ розбойниковъ въдомыхъ межъ собою имали да обыскивали ихъ, и доведчи на нихъ и пытали на крѣпко»; «и вы бѣ всѣ за одинъ за тѣми розбойниками пздили и имали ихъ безпечно»; «котораго татя поймаютъ и приведутъ къ вамъ»; «а кто у нихъ взорвется . . . и они того лихого поймавъ, да отдадутъ своимъ излюбленнымъ головамъ»*. Такимъ образомъ, задержаніе, взятіе, поимка, приводъ,—вотъ первое дѣйствіе, которое въ слѣдственномъ судопроизводствѣ предшествовало разсматриваемой мѣрѣ предупрежденія. Правда, о задержаніи и приводѣ вора упоминается еще въ Русской Правдѣ (изд. Капачова, спб. Акад. ст. 38), когда господствовало во всей силѣ обвинительное судопроизводство; но, во первыхъ, тамъ они являются исключительно дѣломъ частнаго лица-домохозяина, а не лицъ, дѣйствующихъ по должности; во-вторыхъ, какъ исключительный случай, онъ не могъ повторяться часто.

Въ чемъ же собственно состояла отдача или, лучше, содержаніе за пристава? Чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ, мы приведемъ подлинныя выраженія законодательныхъ памятниковъ, которыя касаются этого вопроса, и затѣмъ сдѣлаемъ изъ нихъ выводъ. Въ первомъ и во второмъ Судебникахъ говорится: *«А пошлютъ котораго недѣльщика по татей и розбойниковъ, и ему татей и розбойниковъ имати безхитростно, а не наровити ему никому; а изымавъ ему татя, не отпустити, ни посула взяти; а опришныхъ ему людей не имати. А у котораго недѣльщика сидятъ тати. . . »*. *«А не явя тѣхъ людей, сказано въ Судебникѣ 1550 г., по коимъ поруки нѣтъ, судейскимъ людямъ къ себѣ не сводити и у себя ихъ не ковати... а кого... не явя... къ себѣ сведутъ, да у себя куютъ,... и у кого вымутъ градскаго или волостнаго челоука скована, а имъ не явленна»* (ст. 70). *«А желѣзною, говорится въ уставной двинской грамотѣ, четыре бѣлки, только челоука скуютъ, а не будетъ по немъ поруки»* (А. Э. т. I, № 13). Иванъ Ягановъ, взятый за доносъ, въ своей челобитной 1533 г. пишетъ: *«И нынѣ, государь,*

того сына боярскаго Якоза Мещерина и меня и моего человека, велѣти поковать и въ заточенье посадити и муку чинили желѣзную, какъ надѣлихми измѣнники и разбойники... А сижу, государь, у третьяго пристава, въ великой нужной крепости» (А. И. т. I, № 136). Въ поручной записи по недѣльщикъ 1568 г. говорится: «И ему колодникомъ не нировити» или ею небреженьемъ колодникъ убѣжитъ» (А. Юр. 1838 г., № 289); а въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику 1645—1648 г. сказано: «Тать Филько Роговъ винился и сказалъ: сидячи онъ въ земскомъ приказѣ за приставомъ, изъ за пристава ходилъ красть по ночамъ» (А. И. т. IV ст. VIII). Итакъ, очевидно, что отдача за пристава или сидѣнье за приставомъ состояло въ полномъ лишеніи свободы; сидѣвшіе у пристава были сковываемы, не только тогда, когда они были отдаваемы за пристава, какъ обвиняемые въ тяжкихъ преступленіяхъ, но и тогда, когда они терпѣли эту мѣру предупрежденія за неимѣніемъ порукъ: *а чрезъ поруку не ковати*. Можно думать, что сидѣвшіе за приставомъ мало того, что были заключаемы въ оковы, но въ то же время были забиваемы или сажаемы въ колоду, отъ чего произошло и слово колодникъ, которое, какъ и самое сажаніе въ колоду, очень долго держалось въ практикѣ и въ нашей юридической терминологіи. Нельзя опредѣленно сказать, въ какомъ помѣщеніи содержались отданные за пристава. Сидѣли ли они въ дворѣ или домѣ недѣльщика (какъ можно думать, если принимать слова Судебниковъ: «А у котораго недѣльщика сидятъ тати», «а кого не явя къ себѣ сведутъ да у себя куютъ»,—въ прямомъ, буквальный смыслѣ, или они содержались въ губной, земской избѣ, Земскомъ или Разбойномъ приказахъ, словомъ, въ помѣщеніи того суда, въ которомъ они судились, состоя только подъ надзоромъ и на отвѣтственности того пристава, за которымъ они считались,—какое заключеніе можно вывести изъ слѣдующихъ словъ дополнительныхъ статей къ Судебнику, составленныхъ въ XVII стол.: *сидячи онъ въ земскомъ приказѣ за приставомъ*. Нельзя ли предположить, что первоначально въ XVI стол., когда жизнь была проста и общественная служба еще носила отчасти печать частныхъ отношеній, отданные за пристава дѣйствительно содержались во дворѣ же пристава, и что эти послѣдніе, не имѣвшіе хорошихъ помѣщеній, стѣны которыхъ противодѣйствовали бы побѣгу, употребляли сажаніе въ колоду. Впослѣдствіи же времени, съ развитіемъ общественнаго порядка и съ строгимъ разграниченіемъ частной и общественной жизни, отданные за пристава помѣщались въ томъ приказѣ, въ которомъ они судились, состоя только на отвѣтственности пристава, которому они вручены были для береженія. Но такъ или иначе, во всякомъ случаѣ отдача за пристава, судя по дополнительнымъ средствамъ, съ нею соединеннымъ: оковамъ, колодамъ, содержанію въ тѣсномъ помѣщеніи (въ заточенье посадили,—какъ писалъ Ягановъ въ своей челобитной), нисколько не разнилась въ строгости отъ содержанія въ тюрьмѣ; разница между ними заключалась не въ различіи строгости, а въ различіи мѣста содержанія; отдача за пристава была мѣрою предупрежденія того общества, которое, еще не обладая средствами, чтобъ построить общія тюрьмы, довольствовалось силами и средствами отдѣльныхъ лицъ, ко-

торымъ поручало содержаніе обвиняемыхъ, а содержаніе въ тюрьмѣ выражало собою развитіе общественнаго благоустройства и государственныхъ силъ.

Послѣ сказаннаго, весьма важно знать, въ какихъ случаяхъ и за какія преступленія обвиняемые въ періодъ Судебниковъ подвергались отдачѣ за пристава. Эта мѣра предупрежденія употреблялась:

1) Когда обвиняемый судился формою суда, въ важномъ ли или маловажномъ преступленіи—все равно, если онъ не могъ представить по себѣ порукъ: *«не явя тѣхъ людей, по комъ поруки нѣтъ, судейскимъ людямъ къ себѣ не сводити, и у себя ихъ не ковати»* (2-й Судеб. ст. 70); *«а пожелѣзанаго имати ..., по комъ поруки не будетъ»* (А. Э. т. I № 357); *«а чрезъ поруку не ковати»* и (Гос. гр. дог. т. I, № 148, стр. 413, столб. 1). Въ этомъ случаѣ въ Судебникѣ 1550 г. предписывается подѣ страхомъ взысканія безчестья и двойной цѣны иска, чтобъ при взятіи къ себѣ обвиняемыхъ, за коихъ не оказалось порукъ, и прежде закованія ихъ въ желѣзо, намѣстники, волостельны и вообще судейскіе люди являли ихъ въ городахъ прикащикамъ городскимъ, дворскому, старостѣ и цѣловальникамъ, а въ волости старостѣ и цѣловальникамъ, которые обязаны присутствовать при отправленіи суда намѣстниками, волостельми и ихъ тѣнами.

2) Всѣ тѣ обвиняемые въ тяжчайшихъ и тяжкихъ преступленіяхъ, которые приведены или пойманы были съ поличнымъ, или которыхъ въ обыску назовутъ лихими людьми: *«а изымавъ ему (недѣльщику) татей и розбойниковъ не отпустить»* (А. И. т. I № 105, ст. 152. 2-й Суд. ст. 53); *«и они того лихова поймавъ да отдадутъ своимъ излюбленнымъ головамъ»* (А. Э. т. I, № 234, стр. 235 стол. 2; № 250, стр. 272 стол. 1-й); *«и вы бѣ тѣхъ розбойниковъ въдомыхъ межъ себя имали, да обыскивали ихъ и доведчи на нихъ и пытали на крѣпко»* (ib. № 187, стр. 164, стол. 1-й); *«да которыхъ розбойниковъ на погонѣ поймаете съ поличнымъ съ розбойнымъ, или безполичнаго, а въдомаго розбойника»* (ib.).

3) Всѣ тѣ, на которыхъ воры и разбойники указываютъ, во время пытки, какъ на своихъ товарищей: *«и на кого на своихъ товарищей учнутъ которые розбойники пытаны говорити, что съ ними разбивали, или къ кому приѣзжали... и вы бѣ тѣхъ розбойниковъ имали жѣ, да обыскавъ и доведчи и пытавъ накрѣпко, казнили жѣ смертію»* (ib. стр. 164, стол. 2).

Выше мы сказали, что въ теченіе этого періода судъ или обвинительный процессъ переходилъ въ обыскъ и въ слѣдственный процессъ, и наоборотъ. Нѣтъ основанія думать, что каждый переходъ въ данномъ случаѣ перваго въ послѣдній сопровождался непремѣнно принятіемъ этой строжайшей мѣры предупрежденія. Въ первомъ Судебникѣ прямо говорится: *«дати его (оговореннаго) на поруку до обыску»*; *«а въ ѣзду своемъ дастъ (недѣльщикъ) на поруку до обыску, доколѣ дѣло не скончается»* (А. И. т. I, № 105, въ статьяхъ: о татиныхъ рѣчахъ и о недѣльщикахъ указъ). Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику 1550 г. говорится объ обыскѣ по ссылкѣ истцовъ и отвѣтчиковъ, судящихся судомъ: *«А которые ищети и отвѣтчики тяжутся предѣ бояры и*

во встѣхъ приказѣхъ, а шлются въ обыскъ на многіе люди безъмянно» (ib. № 154, V, ст. 3). Отъ исхода обыска зависѣло принятіе или непринятіе этой мѣры: если въ обыску обличаютъ обвиняемаго, то слѣдовало непременно взятіе его и отдача за пристава и затѣмъ пытка и наказаніе. Такимъ образомъ, гдѣ дѣло доходило до пытки, тамъ неизбежно существовало и содержаніе за приставомъ; слѣдовательно, обыскъ не всегда былъ связанъ съ содержаніемъ за приставомъ и не всегда влекъ за собою эту мѣру предупрежденія, тогда какъ она была неразлучная спутница пытки. Можно также положительно сказать, что принятіе этой мѣры зависѣло не отъ свойства преступленія, вводимаго на обвиняемаго, а отъ свойства тѣхъ уликъ и тѣхъ способовъ доказательствъ, которыя были приводимы и употребляемы. Во всякомъ случаѣ, принятіе этой мѣры предупрежденія, если исключить пенныя поруки, поличное и облихованіе, зависѣло отъ усмотрѣнія судьи, и такъ какъ мы не находимъ строго опредѣленныхъ правилъ о принятіи этой мѣры, то нѣтъ сомнѣнія, что, при дальнѣйшемъ развитіи государственности и вмѣстѣ приказнаго порядка, объемъ ея примѣненія, сначала вѣроятно незначительный, съ каждымъ годомъ, съ каждымъ десятилѣтіемъ болѣе и болѣе увеличивался. При этомъ нельзя упускать изъ виду того, что примѣненіе ея увеличивалось также и съ расширеніемъ круга преступленій.

§ 13. Вторая мѣра предупрежденія, бывшая въ это время въ употребленіи—это прежнія поруки. Хотя, какъ мы уже сказали, поруки достигли полнаго развитія еще въ прежнемъ періодѣ, но только въ законодательныхъ памятникахъ нынѣшняго періода мы находимъ полное опредѣленіе этой мѣры предупрежденія.

Такъ какъ отдача на поруки была мѣрою предупрежденія, употребляемою преимущественно въ обвинительномъ процессѣ, то принятію ея всегда предшествовала подача челобитной. Въслѣдствіе подачи челобитной, давалась приставу приставная память, которая содержала повелѣніе отдать на поруки отвѣтника, или обвиняемаго. Иногда, впрочемъ, вмѣсто приставной давалась зазывная грамота. Обыкновенно приставная начиналась такъ: *«Память приставу. Дать ему на поруки такого-то»*. (А. Ю. изд. Калачевъ, №№ 55, 56). Требовалось непременно, чтобы приставная была подписана дьякомъ, чтобы въ ней была означена сумма иску, и чтобы эта сумма не была меньше ѣзду, и чтобы дьякъ не подписывалъ приставныхъ безъ недѣльщика (А. Н. т. I, № 105, подъ руб. о приставныхъ; Судебн. 1550 г., ст. 44). За поѣздку съ приставною недѣльщикъ получалъ пошлину, называвшуюся ѣздомъ, разиѣръ которой зависѣлъ отъ количества верстъ; въ первомъ и во второмъ Судебникѣ изложена такса ѣздовъ отъ Москвы до разныхъ городовъ (ib. подъ рубр. указъ о ѣзду; 2 ой Судебн., ст. 45 и 46). По пріѣздѣ въ городъ или волость, недѣльщикъ обязанъ былъ явить приставную намѣстанку или волостелю, и если имъ были подсудны какъ истецъ, такъ и отвѣтникъ, то съ отдачею на поруки онъ обязанъ былъ назначить срокъ, въ который они должны стать на судъ (ib. статья) указъ намѣстникомъ о судѣ город.; 2-ой Судебн. ст. 48). Если истецъ подсуденъ былъ одному судѣ, а отвѣтникъ другому, то истецъ являлся къ своему судѣ, бралъ у него сторожа и

съ ними отправлялся просить пристава къ судѣ противной стороны, который и посылалъ своего пристава съ приставною (2-ой Судебн. ст. 30). Отдача на поруки состояла въ томъ, что нѣсколько лицъ, число которыхъ не было опредѣлено, ручались въ томъ, что ручаемый или явится въ судъ въ назначенный срокъ, или что онъ будетъ являться по вся дни. Взятіе и отдача на поруки всегда облекались въ актъ, который писался отъ имени поручниковъ: «*Се язъ такой-то и такой-то поручилися есми*». Ручались поручники тому приставу, который отдавалъ на поруки: «*поручилися есми Углецкому пушкарю Васкѣ Калитину*» (А. Ю. изд. 1832 № 307, IV). Ручавшіеся брали на себя отвѣтственность за неявку ручаемого или въ опредѣленный срокъ, или по вся дни: «*А буде онъ (ручаемый) за нашею порукою по вся дни къ суду ставитца не станетъ, и на насъ на поручникахъ исцовъ искъ весь сполна*»; или: «*а на насъ на поручникахъ пеня, а пени что великій юсударь укажетъ*»; или: «*и мы порушники въ его (слѣдуетъ имя ручаемого) мѣсто*»; иногда, кромѣ того, прибавлялось: «*и наши поручискіе головы вмѣсто его (имя ручаемого) голову*» (ib. № 307, I, II, III, IV, VI). Актъ ованчивался: «*на то послухъ такой-то, а поручную запись писалъ такой-то*». Затѣмъ слѣдовала подпись поручниковъ: «*такой-то къ статѣ къ суду ручалъ и руку приложилъ*» (ib). Въ нѣкоторыхъ грамотахъ этого періода встрѣчается предписаніе: «*безъ старосты и безъ мѣстныхъ людей недѣльщику (намѣстника) на поруки крестьянъ не давати*» (А. И. т. I, № 125). Это предписаніе является общимъ правиломъ въ статьяхъ о святительскомъ судѣ 1551 г.: «*А митрополитимъ недѣльщикомъ пѣдити, съ приставными... а давати на поруку поповъ и діаконъ и въ причты церковные передъ священники десятичкими; а безъ священниковъ десятичкихъ на поруку ихъ не давати*». «*А по мірскихъ людей, отъ жалобниковъ, во всякихъ дѣлахъ пѣдити недѣльщикомъ съ приставными... а давати ихъ на поруку передъ земскими старостами или передъ десятичкими*» (А. И. т. I, № 155, стр. 279, 1-й стол.). Держались ли этого предписанія какъ общаго правила и во всѣхъ судахъ—опредѣленно отвѣчать на этотъ вопросъ нельзя. Но судя потому, что въ это время намѣстники и волостели судили въ присутствіи старостъ и лучшихъ людей, что недѣльщики ихъ не могли, при неизбѣннѣ поруки, брать и ковать подсудимыхъ, не заявивъ объ этомъ представителямъ общины, можно сдѣлать предположеніе, что запрещеніе давать на поруки безъ старостъ и лучшихъ людей было общимъ правиломъ.

Отдача на поруки имѣла еще очень обширное примѣненіе въ уголовномъ судѣ этого періода. Съ достовѣрностью можно сказать, что въ началѣ этого времени первенство принадлежало этой мѣрѣ предупрежденія и что только подъ конецъ, упдающій на первую четверть XVII стол., преобладаніе получаетъ отдача за пристава и затѣмъ заключеніе въ тюрьму. Въ этотъ періодъ поруки примѣнялись въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) При спеціальномъ производствѣ уголовныхъ дѣлъ формою суда. Изъ уголовныхъ дѣлъ по правиламъ этого процесса въ это время, главнымъ обра-

зомъ, производились дѣла по обвиненіямъ въ побояхъ, грабежахъ и ругательствахъ. Я употребилъ слово *главнымъ образомъ* въ томъ смыслѣ, что другая форма процесса рѣдко примѣнялась къ этимъ тремъ преступленіямъ.

2) При смѣшанномъ производствѣ, когда слѣдственный процессъ не шелъ далѣе обыска, если притомъ не было ни языковъ, т. е. оговора со стороны пойманныхъ и пытанныхъ преступниковъ, ни обличованія, то есть названія обыскными лихимъ человекомъ. Въ этомъ случаѣ порука примѣнялась по обвиненіямъ въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ (Доп. къ А. И. № 51, грамоты по суднымъ дѣламъ: въ воровствѣ—IV, въ грабежѣ, поджогѣ и побояхъ—V, VIII).

3) Когда примѣненіе слѣдственного процесса было почему нибудь невозможно и дѣло производилось формою суда, несмотря на тяжесть преступленій. Это бывало тогда, когда обвиненіе въ тяжкомъ преступленіи исходило отъ частнаго лица, которое не могло сослаться на обыскъ или ссылка котораго на обыскъ не могла почесться основательною. Въ этихъ случаяхъ отдавались на поруки обвиняемые въ убійствѣ, разбоѣ, поджигательствѣ и воровствѣ. Это подтверждается словами Судебниковъ: *«А къ полю прійдутъ окольничій и діакъ и имъ спросити истцовъ и отвѣтчиковъ, кто за ними стряпчие и поруки»*. Такъ какъ поединокъ былъ однимъ изъ способовъ доказательствъ, къ которому прибѣгали для подтвержденія и упомянутыхъ преступленій, то очевидно, что отдача на поруки примѣнялась и къ обвиняемымъ въ этихъ преступленіяхъ. Конечно, случаи примѣненія *«поля»*, а слѣдов. и поруки, въ разбоѣ, душегубствѣ, поджогѣ, въ теченіе первой половины XVI в. были несравненно чаще, чѣмъ во второй, когда обыскъ силою правительственной дѣятельности и благодаря желанію самихъ тяжущихся получаетъ преобладаніе уже вскорѣ послѣ изданія втораго Судебника, какъ можно заключить изъ дополнительныхъ статей къ нему 1555 г., въ которыхъ поле почти замѣнено обыскомъ.

4) Наконецъ, отдача на поруки, помимо случаевъ, исчисленныхъ въ предыдущихъ трехъ рубрикахъ, примѣнялась въ важныхъ преступленіяхъ, преимущественно въ воровствѣ, а иногда и въ разбоѣ, по усмотрѣнію судей. Это мы утверждаемъ на томъ основаніи, что въ теченіе всего XVI стол. идетъ рядъ данныхъ разными учрежденіямъ грамотъ, въ которыхъ судъ по дѣламъ о воровствѣ предоставленъ симъ учрежденіямъ на прежнихъ основаніяхъ. Въ двухъ грамотахъ начала XVII стол., въ которыхъ предоставляется монастырямъ судъ за исключеніемъ не только душегубства, но даже и татбы и разбоя, говорится: *«Въ лихихъ дѣлахъ, татбахъ и разбояхъ, по монастырскихъ людей и по крестьянъ пздитъ недѣльщикъ съ записями и на поруки даетъ безсрочно»* (А. И. т. II., №№ 119 и 120). *«А котораго татя, говорится въ Судебникѣ 1497 г., дадутъ на поруку, въ какой дѣль небуди, и имъ (недѣльщикамъ) исцовъ и отвѣтчиковъ не воложити, а ставити ихъ передъ судьями.»* *«А у котораго недѣльщика—слова перваго и втораго Судебниковъ—сидятъ тати, и ему татей на поруку безъ доклада не дати»*. Изъ приведенныхъ выраженій ясно видно, что вообще отдача на поруки въ воровствѣ была обыкновенное явленіе, и что допущеніе ея предостав-

лено было усмотрѣнію только судьи, а не пристава (А. Э. т. I. № 105, ст.: указъ о недѣльщикахъ; 2-й Судеб. ст. 54).

Нельзя пройти молчаніемъ трехъ особенныхъ видовъ отдачи на поруки, которые примѣнялись въ этомъ періодѣ: а) отдачи на поруки истца, какъ обязаннаго явиться въ назначенное время въ судъ; б) отдачи на поруки третьяго, обязаннаго сыскать и представить къ суду обвиняемаго; в) наконецъ. отдачи обвиняемаго, неоправданнаго судомъ, на поруки въ добромъ поведеніи, Хотя эти три вида порукъ—особенно третій—только отчасти касаются избраннаго нами вопроса, но, для уясненія его, мы считаемъ нелишнимъ коснуться вкратцѣ каждаго изъ нихъ

Отдача на поруки истца, также какъ и отвѣтника, имѣла примѣненіе въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло судилось великимъ княземъ, или къ нему переходило, какъ въ высшую инстанцію. *«А будетъ розбой, или татба съ поличнымъ и волостели мои нехатские и ихъ тиуны велятъ дати обоимъ истцовъ на поруку да поставятъ предо мною Великою Княжиною и съ поличнымъ и язъ В. К. упр въ учиню сама»* (А. Э. т. I, № 99, см. также № 75; Доп. къ А. И. т. I, №№ 17, 193). Приведенныя слова грамоты показываютъ, что этого рода отдача на поруки была въ употребленіи еще въ прежнемъ періодѣ; она сохранила полную силу въ рассматриваемое нами время (Доп. къ А. И. т. I, № 51, I, V, VII, XXIII; А. И. т. I. № 211) и перешла въ XVII стол., потерпѣвъ измѣненіе не столько въ существѣ, сколько въ формѣ. Изъ этой именно поруки образовалась такъ называемая въ законодательныхъ памятникахъ этого періода порука: *«посль суда»*, а въ законодательныхъ памятникахъ слѣдующаго порука: *«съ суда»*.

Отдача на поруки третьяго, не причастнаго къ дѣлу, съ тѣмъ, чтобы это третье лицо добыло и поставило обвиняемаго, вошла въ употребленіе въ настоящемъ періодѣ, а полное, широкое развитіе она получила въ слѣдующемъ, по связи съ тѣмъ учрежденіемъ, которому она обязана своимъ происхожденіемъ. Этотъ видъ порукъ состоялъ въ томъ, что отдавались на поруки помѣщики съ обязанностью поставить живущихъ за ними людей: *«А тѣхъ князей и дѣтей боярскихъ, чьи люди, давати на поруки, что имъ тѣхъ людей добывъ предъ нимъ (губнымъ старостою) поставитъ»* (А. Э. т. I, № 330; см. также № 281. Такъ какъ въ XVII ст. крѣпостное право получило большее развитіе, то этотъ видъ отдачи на поруки, какъ увидимъ ниже, превратился во взятіе въ тюрьму невинныхъ крестьянъ того помѣщика, за которымъ жилъ обвиняемый. Къ рассматриваемому нынѣ виду поруки слѣдуетъ причислить и *наметываніе* убѣжавшихъ лѣхихъ людей или на сосѣдей: *«наметывать на тѣхъ людей въ посадныхъ, кто съ кѣмъ въ одной улицѣ и въ станкахъ и въ волостехъ, кто съ кѣмъ въ одной деревни живетъ»* (А. Э. т. I, № 234); или на выборныхъ

должностныхъ лицъ: *«взмѣтывати на тѣхъ соицахъ и на пятидесятицахъ и на десятицахъ, въ которой сотной тотъ человекъ живетъ»* (ib. № 250 стр. 272, 2-й стол.).

Отдача на поруки въ добромъ поведеніи имѣла самое широкое примѣненіе главнымъ образомъ въ отношеніи къ тѣмъ подсудимымъ, которыхъ въ обыскѣ одобрять, или не представлять довода въ воровствѣ: *«а назовутъ его добрымъ человекомъ, ино его дати на крѣпкую поруку»* (2-й Судебн. ст. 56). Въ этомъ случаѣ отдавали на поруку обыскнымъ людямъ, одобрявшимъ обвиняемаго (А. И. т. III, № 167, стр. 215). При неимѣніи порукъ, такого человека заключали въ тюрьму: *«а не будетъ по немъ поруки, ино его екинути въ тюрьму, доколь по немъ будетъ порука крѣпкая»* (ib). Нѣтъ сомнѣнія, этого рода порука образовалась изъ поруки процессуальной и въ сущности есть преобразованная порука тѣхъ, которые нѣкогда ручались во время суда своими головами за явку обвиняемаго и за исправную уплату имъ вырѣ, продажъ, иска и тѣхъ убытковъ.

§ 14. Въ этомъ періодѣ сроки не потеряли своего крѣпкого значенія. Съ введеніемъ обыска и пытки, словомъ — формъ слѣдственной судопроизводства, область ихъ примѣненія должна была только сужиться. Очевидно, яманіе, приводъ, отдача за пристава, пытка были несовмѣстны съ сроками. Поэтому, насколько примѣненіе порукъ сократилось въ виду расширенія отдачи за пристава, настолько и область употребленія сроковъ уменьшилась. Можно думать, что сроки не имѣли примѣненія и въ томъ случаѣ, когда обвиняемый въ преступленіяхъ былъ отдаваемъ на поруки, но дѣло производилось слѣдственнымъ или слѣдственно-обвинительнымъ порядкомъ судопроизводства. *«Которые дати боярскіе и ихъ люди и крестьяне учнутъ на крестьянъ (Хутынскаго мон.) имати приставовъ въ утравныхъ дѣлахъ, въ какихъ нибудь, опроче разбои и татбы съ поличнымъ, и тѣ приставы чинятъ имъ два срока въ году»* (Доп. къ А. И. т. I, № 228). *«А въ такихъ дѣлахъ, говорится въ грамотѣ 1623 г. Судебному Повровскому мон., въ татбахъ и разбояхъ, по монастырскимъ людямъ и крестьянамъ ѡдиитъ недѣльицикъ съ записями и на поруки дастъ ихъ безсрочно»* (А. И. т. III, №№ 119 и 120). Вѣроятно, въ этомъ случаѣ поручители этого періода, подобно поручителямъ слѣдующаго, обязывались, чтобы ручаемый ими являлся на судъ *«по вся дни», «ка всякъ день до вериенья», «какъ ея власти спросятъ... и поручилимъ ея поставитъ»*; словомъ, вѣроятно, отсюда можно считать начальной общей отмѣны сроковъ, которая, какъ увидимъ ниже, послѣдовала съ изданіемъ Соборнаго Уложенія. Напротивъ, при производствѣ уголовныхъ дѣлъ обвинительнымъ порядкомъ сроки сохранили прежнее свое значеніе; можно думать, что въ этомъ случаѣ отдача на поруки съ обязанностью являться на извѣстный срокъ имѣла примѣненіе къ обвиняемымъ въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, когда держалась еще во всей чистотѣ старая форма обвинительнаго судопроизводства, извѣстная подъ именемъ суда, съ поединкомъ, жребіемъ и приговоромъ. Такъ

новгородскій намістникъ князь Палецкій, по обвиненію однимъ ирестьяниномъ другого «*въ бою и грабежу*»; назначилъ имъ «*поле*», съ тѣмъ, чтобы они стали «*у поля какъ минетъ коломенская служба, мѣсяцъ ушесть*» (Доп. кт. А. И. т. I, № 51, XXV). Въ грамотахъ этого періода, также какъ и предыдущаго, постоянно встрѣчаются постановленія о срокахъ; въ рѣдкой грамотѣ о нихъ не упоминается. Эти сроки двухъ родовъ: одни вольные, которые были назначаемы для каждаго даннаго случая; «*и окъ, данный пристава, изъ на поруки даетъ и сроки чинитъ предъ меня предъ великаю князя*»—это обыкновенное ихъ опредѣленіе А. И. т. I, №№ 119, 125); сроки эти въ княжескихъ грамотахъ встрѣчаются рѣдко; зато почти въ каждой грамотѣ, которая давалась митрополитами и архіепископами монастырямъ и церквамъ, содержится предписаніе, что въ дѣлахъ духовныхъ «*даютъ на поруку и сроки чинятъ всеяды, безурочно, какъ ся прилучитъ, за неже то на него вина духовная*» (А. И. т. I, №№ 150, 233). Другіе сроки—разъ навсегда опредѣленные въ году, и ихъ-то, судя по постоянному о нихъ упоминанію, можно считать общимъ правиломъ. Въ XVI столѣтіи обыкновенно назначался или одинъ срокъ въ году или два; если одинъ, то этимъ срокомъ преимущественно было Рождество Христово, или Крещенье; если два, то всего чаще они упали на Крещенье и на Петровъ постъ, или на день Петра и Павла. Въ XVII столѣтіи чаще встрѣчаются три срока: Рождество, Троицынъ день и Семенъ день лѣтопроводца (1 сентября). Иногда въ грамотахъ указываются поводы ихъ установленія въ родѣ слѣдующихъ: «*чтобы имъ въ томъ продажъ и поклеповъ напрасныхъ не было*» (А. И. т. I, № 184); «*для того, что то мѣсто дальное*» «*суда не давати для нашеннаго времени*» (А. И. т. III, №№ 92, XXIII стр. 111, 95 стр. 129, стол. 2). Должно, впрочемъ, замѣтить, что разъ навсегда опредѣленные въ году сроки назначаются для отдачи на поруки къ явѣ на судъ намістниковъ или великаго князя. Постановленія объ этихъ срокахъ всегда слѣдуютъ послѣ такихъ и подобныхъ сему словъ: «*Кому будетъ до ихъ помоя и до людей, и до крестьянъ каково дѣло, и тотъ шлетъ моего царскаго даннаго пристава.... и сужу язъ царь и великой князь*» (А. И. т. I, № 188). Очевидно, что эти сроки имѣли также примѣненіе въ такъ называемомъ вобщемъ судѣ, такъ какъ въ этомъ случаѣ давалъ на поруки чужой пристава. Но дѣйствовали ли они въ судѣ чисто мѣстномъ, когда, напримѣръ, судилъ монастырскихъ крестьянъ игуменъ—на этотъ вопросъ опредѣленно отвѣчать невозможно. Если судить по молчанію объ этомъ законодательныхъ памятниковъ и по близости, въ большей части случаевъ, мѣста суда къ подсудимымъ,—можно думать, что они вообще въ мѣстномъ судѣ не примѣнялись. Съ другой стороны, основываясь на томъ, что судные сроки этого рода есть стародавнее учрежденіе, нельзя ли предположить, что если они не были здѣсь постояннымъ правиломъ въ это время, то все-таки они допускались. Истецъ и отвѣтчикъ по обоюдному согласію имѣли право отложить явку въ судъ: «*а поютъ оба истца, ищя и отвѣтчикъ, срокъ отписати*» (2-й Судеб. ст. 41). За это они должны были только заплатить пошлины, развѣ бы они сдѣлали отсрочку ради царской службы. Могъ отписать сроки и одинъ изъ таку-

щихся, но въ такомъ случаѣ онъ платилъ самъ пошлыны и волокиту. Судя по тому, что сроки какъ вольные, такъ и разъ навсегда опредѣленные, были установлены въ видахъ выгодъ тяжущихся,—можно думать, что отписка допускалась для тѣхъ и другихъ.

Институтъ приставовъ въ этомъ періодѣ получилъ еще болѣе опредѣленности. И такъ какъ въ этомъ періодѣ примѣнялись двѣ мѣры предупрежденія, то и обязанности приставовъ усложнились: однихъ обвиняемыхъ они отдавали на поруки, другихъ они содержали въ кандалахъ подъ непосредственнымъ своимъ надзоромъ. Все, что мы сказали о данныхъ и особыхъ каждаго вѣдомства приставахъ выше, при изложеніи законовъ перваго періода,—существовало и поддерживалось и въ нынѣшнемъ. Но въ нынѣшнемъ періодѣ, съ усиленіемъ общегосударственной власти институтъ приставовъ, вмѣстѣ съ другими административными и судебными органами, какъ мѣстными, такъ и центральными, получилъ лучшую организацію. Пристава въ первомъ и во второмъ Судебникѣ называлась недѣльщиками; это имя они носили потому, что исполняли обязанность ѣздить и на поруки давать—понедѣльно: *«ему за нашею порукою новгородския недѣли дѣлати»* (Юр. А. изд. 1838 г., № 289); *«а какъ недѣльщикъ изъ недѣли выдетъ»* (Суд. 1550 г. ст. 47) — выраженія это подтверждающія. Въ первомъ Судебникѣ недѣльщики носятъ еще тотъ полу-частный, полупубличный характеръ, которымъ въ прежнемъ періодѣ отличалось все управленіе. Они ѣздили и на поруки давали или сами, или посылали своихъ племянниковъ и своихъ людей; посылать постороннихъ имъ запрещалось (А. И. т I, № 105, ст. о недѣльщикахъ указъ). Напротивъ, во второмъ Судебникѣ имъ уже не дозволяется посылать съ приставами своихъ людей (2-й Судеб. ст. 47; А. Э. т. I. № 274, поручная 1567 г. по недѣльщикѣ, въ которой говорится: *«съ записями людей своихъ и племянниковъ не посылати»*): они имѣли право посылать только такъ называемыхъ *пздоковъ*, или *заговорищиковъ*, т. е. тѣхъ людей, съ которыми они заключили условіе—совмѣстно и подъ своимъ надзоромъ и руководствомъ исполнять обязанности пристава, и которые притомъ были предъявлены дьякамъ, состоящимъ у кормленій, и записаны въ книги, *«для того, чтобы ся недѣльщики своихъ заговорищиковъ и пздоковъ не отпирали»* (Судеб. ст. 47). Такихъ пздоковъ или заговорищиковъ каждый недѣльщикъ имѣлъ право держать не болѣе семи; каждый заговорищикъ могъ ѣздить только отъ того недѣльщика, съ которымъ онъ состоялъ въ заговорѣ, подъ угрозою за нарушеніе этого быть наказаннымъ внумомъ. За всѣ убытки, которые пздокъ причинитъ своими противозаконными дѣйствіями, отвѣчаетъ его недѣльщикъ. Въ обезпеченіе же исправнаго исполненія недѣльщикомъ его обязанностей и возможности взысканія убытковъ, если бы таковыя произошли отъ его дѣйствій, за недѣльщика, при вступленіи имъ въ должность, ручались нѣсколько человекъ постороннихъ, въ томъ, что *«ему за нашею порукою, недѣли дѣлати въ правду, по цареву крестному цѣлованію, посуловъ и поминокъ не имати, и корчмы и бледни и татбы, и зернниковъ и подметчиковъ и татей у себя*

не держати, и колодниковъ не наровити, а истцовъ и ответчиковъ не обложить. Въ случаѣ нарушенія недѣльщикомъ указанныхъ обязательствъ, поручители соглашались подвергнуться пени, что государь уважаетъ, взысканію исковыхъ и судебныхъ пошлинъ, словомъ—соглашались, чтобы были *ихъ поручниковы головы въ его головы мѣсто и животы въ его животы мѣсто* (А. Ю. изд. 1838 г., № 289; А. Э. т. I, № 274).

Изъ всего сказаннаго въ этой главѣ мы сдѣлаемъ въ заключеніе слѣдующіе выводы:

а) Объ руку съ старымъ бытомъ, отличавшимся прежде большою независимостью общественныхъ единицъ и рознью, возобладало въ этомъ періодѣ государственное начало, какъ дѣятель единенія во всѣхъ областяхъ общественной жизни.

б) Въ дѣлѣ правосудія государственное начало выразилось централизациею уголовного суда и возвышеніемъ его на степень дѣла общественнаго, стоящаго выше расчетовъ частныхъ лицъ и мелкихъ общественныхъ единицъ.

в) Явившись въ отправленіи уголовного суда представителемъ цѣлаго, государственная власть заявила энергію въ преслѣдованіи и строгость въ наказаніи преступниковъ, а энергія преслѣдованія и усилившаяся строгость наказаній не могли не сопровождаться соответственнымъ усиленіемъ строгости и энергіи мѣръ предупрежденія; выраженіемъ такого усиленія и явилась отдача за пристава.

г) Эта мѣра не была установлена какимъ-нибудь опредѣленнымъ закономъ; она явилась въ жизни сама собою, какъ слутникъ общественныхъ переменъ, какъ близкій переходъ отъ другой мѣры: отдачи на поруки. Тотъ же самый приставъ, который прежде отдавалъ на поруки обвиняемыхъ, теперь сталъ брать ихъ и держать ихъ подъ своимъ присмотромъ.

д) Такъ какъ отдача за пристава возникла путемъ практики, то другая мѣра предупрежденія: отдача на поруки, представительница порядка господствовавшего въ первомъ періодѣ, имѣла въ началѣ этого періода обширный кругъ примѣненія; расширеніе области примѣненія первой мѣры предупрежденія и суженіе второй шло незамѣтно путемъ жизни; законъ закрѣплялъ то, что было сдѣлано жизнью.

е) Въслѣдствіе того, что расширеніе примѣненія отдачи за пристава и суженіе употребленія поруки были дѣломъ жизни, а не принципіальныхъ законовъ, происходитъ ясность и точность границъ ихъ примѣненія. Указанный способъ происхожденія мѣръ предупрежденія и отсутствіе твердыхъ правилъ ихъ примѣненія были, какъ увидимъ въ слѣдующихъ главахъ, и причиною развитія чуждой строгости этихъ мѣръ и отсутствія правомѣрности въ ихъ примѣненіи.

ГЛАВА III.

Время Соборнаго Уложения.

§ 15. Общій характеръ уголовной юстиціи этого времени.

§ 16. Тюремное заключеніе, какъ мѣра предупрежденія; случаи ея примѣненія; общественыя органы, ее примѣнявшіе; формальности, которыя сопровождали ея примѣненіе.

§ 17. Начало накопленія тюремныхъ сидѣльцевъ и долговременнаго ихъ содержанія; за коподательныя мѣры противъ этого; мѣста заключенія и дополнительныя средства предупрежденія; устройство тюремъ въ XVII столѣтіи и способы содержанія ихъ.

§ 18. Отдача за пристава; мѣста и способы содержанія подвергавшихся этой мѣрѣ.

§ 19. Поручи. — Общій выводъ.

§ 15. Начала, получившія силу въ XVI вѣкѣ въ государственномъ устройствѣ вообще и въ уголовномъ правѣ и судопроизводствѣ въ особенности, прогрессивно усиливались и завоевывали поле дѣйствія въ XVII столѣтіи. Въ этомъ періодѣ въ области законодательства перемѣна произошла не въ началахъ, а только въ объемѣ и энергіи ихъ примѣненія.

Въ концѣ XVI столѣтія исчезли послѣдніе остатки удѣльной розни. Въ началѣ XVII столѣтія, среди послѣдней борьбы стараго порядка, общегосударственное начало показало свою мощь и выиграло побѣду. Результаты этой побѣды въ области законодательства обнаружились скоро, но полнымъ выраженіемъ ея было Соборное Уложеніе 1649 года и новоуказныя статьи.

Въ XVI столѣтіи дѣятелемъ общегосударственной власти, сознавшей свою обязанность преслѣдовать преступленія и преступниковъ независимо отъ расчетовъ частныхъ лицъ, явились губныя старосты. Въ XVII столѣтіи развивается еще болѣе могущественный органъ государственной власти—это воеводы. Правда, начало появленія воеводъ относится еще къ XVI столѣтію; правда, воеводы были преемниками власти намістниковъ. Но, во первыхъ, этотъ органъ власти только въ XVII столѣтіи дѣлается общимъ, и подъ конецъ столѣтія въ уголовномъ судоустройствѣ совершенно замѣняетъ губныхъ старостъ; во-вторыхъ, воеводы являются выразителями исполнѣ сложившейся единодержавной власти царей московскихъ, тогда какъ цвѣтущее время учрежденія старыхъ намістниковъ современно удѣльному періоду.

Хотя и въ XVII столѣтіи еще даваемы были несудимыя грамоты монастырямъ и духовнымъ властямъ, но или въ нихъ дѣлается постоянное исключе-

ніе душегубства, татьбы и разбоя изъ подсудности этихъ учреждений, или право уголовного суда въ полномъ объемѣ дается въ видѣ особеннаго исключенія. Право такого суда въ домової патриаршей отчинѣ дано было въ послѣдній разъ патриарху Никону съ слѣдующею оговоркою: «а инымъ патриаршимъ и властелинскимъ и монастырскимъ общинамъ то наше жалованье не въ образъ» (А. И. т. IV, № 73, 1653 г.). Но и эта привиллегія не долго оставалась: послѣ паденія Никона на практикѣ ее не уважали, какъ видно изъ жалованной грамоты патриарху Іосафу 1570 г., въ которой уже дѣлается исключеніе изъ патриаршей подсудности душегубства, татьбы и разбоя (ib. № 215, стр. 460, стол. 1-й). Притомъ, если въ грамотахъ этого столѣтія исключаются изъ подсудности только убійство, разбой и воровство, то это еще не значитъ, что только эти преступленія были дѣйствительно исключены. О нихъ однихъ упоминается потому, что несудимыя грамоты этого столѣтія были повтореніемъ подобныхъ же грамотъ того времени, когда еще не окрѣпшая общегосударственная власть только заботилась о преслѣдованіи этихъ трехъ преступленій: такимъ образомъ, въ этихъ грамотахъ повторяется старая формула, хотя смыслъ жизни измѣнился. Преступленія, неизвѣстныя удѣльному періоду, какъ-то: государственныя, противъ порядка управленія, противъ правъ казны и т. п., въ этихъ грамотахъ хотя и не упоминаются, однако были изъяты изъ подсудности. Подъ конецъ этого столѣтія несудимыя грамоты и вовсе исчезаютъ и выходятъ изъ употребленія. Такимъ образомъ, въ этомъ столѣтіи государство окончательно сосредоточило въ своихъ рукахъ уголовный судъ.

Слѣдственное начало въ производствѣ уголовного суда получаетъ въ XVII столѣтіи рѣшительный перевѣсъ; обвинительное уцѣлѣваетъ только въ обломкахъ. Вмѣненіе въ обязанность губнымъ старостамъ и воеводамъ, сотскимъ, пятидесятскимъ и десятскимъ и даже частнымъ лицамъ, «беречи а крѣико», чтобы не было преступниковъ, а если они объявятся, то ихъ «ливать», «приводить», «обыскивать всякими обыски», угроза наказаніемъ обыскнымъ за скрытіе преступника,—даютъ обширный просторъ примѣненію слѣдственного начала. Если же взять во вниманіе, что въ этомъ столѣтіи матеріальныя средства государственной власти получаютъ обширное развитіе, что личный составъ правительственныхъ органовъ увеличивается, и приказное начало получаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ началомъ самоуправленія общиннаго; если, съ другой стороны, не забывать и того, что обвинительное начало, удержанное хотя въ законѣ, лишено было твердыхъ гарантій,—то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что примѣненіе слѣдственного начала въ этомъ столѣтіи болѣе и болѣе расширилось и подъ конецъ столѣтія почти вытѣснило начало обвинительное.

Примиреніе по уголовнымъ преступленіямъ было запрещено: *«И тотъ изъ миръ ставити не въ миръ и разбойникомъ указъ чинити по юсудареву указу, кто чѣю доведется»* (Улож. гл. XXI, ст. 31; А. Э. т. II, № 225, стр. 391, стол. 1-й).

Число преступлений, которыя общегосударственная власть стала преслѣдовать въ этомъ періодѣ съ особенною энергіею, значительно возросло. Кромѣ государственныхъ преступлений, убійства, разбоя, воровства, поджога, — власть особенно озабочена была въ этомъ столѣтіи преслѣдованіемъ бѣгства холоповъ и крестьянъ, корчемства, раскола, поддѣлки монеты и мн. др.

Такимъ образомъ, какъ выше было сказано, въ этомъ періодѣ общегосударственное начало въ уголовномъ правѣ и судопроизводствѣ заявило себя еще съ большею энергіею, чѣмъ прежде, и вытѣснило окончательно вѣдѣтельность частныхъ интересовъ.

Проявленіе рѣшительнаго возобладанія государственнаго начала легко замѣтить и въ развитіи мѣръ предупрежденія. Къ мѣрамъ, бывшимъ въ употребленіи въ двухъ прежнихъ періодахъ: отдачи за пристава и порукамъ, — въ разсматриваемое время присоединяется содержаніе въ тюрьмѣ. Итакъ, мы разсмотримъ примѣненіе каждой изъ этихъ мѣръ въ отдѣльности, начиная съ содержанія въ тюрьмѣ.

§ 16. Тюремное заключеніе, какъ мѣра предупрежденія, встрѣчается въ нашихъ законодательныхъ памятникахъ раньше Соборнаго Уложенія: оно начало входить въ практику еще въ прошедшемъ столѣтіи (А. Э. т. I, № 331, стр. 398, стол. 1-й), но сдѣлалось общеупотребительною мѣрою только въ первой половинѣ XVII столѣт.

Нельзя согласиться съ высказаннымъ въ нашей юридической литературѣ предположеніемъ, что тюремное заключеніе, какъ мѣра предупрежденія, примѣнялось въ это время только къ тѣмъ преступникамъ, которые сознались въ своемъ преступленіи и надъ которыми притомъ произнесенъ уже приговоръ *). Что мѣра эта примѣнялась съ самаго начатія суда, — это не подлежитъ сомнѣнію. Такъ, по чердынскому нерѣшенному дѣлу въ 1639 году сидѣлъ 21 человекъ болѣе году въ тюрьмѣ, и изъ нихъ по царской грамотѣ, посланной вслѣдствіе челобитья подсудимыхъ, двое было удержано въ тюрьмѣ, а остальные освобождены на поруки до рѣшенія (А. И. т. III, № 204, 1639 г.). Въ самомъ Уложеніи 1649 г. достаточно ясно говорится о содержаніи въ тюрьмѣ обвиняемыхъ вообще во время суда. «*А будетъ, сказано въ 104 ст. гл. XXI, до которыхъ тюремныхъ сидѣльцовъ разбойное и татинное и душегубное дѣло не дойдетъ, и доведется ихъ изъ тюрьмы выпустити, и такихъ изъ тюремъ выпускати и къ Государю къ Москвѣ о указъ не писавъ....*». Слова эти слѣдуютъ послѣ запрещенія не выпускать безъ государева указа татей, разбойниковъ и душегубцевъ, сидящихъ въ тюрьмахъ до полугоду, и очевидно относятся къ тѣмъ подсудимымъ, которые, бывъ посажены въ тюрьму по обвиненіямъ въ этихъ преступленіяхъ, оказались невинными.

*) Архивъ истор. и практ. свѣдѣній Калачова 1860—1861, кн. III, статья Ланге: «Нѣсколко словъ о мѣрахъ противъ уклоненія отъ слѣдствія и суда».

Нѣтъ возможности точно опредѣлить, когда и въ какихъ именно случаяхъ примѣняемо было въ XVII стол. содержаніе въ тюрьмѣ, какъ мѣра пресѣченія. Въ законахъ этого періода, и даже въ главномъ — Соборномъ Уложеніи, нѣтъ опредѣленныхъ правилъ. Такая неопредѣленность не могла не вліять на произволъ въ примѣненіи этой мѣры. Происходила же она отъ того, что, какъ это уже было высказано въ этомъ изслѣдованіи, мѣры предупрежденія вообще, въ томъ числѣ и тюремное заключеніе, созданы были практикою; законодатель, узаконяя ихъ какъ готовое учрежденіе, не стремился провести точную границу для примѣненія каждой изъ нихъ.

Попытаемся указать, насколько возможно, тѣ случаи примѣненія этой мѣры, о которыхъ говорится въ законахъ.

Въ Уложеніи 1649 г. содержится слѣдующее прямое упоминаніе о тюремномъ содержаніи какъ мѣрѣ пресѣченія:

а) Велѣно содержать въ тюрьмѣ до государева указа тѣхъ людей, *«идѣ объявятся, у которыхъ уши рѣзаны, а письма у нихъ въ томъ, что они изъ тюрьмы выпущены, не будетъ»* (гл. XXI, ст. 19).

б) Разбойниковъ, сознавшихъ въ разбоѣ, убійствахъ и поджогахъ, сдѣлавшихъ показаніе на соучастниковъ, и рѣшennыхъ, *«держати въ тюрьмѣ помолда, для сыску товарищевъ ихъ»* (гл. XXI, ст. 21).

в) Если отвѣтчикъ или обвиняемый порукъ по себѣ не дастъ въ томъ, что онъ явится въ судъ, въ городъ не пойдетъ и за себя никого не пошлетъ, а на противъ *«учинится пристава силенъ и отбився отъ пристава съ Москвы сбѣжитъ въ помѣстье или вотчину»*, то велѣно брать съ его двора его людей или дворника, и если за взятыхъ не будетъ порукъ въ томъ, что они поставятъ своего боярина въ приказѣ на срокъ, то предписывается держать ихъ гъ приказѣ, или въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока самъ обвиняемый не явится (гл. X, ст. 139, 140 и 141). Обычай этотъ въ XVII столѣтіи принялъ самыя широкіе размѣры. Стали брать потомъ и держать въ приказѣ или тюрьмѣ невинныхъ крестьянъ съ тою цѣлью, чтобы господина ихъ побудить представить въ судъ принадлежащаго ему обвиняемаго крестьянина (ст. 74, гл. XXI). Такъ, въ 1678 г. Иванъ Лепуновъ просилъ взять у Микиты Десятого правыхъ людей и крестьянъ и въ тюрьмѣ держать, *«покамѣстъ онъ того вѣдомаго вора Кленку Клопова въ Рязкомъ поставитъ»*. Просьбу Лепунова велѣно было удовлетворить. *«буде Кленку Клопова Микита Десятой учнетъ уxorонивать»* (Акты Юр. изд. Калачова 1857 г. № 58, 1). Въ 1688 г., по указу царскому и по наказной памяти воеводы, велѣно было площадному подъячѣму и губному цѣловальнику поймать оговорныхъ крестьянъ Оську Зайцева и Гераску Селиванова, *«а будетъ тѣхъ крестьянъ не изыдутъ»* предписано имъ было взять *«тосажъ боярщины правыхъ крестьянъ за челоутка по челоутку»* и привести ихъ въ Переславль-язанскій въ приказъ

сыскныхъ дѣлъ. Посланные, не нашедши обвиняемыхъ, поймали двухъ правыхъ крестьянъ того села *«съ лошадьми, санями и хомутами»* и представили въ приказъ (ib. XI и см. также XIV и Ак. Юр. изд. Ар. ком. 1838 г. № 307, V; Доп. къ А. И. т. VIII, № 108, 3 и 10). Судя по нѣкоторымъ случаямъ, можно думать, что иногда брали и заключали въ тюрьму съ тою же цѣлью сына за отца, жену за мужа. Такъ, воевода рязанскій Лапуновъ содержалъ въ тюрьмѣ сына оговореннаго Дмитрія Некрасова; такъ, по обвиненію въ воровствѣ Опцифорта Суднищина, который бѣжалъ, была взята и содержима невинная жена его (ib. № 55 XXVIII, Лѣтоп. Археогр. ком., вып. 3, стр. 25). Въ теченіе этого столѣтія не разъ законодатель издавалъ законы о взятіи и содержаніи въ тюрьмѣ невинныхъ крестьянъ, съ цѣлью побудить къ явкѣ въ судъ помѣщиковъ или къ представленію ими обвиняемыхъ крестьянъ (П. Соб. Зак. т. II, № 740). Безуспѣшность этой мѣры и накопленіе тюремныхъ сидѣльцевъ заставили законодателя издать законы о срокахъ, для вершенія подобныхъ дѣлъ. Такъ, въ 1681 г. велѣно взятыхъ держать въ приказѣ недѣлю, а послѣ недѣли и безъ поруцной записи править проѣздомъ и волокиту (Доп. къ А. И. т. VIII, № 108). По закону 1685 года предписано брать и держать невинныхъ крестьянъ въ теченіе мѣсяца, или шести недѣль; если же по истеченіи этого времени помѣщикъ не явится и порукъ по себѣ не дастъ, то его винить безъ суда (ib. № 1140 пп. 4 и 7). Хотя здѣсь не говорится объ освобожденіи невинныхъ вмѣстѣ съ вершеніемъ дѣла, но это само собою разумѣется. Очевидно, что эти послѣдніе законы относятся до тѣхъ уголовныхъ случаевъ, съ которыми сопряженъ былъ гражданскій искъ. Закономъ 1700 года, 16 февраля, постановлено: *«у помѣщиковъ въ истцовъ искъ и въ пошлины описывать московскіе дворы, а если ихъ нѣтъ, помѣстья и вотчины»*, въ томъ случаѣ если помѣщики чрезъ мѣсяцъ послѣ взятія у нихъ правыхъ людей и крестьянъ, по розыскнымъ дѣламъ *«не поставятъ оговорныхъ людей въ приказъ сыскныхъ дѣлъ къ розыску»* (П. С. З. т. IV, № 1761).

Хотя въ Соборномъ Уложеніи предписывается бѣглыхъ холопей и крестьянъ, за неимѣніемъ порукъ, до вершенія дѣла объ ихъ принадлежности и до присылки господъ за ними, отдавать за пристава, тѣмъ не менѣе изъ другихъ юридическихъ памятниковъ этого періода видно, что ихъ содержали также въ тюрьмахъ. Въ царской грам. 1642 года, въ Суздаль, губному старостѣ объ отысканіи бѣглыхъ посадскихъ людей, говорится: *«а которые посацкіе люди посажены въ тюрьму, а поруки по нимъ въ житье и въ дворовомъ строеніи нѣтъ, и тѣхъ людей указали мы выпустить...»* (А. Э. т. III, № 311). *«А будетъ»*, говорится въ наказѣ 1658 года сыщику Плещеву о сыскѣ бѣглыхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и его уѣздѣ, *«по которымъ порукъ не будетъ, и вмѣсто порукъ тѣхъ людей и крестьянъ и женъ ихъ и дѣтей въ Нижнемъ-Новгородѣ сажать въ тюрьму, покаместъ не пришлютъ»* (Доп. къ А. И. т. IV, № 48, I, стр. 124, стол. 2-ой; см. также II, стр. 128, стол. 1-й).

Такъ какъ число бѣглыхъ въ этомъ столѣтіи было очень велико, то неуддительно, если тюрьмы и приказы стали переполняться тюремными сидѣльцами этого

рода. Это побудило законодателя издать специальные законы въ предупрежденіе долговременнаго содержанія бѣглыхъ. «*Которые помѣщики и вотчинники, говорится въ законѣ 1676 года, ноября 13 дня, приводили въ разбойный приказъ людей своихъ, а въ челобитьѣ своемъ пишутъ, что бѣгая отъ нихъ были въ воровствахъ,...* и по государеву указу по дѣламъ довелись свободы... а взять тѣхъ людей и крестьянъ некому, а поруку по нимъ нѣтъ, и затѣмъ въ тюрьмѣ сидятъ долгое время: и такихъ людей государь указалъ и бояре приговорили изъ тюрьмы освобождать и безъ поруки и безъ росписи, хотя ихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ и на Москвѣ нѣтъ» (П. С. З. т. № 669). Еще п. ямѣ противъ долговременнаго содержанія бѣглыхъ на правленъ былъ законъ 1690 года. «*Которые люди, говорится въ этомъ законѣ, поимаются по челобитью своему по поимочнымъ памяткамъ за бѣглыхъ своихъ людей и приведутъ ихъ въ приказъ холопья суда, а въ приказѣ засада затѣмъ дѣломъ ходить не учнутъ, а на поруки и на росписку никто не возьметъ: и такихъ людей держать мѣсяцъ, а послѣ мѣсяца освобождать безъ поручныхъ записей и безъ росписокъ*» (П. С. З. т. III, № 1368). Равнымъ образомъ повелѣно тѣмъ же закономъ освобождать бѣглыхъ людей, если помѣщики въ поверстный срокъ не представятъ на приводныхъ крѣпостей, — освобождать для того, «*чтобы отъ того лишняго сидѣнья приводнымъ людямъ и большаю утѣшенія не было*» (ib. см. также № 1396 указъ 1691 г. марта 24).

Изъ другихъ законодательныхъ и юридическихъ памятниковъ видно, что въ этомъ столѣтіи тюремное содержаніе, въ видѣ мѣры предупрежденія, было примѣняемо по обвиненіямъ въ разнообразныхъ преступленіяхъ и по разнообразнымъ видамъ обвиненій. Такъ, въ 1605 году, былъ посаженъ доносчикъ Томила Бирилевъ, коего доносъ не оправдался, въ тюрьму до государева указу, и притомъ посаженъ за немиліеиѣ пристава Талевъ и Семейко Водеркинъ слѣдили въ Перми въ тюрьмѣ до окончанія дѣла по обвиненію ихъ въ томъ, что будто они «*напустили икоту*» на разныхъ лицъ (А. Э. III, № 66). Въ 1662 году велѣно было взять и держать въ тюрьмѣ до государева указу жену и дѣтей туринскаго ясачнаго татарина Безпелюдюча, обвиненнаго въ измѣнѣ (Доп. къ А. И. т. IV, № 124). Въ наказѣ 1666 года дорогобужскому воеводѣ сказано было брать, пытать и держать въ тюрьмѣ до государева указу прѣхавшихъ и пришедшихъ изъ Лявы и Польши, «*по которыхъ поруки не будетъ, а по досмотру и по сыску можно чаять отъ нихъ воровства или лазутчества*» (Доп. къ А. И. т. III, V, № 19; см. также А. И. т. III, № 116; стр. 173, стол. 2-й). Такъ же велѣно было поступать и съ тѣми изъ служилыхъ людей, которые между ясачными станутъ продавать табакъ, торговать мяскою рухлядью, заниматься корчемствомъ (ib. т. IV, № 138). Выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «*велѣно тебѣ про всякое воровство сыскивати, а сыскавъ воровъ велѣно сажать въ тюрьму, а безъ губнаго де стану и безъ тюрьмы у того государева дѣла быти тебѣ нелзъ, и затѣмъ де въ погостехъ воровъ и бѣглецовъ и татей не имаютъ, что ихъ на губной станъ приводить неидтъ*» (А. Э. т. IV, № 72); или: «*тѣхъ воровъ*

скихъ людей, татей и разбойниковъ и зажимальщиковъ, и всякихъ воровъ, скихъ людей иматъ, а переимавъ приводитъ въ Кашинъ къ сыщику *въ Кашинину* (ib. № 92); или: *которые отъ священническаго и монашескаго чину объявятся въ церковныхъ и въ мірскихъ татбахъ или въ денежныхъ дѣлахъ, или въ разбояхъ, или въ убійствахъ, или въ вѣдывствахъ, и поиманы и приведены будутъ къ сыщикамъ, или сыщикамъ учинится извѣстъ, но отъ оговорныхъ людей или поизвету: и сыщикамъ тотчасъ посылать и безъ заказчиковъ и вѣлѣти иматъ* (ib. № 161);—всѣ эти выраженія ясно показываютъ, что органы государственной власти были уполномочены брать и не отшукать обвиняемыхъ не только въ опредѣленно означенныхъ въ законѣ преступленіяхъ, но и вообще въ преступленіяхъ, «во всякихъ воровствахъ», «*тытѣхъ*» и въ *иныхъ воровствахъ*.

Правда, въ Соборномъ Уложеніи еще довольно ясно видна черта, разграничивающая кругъ дѣйствія обвинительнаго начала въ уголовномъ судѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ есть указаніе на то, въ какихъ случаяхъ обвиненія въ уголовномъ преступленіи тюремное содержаніе, какъ мѣра предупрежденія, не должно было имѣть мѣста. «А на которыхъ людей истцы быють челомъ, говорится въ 49 ст. XXI гл., *въ татбахъ и въ разбояхъ именно безъ поличнаго и безъ язычной молки и не по ликованнымъ обыскамъ; и тѣхъ челобитчиковъ отсылати въ судный приказъ, идѣ кто судимъ*». Кромѣ того, по ст. 51 той же главы, каждый, у кого «*воры животы поградутъ или разбоемъ возьмутъ*», долженъ былъ подавать воеводамъ или губнымъ старостамъ поименный явни съ описаніемъ пограбленныхъ вещей; если эти явни не были имъ поданы, то въ случаѣ поимки имъ и привода кого-нибудь съ поличнымъ, ополченные не были подвергаемы пытѣ, а вѣлѣно было «*давати въ такомъ дѣлѣ истцамъ на тѣхъ людей, у кого они за что поймаются, судъ, и съ суда учинити вѣру престное цѣлованіе, чтобы въ такомъ дѣлѣ никому напрасныхъ продажъ не было*». Это правило повторяется въ наказахъ воеводамъ и губнымъ старостамъ (Доп. къ А. И. т. I, № 31). А въ наказѣ стольнику и воеводѣ Ловчинову въ Арзамасѣ, кромѣ того, сказано, чтобы обыскные люди «*на соседствѣ сумержныхъ браней и деревенскихъ дракъ въ разбой не ставили*»; также вѣлѣно не ставить въ разбой и давать судъ, если принесено будетъ отъ кого-нибудь челобитѣ «*въ разбой въ ближнемъ соседствѣ*» (А. Э. т. IV, № 237). Такимъ образомъ, для производства уголовного суда въ собственномъ смыслѣ, и для принятія тюремнаго содержанія, необходимы были: или поличное, на которое были явни, или оговоръ другаго обвиняемаго (язычная молка), или показаніе обыскныхъ людей (ликованные обыски). Во всѣхъ этихъ условіяхъ нельзя не видѣть остатка прежняго господства обвинительнаго начала. Что эти правила въ первую половину этого періода имѣли силу дѣйствующихъ правилъ—это не подлежитъ сомнѣнію (А. И. т. III, № 175, 187 и 204). Но подъ конецъ разсматриваемаго времени они болѣе и болѣе приходять въ забвеніе. Преслѣдованіе преступленій по должности взяло перевѣсъ надъ преслѣдованіемъ только по доказательнымъ жалобамъ,—словомъ, *судѣственное* начало почти вытѣснило начало обвинительное. Скоро стали про-

сидѣть и брать подъ арестъ, или по мало доказательнымъ жалобамъ, или по небыту, тѣмъ болѣе, что извѣтъ помѣщика на крестьянина уже по Уложенію считался достаточнымъ основаніемъ для производства пытки (А. 9. г. IV, № 161, п. 1, 1667 г.; А. Юр. изд. Калачева 1857 г., № 55, XLIX). Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику 1645—1648 г. говорится: *«И тѣ люди въ земскомъ приказѣ по приводамъ, по приставамъ намятамъ и по полицному сидятъ по мѣсяцу, по полутоду и больше»* (А. И. т. IV, № X). Доказательствомъ высказанной нами мысли служить также производство судебно-уголовнаго дѣла 1646—1648 г. о кражѣ разныхъ вещей, напечатанное въ 3 кн. лѣтописей Археографической комисіи. Въ этомъ дѣлѣ Онцифорко Судницинъ былъ ополченъ *«вернымъ шапошнымъ»*, спитымъ будто бы изъ украденной поповской однорядки голубой съ искрой. Поличное это было слишкомъ отдаленнымъ намекомъ на кражу, тѣмъ не менѣе это дѣло тянулось болѣе 3-хъ лѣтъ; кромѣ обвиняемаго, котораго содержали въ тюрьмѣ, была задержана и пытана его жена, вовсе неурчастная къ дѣлу, былъ содержимъ въ тюрьмѣ и допрашиваемъ подъ пыткою Бушеовъ, одинъ изъ лицъ ополчившихъ Онцифорка, и наконецъ дѣло окончилось только отдачею обвиняемаго на чистую поруку, чтобы ему впредь никакимъ воровствомъ не воровать (Лѣт. Археогр. пом. - вып. 3 стр. 25—37). Въ 1693 г. взятъ былъ въ рязанскій приказъ сысанныхъ дѣлъ и содержимъ до снятія допроса Паршикъ крестьянинъ Сатина потому только, что на землѣ его помѣщика найдено было тѣло убитаго крестьянина Потапова (А. Юр. изд. Калач. 1857 г., № 102). Съ этого столѣтія, словомъ начинается то часто необдуманное, малоосновательное, или вызванное иногда однимъ злоупотребленіемъ власти примѣненіе содержанія въ тюрьмѣ мало виновныхъ, или напрасно обвиняемыхъ, но невинныхъ, противъ котораго постоянно восставала законодательная власть. Въ законодательныхъ памятникахъ этого времени мы встрѣчаемъ такіе напр. жалобы и упреки: *«и ты де прислажалъ по него многихъ людей и взяли его и привезли къ тебѣ на сызжскій дворъ, и ты де держалъ его въ чепи и въ желѣзѣхъ безвинно и безъ поличнаго и безъ азычной толки и безъ лихованныхъ обысковъ напрасно въ поклѣтномъ иску многихъ дѣти»* (А. Юр. изд. Калачева 1857 г. № 55, XXVIII); или: *«и тѣмъ блуднымъ охотникамъ велитъ наговаривать на торговыхъ и промышленныхъ людей напрасно, и тѣхъ торговыхъ и промышленныхъ людей, по иже оговору, безъ сыску и безъ роспросу, сажаетъ въ тюрьму»* (А. И. т. IV, № 182, стр. 347, столб. 1-й); или: *«и для де своихъ взятокъ и намядковъ великихъ (Касимовскій воевода) людямъ своимъ и пушкарямъ изъ ямщиковъ имать съ торгу въ приказную избу и тѣхъ ямщиковъ въ приказной избѣ держати и мучити въ чепи и въ желѣзѣхъ»* (А. Юр. изд. Калачова № 58, III).

Въ законахъ этого періода мы не встрѣчаемъ никакихъ опредѣленныхъ правилъ какъ относительно того, кто имѣлъ право брать, приводить и заключать въ тюрьму обвиняемыхъ, такъ и относительно соблюденія тѣхъ или другихъ формальностей при принятіи этой мѣры предупрежденія. Государство главнымъ образомъ было заботливо преслѣдованіемъ преступленій и потому не обра-

пало на этотъ вопросъ вниманія. Главными руководителями во взятіи подъ стражу обвиняемыхъ и содержаніи ихъ въ приказъ или тюрьмѣ были, очевидно, губные старосты, воеводы и сыщики, какъ это видно изъ губныхъ грамотъ и воеводскихъ наказовъ. Исполнителями же ближайшими ихъ распоряженій были самыя разнообразныя лица. Прежде всѣхъ должно упомянуть о недѣльщикахъ или приставахъ (Улож. ст. 119, 120, 139—141 гл. X). Обязанность эту они исполняли преимущественно въ томъ случаѣ, когда дѣло производилось обвинительнымъ порядкомъ судопроизводства, а между тѣмъ, вслѣдствіе уклоненія отвѣтчика отъ суда, приходилось прибѣгать ко взятію его правыхъ крестьянъ (ст. 74 гл. XXI). Но такъ какъ учрежденіе недѣльщиковъ и приставовъ было тѣсно связано съ обвинительнымъ порядкомъ и съ столь частымъ употребленіемъ порукъ, тюремное же заключеніе явилось плодомъ слѣдственного процесса, то исполнителями этой мѣры являлись кромѣ того и иныя лица которыя скоро совершенно замѣнили приставовъ. Соотвѣтственно частому употребленію тюремнаго содержанія, обязанность взятія и привода исполняется служебными лицами разныхъ наименованій и даже частными лицами, именно: подъячими, площадными подъячими, губными цѣловальниками, стряпчими, стрѣльцами, сотскими, пятидесятскими и десятскими, помѣщиками и другими частными лицами. Принимали приводныхъ въ приказъ и въ тюрьму дьяки и подъячіе. Изъ законодательныхъ памятниковъ этого времени видно, что при взятіи соблюдались нѣкоторыя формальности, хотя и не всегда. Если частный человекъ хотѣлъ кого-нибудь поймать съ поличнымъ, онъ могъ для большаго обезпеченія взять пристава и повятыхъ, по въ Уложеніи говорится также о задержаніи съ поличнымъ и безъ нихъ (ст. 54 гл. XXI). Иногда для взятія и привода оговоренныхъ людей давались наказныя памяти; въ такомъ случаѣ лица, которымъ поручено было это сдѣлать, если имѣли возможность, брали обвиняемыхъ, или, вмѣсто ихъ, и правыхъ крестьянъ, при повятыхъ, и вмѣстѣ съ приведенными крестьянами подавали въ приказы дозѣдныя памяти объ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія. На этихъ-то дозѣдныхъ памятяхъ дьякъ или подъячій дѣлалъ надпись: *«а приводнаго принять и роспросить»*. Если былъ взятъ и задержанъ лицо духовнаго званія, обвиняемое въ преступленіи, то заключеніе въ тюрьму предоставлено было духовному заказчику. Взятыхъ правыхъ крестьянъ за неявку къ суду помѣщиковъ, или за непредставленіе къ суду оговоренныхъ крестьянъ, предписано было записывать въ книгу: *«а приводъ ихъ, кто въ которомъ числѣ въ чемъ иску данъ въ приказъ, записывать въ записную книгу имянно»* (Доп. къ А. И. т. VIII, № 108, ст. 13, стр. 342, стол. 1-й). Это, кажется, единственный случай, въ которомъ удержаніе въ приказѣ известнаго лица въ видѣ мѣры предупрежденія обставлено было нѣкоторыми формальностями.

§ 17. Уже въ первой половинѣ XVII столѣтія обнаружались результаты, какъ отсутствія точныхъ правилъ относительно взятія и содержанія обвиняемыхъ въ приказъ или тюрьмѣ, такъ и частаго примѣненія этой мѣры предупрежденія. Тюрьмы и приказы стали переполняться тюремными сидѣльцами и вольниками, которые стали въ заключеніи ждать по цѣлымъ годамъ рѣшенія своей участи.

Переполненіе это идетъ крещендо, и если къ концу сего столѣтія не достигаетъ той мѣры, до какой оно дошло въ XVIII столѣтія и потомъ, то, по крайней мѣрѣ, его нужно считать началомъ того непрерывнаго переполненія тюремъ, противъ котораго постоянно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ боролись русскіе законодатели. По неизмѣннѣю обнародованныхъ матеріаловъ, трудно сказать, какъ велико было въ это время число тюремныхъ сидѣльцевъ, лишенныхъ свободы во время слѣдствія и суда, но можно предполагать, что оно не было мало и незначительно, если считать всѣхъ тюремныхъ сидѣльцевъ, содержавшихся не только въ тюрьмахъ, но и въ разнообразныхъ приказахъ. Въ 1654 г. великоустюжскій воевода князь Мышецкій писалъ царю Алексѣю Михайловичу: *«И мы холопи твои, по твоему государеву указу, велѣли тюрьмы сдѣлать новые, потому что на Устюгѣ въ тюрьмахъ тюремныхъ сидѣльцовъ, по сыску стольника Ивана Дашкова, 350 человекъ»* (Доп. къ А. И. т. III, № 115). Всѣ эти тюремные сидѣльцы были помѣщены въ двухъ тюрьмахъ. Кромѣ частаго и не вполне разборчиваго употребленія содержанія въ тюрьмѣ во время суда, скопленіе тюремныхъ сидѣльцевъ въ тюрьмахъ и приказахъ возникло, вѣроятно, также и отъ продолжительности слѣдствія и суда. Хотя, конечно, вслѣдствіе того, что слѣдователь и судья въ этомъ столѣтіи большею частью соединялись еще въ одномъ лицѣ и судъ происходилъ не по однимъ только бумагамъ, производство уголовныхъ дѣлъ шло гораздо скорѣе, чѣмъ оно стало идти въ XVIII столѣтіи и потомъ, тѣмъ не менѣе уже въ разсматриваемое время положено было начало будущей медленности уголовного суда. Въ выпискѣ изъ уставной книги Разбойнаго приказа 1631 г. говорится: *«Которые тати и разбойники сидятъ въ тюрьмѣ года два, или три, и на которыхъ людей, съ пытокъ, въ первомъ году не говорили, а въ другомъ и третьемъ году учнутъ говорить, и тому не вѣрится»* (А. И. т. III, № 167, стр. 300, столб. 2-й). По мнѣнію одного изъ почтенныхъ нашихъ юристовъ *), въ приведенныхъ словахъ разумѣются *«тѣ преступники, кои, по рѣшенію о нихъ дѣлъ, посажены были въ тюрьму вслѣдствіе неизмѣннаго по себѣ порока»*. Съ этимъ толкованіемъ едва ли можно согласиться: оно не вытекаетъ ни изъ самыхъ приведенныхъ словъ, ни изъ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. А что уже въ этомъ столѣтіи дѣла о воровствѣ, разбоѣ и убійствѣ рѣшались не весьма быстро, — доказательствомъ этому служатъ нѣкоторыя дѣла изъ того крайне скуднаго, чтобы не сказать ничтожнаго матеріала, нашей старинной уголовной практики, который обнародованъ въ печати. Такъ, по чердынскому дѣлу 1639 г. 21 человекъ сидѣлъ въ тюрьмѣ другой годъ, и изъ нихъ два были удержаны и долѣе (А. И. т. III, № 204). Тимошка Матвѣевъ, крестьянинъ Немтинова, попалъ на дорогѣ на Дружинку, крестьянина Беклемишовыхъ, и дрался съ нимъ въ 1644 г., а изъ челобитья его помѣщика видно, что онъ по этому дѣлу, еще и въ 1647 г. нерѣшенному, сидѣлъ въ это время въ тюрьмѣ (Ак. Юр., изд. Калачова, 1857 г., № 55, XI).

Такая-то медленность и умноженіе тюремныхъ сидѣльцевъ уже тогда обра-

*) Ланге. Архивъ историч. и практич. свѣдѣній, Калачова, 1860—1861 г., кн. III. Нѣсколько словъ о мѣрахъ противъ уклоненія отъ слѣдствія и суда, стр. 62.

тѣмъ на себя вниманіе законодателя и подвинули его къ изданію законовъ, прямо направленныхъ противъ этого явленія. Еще въ XVI столѣтіи въ одной изъ губныхъ грамотъ предписывается сознавшихся въ преступленія татей и разбойниковъ въ тюрьмахъ долго не держать, и если поймано ихъ три или четыре, и они между тѣмъ станутъ оговаривать однихъ и тѣхъ же людей, то для очной ставки *«оставляти тѣхъ разбойниковъ по одному человеку»*, а прочихъ казнить (А. Э. т. I, № 330, стр. 398, столб. 1-й). Въ Соборномъ Уложеніи постановлено: разбойниковъ, убійцъ и поджигателей, послѣ произнесенія надъ ними смертнаго приговора, держать въ тюрьмѣ полгода, *«для сыску товарищевъ ихъ»*, которыхъ они оговаривали; по прошествіи же этого времени казнить ихъ, хотя бы оговоренные ими и не были отысканы (ст. 21, гл. XXI). Равнымъ образомъ 30-ю ст. той же главы повелѣвается, по прошествіи двухъ недѣль или по истеченіи поверстнаго срока, освобождать приведенныхъ съ поличнымъ, если тѣ, которые привели, въ теченіе этого времени или *«о указъ не учнутъ бить челомъ»*, или, такъ какъ они утверждали, что *«то поличное племени ихъ или друзей»*, — *«на указный срокъ истца не поставятъ»* (ст. 30, гл. XXI). Этотъ послѣдній срокъ былъ видоизмѣненіемъ недѣльнаго срока, установленнаго не задолго предъ тѣмъ, когда царю было доложено, что *«всякіе люди приставляютъ по поличному, и пристава тѣхъ людей волочатъ, многое время не шлютъ, и поличнаго своего съ чѣмъ приведутъ отступаются»*, а между тѣмъ приведенные люди *«въ земскомъ приказѣ, по приводамъ, и по приставнымъ памяткамъ и по поличному, сидятъ по мѣсяцу и по полуоду и больше»* (А. И. т. IV, № 6, X). Въ 1653 г. изданъ былъ законъ, коимъ повелѣно *«сыскивать оговорныхъ людей недѣля, а какъ минетъ недѣля и ихъ вершить»*, *«а вершить татей и разбойниковъ въ недѣли по вся дни, oprичъ Воскресенья Христова»*; и если бы кто могъ быть отданъ на поруки и сидѣть въ тюрьмѣ по неимѣнію порукъ, такихъ освобождать и безъ порукъ (П. С. Зак. т. I, № 105). Въ новоуказныхъ статьяхъ установленъ новый срокъ для окончанія важныхъ уголовныхъ дѣлъ. *«А въ тюрьмахъ, сказано въ 123 ст. указа 1669 г., тюремныхъ сидѣльцовъ, татей и разбойниковъ и убійцевъ и въдуновъ и всякихъ воровскихъ людей больше мѣсяца не держать, а послѣ мѣсяца велитъ тѣхъ воровъ вершить»* (ib. № 441). Этимъ же закономъ предписано было составлять росписи старымъ тюремнымъ сидѣльцамъ съ обозначеніемъ имени, званія, мѣста и числа совершенныхъ преступленій (ib. ст. 126). Росписи эти получили въ этомъ столѣтіи техническое названіе *статейныхъ списковъ* — имя, до сихъ поръ сохранившееся въ нашей юридической терминологіи въ отношеніи къ ссыльнымъ. Около этого времени и потомъ почти въ каждомъ наказѣ воеводамъ вмѣнялось имъ въ обязанность по вступленіи въ должность составлять статейные списки и присылать ихъ или къ государю, или въ разбойный приказъ, или въ провинціальные приказы (А. И. т. IV, №№ 181, 209; т. V, №№ 55, 240; доп. къ А. И. т. IV, №№ 134, 138; П. С. Зак. №№ 328, 441 пп., 123, 126 и 127, 626, 1,594, 1,670). Что статейные списки составлялись, между прочимъ, и о тюремныхъ сидѣльцахъ, сидѣвшихъ во время слѣдствія и суда въ тюрьмѣ, — дока-

зательствомъ этому служить слѣдующія слова наказа, даннаго въ 1694 г. тобольскому воеводѣ: *«Да имъ же боярину и воеводамъ, съ приѣзду своего, велѣтъ пересмотрѣть въ тобольску тюремныхъ сидѣльцовъ и переписать накупѣно и сдать тому статейный списокъ подлинной, кто иманно и въ какомъ дѣлѣ и сколь давно въ тюрьмѣ сидятъ и пытаны ль, и что съ пытки на себя или на иного кого говорилъ; и пересмотря и переписавъ и учинить имъ указъ по указу великаго государя и по уложенію и противъ указныхъ статей»* (П. С. З. № 1594). Составленіе статейныхъ списковъ и присылка служили однимъ изъ побудительныхъ средствъ къ скорѣйшему рѣшенію дѣлъ, по которымъ подсудимые содержались въ тюрьмѣ. Выше были указаны мѣры, которыя предприняты были законодателемъ противъ долговременнаго содержанія бѣглыхъ, а также правыхъ крестьянъ, взятыхъ съ цѣлью прекратить уклоненіе обвиняемыхъ отъ суда. Такъ какъ московскія тюрьмы вообще и въ частности тюрьмы разбойнаго приказа больше всего были переполнены, вслѣдствіе юридическаго положенія столицы, то были также изданы и спеціальныя законы съ цѣлью прекратить накопленіе тюремныхъ сидѣльцевъ въ одномъ мѣстѣ. До 1672 г. вѣсть съ присылкою въ разбойный приказъ дѣла были присылаемы и обвиняемые; по указу этого года 23 іюля предписано *«изъ городовъ колодниковъ въ разбойныхъ приказъ для многочинства московскихъ тюремныхъ сидѣльцовъ предъ не имать, а имать одни дѣла»*, и даже вѣдно было тѣхъ колодниковъ, которые, по государевымъ грамотамъ, были присланы въ Москву, отсылать *«въ тѣхъ города съ тѣми же присылчики, которые ихъ привезутъ»*, а которые изъ городовъ взяты въ Москву въ разбойный приказъ и сидятъ въ тюрьмѣ по истцовымъ челобитнымъ, тѣхъ отсылать въ города на истцовыхъ подводахъ (П. С. Зак. № 527). Указомъ 1673 г. января 20 запрещено принимать въ разбойный приказъ бѣглыхъ и обвиняемыхъ въ воровствѣ крестьянъ, приводимыхъ помѣщиками, живущими въ уѣздахъ, помѣстьяхъ и вотчинахъ, потому что *«отъ такихъ приводныхъ людей въ тюрьмѣ тюремныхъ сидѣльцовъ множится»* (ib. № 538). Наконецъ, закономъ 1677 г. мая 21 указано *«колодниковъ, которые присланы на тюремный дворъ изъ разныхъ приказовъ для береженья не принимать»* (ib. № 691). Въ этомъ же столѣтіи начинается рядъ тѣхъ общихъ и постоянныхъ напоминаній въ разнообразныхъ законахъ и распоряженіяхъ правительства о скорѣйшемъ окончаніи уголовного суда, которыя продолжались до нашихъ дней. *«Колодниковъ, никого, ни въ какихъ дѣлахъ многихъ дней не держать»*, *«чтобы отъ того лишняго сидѣнья приводнымъ людямъ и большаго утѣсненія не было»*, — такъ напоминалъ законодатель XVII столѣтія о скорѣйшемъ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ (Доп. къ А. И. т. V, № 62; А. И. т. V, № 55, т. VIII, № 108, X, XV; А. Э. т. I, № 330, т. IV, № 159; П. С. Зак. №№ 1368, 1670). Съ этого же столѣтія ведутъ свое начало карательныя мѣры, которыя государственная власть употребляла съ тою цѣлью, чтобы побудить судей скорѣе оканчивать уголовныя дѣла и не держать долго въ тюрьмахъ (А. И. т. V, № 55, стр. 85, столб. 5).

Для полной характеристики тюремнаго содержанія этого времени, какъ мѣ-

ры преступленія я, считаю необходимымъ коснуться какъ самыхъ мѣстъ содержанія, такъ и способовъ содержанія. Уясненіе этихъ двухъ пунктовъ необходимо, съ одной стороны, потому, что нѣкоторые оригинальныя особенности, впоследствии исчезнувшія, могутъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ и потому требуютъ уясненія съ другой потому, что они прямо характеризуютъ самую мѣру предупрежденія.

Въ какихъ помѣщеніяхъ содержались въ этомъ столѣтіи обвиняемые во время слѣдствія и суда—на это мы находимъ отвѣтъ въ разныхъ, требующихъ, впрочемъ, нѣкотораго выясненія, выраженіяхъ законовъ этого времени. Такъ, мы въ законодательныхъ памятникахъ этого столѣтія постоянно встрѣчаемъ такіа и подобныя имъ слова: *«въ шестомъ часу ночи извѣщалъ пристава Придцевъ, что татя Ивашка Шквары въ земскомъ приказѣ, въ тюрьмѣ нѣтъ»*; *«и тѣ люди (которые приведены съ полицнымъ) въ земскомъ приказѣ... сидятъ по мѣсяцу, по полугодію и больше»* (А. И. т. IV, № 6, VIII, X); *«брать ихъ людей въ приказъ и держать, пока»* и пр. (П. С. Зак. т. II, № 740); *«взятыхъ людей держать въ приказѣ недѣлю»* (доп. къ А. И. т. VIII, № 108); *«а которые колодники сидятъ нынѣ въ городѣхъ въ приказныхъ избахъ и тюрьмахъ»* (А. И. т. V, № 55); *«а которые тюремные сидѣльцы посажены будутъ на тюремный дворъ и за рѣшетку»* (П. С. Зак. № 845); *«въ розбойномъ приказѣ за рѣшеткою и подъ приказомъ колодниковъ ни въ какихъ дѣлахъ не держать»* (ib. г. III, № 1,345). Изъ приведенныхъ выраженій очевидно, что въ XVII ст. помѣщенія для тюремныхъ сидѣльцевъ были двухъ родовъ: тюрьмы въ собственномъ смыслѣ, отдѣльныя и самостоятельныя помѣщенія, и зданія самихъ приказовъ, приказныхъ и губныхъ избъ. Можно съ вѣроятностью полагать, что въ помѣщеніи каждаго приказа, каждой земской и губной избы, было особое отдѣленіе, гдѣ содержались обвиняемые, чему служатъ подтвержденіемъ вышеприведенные слова: *въ земскомъ приказѣ, въ тюрьмѣ*. Въ такихъ большихъ приказахъ, какъ розбойный и московскій судный, служившихъ апелляціонною и ревизионною инстанціею, одни помѣщенія для тюремныхъ сидѣльцевъ отдѣлялись рѣшеткою, другія находились подъ приказомъ (Доп. къ А. И. т. VIII, № 108, X; П. С. Зак. №№ 845, 1345). Словомъ, въ XVII ст. практиковалось въ большихъ размѣрахъ то, чего остатки сохранились до нашихъ дней. Извѣстно, что и въ настоящее время при полиціяхъ, при волостныхъ и сельскихъ расправахъ находятся помѣщенія для подсудимыхъ арестантовъ, и помѣщенія эти бываютъ большею частью въ одномъ зданіи съ этими учрежденіями; въ XVII ст. подобныя помѣщенія были при розбойномъ и другихъ приказахъ, при губныхъ и земскихъ избахъ, словомъ—при учрежденіяхъ, которыя въ судебномъ отношеніи можно бы сравнить съ нынѣшнимъ сенатомъ, палатами и уѣздными судами. Можно думать, что первоначально, при меньшемъ развитіи благоустройства и государственныхъ средствъ, преобладало содержаніе при приказахъ, которое было чѣмъ-то среднимъ между отдачею за пристава и содержаніемъ собственно въ тюрьмѣ. Замѣчательно, что содержаемые при приказахъ на-

ходились подъ надзоромъ пристава и часто считались отданными за пристава, тогда какъ сидѣвшіе собственно въ тюрьмахъ подчинены были надзору иныхъ лицъ. Мало по малу тюрьмы стали замѣнять помѣщенія при приказахъ и подъ конецъ этого столѣтія получили преобладающее положеніе. Такъ, по закону 1653 г. окт. 20 велѣно было *«опредѣ татей и розбойниковъ за приставы не отдавать, а держать ихъ до указу въ тюрьмѣ»* (П. С. Зак., т. I, № 105). Въ 1689 г. авг. 13 указано было содержать колодниковъ не въ Разбойномъ приказѣ за рѣшеткою и подъ приказомъ, а на тюремномъ дворѣ (П. С. Зак. т. III, № 1345).

Пока господствовала удѣльная рознь, пока существовало большое число независимыхъ юрисдикцій, обще-государственная власть не могла, да и не имѣла нужды и побужденій заботиться о постройкѣ и содержаніи общихъ тюремъ. Кто владѣлъ правомъ суда, тотъ некъся и о мѣстахъ содержанія подсудимыхъ. Даже къ то время когда обще-государственная власть стала сосредоточивать въ своихъ рукахъ судъ надъ важнѣйшими преступленіями, она продолжала, вмѣстѣ съ предоставленіемъ разнымъ учрежденіемъ права суда во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ, освобождать отъ обязанности участвовать въ постройкѣ, содержаніи, и надсмотрѣ за тюрьмами. Въ жалованныхъ несудимыхъ грамотахъ уже позднѣйшаго времени мы встрѣчаемъ о монастырскихъ людяхъ и крестьянахъ такіа выраженія: *«и тюремъ не ставятъ и у тюремъ сторожи не стерегутъ и цѣловальниковъ къ тюрьмамъ и къ губнымъ дѣламъ не даютъ»* (А. И. т. I, № 200, т. II, № 61, т. III, № 119 и 120). Но съ отмѣной отдѣльных, самостоятельныхъ юрисдикцій, съ окончательнымъ сосредоточеніемъ уголовной юстиціи въ рукахъ государства, постройка, содержаніе и надзоръ за тюрьмами становятся дѣломъ государственнымъ, общею повинностью, къ отправленію которой велѣно было привлекать всѣхъ *«грамотчиковъ и тарханщиковъ»* (А. Э. т. III, № 163). Этотъ новый порядокъ былъ окончательно узаконенъ Соборнымъ Уложеніемъ (ст. 94 и 97, гл. XXI). Для надзора за тюрьмами и для береженья тюремныхъ сидѣльцевъ стали выбирать отъ всѣхъ вѣдомствъ и тюремныхъ цѣловальниковъ и сторожей, которые отвѣчали за побѣгъ колодниковъ (ст. 95 и 101, гл. XXI).

Съ содержаніемъ обвиняемыхъ во время слѣдствія и суда въ тюрьмѣ и въ приказахъ были соединены дополнительныя средства предупрежденія. По довольно часто встрѣчающимся выраженіямъ въ родѣ слѣдующихъ: *«а тѣхъ розбойниковъ скованныхъ или связанныхъ..... приводитъ въ связную избу»* (Доп. къ А. И. т. V, № 94; А. И. т. V, № 223),—можно навѣрное полагать, что при самой поимкѣ, взятіи и приводѣ обвиняемые были уже заковываемы въ желѣза или связываемы. Затѣмъ во время содержанія ихъ держали въ ножныхъ оковахъ, въ ошейникахъ и цѣпяхъ (А. Э. т. III, № 16; А. И. т. I, № 242, т. IV, №№ 161, п. 5, 183, 247, т. V, №№ 222, 253, 275, 281; Доп. къ А. И. т. I, № 51, XIII, т. V, № 94; т. VI, №№ 17, 95; А. Юр. изд. Блалч. 1857 г., № 55, XLIX, 58, III, П. С. Зак. № 1670). Въ ошейникахъ и цѣпяхъ держали не только тяжкихъ преступниковъ, но и маловажныхъ. Такъ, въ 1674 г. самозва-

нецъ Ивашка Воробьевъ, назвавшійся царевичемъ Симеономъ Алексѣвичемъ, и его товарищъ, были содержимы и ведены скоранные, *«на цепяхъ и въ кандалахъ»* (А. И. т. IV, № 42 7). Посошковъ свидѣтельствуеъ, что онъ видѣлъ въ приказѣ провинціального суда дворянина Скрыплева, про котораго говорили: *«человѣкъ де пять шесть пошло отъ его рукъ»*, въ такомъ видѣ: *«на шеѣ у него цѣпь, а на ногахъ желѣза»* (Русск. Бесѣда, Москва, 1860 г. кн. II. О круговой порукѣ, Бѣляева). А между тѣмъ около того же времени велѣно было содержать въ монастырѣ, до указа государя, Петрушку Власова на цѣпи, за закладъ на кружечномъ дворѣ своего шейнаго креста,—за поступокъ крайне непристойный, но не злодѣйскій (А. И. т. V, № 253), а прежде того были содержимы скованные на цѣпи просфорни, которыхъ обвиняли въ печеніи просфоръ старой печати (А. И. т. IV, № 203). Равнымъ образомъ, указомъ 1699 г. повелѣно было: татей, мошенниковъ и *пропойцевъ*, не держа долго въ тюрьмахъ, *«сковавъ по два человека ошейными добрыми или ножными желѣзами»*, приставить къ работѣ—дѣлать кирпичи и проч. (П. I. Зак. № 1670). Въ 1699 г. ямщики жаловались на воеводу Бондырева, что онъ изъ взятокъ беретъ ихъ въ приказную избу и держитъ тамъ въ цѣпи и въ желѣзахъ (А. Юр. Калач. № 58, III). Если цѣпи и желѣза были въ употребленіи по такимъ незаконнымъ предлогамъ, какъ въ этомъ случаѣ, то можно полагать, что они были обыкновенною прибавочною мѣрою предупрежденія въ случаяхъ справедливаго задержанія, даже въ маловажныхъ преступленіяхъ. Въ законодательныхъ памятникахъ этого столѣтія встрѣчается такое выраженіе: *«привезть для роспросу..... въ крѣпостяхъ»*, *«привезть въ крѣпости»* (А. И. т. V, № 223). Выраженія эти, не имѣя точно опредѣленнаго смысла, очевидно обозначали большую или меньшую совокупность дополнительныхъ мѣръ пресѣченія; такъ, игуменъ мостицскій Трифонъ говоритъ: *«да меня нишлаго чернеца посадили въ двои желѣза, да въ цепь, а цепь проняли сквозь стѣны; и я нишій чернецъ, въ той крѣпкѣ мучился у нихъ девять дней на желѣзахъ»* (А. И. т. I, № 242). Должно также полагать, что сажаніе въ колоду тюремныхъ сидѣльцевъ было въ употребленіи, чему служить доказательствомъ столь часто встрѣчающееся въ законахъ этого столѣтія слово *колодникъ*. Правда, отъ этого времени дошло до насъ частное запрещеніе употреблять сажаніе въ колоду: *«И впредь бы тебѣ, писалъ въ 1670 г. верхотурскій воевода приказнику прѣтской слободы, кто доведетца, велѣтъ ковать въ желѣза, а въ колоду бѣ тебѣ отнюдь не сажать»* (Доп. къ А. И. т. VI, № 17). Но намъ извѣстно, съ другой стороны, что техническое слово: *тюремный сидѣлецъ*, бывшее въ такомъ употребленіи въ XVII стол., было вытѣснено въ XVIII стол. другимъ техническимъ словомъ: *колодникъ*, и что только въ XIX ст., въ царствованіе императора Николая, издано было повелѣніе о неупотребленіи колодъ и повсемѣстномъ ихъ истребленіи.

Положеніе тюремныхъ сидѣльцевъ во время слѣдствія и суда въ XVII стол. было крайне не обезпеченное. Они содержались преимущественно подаеніемъ, для чего ихъ водили, по улицамъ, торгамъ и папертамъ церковнымъ, *«на связкахъ»*

для прошенія милостыни. Тѣ тюремные сидѣльцы, которые уже сидѣли въ тюрьмахъ брали съ вновь посаженныхъ *власное*, вѣроятное за то, что они допускали ихъ къ пользованію всѣми преимуществами тюремной общины, а въ томъ числѣ правомъ питаться добытою милостынею. Указомъ 1680 г. запрещено было тюремнымъ сидѣльцамъ взимать этотъ налогъ, *«чтобъ въ томъ бѣднымъ людемъ тѣнотства и мучительства не было»* (П. С. Зак. № 845). Къ половинѣ и особенно къ концу XVII стол. относятся первые начатки принятія государствомъ на свой счетъ самаго содержанія тюремныхъ сидѣльцевъ и первые опыты облегчить безпомощное ихъ экономическое положеніе (П. С. Зак. № 105, 328, 336).

§ 18. Отдача за пристава была второю мѣрою пресѣченія въ XVII стол. Эта мѣра, достигшая столь обширнаго употребленія въ дѣлахъ уголовныхъ предшествующаго періода, часто практикуемая на ряду съ содержаніемъ въ тюрьмѣ еще въ началѣ разсматриваемаго столѣтія, со второй половины его начинаетъ уступать поле дѣйствія тюремному заключенію и подъ конецъ столѣтія почти выходитъ изъ употребленія. И понятно почему: она была мѣрою того общества, у котораго уголовный судъ шелъ скоро, задержанныхъ было сравнительно немного, а общегосударственныя средства были еще не велики.

Эта мѣра въ разсматриваемое время примѣнялась въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Если оговорный язычною молкою, т. е. показаніемъ подъ пыткой пойманнаго, обвиняемаго въ преступленіи, станетъ просить произвести о немъ обыскъ: *«учнетъ бити чоломъ о обыску»* (ст. 35, гл. XXI).

2) Если кого оговорають тѣ же языки *«за очи, а съ очей на очи на нихъ говорити не стануть, и во многихъ людяхъ ихъ не узнаютъ, или узнавъ ихъ да учнутъ съ нихъ сговаривашь»*, и тоже будутъ утверждать и подъ пыткой; въ такомъ случаѣ повелѣно производить обыскъ, а оговореннаго отдавать за пристава (ст. 44, гл. XXI).

3) Спорныхъ холопей, за неимѣніемъ порукъ, *«до вершенія суднаго дѣла держати пристава»* (ст. 51, 94, 102, 112, гл. XX). Въ 1637 г. послана царская грамота въ Муромъ, чтобы *«которые у нихъ люди въ холопствѣ и въ крестьянствѣ будутъ въ приимъ»* въ татинныя и разбойныя тюрьмы не сажать, а держать за приставомъ, потому что отъ того (сажанія) *«татемъ и разбойникомъ и оговорнымъ людемъ чинится тѣснота и голодъ, и отъ тѣсноты и отъ духу помирають»* (А. Э. т. III, № 272).

Кромѣ этихъ специальныхъ статей, въ Соборное Уложеніе перешли изъ перваго и втораго Судебниковъ общія статьи о томъ, чтобы недѣльщики *«изымавъ татей и разбойниковъ»* не стпускали, и состоящихъ въ ихъ содержанія татей безъ доклада боярину и дьяку, на поруки, не отдавали (ст. 147, X; ст. 83 и 86, гл. XXI).

Приведенныя статьи Уложенія не исчерпываютъ всѣхъ случаевъ содержанія за приставомъ въ этомъ столѣтіи. По дѣлу Онцѣфорка Суднищина, котораго обвиняли въ воровствѣ, были содержимы за приставомъ Нѣкифоръ Маріоновъ, укрывшій обвиняемаго, когда его ловили, и невинная жена Онцѣфорка (Лѣтоп. Арх. комм. 1864 г. вып. 3, стр. 26, 29). По дѣлу Шеина, котораго, послѣ неудачнаго смоленскаго похода 1632—1634 г., обвиняли въ измѣнѣ, были содержимы за приставомъ дѣяки Александръ Дуровъ, да Дмитрій Карповъ, а больного князя Бѣдосельскаго содержали за приставомъ въ его собственномъ домѣ: *«велико быть на Москвѣ на дворѣ приставомъ стрѣльцомъ»* (А. Э. т. III, № 251).

Объ этой мѣрѣ мы должны сказать то же, что сказали относительно содержанія въ тюрьмѣ; такъ какъ не существовало точныхъ правилъ относительно примѣненія ея, то, очевидно, на практикѣ много зависѣло отъ усмотрѣнія судьи. Мы привели выше статьи, изъ которыхъ очевидно, что оговоренные должны были быть отдаваемы за пристава. Но изъ вышеприведенной грамоты 1637 года въ Муромѣ видно, что оговоренные сидѣли и въ тюрьмѣ. Нѣтъ опять-таки сомнѣнія и въ томъ, что объемъ примѣненія этой мѣры съ теченіемъ времени суживался, вслѣдствіе развитія приказнаго порядка, постройки большаго числа тюремъ и полученія большей возможности содержать въ тюрьмѣ. Органы очень уже въ то время сильнаго государства отражали въ своихъ дѣйствіяхъ его силу, и въ томъ случаѣ, въ которомъ прежде прикосновенный къ дѣлу безъ всякаго неудобства оставался на свободѣ, они стали его сначала содержать за приставомъ, а потомъ и въ тюрьмѣ. Логика общественной жизни брала свое: государство было поглощено преслѣдованіемъ преступленій; другіе интересы, которые могли бы удержать власть отъ задержанія обвиняемаго, еще не получили права гражданства.

Выше уже сказано, что съ половины этого столѣтія эта мѣра предупрежденія начинаетъ выходить изъ употребленія. Въ этомъ отношеніи замѣчательнъ указъ 1653 г. 20 октября. Этимъ указомъ предписано было: *«впредь татей и розбойниковъ за приставы не отдавать, а держать ихъ до указа въ тюрьмѣ»*. Этотъ законъ вызванъ былъ тѣмъ, что многіе изъ обвиняемыхъ, сидя за приставомъ, не въ состояніи были платить особую пошлину: *пожелѣзное и покормѣ*, и что вслѣдствіе того пристава, вѣроятно, и послѣ произнесенія приговора объ освобожденіи, не отпускали ихъ отъ себя. Доказательствомъ этому служить то, что тѣмъ же закономъ предоставлено желающимъ отдавать за пристава, если они возьмутъ на себя издержки своего содержанія: *«А будетъ которые тати и розбойники учнутъ битъ челомъ, чтобъ ихъ отдавать за приставы, а пожелѣзное соймутъ на себя: и ихъ за приставы отдавать а поголовныя деньги имать по прежнему»* (П. С. З. т. I, № 105).

Отданные за пристава содержались, также какъ и сидѣвшіе въ тюрьмѣ, въ оковахъ и колодахъ, чему доказательствомъ служатъ: а) слово колодникъ, которое за-

коны этого времени употребляютъ, когда говорятъ объ отданныхъ за пристава (П. С. Зак. т. I, № 221), и б) пожелѣзная пошлина, которую пристава брали съ содержимыхъ (Улож. гл. XX, ст. 94, 102 и 112).

Въ законахъ этого столѣтія есть нѣсколько постановленій относительно вознагражденія, которое пристава получали за содержимыхъ ими подъ своимъ надзоромъ. Это вознагражденіе состояло изъ пожелѣзнаго по 3 деньги и покорму по 4 деньги въ день. Въ указѣ 1658 г. упоминается также о хоженомъ и поверстныхъ посылкахъ (П. С. З., № 221). Очевидно, послѣдняго рода пошлину приставъ получалъ тогда, когда онъ участвовалъ во взятіи и приводѣ или привозѣ обвиняемаго. Всѣ эти пошлины падали на содержимаго, оказавшагося виновнымъ, или на истца и обвинителя, по иску котораго онъ былъ отданъ, если искъ или обвиненіе оказывается неосновательными. За холопа, по окончаніи суднаго дѣла, покормъ и пожелѣзное приставъ правилъ или на виноватомъ, т. е. на томъ лицѣ, которому не былъ присужденъ холопъ (Ул. ст. 94 и 112, гл. XX), или на томъ, *«кто его у нихъ засада отступится»* (ст. 102, гл. XX). Очевидно, что плата покорма и пожелѣзнаго была крайне обременительна для подсудимыхъ: лишеныя свободы они еще обязаны были платить высокую по тогдашнему времени плату за свое содержаніе. Положеніе ихъ было въ этомъ отношеніи хуже сидѣвшихъ въ тюрьмахъ: послѣдніе не платили пожелѣзнаго и кормились посредствомъ милостыни, которую они собирали, водимые своими надзирателями *на связкахъ* по самымъ люднымъ мѣстамъ города. Въ 1658 году царь велѣлъ съ 1-го марта того года *«съ колодниковъ, которые сидятъ на Москвѣ за пристава въ его вел. госуд. дѣлахъ и въ исцовыхъ искахъ пожелѣзнаго тѣмъ приставамъ имать съ нихъ не велѣтъ, а вмѣсто пожелѣзнаго указалъ тѣмъ приставамъ давать свое вел. государя жалованье изъ суднаго приказы»*, *«а за колодниковъ въ истцовыхъ искахъ платятъ тѣ, на комъ довелось, а не будетъ кого, то изъ суднаго приказы»* (П. С. З., № 221).

Изъ сопоставленія этого указа съ вышеприведеннымъ 1653 г., о несодержаніи за приставомъ, становится очевиднымъ, что рассматриваемая мѣра предупрежденія становилась несвоевременною, потому что она была въ экономическомъ отношеніи обременительна для подсудимыхъ, и что уже въ силу одного этого она должна была болѣе и болѣе уступать мѣсто дѣйствія содержанію въ тюрьмѣ. Такъ юридическая логика дѣлала свой выводъ: государство гораздо раньше признало уголовную юстицію своимъ дѣломъ; рано или поздно оно должно было взять на себя и издержки ея, что оно стало и дѣлать, начавши съ выдачи приставамъ платы за содержимыхъ ими обвиняемыхъ.

Пристава отвѣчали за упускъ обвиняемыхъ, которыхъ поручали имъ содержать во время слѣдствія и суда. Если приставъ упускалъ приводнаго, котораго *«дадутъ ему держати»*,—его самого, по жалобѣ истцовъ, отдавали на поруки въ томъ, что ему *«сыскавъ ушедшаго поставити въ приказъ въ указъ»*

ные сроки. Когда же онъ въ назначенный срокъ не представлялъ бѣжавшаго, то съ него и съ его поручителей правилось *истцовы иски*, и хотя запрещалось въ колодничѣ побѣгъ его пытаться, но въ случаѣ несостоятельности его выдавали *«истцомъ головою до искупу»* (гл. X, ст. 271). За намѣренный отпускъ взятаго и содержимаго, или за отдачу на поруки безъ доклада боярину и дьяку, законъ, кромѣ того, грозилъ имъ наказаніемъ кнутомъ и заключеніемъ въ тюрьму (ст. 83 и 86, гл. XXI).

Относительно мѣста, гдѣ пристава содержали отданныхъ имъ для береженія подсудимыхъ, мы встрѣчаемъ въ законахъ два-три выраженія, нѣсколько разъясняющихъ этотъ вопросъ: *«А быть недѣльщикомъ во всѣхъ приказахъ за крѣпкими поруками»*, говорится въ 147 ст. X гл. Уложения, *а поруки велѣтъ по нихъ заирать въ томъ, что имъ будучи у государева дѣла..... колодниковъ изъ приказа и отъ себя съ дворовъ безъ указу не отпускати*. Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику 1648 г. есть слѣдующее выраженіе: *«Татъ Филька Роговъ винился и сказалъ: сидѣчи онъ въ земскихъ приказахъ за приставамъ, изъ-за пристава ходилъ красть по ночамъ»* (А. И. т. IV, № 6, VIII). Изъ этихъ выраженій мы вправѣ сдѣлать слѣдующій выводъ: отданные за пристава содержались или въ домахъ приставовъ, или въ приказахъ, земскихъ и губныхъ избахъ, при которыхъ пристава состояли; первый видъ содержанія, очевидно древнѣй, былъ въ собственномъ смыслѣ содержаніемъ за приставамъ и вполне соответствовалъ самому термину, его обозначававшему; второй видъ былъ болѣе позднѣйшею формою содержанія за приставамъ;—его въ собственномъ смыслѣ и нельзя бы называть этимъ именемъ: онъ составлялъ, какъ уже выше сказано, нѣчто среднее между первымъ видомъ и тюремнымъ содержаніемъ въ тѣсномъ смыслѣ. Содержавшіеся въ приказѣ или земской избѣ за приставамъ состояли только на отвѣтственности пристава, не находясь подъ его непосредственнымъ надзоромъ, какъ находились тѣ, которые содержались въ домахъ приставовъ. Выходитъ, что одинъ и тотъ же терминъ сталъ обозначать уже нѣчто иное, вновь народившееся, чего первоначально въ его этимологическомъ, буквально-номъ смыслѣ и не было.

§ 19. Поруки, какъ мѣра пресѣченія, достигаютъ въ XVII стол. полного развитія и опредѣленности въ юридическомъ отношеніи; но въ практическомъ областъ ихъ примѣненія становится тѣснѣе и тѣснѣе.

Въ этомъ столѣтіи примѣненіе ихъ также тѣсно связано съ обвинительною формою уголовного суда, то есть съ тою формою, которая технически и прежде, и въ разсматриваемое время, называлась *судомъ*.

Судъ, а слѣдовательно и поруки, примѣнялись въ XVII стол. въ слѣдующихъ преступленіяхъ и случаяхъ:

- 1) По обвиненіямъ посредствомъ подличнаго въ разбоѣ и татѣбъ, если о по-

краденномъ или отнятомъ разбоемъ потерпѣвшій отъ преступленія не подалъ письменныхъ явокъ (ст. 51, гл. XXII, Улож. 1649 г.).

2) По обвиненіямъ въ тѣхъ же преступленіяхъ, когда не было поличнаго, оговора подъ пыткою (безъ язычной молки), и показанія обыскныхъ, что обвиняемый лихой человекъ (и не полихованнымъ обыскомъ) (ст. 49, гл. XXI).

3) По обвиненіямъ въ грабежѣ, побояхъ и нанесеніи ранъ (ст. 136, 179; 186 и 207, гл. X),

4) По искамъ объ обидахъ и угрозахъ (ст. 135, 183, 184, 207, 221 гл. X).

Въ первыхъ двухъ случаяхъ, а также и въ грабежѣ, судъ легко переходилъ въ обыскъ, дѣло доходило до пытокъ и для обвиняемаго слѣдовало содержаніе въ тюрьмѣ, или отдача за пристава: *«А будетъ въ судномъ приказѣ същется, что тѣ дѣла розбойные, дошли до пытокъ, и тѣхъ истцовъ и отвѣтчиковъ изъ суднаго приказу отсылать въ розбойный приказъ»* (ст. 49, гл. XXI).

Въ законахъ этого столѣтія мы, впрочемъ, не встрѣтили ни точныхъ правилъ, въ какихъ именно случаяхъ обвиненія въ уголовномъ преступленіи должны быть примѣняемы поруки, ни опредѣленія, что при производствѣ суда въ техническомъ смыслѣ непремѣнно примѣнялись поруки, и только поруки. Что поруки примѣнялись въ XVII стол. при производствѣ уголовныхъ дѣлъ формою суда, — это мы утверждаемъ не на основаніи прямыхъ словъ закона, а на основаніи предположенія; мы дѣлаемъ такіе посылку и выводъ: если до XVII стол. при производствѣ уголовныхъ дѣлъ формою суда примѣнялись главнымъ образомъ порука, то слѣдовательно, и въ XVII стол. эта мѣра пресѣченія была неразлучною спутницею еще уцѣлѣвшей формы суда. Но въ отсутствіи точнаго закона относительно этой мѣры лежала причина, почему поруки часто не были примѣняемы въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ бы ихъ слѣдовало по духу и смыслу тогдашнихъ законовъ примѣнять, и почему они теперь стали еще болѣе выходить изъ употребленія.

Въ параграфѣ о содержаніи въ тюрьмѣ мы уже показали, какъ легко судебные дѣятели этого столѣтія переходили ту линію, которая еще не совсѣмъ въ это время изгладилась, чтобы показывать неумѣстность крутыхъ розыскныхъ мѣръ, и въ томъ числѣ и тюремнаго заключенія. Кромѣ того, еще въ прошедшемъ столѣтіи неимѣніе порукъ влекло за собою лишеніе свободы; въ XVII стол., съ совершеннымъ почти паденіемъ родового и общиннаго въ прежнемъ видѣ быта и съ усиленіемъ государственнаго и приказнаго начала, много было людей, которые не могли найти за себя порукъ; вотъ здѣсь лежала новая причина сокращенія области примѣненія порукъ. *«А будетъ по которымъ порука не будетъ . . . сажать въ тюрьму»*, — столь часто встрѣчающееся выраженіе въ законахъ этого столѣтія (А. Э., т. III, № 311; доп. къ А. И., т. IV, № 42,

У, № 19; П. С. Зак., № № 669, 1055, 1369). «Въ земскомъ приказѣ по приводамъ, по приставнымъ и по полицному сидятъ по мѣсяцу и по полугодю и большы; а порукъ тѣхъ приводные люди, что имъ въ тѣхъ искхъ по полицному ставиться въ земскомъ приказѣ не дають, а сказываютъ, что они люди молодчѣ и бѣдные, никто по нимъ для продажи, въ такихъ покленныхъ искхъ, не ручаются» (А. И., т. IV, № 6, X). Можно думать, что такихъ молодчихъ и бѣдныхъ людей было въ настоящее время не мало, и что съ ослабленіемъ родовой и общинной связи не всегда можно было найти охотниковъ, готовыхъ взять на себя тяжелую, и сопряженную съ большою отвѣтственностью, обязанность поручителя.

Въ Соборномъ Уложеніи поруки во время слѣдствія и суда раздѣляются на три вида:

а) Поруки *къ суду*, т. е. къ первоначальной явкѣ въ судъ, для разбирательства дѣла; законъ выражается въ этомъ случаѣ такъ: «*кто нибуди . . . , данъ будетъ на поруки къ суду*», «*а которые люди ручаются по комъ къ суду*», «*а какъ отвѣтчика его учнутъ давати на поруки къ суду*» (ст. 101, 111, 114, 155 и 162, гл. X). Этотъ видъ порукъ примѣнялся только къ отвѣтчику.

б) Поруки «*съ суда*». На поруки съ суда отдавались какъ отвѣтчики, такъ и истцы. «*А съ суда по истцѣхъ и отвѣтчикѣхъ имати ставочныя поручныя записи въ томъ, что тѣмъ истцомъ и отвѣтчикомъ до вершенія суднаго дѣла безъ указу съ Москвы не связати*» (ст. 123, также 112, 113, 130, 131). Поруки по истцѣ брались потому, что дѣло иногда рѣшалось и не въ пользу истца, который въ такомъ случаѣ долженъ былъ платить всѣ судебныя пошлины; такимъ образомъ возникала необходимость обезпечить возможность подобнаго взысканія отдачею истца на поруки. Эта цѣль высказана въ указѣ 1698 г.; этимъ указомъ также предписано «*по истцѣхъ собирать поручныя записи таковыя жъ, каковы собираются по отвѣтчикахъ*», тотчасъ послѣ допроса отвѣтчика—сказано: «*и съ того допросу*» (П. С. Зак., № 1631).

в) Отдача на поруки съ тѣмъ, чтобы отданный представилъ въ судъ другаго. Съ этою цѣлью отдавались на поруки слѣдующія лица и въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) люди или дворникъ помѣщика, уклоняющагося отъ суда, съ тѣмъ, «*что имъ того своего боярина поставить въ приказъ на срокъ*» (ст. 139, гл. X). Въ случаѣ неисполненія такого обязательства слѣдовало взятіе и содержаніе крестьянъ въ приказѣ. 2) Порутчики помѣщика, обязавшагося, но неисполнившаго своего обязательства, которое состояло въ томъ, чтобы, развѣдавъ, дѣйствительно-ли его крестьяне причинили деревенскую обиду извѣстному лицу, затѣмъ явиться въ судъ; по этихъ порутчикахъ бралась поручная записка въ томъ, «*что имъ его къ отвѣту поставить вскорѣ*» (ст. 229, гл. X). 3) Помѣщики съ тѣмъ, чтобы они въ срокъ поставили на очную ставку своихъ людей и крестьянъ, оговоренныхъ въ разбоѣ и татѣбѣ, если оговоренные у нихъ дѣйствительно живутъ, а они ихъ въ судъ не представятъ, или спрячутъ, или изъ за себя вымолотъ волю

(ст. 45, 46, 77, 78, гл. XXI). Если помѣщикъ не исполнилъ своего обязательства, то въ замѣнѣ оговоренныхъ людей брались его правые крестьяне (ст. 74, гл. XXI).

Самая процедура отдачи на поруки состояла въ слѣдующемъ: истецъ, или жалобщикъ подавалъ въ приказъ приставную память за своею подписью, съ обозначеніемъ сущности и цѣны иска (ст. 100, 137, гл. X). Эту приставную память подписывалъ дьякъ и приказывалъ того же числа записать въ книгу (ib.) По запискѣ въ книгу ее выдавали приставу, который на основаніи ея сыскивалъ отвѣтника и отдавалъ его на поруки, о чемъ составлялъ поручную запись и представлялъ ее въ приказъ; здѣсь дьякъ дѣлалъ помѣту. Поручную запись съ суда по истцѣ и отвѣтчикѣ приставъ обязанъ былъ представить не позже какъ на третій день послѣ ея совершения; дьякъ дѣлалъ также помѣту на этой записи и отдавалъ подъячему для приобщенія къ дѣлу (ст. 123, гл. X). За непредставленіе на третій день поручной записи, пристава велѣно *«бити батогами нещадно»*. Если подъячій о непредставленіи записей въ назначенный срокъ забывалъ доложить судьямъ, а между тѣмъ истецъ и отвѣтникъ, не представивъ по себѣ порукъ, съѣзжали съ Москвы, то какъ приставъ, такъ и подъячій, платили всѣ судебныя пошлины, и посылались новые пристава, которымъ поручалось или выслать, или привести за поруками съѣхавшихъ до окончанія дѣла (ib.). Указомъ 1689 г. еще точнѣе были опредѣлены правила относительно приставныхъ и поручныхъ. На основаніи этого закона по записаніи приставной въ приказную книгу, истецъ подъ статью дѣлалъ рукоприкладство, что записка съ приставною сходна. Приставъ поручную запись по отвѣтчикѣ подавалъ въ приказъ *«того числа, котораго поручная запись совершена будетъ, или кончая на другой день»*; дьякъ тогожъ числа на поручной помѣчалъ годъ, мѣсяцъ и число подачи; поручная вписывалась въ книгу и подъ статью вписки истецъ и отвѣтникъ подписывались, что поручная съ приставною сходна. Затѣмъ приставная наклеивалась на поручную (П. С. Зак. т. III, № 1363). По окончаніи этой процедуры, искъ считался начатымъ, или, выражаясь технически, это значило: истецъ представилъ къ отвѣтчику въ какомъ либо дѣлѣ.

Иногда вмѣсто приставной памяти посылалась зазывная грамота, которая вполнѣ ее замѣняла; по зазывной отвѣтникъ также отдаваемъ былъ на поруки и поручныя записи были представляемы въ приказъ (ст. 109 и 117, гл. X).

Если отвѣтникъ, отданный по приставной памяти или по зазывной грамотѣ на поруки, не являлся въ назначенный срокъ въ приказъ, или не присылалъ кого-нибудь вмѣсто себя, то истцу давалась зазывная грамота, на основаніи которой отвѣтникъ вторично отдаваемъ былъ на поруки и съ него взыскивались *«подписныя и печатныя пошлины, да прощты и волокиты на мѣсяцъ три рубля»* (ст. 114, гл. X). То же самое повторялось, если отвѣтникъ, по котораго поручная запись прислана въ приказъ, не являлся и на сей разъ къ отвѣту. Когда же онъ по второй или третьей зазывной грамотѣ

не являлся въ судѣ, постановлено было *«его въ истцовъ иску тѣмъ обвинити безъ суда, потому что онъ по себѣ къ суду давъ поруку трижды, а къ суду не сталъ»* (ст. 115 и 117, гл. X). Но безъ поручной записи обвинять запрещалось: *«А безъ поручной записи по приставной памяти отвѣтчика не винити»* (ст. 111 гл. X).

Если отвѣтчикъ *«учнетъ у пристава укрыватися, и во дворъ у себя не учнетъ сказыватися»*, приставъ обязанъ былъ вмѣстѣ съ своими товарищами стеречь *«у двора его день и два и три»*, и когда отвѣтчикъ, или его челоуѣкъ или дворникъ выйдутъ изъ двора, брать кого нибудь изъ нихъ и приводить въ приказъ, къ судьямъ, которые приказывали дать на поруку къ суду (ст. 138, гл. X). Если пойманный отвѣтчикъ у пристава отобѣется, то сей обязанъ былъ объявить объ этомъ окольнымъ людямъ того мѣста, гдѣ онъ отбился (ст. 139). Удостоверившись посредствомъ сыска, что такъ было, судьи посылали подъячего добраго съ прежнимъ приставомъ, чтобы они, взявъ понятыхъ стороннихъ людей, отправились съ ними на дворъ отвѣтчика *«и на дворъ ему приставную память выкли и выговорили ему, что онъ учинилъ то неораздо, отъ пристава отбился, и по приставной памяти поруки по себѣ не далъ»*, и затѣмъ отдали бы его на поруки (ib.). Если же и на сей разъ онъ поруки по себѣ не дастъ, *«учинится силенъ приставу и отбился отъ пристава съ Москвы сбѣжитъ»*, то посланные брали его людей и крестьянъ, отдавали ихъ на поруки въ томъ, что они своего боярина поставятъ на судѣ, и нѣкоторыхъ изъ нихъ удерживали въ приказѣ, пока отвѣтчикъ *«обявится въ приказѣ»*. По явкѣ его или по приводѣ, вслѣдствіе просьбы истца, въ приказѣ, онъ платилъ всѣ издержки, волокиту и, кромѣ того, за ослушаніе подвергался или заключенію въ тюрьму на недѣлю, или другому наказанію, *«что государь укажетъ»* (ст. 140). Словомъ, когда *«люды»*, сказано въ Соборномъ Уложеніи, *«учнутъ чинитися сильны, на поруки даются не учнутъ и воеводы о томъ учнутъ на нихъ писати къ Государю»*, когда *«то Государевымъ по трѣхъ грамотамъ поруки по себѣ не дадутъ, и о томъ ихъ непослушаньи къ Государю воеводы отпишутъ противъ всѣхъ трѣхъ грамотъ, и подъ отписками своими пришлютъ допытныя памяти за руками тѣхъ людей, которые по нимъ изъ городовъ посланы будутъ, и за руками стороннихъ людей, которые будутъ въ понятыхъ»*,—тогда вѣрно было посылать по такимъ ослушниковъ, вмѣстѣ съ приставами *«стрѣльцовъ и пушкарей и защитниковъ многихъ людей изъ пѣду»*, съ тѣмъ, чтобы они, по отысканіи, приволаки или приводили ихъ за поруками же въ Москву или другіе города (ст. 119, 120, 140 и 141, гл. X).

Форма поручныхъ записей осталась та же, которая существовала и въ прежнемъ періодѣ. Цѣль поручительства тоже не измѣнилась: поручители ручались, что взятый ими на поруки будетъ являться къ суду, или что они будутъ ставить его къ суду. Въ случаѣ неявки ручаемаго въ судѣ въ опредѣленный срокъ поручители платили государевы пошлины и истцовы иски (ст. 113, 115—117, 121 и 122, гл. X). Въ Соборномъ Уложеніи упоминается только объ одномъ случаѣ, въ которомъ поручители, въ случаѣ неявки ручаемаго, обязаны были сами его

сискать и поставить (ст. 229, гл. X). Такимъ образомъ, и первоначально и теперь цѣль порукъ, прежде всего, состояла въ томъ, чтобы обезпечить уплату судебныхъ пошлинъ и истцовыхъ исковъ. Но такъ какъ имущественная отвѣтственность въ случаѣ неявки ручаемаго падала на поручителей, то очевидно, что для нихъ прямой интересъ заключался въ томъ, чтобы побуждать обвиняемаго стать въ назначенный срокъ предъ судомъ и принимать мѣры къ его явкѣ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, увѣренность въ томъ, что люди, незамѣшанные въ дѣло, не станутъ ручаться за лицо, которому они не довѣряютъ, съ другой стороны, надежда, что люди, взявшіе на себя поручительство, тѣмъ самымъ, по своимъ интересамъ, будутъ расположены противодействовать уклоненію ручаемаго ими отъ слѣдствія и суда, составляли сущность порукъ, какъ одной изъ мѣръ пресѣченія способовъ уклоняться отъ суда.

Въ прошедшемъ періодѣ, какъ мы видѣли, установленные въ году сроки имѣли еще силу. Въ XVII стол. они сначала были видоизмѣнены, а потомъ окончательно отмѣнены. Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику 1620—1645 г. помѣщенъ царскій указъ (временъ Михаила Федоровича) и боярскій приговоръ о срокахъ. Указъ этотъ изданъ былъ въ отвѣтъ на просьбу дворянъ и дѣтей боярскихъ о томъ, чтобы Государь отмѣнилъ три срока въ году и велѣлъ бы «на патріаршихъ и на митрополичьихъ и на владычныхъ приказныхъ людей и на крестьянъ, и на трошккой и наипаче монастыри» давать въ ихъ обидахъ и насильствахъ судъ безсрочно. Удовлетворяя ихъ просьбу объ отмѣнѣ 3-хъ сроковъ и производствѣ на патріаршемъ дворѣ суда безсрочно въ отношеніи упомянутыхъ лицъ, Государь, однакожъ, указалъ и бояре приговорили, чтобы «на пашенныхъ на всякихъ людей въ управныхъ дѣлахъ судъ давати съ октября съ 1-го числа до апрѣля по 1-е число, а апрѣля съ 1-го числа октября по 1-е числа суда не давати для пашеннаго времени» (А. И. т. III, № 92; XXXIII, стр. 111, стол. 2-й). Съ изданіемъ Соборнаго Уложенія уничтожены были и эти послѣдніе сроки. Въ тѣхъ немногочисленныхъ грамотахъ, которыя давались духовнымъ учрежденіямъ, постоянно дѣлалась такая оговорка: «которые въ сей жалованной грамотѣ сроки написаны, что судить ни три сроки и тѣ сроки нынѣ по нашему указу отговорены и быть тому по новому указу», или «давати судъ безсрочно по нашему указу и уложенію» (А. И. т. I, № 147; II, №№ 74, 94, 95 и 129, IV, № 218). По Уложенію срокъ явки для отвѣтника полагается недѣльный съ того времени, «какъ по немъ поручная запись будетъ собрана» (ст. 110 и 111, гл. X). Иногороднымъ и уѣзднымъ давались, кромѣ того, поверстные сроки. Дозволялось истцу и отвѣтчику подавать отсрочныя челобитныя о томъ, «что имъ межъ себя ссыкиватися, а будетъ не сыщутся, и имъ объѣма стати въ приказъ къ суду на сроки, какъ они межъ себя договорятся» (ст. 108, гл. X). Очевидно, что эти сроки относились къ тѣмъ уголовнымъ дѣламъ, которыя производились чисто исковымъ, обвинительнымъ порядкомъ. Когда же дѣло шло о разбоѣ, кражѣ, грабежѣ и другихъ преступленіяхъ, то обвиняемые отдавались на поруки о явкѣ въ судъ по требо-

ванію, по вся дни. Такъ, по чердынскому дѣлу, въ которомъ рѣчь шла и о грабежѣ, 110 человекъ чердынцевъ, посаженныхъ людей и уѣздныхъ крестьянъ, за поруками, ждали въ Чердыни больше года безъ сѣзда, и по снятіи съ нихъ порукъ, 19 другихъ человекъ, по тому же дѣлу вѣрно было *«дать на крѣпкія поруки съ записями въ томъ, что имъ до указа жить въ Чердыни и ставиться предъ воеводою по вся дни и изъ Чердыни никуда не съѣхать, а какъ ихъ спросятъ и имъ за поруками стать гдѣ мы укажемъ»* (А. И. т. III, № 204). Безрочность явки въ судъ, или явка по вся дни, по требованію, условливалась съойствомъ розыска, въ которомъ истцомъ было не частное лицо, а само государство, органы котораго могли требовать подсудимаго по настоянію нужды, каждый ль день, или вообще по усмотрѣнію. Истецъ и отвѣтчикъ отдавались на поруки съ суда также съ тѣмъ, чтобы *«имъ до вершенія суднаго дѣла съ Москвы не съѣхати»* и являться по требованію суда.

Въ институтѣ приставовъ не произведено было никакихъ геремѣнъ съ изданіи 2-го Судебника. Они, также какъ и прежде, исполняли свою обязанность при содѣйствіи своихъ товарищей, за которыхъ они отвѣчали; въ исправномъ и согласномъ съ законами исполненіи своихъ обязанностей они, также какъ и прежде, представляли за себя поруки; также какъ и прежде, ихъ обязанность, главнымъ образомъ, состояла въ вызовѣ къ суду и въ отдачѣ подсудимыхъ на поруки (ст. 147 и 148, гл. X Улож.). Хотя они въ XVII стол. исполняли также и другую обязанность, именно брали и содержали подсудимыхъ, по которымъ не было порукъ, и обвиняемыхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ,—но эту обязанность исполняли также и другія лица, какъ-то: губные старосты и цѣловальники, сыщики и подъячіе, сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе, стрѣльцы и пушкари. Можно сказать, что въ XVII ст., съ развитіемъ централизаціи и приказовъ, съ проникновеніемъ даже въ гражданское судопроизводство сыскаго и слѣдственнаго начала, болѣе и болѣе сохнута тѣ корни, изъ которыхъ выросли пристава. Цвѣтущее время приставовъ связано съ періодомъ существованія безчисленнаго множества отдѣльныхъ юрисдикцій и преобладанія обвинительнаго начала. Какъ только то и другое стало суживаться и исчезать, какъ только обязанность *«имать»* и *«приводить»* лихихъ людей болѣе и болѣе становилась обязанностью многихъ должностныхъ лицъ и даже каждого частнаго человека,—потребность въ приставахъ стала уменьшаться. Еще въ срединѣ XVII столѣтія были такъ называемые данные пристава у монастырей и духовныхъ властей, а въ началѣ слѣдующаго пристава уже исчезаютъ.

На основаніи сказаннаго въ этой главѣ мы вправѣ сдѣлать слѣдующіе выводы.

а) Дальнѣйшее развитіе понятія о преступленіи, какъ общественномъ злѣ, и о наказаніи, какъ общественной карѣ, постепенное и постепенное увеличеніе преобладанія общегосударственной власти въ отправленіи уголовного суда и, вмѣстѣ съ тѣмъ, окончательное торжество слѣдственнаго начала надъ обвинительнымъ—вызвали въ этомъ періодѣ къ жизни новую мѣру пресѣченія: содержаніе въ тюрьмѣ.

б) Содержаніе въ тюрьмѣ, подобно другимъ мѣрамъ предупрежденія, возникло путемъ практики. Нѣтъ такого законодательнаго памятника, которымъ бы оно было введено и которымъ бы оно было точно регулировано. Оно явилось прямымъ результатомъ обязанности *имать* преступниковъ, примѣненія пытки, и необходимости найти болѣе удобное мѣсто содержанія для увеличивающагося съ каждымъ десятилѣтіемъ числа подсудимыхъ, слѣдствіе и судъ надъ которыми становились все продолжительнѣе и продолжительнѣе.

в) Содержаніе за приставомъ въ XVII стол. было двухъ видовъ: содержаніе на дому и въ приказѣ. Последнее было то же, что и тюремное заключеніе въ собственномъ смыслѣ; помѣщенія въ приказахъ были тѣже тюрьмы, находившіяся только подъ надзоромъ приставовъ, отчего содержаніе въ нихъ носило ихъ имя. Выходитъ, что содержаніе въ приказѣ за приставомъ въ историческомъ развитіи является скорѣе переходною ступенью въ благоустройство тюремнаго содержанія, чѣмъ отдѣльною по своему существу мѣрою пресѣченія.

г) Вслѣдствіе того, что содержаніе въ тюрьмѣ, подобно другимъ мѣрамъ пресѣченія, вошло въ обычай путемъ практики, какъ выводъ изъ посылки, какъ логическое послѣдствіе совершившихся общественныхъ перемѣнъ, — въ законахъ этого періода, мы не находимъ точной границы, которая бы отдѣляла область примѣненія этой мѣры отъ области примѣненія другихъ мѣръ пресѣченія. Законодатель и не думалъ о точномъ разграниченіи этихъ областей, объ изданіи точныхъ правилъ примѣненія каждой мѣры, потому что онъ былъ занятъ однимъ: доставленіемъ торжества общаго ударственнаго власти. Изъ этой-то неопредѣленности и возникло непомѣрно частое примѣненіе содержанія въ тюрьмѣ, примѣненіе его тамъ, гдѣ прежде совершенно основательно довольствовались поруками; отсюда ведетъ свое начало переполненіе тюремъ подсудимыми, словомъ — то зло, противъ котораго уже законодатель XVII стол. сталъ бороться.

д) Въ XVII стол. обвинительное начало въ производствѣ уголовного суда, даже по такимъ преступленіямъ, какъ разбой, грабежъ и тѣжба, по крайней мѣрѣ въ опредѣленныхъ случаяхъ, еще допускалось закономъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ допускалось, при преслѣдованіи такихъ преступленій, и примѣненіе порукъ. Но обвинительное начало и поруки являются уже не тѣми жизненными самостоятельными и твердыми учрежденіями, какими они были въ прежніе періоды, а обломками старого, среди враждебнаго имъ новаго порядка, учрежденіями, корни которыхъ были окончательно подорваны, и которымъ въ будущемъ предстояло окончательное паденіе отъ напора несовмѣстныхъ съ ними обстоятельствъ. Вотъ почему въ XVII стол., примѣненіе обвинительнаго начала и порукъ съ каждымъ десятилѣтіемъ становится поминю закона, рѣже и рѣже, пока къ концу столѣтія не доходитъ до самыхъ малыхъ размѣровъ. Поруки, — пѣкогда столь могущественное учрежденіе, — должны были окончательно уступить содержанію въ тюрьмѣ мѣсто въ томъ уголовномъ судопроизводствѣ, въ которомъ предписывалось содержать въ тюрьмѣ даже правыхъ крестьянъ, чтобы заставить явиться въ судъ обвиняемаго помѣщика, или укрываемаго имъ крестьянина.

ГЛАВА IV.

XVIII и XIX столѣтія до изданія Свода Законовъ.

§ 20. Общій характеръ уголовного суда того времени.

§ 21. Обзоръ и характеръ законовъ и сепаратныхъ указовъ относительно мѣръ пресѣченія.

§ 22. Результаты произведенныхъ Петромъ I перемѣнъ и исключительнаго господства слѣдственнаго начала: частое употребленіе заключенія въ тюрьму, непомѣрная продолжительность заключенія, многочисленность тюремныхъ сидѣльцевъ.

§ 23. Мѣста содержанія подъ стражею; способы содержанія заключенныхъ; дополнительныя мѣры пресѣченія, соединенныя съ тюремнымъ заключеніемъ.

§ 24. Мѣры, которыя принимало правительство для способствованія скорѣйшему окончанію дѣлъ содержимыхъ: контроль, доставленіе вѣдомостей, сроки для рѣшенія дѣлъ. — Заключение.

§ 20. Съ Петра I государственное начало, какъ вообще, такъ въ частности въ области уголовного судоустройства и судопроизводства, достигло послѣдняго предѣла своего могущества.

Все, носившее печать народной самодѣтельности, было или вовсе изгнано изъ уголовного суда, или, допускаемое закономъ, оставалось то въ бездѣйствіи, то въ полнѣйшемъ подчиненіи приказному началу. Приказное же начало, получивши сложную и могущественную организацию, сдѣлалось всевластнымъ. При такомъ порядкѣ вещей, если бы не было издано никакихъ специальныхъ законовъ, остатки стародавней формы уголовного суда все-таки не могли бы сохранить силы дѣйствія.

Но дѣло въ томъ, что Петръ I своими специальными законами довершилъ дѣло, начатое еще въ концѣ XV вѣка; преобразованіями своими онъ совершенно разрушилъ старую обвинительную систему уголовного суда, которая занимала еще такое почетное мѣсто въ Соборномъ Уложеніи, и доставилъ всестороннее и рѣшительное торжество болѣе новой слѣдственной системѣ, получившей первую законодательную санкцію со временъ «Судебниковъ» и съ тѣхъ поръ поступательно завоевывавшей поле дѣйствія.

Хотя позже Петръ I хотѣлъ возстановить въ уголовномъ судопроизводствѣ обвинительное начало съ старымъ характеромъ, но попытки его остались безъ дѣйствія, такъ какъ тогдашнему общественному строю соответствовали болѣе первыя, чѣмъ вторые законы.

Сообщенныя реформами Петра I уголовному суду черты остались неизмѣнными характеристическими чертами общественнаго правосудія въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія.

Само собою разумѣется, что происшедшая перемѣна въ общемъ духѣ судопроизводства не могла не отозваться въ его частностяхъ. Мы видѣли, что усиленіе розыскаго начала въ два прошедшіе періода отозвалось ослабленіемъ болѣе мягкихъ и усиленіемъ и развитіемъ болѣе энергическихъ мѣръ пресѣченія; то же самое повторилось и въ этомъ періодѣ.

§ 21. Съ 1697 по 1700 г. издано нѣсколько законовъ, которыми предписано было производить посредствомъ розыска тѣ уголовныя дѣла, которыя по Соборному Уложенію рѣшались по старой формѣ суда. *«Вмѣсто судовъ и очныхъ ставокъ, говорится въ указѣ 1697 г. 21 февраля, по челобитію всякихъ чиновъ людей въ обидахъ и въ разоренныхъ чинить розыскъ въ брани и въ безчестіе или въ бою и въ увѣчь и во всякихъ обидахъ и въ разореніяхъ»*. (П. С. З. т. III, № 1572, п. 1. См. также № 1611, декабря 26 дня 1697 г., п. 7, стр. 424; № 1643, августа 30 дня 1698 г.; № 1679, марта 1 дня 1699 г.). Законодатель оправдываетъ эту перемѣну тѣмъ, что *«въ судахъ и очныхъ ставкахъ отъ истцовъ и отъѣтчиковъ бываетъ многая неправда и лукавство»*. Розыскъ сей, по смыслу приведенныхъ законовъ, долженъ былъ состоять въ слѣдующемъ: если истецъ или отъѣтчикъ отводитъ свидѣтелей, то объ основательности причинъ отвода слѣдуетъ или собрать справку въ приказѣ, или произвести изслѣдованіе. Законами 1697 г. 16 марта, 1699 г. 24 декабря, 1700 г. 19 іюля измѣненъ самый способъ призыва отъѣтчика въ судъ: по силѣ этихъ законовъ, послѣ подачи челобитной, слѣдовали стысканіе отъѣтчика, представленіе его въ приказъ и допросъ (№№ 1576, 1737 и 1806). Первымъ изъ этихъ указовъ предписано было послѣ допроса *«собирать по отъѣтчикъ поручную записъ, что ему ставится въ приказъ по вся дни до вершенія того дѣла, а безъ указу никуда не съѣхать»*. Въ двухъ остальныхъ законахъ о поручныхъ записяхъ ничего не говорится. Въ нихъ установлены новыя правила относительно допроса отъѣтчика: когда взятый въ приказъ отъѣтчикъ станетъ просить о томъ, чтобы ему данъ былъ срокъ для дачи отвѣта, то, по указу 1699 г. 24 декабря, повелѣно давать сроку одинъ, два, три дня, но не больше недѣли, со взятіемъ съ него подписки въ томъ, что въ данный срокъ онъ къ отвѣту станетъ. Въ изданіи закона 1700 г. 19 ноября законодатель пошелъ далѣе: этимъ закономъ предписано было, сыскавъ отъѣтчиковъ по челобитнымъ, допрашивать ихъ тотчасъ, а сроковъ не давать. Если бы отъѣтчикъ не былъ тотчасъ отысканъ, то предписывается истцову челобитную запечатывать, для того, *«чтобы отъѣтчики тѣхъ челобитенъ не смотрѣли и вымыслили своимъ въ допросахъ своихъ ничего не прибавляли»*, и чтобы, такимъ образомъ, содержаніе челобитной оставалось тайной для отъѣтчика. Чтобы содержанія челобитенъ не могли сообщать отъѣтчикамъ подъячіе, узаконено было вписывать въ книгу не содержаніе запечатанной челобитной, а только имена истца и отъѣтчика

Бъ тому же роду законовъ должно отнести толкованіе указа 1722 г. 16 апрѣля. Изданный съ цѣлью уменьшить число арестантовъ, указъ этотъ гласить слѣдующее: *«Буде кто кою приведетъ, или битъ челою станетъ, въ такомъ дѣлѣ что оною въ приказъ или тюрьмѣ держать надобно, то оный кормить его долженъ»*. Если кормить не захочетъ, то приведенныхъ велѣно выпускать. Судьямъ предписывается исполнять это подъ угрозою штрафа (№ 3490). Скоро послѣ изданія этого указа возникъ вопросъ: распространяется ли этотъ законъ на приведенныхъ по обвиненіямъ въ воровствѣ и разбояхъ. Сенатъ 13 сентября того же года разрѣшилъ этотъ вопросъ такъ: *«А что написано въ упомянутомъ указѣ колодниковъ выпускать; разумѣется выпускать такихъ колодниковъ, которые держаны во всякихъ мѣстахъ кромѣ разбойныхъ и татинныхъ дѣлъ; а по разбойнымъ и татиннымъ дѣламъ кто кою приведетъ, и тѣхъ приводить принуждаютъ, чтобы они то ихъ воровство доказывали, а судьямъ по тѣмъ дѣламъ рѣшеніе чинить немедленно, а безъ рѣшенія не освобождать»* (№ 4091). Этимъ толкованіемъ отмѣнены путемъ закона ст. 30, 41, 51 и 54 гл. XXI Соборнаго Уложения, на основаніи которыхъ одинъ приводъ далеко недостаточенъ былъ для держанія подъ стражею обвиняемыхъ въ воровствѣ и разбоѣ, а необходимы были: полиціное, язычная молва, лихованные обыски, вынужтіе полицнаго съ понатыми и приставами; безъ этихъ условій дѣло производилось формою суда, необходимымъ слѣдствіемъ котораго была отдача обвиняемаго на поруки.

Вышеизложенными законами окончательно была отмѣнена для уголовныхъ дѣлъ носившая на себѣ слѣды глубокой древности форма процесса, извѣстная подъ именемъ *суда*; вмѣстѣ съ тѣмъ, были подорваны въ корнѣ и частныя учрежденія, тѣсно съ нею связанныя. Чтобы понять всю важность переменъ, произведенныхъ изложенными законами, слѣдуетъ перечислить то, что ими отмѣнено и что вновь введено. Отмѣнены: приставная память, въ которой излагалась сущность истцовой жалобы и которая для отвѣтника служила повѣсткою о занесенной противъ него жалобѣ; отдача, до начала судебного разбирательства, на поруки отвѣтника съ назначеніемъ ему срока первой явки въ судъ; отвѣтственность поручителей; институтъ приставовъ, которые дѣйствовали по строго опредѣленнымъ правиламъ и подлежали за свои дѣйствія дѣйствительной отвѣтственности. Введены были: приглашеніе и даже взятіе (въ указѣ 1699 г. сказано: *а буде кто отвѣтчикъ въ приказъ взятъ будетъ*) отвѣтника въ судъ безъ объясненія повода къ тому; немедленный допросъ отвѣтника безъ предоставленія ему возможности приготовиться къ отвѣту; канцелярская тайна, лишавшая отвѣтника возможности собрать заблаговременно доказательства. Всѣми этими нововведеніями, съ одной стороны, были уничтожены старыя гарантіи для подсудимыхъ, съ другой стороны открыта была широкая дверь для произвольнаго толкованія и исполненія закона.

Эти нововведенія имѣли прямое отношеніе къ мѣрамъ пресѣченія. Отдача за пристава навсегда исчезла изъ законодательства и практики; это мы утвержда-

емъ на томъ основаніи, что объ этой мѣрѣ предупрежденія нѣтъ и помину съ этихъ поръ ни въ законахъ, ни въ практикѣ. Вышли также изъ употребленія и прежнія поруки: объ нихъ даже нѣтъ и рѣчи въ законахъ 1699 г. 24 декабря, 1700 г. 19 іюля. Правда, въ законѣ 1697 г. 17 марта говорится о порукахъ, но это уже не тѣ древнія поруки, занимавшія такое важное мѣсто даже еще въ Соборномъ Уложеніи, а поруки совершенно иного свойства. Древнія поруки—это былъ актъ, предшествовавшій явкѣ отвѣтчика въ судъ; новыя поруки слѣдовали послѣ явки и допроса отвѣтчика. Древнія поруки влекли отвѣтственность поручителей и потому служили дѣйствительнымъ обезпеченіемъ интересовъ истца, общественнаго правосудія и даже интересовъ самого отвѣтчика, потому что представить поруки, а не быть взятымъ и содержимымъ подъ арестомъ—это было его право; новыя поруки, какъ несопряженные съ имущественною отвѣтственностью поручителей, не могли имѣть серьезнаго значенія ни для истца, ни для общественнаго правосудія, ни для самого отвѣтчика. Что новыя поруки не влекли за собою отвѣтственности для поручителей—мы имѣемъ два доказательствъ: во-первыхъ то, что поруки, изрѣдка примѣнявшіяся въ практикѣ даже въ наше время, на основаніи статей Свода Законовъ, для которыхъ матеріаломъ служили законы, изданные со временъ Петра I, были поруками безотвѣтственными, формальными; во вторыхъ то, что поручители поручной записи, помещенной въ первомъ Полн. Собр. Законовъ т. X, подъ № 7594, не берутъ на себя отвѣтственности въ случаѣ неявки. Древнія поруки были мѣрою столь необходимою, что безъ нихъ судъ былъ невозможенъ, если отвѣтчикъ или обвиняемый оставался на свободѣ; новыя поруки не были въ подобныхъ случаяхъ неизбѣжнымъ актомъ уголовного судопроизводства: въ законахъ 1699 и 1700 гг. о нихъ даже вовсе не упоминается.

Результаты этихъ перемѣнъ не замедлили обнаружиться. Уже въ концѣ предшествовавшаго періода примѣненіе содержанія въ тюрьмѣ съ каждымъ десятилѣтіемъ болѣе и болѣе расширялось, на счетъ примѣненія двухъ другихъ упомянутыхъ мѣръ. Однакожъ, самое существованіе въ законѣ порукъ и отдачи за пристава могло служить преградой произволу и гарантіею для подсудимаго. Теперь, съ кореннымъ измѣненіемъ прежняго характера порукъ и съ отрицаніемъ отдачи за пристава, примѣненіе содержанія въ тюрьмѣ достигло огромныхъ размѣровъ: послѣ исчезновенія хотя нѣкоторыхъ границъ, опредѣлявшихъ прежде область каждой изъ трехъ мѣръ пресѣченія, была потеряна всякая соразмѣрность въ употребленіи содержанія въ тюрьмѣ.

Еще Петръ I замѣтилъ вредныя слѣдствія сдѣланныхъ имъ перемѣнъ, давшихъ такое обширное примѣненіе розыску. Въ 1714 г. 15 іюня онъ издалъ законъ, которымъ, отрицая силу и дѣйствіе новоуказныхъ статей, изхѣнявшихъ Соборное Уложеніе, онъ возстановилъ значеніе сего послѣдняго (№ 2828). Указъ этотъ, однакожъ, остался, да и не могъ не остаться, безъ дѣйствія. Изданіемъ извѣстнаго закона 5 ноября 1723 г. о формѣ суда, Петръ I, кажется, хотѣлъ

остановить развитіе вредныхъ слѣдствій своихъ законовъ объ отиѣнѣ суда и введеніи розыска и, можетъ быть, исправить сдѣланную ошибку. Такъ думать можно, основываясь на словахъ этого закона, смыслъ которыхъ совершенно противорѣчитъ смыслу законовъ 1697—1700 гг. Въ законѣ 5 ноября 1723 г. говорится: *«не надлежитъ различать (какъ прежде бывало) одинъ судъ, другой розыскъ, но только одинъ судъ»*, т. е. говорится нѣчто противоположное тому, что предписывать тотъ же законодатель прежде. Этимъ закономъ отиѣнены были многія стѣснительныя правила законовъ, изданныхъ между 1697 и 1700 гг. По правиламъ, предписаннымъ въ этомъ законѣ, должно было производить *судъ* по всѣмъ дѣламъ, кромѣ, какъ сказано въ этомъ законѣ, дѣлъ: измѣны, злодѣйства или словъ, противныхъ на Императорское Величество и Его Величества фамилію. Прежде начатія суда, отвѣтчику, по этому закону, былъ вручаемъ списокъ съ жалобъ; на этомъ списокѣ рукою судящихъ означался срокъ, въ который отвѣтчикъ обязанъ стать въ судъ съ отвѣтомъ. При выдачѣ списка предписано было у отвѣтчика брать *реверс* о томъ, что онъ копію получилъ и долженъ стать въ положенный срокъ въ судъ безъ всякой отговорки. Если у отвѣтчика не было столько движимаго и недвижимаго имущества, чтобы обезпечить сумму иска, то въ теченіе надѣли собирались по немъ поруки, *которыми въ томъ иску можно впрять*, что отвѣтчикъ до вершенія дѣла не съѣдетъ, а если по комъ порукъ не будетъ, то держать его подъ арестомъ (№ 4344 п. 5). По окончаніи допросовъ предписано было по истцахъ, т. е. по истцѣ и отвѣтчикѣ, тоже брать поруки, что имъ до вершенія дѣла не отлучаться (п. 8). Въ случаѣ неявки отвѣтчика, его обвиняли и правила искъ или изъ его имущества, или, за неимѣніемъ онаго, съ поручителей. Въ заключеніи этого закона сказано: *«всѣ суды и розыски имѣютъ по сей формѣ отправляться, не толкуя, что сія форма къ тому служитъ, а къ другому не служитъ»*. Законъ этотъ скоро вызвалъ сомнѣнія и разные вопросы: судебныя мѣста различно толковали дѣйствительно широкое и неопредѣленное слово «злодѣйство», содержащееся въ 5 п. Посему сенатъ, въ указѣ 1725 г. мая 3 дня, объяснилъ, что подъ словомъ злодѣйство должно разумѣть слѣдующія преступленія: а) богохульство, церковный мятежъ, о которыхъ говорится въ 1 и 2 ст. 1 главы Уложенія, и расколъ; б) противныя слова про Императора и его фамилію, измѣна и бунтъ; в) смертоубійство, разбой, воровство, если тати пойманы будутъ или съ поличнымъ приведены. Обвиняемыхъ во всѣхъ сихъ преступленіяхъ сенатъ опредѣлялъ спрашивать какъ злодѣевъ и списковъ съ челобитенъ имъ не давать. Такимъ образомъ, къ этого рода преступникамъ законъ 1723 г. 5 ноября не долженъ быть примѣняемъ. Съ лицами же, противъ коихъ подано будетъ доношеніе о кражѣ чего казеннаго или съ народу собираемаго, или о кражѣ у частныхъ лицъ, если не были они пойманы или приведены, велѣно поступать по указу о формѣ суда, потому что, *пока*, сказано въ сенатскомъ толкованіи, *они въ томъ допрашиваны, а подлинно еще обличены не будутъ, до тѣхъ мѣств за злодѣя признавать не можно* (№ 4713). Въ 1785 г., по поводу одного частнаго случая, разъяснены были значеніе, форма и употребленіе порукъ по указу 1723 г. Въ указѣ

11 марта того года сказано: *Хотя же означеннымъ 1723 г. о формѣ суда указомъ, и предписано по отвѣтчикъ собирать порученныя записи; однако оныя не такъ, какъ бывшій до сего приставный памяти браны были до подачи еще исковаго прошенія, но уже по подачѣ онаго и только въ такомъ случаѣ, ежели у отвѣтчика противъ написаннаго въ исковомъ прошеніи иску имѣнія не будетъ* (№ 16160).

Законъ 5 ноября 1723 г. не далъ, однакожъ, нашей уголовной практикѣ иного направленія и не послужилъ преградой для чрезмѣрнаго развитія розыскаго начала: онъ скоро вышелъ изъ употребленія; потому-то составители Свода Законовъ не внесли его въ систему нашего уголовного судопроизводства, хотя никогда не было издано закона, которымъ было бы запрещено примѣненіе его въ дѣлахъ уголовныхъ. Онъ даже не получилъ надлежащей силы и дѣйствія въ практикѣ нашего гражданского судопроизводства и остался не общемою и главною формою гражданского суда, а особымъ, рѣдко примѣняемымъ родомъ судопроизводства. Въ такомъ видѣ онъ является и въ Сводѣ Законовъ. Поэтому мы думаемъ, что Петръ I своими законами 1697 и 1700 гг. разрушилъ остатки стараго состязательнаго и обвинительнаго процесса, извѣстнаго подъ именемъ *суда*; но изданіемъ закона 1723 г. 5 ноября онъ не создалъ новой прочной формы онаго. Мы думаемъ, что первые его законы объ уничтоженіи суда и оныхъ ставокъ были ближайшею причиною того, что розыскное начало перешло надлежащую границу, и что если мы въ наше время еще видѣли, во-первыхъ, множество даже гражданскихъ дѣлъ, производившихся слѣдствіемъ, а не судомъ, если еще въ наше время взятіе подъ стражу гражданского отвѣтника не было выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ явленіемъ, то этому дѣлъ былъ поводъ и основаніе изданіемъ упомянутыхъ законовъ, вліяніе которыхъ не было задержано даже закономъ 1723 г. 5 ноября.

Отъ взгляда нашего законодателя не ускользнули неблагопріятные результаты чрезмѣрнаго развитія слѣдственнаго начала и тѣсно съ нимъ связаннаго частаго примѣненія тюремнаго заключенія. Въ теченіе всего XVIII и XIX стол. были издаваемы законы, которыми законодатель хотѣлъ, посредствомъ провозглашенія правилъ, положить нѣкоторую преграду такому направленію. Должно, впрочемъ, сказать, что эти правила носятъ какой-то отрывочный, временный характеръ и были направлены не столько противъ причинъ, сколько противъ слѣдствій. Исключеніе составляютъ отчасти, и только отчасти, законы Еватерпны и законы, изданные въ началѣ XIX столѣтія. Для того, чтобы дать понятіе о сихъ законахъ, мы ихъ изложимъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ 1734 г. 3 апрѣля изданъ былъ указъ о скорѣйшемъ окончаніи колодничьихъ дѣлъ. Въ этомъ указѣ сказано было: *«а ежели о которыхъ колодничьихъ за какими причинами окончательнаго рѣшенія учинить будетъ нельзя, и для наступающихъ торжественныхъ праздниковъ страстныхъ и святыхъ недѣль на по-*

руки или росписки освободить за касающимися до них винами, подлинно будет невозможно» (№ 6564). Нельзя не обратить вниманія на то, что въ этомъ указѣ говорится объ освобожденіи на поруки не ради закона, а для наступающихъ торжественныхъ праздниковъ, и рѣшеніе вопроса о возможности или невозможности освободить на поруки предоставляется усмотрѣнію судей, безъ начертанія имъ въ руководство точно опредѣленныхъ закономъ правилъ.

Въ 1737 г., вслѣдствіе того, что въ вѣдомствѣ подп. Редина были содержимы подъ стражею не столько виновные, сколько правые, чему доказательствомъ служило освобожденіе изъ тюрьмы 421 челов., найденныхъ невинными въ именномъ указѣ сказано было: *«Никого изъ подчиненныхъ ни до какихъ своевольствъ не допускать, и никого безъ явнаго о воровствѣ доказательства за караулъ отнюдь не брать; а ежели кто по какому оговору взятъ будетъ о такихъ тотчасъ изслѣдовать и больше недѣли не держать»* (№ 7219).

Въ инструкціи, данной въ 1756 г. 19 ноября сыщикамъ, предписано, чтобы управители и прикащики равныхъ наименованій вотчинъ содѣйствовали сыщикамъ въ поимѣ воровъ и разбойниковъ. Если кто изъ нихъ для поимки не пойдетъ, вѣрно: тѣхъ виновныхъ, кои не изъ дворянъ, наказывать плетью, а тѣхъ, которые изъ дворянъ или въ офицерскихъ чинахъ, держать подъ карауломъ или, чтобы не ссылались, обязывать добрыми и надежными поручами, смотря по важности вины, до полученія изъ сената рѣшенія о ихъ винахъ (№ 10650).

Въ 1761 г. сенатъ, изъ доставленныхъ смоленскою губернскою и саранскою воеводскою канцеляріями мѣсячныхъ вѣдомостей о колодникахъ по корчменнымъ дѣламъ, убѣдился, что число такихъ колодниковъ по корчменнымъ дѣламъ велико, и что они, вслѣдствіе медленности производства ихъ дѣлъ, долговременно содержатся въ тюрьмѣ. Посему сенатъ, сдѣлавъ напоминаніе о скорѣйшемъ окончаніи корчменныхъ дѣлъ, повелѣлъ, чтобы камеръ-коллегія посылала, во всѣ губерніи и провинціи, гдѣ есть колодники по подобнымъ дѣламъ, частыя подтвержденія, съ такимъ опредѣленіемъ, что буде о которыхъ по тѣмъ корчменнымъ дѣламъ содержащихся колодникахъ, за несобраніемъ справокъ, или за недоказательствомъ какимъ скорѣе рѣшеніе учинить будетъ не можно, въ такомъ случѣ вѣсть изъ подъ караула освободить до рѣшенія на поруки, дабы между тѣмъ напрасно держаны не были и тѣхъ умножаемо не было. (№ 11319).

Отъ того же времени дошелъ до насъ указъ синода. Въ 1767 г. синодъ, убѣдившись изъ жалобъ, ему приносимыхъ, что многіе изъ духовныхъ содержатся по однимъ только просьбамъ и доносамъ, безъ всякаго изобличенія, приказалъ (на основаніи указа 25 мая 1725 г., коимъ повелѣно былъ законъ 1723 года о формѣ суда) тѣхъ людей, на коихъ какой будетъ доносъ, а они ни чѣмъ еще обличены и обвинены не будутъ, до рѣшенія тѣхъ дѣлъ подъ карауломъ не держать, а въ комъ и сомнительство усмотрится, тѣхъ до рѣшенія дѣлъ отдавать на поруки съ поставкою впредь (№ 12919).

Указомъ 1768 г. 18 декабря сенатъ предписалъ петербургскимъ присутственнымъ мѣстамъ окончить колодничи дѣла до праздника Рождества Христова, а о которыхъ колодникахъ дѣла еще слѣдствіемъ не окончены, *а они содержатся не въ большихъ винахъ и подлежатъ свободѣ, тѣхъ отдать съ постановкою на росписки по указу (№ 13216).*

Гораздо важнѣе этихъ сепаратныхъ указовъ, изданныхъ по случаю, законы Екатерины II. Знаменитая императрица глубже обнимала вопросъ о мѣрахъ пресѣченія и, повидимому, хотѣла искоренить дурныя стороны господствовавшей системы.

Въ своемъ Наказѣ 1767 г. іюля 30 дня, въ гл. X, въ ст. 160—174, она разсмотрѣла вопросъ о заключеніи въ тюрьмѣ во время слѣдствія и суда. Правда, всѣ мысли, здѣсь высказанныя, не ея собственныя, а цѣликомъ взяты изъ сочиненія Беккаріи о преступленіяхъ и наказаніяхъ; правда и то, что онѣ, какъ и весь Наказъ, не возымѣли того дѣйствія въ нашемъ законодательствѣ и практикѣ, для котораго онѣ взяты были у Беккаріи и первоначально предназначались. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ онѣ столь характерны, что будто написаны лицомъ, знакомымъ съ русскою уголовною юстиціею, и такъ какъ, по позднѣйшему свидѣтельству самой императрицы, какъ ниже будетъ показано, въ нѣкоторыхъ случаяхъ слѣдовали правиламъ въ нихъ высказаннымъ, то мы считаемъ необходимымъ на нихъ остановиться.

Пагубная ошибка, говоритъ императрица вслѣдъ за Беккаріею, сдѣлавшаяся столь общою, состоитъ въ томъ, что магистратамъ, которые обязаны исполнять законы, даютъ право, несовмѣстное съ тою цѣлью, для которой существуетъ общество, и которая состоитъ въ личной безопасности,—право заключать въ тюрьму по своему произволу гражданъ, отнимать свободу у своего врага, подъ ничтожнымъ предлогомъ, и оставлять на свободѣ тѣхъ, которыхъ они покровительствуютъ, несмотря на явные признаки преступленія (ст. 160 Нак.; Вещ. § VI, стр 28, trad. Faustin Helie).

Хотя тюрьма, продолжаетъ вслѣдъ за Беккаріею императрица, отличается отъ другихъ наказаній тѣмъ, что она должна необходимо предшествовать судебному приговору, она тѣмъ не менѣе имѣетъ, наравнѣ со всѣми другими наказаніями, тотъ существенный характеръ, что только одинъ законъ долженъ опредѣлять тѣ случаи, въ которыхъ должно ее примѣнять. Поэтому, законъ самымъ точнымъ образомъ долженъ опредѣлить, при существованіи какихъ признаковъ преступленія обвиняемый можетъ быть заключенъ въ тюрьму и подвергнутъ допросу (ст. 161, 162 и 163; Вещ. § VI, стр. 28).

Признаки эти могутъ быть слѣдующіе: голосъ народа, побѣгъ обвиняемаго, признаніе учиненное внѣ суда, показаніе соучастника въ преступленіи, угрозы, которыя могъ обвиняемый дѣлать, его давняя вражда къ жертвѣ преступленія, самый наличный составъ преступленія и другія вѣроятныя предположенія могутъ служить основаніемъ для того, чтобы заключить гражданина въ тюрьму. Но эти улики должны быть самымъ точнымъ образомъ опредѣлены закономъ, а не судьбою, котораго приговоры дѣлаются насиліемъ надъ обществен-

ною свободою, когда не представляют простаго частнаго примѣненія общаго правила, вытекающаго изъ кодекса законовъ (ст. 164 и 165; Вещ., стр. 29).

Слѣдуетъ отличать содержаніе подъ арестомъ отъ тюремнаго заключенія. Содержаніе подъ арестомъ есть ничто иное, какъ мѣра надзора за гражданиномъ, пока не будетъ онъ признанъ виновнымъ или невиннымъ. Какъ мѣра жестокая, оно должно быть, сколь возможно, мягче, и длиться, сколь возможно, короче. Оно должно длиться столько времени, сколько необходимо для окончанія процесса. Строгость содержанія должна быть такая, какая необходима для того, чтобы воспрепятствовать побѣгу и скрытію доказательствъ преступленія (ст. 167 и 168; Вещ. § XIX, стр. 117).

Не слѣдуетъ сажать въ одно мѣсто подозрѣваемыхъ, уличенныхъ въ преступленіи и осужденныхъ на тюремное заключеніе (ст. 171; Вещ., стр. 29).

Тюрьма не должна оставлять какое-либо пятно на обвиняемомъ, коего невинность юридически дознана. Мы видимъ у римлянъ многихъ гражданъ, которые сначала были обвиняемы въ тяжкихъ преступленіяхъ, но которые потомъ, будучи признаны невинными, достигали почестей и высокихъ должностей въ государствѣ. Быть подъ стражею военною не считается безчестіемъ, также должно смотрѣть и на стражу гражданскую (ст. 172 и 173; Вещ., стр. 29 и 30).

Въ 1772 г. сенатъ арестовалъ нѣкоего Федора Сукина, основавшись на показаніи Сергѣя Пушкина. До свѣдѣнія императрицы дошло, что сенатъ арестовалъ Сукина, не сдѣлавши ему допроса, и что, слѣдовательно, *«онъ сталъ арестованъ, не зная причины его ареста.»* Вслѣдствіе этого императрица, въ именномъ указѣ 26 марта, объявила: «Приличіе впредь будетъ сенату, въ случаѣ подобныхъ, по призыву допросить, а потомъ, если дѣло того требуетъ, арестъ можетъ слѣдовать тутъ, гдѣ оный правительствомъ за законный почтенъ будетъ; теперь же арестъ Сукина видъ имѣть можетъ насилія, въ чемъ шлюся на правила большаго Наказа X главы. Здѣсь приписанный формалитетъ отъ самаго 1762 г. со всѣми наблюдаемъ былъ, надъ коими слѣдствіе производилось по именному указу, и мы желаемъ, чтобы въ сенатѣ впредь по сему поступаемо было» (т. XIX № 13776). Изъ этого указа видно, что правила Наказа относительно слѣдственнаго ареста имѣли примѣненіе, по крайней мѣрѣ, въ дѣлахъ, производившихся въ сенатѣ по именнымъ указамъ, и что еще до изданія Наказа, благодаря вліянію императрицы, уголовной практикѣ высшей инстанціи не чужды были начала, изложенныя въ означенныхъ правилахъ.

Императрицу не покидала мысль объ улучшеніи законовъ относительно мѣръ пресѣченія и въ частности относительно содержанія подъ стражею во время слѣдствія и суда. Въ Учрежденіе о губерніяхъ, 1775 г. ноября 7 дня, она внесла 401 ст., которая, очевидно, направлена была противъ злоупотребленій, существовавшихъ въ практикѣ при употребленіи взятія подъ стражу. Содержаніе этой статьи заключается въ слѣдующемъ: Всякій заключенный въ тюрьму, которому въ теченіе трехъ дней не было сдѣлано допроса и не было объявлено за что онъ сидитъ въ тюрьмѣ, имѣетъ право принести на это жалобу въ совѣст-

ный судъ. Право это не дается только тѣмъ, которые содержатся въ тюрьмѣ по обвиненію въ оскорбленіи Величества, въ измѣнѣ, въ смертоубійствѣ, въ воровствѣ и разбоѣ. Совѣстный судъ, по полученіи такой жалобы, обязанъ, не выходя изъ присутствія, послать повелѣніе, чтобы содержащійся въ тюрьмѣ не по вышеисчисленнымъ преступленіямъ былъ немедленно присланъ и представленъ въ совѣстный судъ, съ изложеніемъ причинъ, по которымъ онъ содержится и не допрошенъ. Такое повелѣніе должно быть исполнено въ теченіе сутокъ и въ поверстный срокъ, полагая 25 верстъ въ день, подъ угрозою за неисполненіе штрафа 300 руб. съ предсѣдателя и по 100 руб. съ засѣдательей. Совѣстный судъ, по представленіи къ нему содержащагося, если усмотритъ, что онъ содержится не по обвиненію въ вышеупомянутыхъ преступленіяхъ, дѣлаетъ, не выходя изъ присутствія, постановленіе объ освобожденіи его *на поруки*, для обезпеченія какъ явки въ тотъ судъ, который онъ изберетъ, такъ и добраго поведенія. Если проситель не представитъ порукъ, то совѣстный судъ возвращаетъ его въ тюрьму. Освобожденнаго такимъ образомъ изъ тюрьмы никто не имѣетъ права, по тому же дѣлу, въ другой разъ лишать свободы, до окончанія дѣла (т. XX, № 14392, ст. 401, стр. 279). Законъ этотъ напоминаетъ стародавнее учрежденіе англійской конституціи, предоставляющее право каждому арестованному, безъ различія преступленій, приносить жалобу на незаконный или неумѣстный арестъ королевскому суду, который издаетъ повелѣніе о немедленной къ нему присылкѣ обвиняемаго и его дѣла; арестовавшій судья, подъ угрозою штрафа, обязанъ немедленно исполнить такое повелѣніе. Разъ освобожденный королевскимъ судомъ уже не можетъ быть по тому же обвиненію вторично заключенъ, до рѣшенія дѣла, въ тюрьму. Не подлежитъ сомнѣнію, что императрицѣ знакомъ былъ англійскій *Corpus habeas*, и что ст. 401 Учрежденія о губерніяхъ есть, хотя и слабая, копія знаменитаго англійскаго учрежденія. Конечно, издавая упомянутый законъ, императрица не думала искоренить всѣ недостатки господствовавшей системы; недостатки эти состояли: а) не только въ томъ, что подсудимые заключаемы были въ тюрьму во время слѣдствія и суда, по обвиненіямъ въ маловажныхъ винахъ, б) но и въ томъ, что прѣбѣгали къ этой мѣрѣ хотя по обвиненіямъ въ тяжкихъ винахъ, но безъ всякихъ или безъ достаточныхъ уликъ. Статья 401 Учр. о губ. устраняла только первый недостатокъ, оставляя нетронутымъ второй. Тѣмъ не менѣе, получи этотъ законъ примѣненіе въ нашей практикѣ, онъ принесъ бы громадную пользу. Но можно именно основательно сомнѣваться, привился-ли этотъ законъ къ нашей практикѣ. Я готовъ утверждать, что нѣтъ, если не считать нѣкоторыхъ рѣдкихъ, единичныхъ случаевъ привитіемъ. Такъ, спустя 35 лѣтъ послѣ его изданія, возникалъ вопросъ о его примѣненіи, по одному частному случаю. Случай этотъ былъ слѣдующій: по жалобѣ, поданной въ петербургскій совѣстный судъ однимъ чиновникомъ на то, что петербургская уголовная палата, арестовавъ, отправила его въ тюрьму безъ допроса и безъ объявленія причины въ теченіе 3 дней, совѣстный судъ потребовалъ отъ уголовной палаты присылки упомянутаго чиновника. Уголовная палата отказалась

исполнить это требованіе, доказывая, что подобныя требованія совѣстнаго суда обязательны только для низшихъ мѣстъ, но не для нея. Пререканіе это перенесено было на рѣшеніе сената, общее собраніе котораго постановило, что совѣстные суды имѣютъ право требовать подсудимыхъ и отъ уголовныхъ палатъ, только не посылая къ нимъ повелѣній, а спосаясь сообщеніями (т. XXXIV, № 26936, іюля 21 дня). Но этотъ случай именно свидѣтельствуетъ, въ какомъ не соответствіи состоялъ занесенный изъ—чужа законъ (401 ст. Учр. о губ.) съ общимъ строемъ нашей общественной жизни. Жалоба принесена была чиновникомъ на то, что его держатъ безъ допроса три дня, въ 1810 г., а разрѣшеніе последовало въ 1817 г. Если же, притомъ, взять во вниманіе, что, съ одной стороны, уголовная паша практика на каждомъ шагѣ представляла поводы къ примѣненію ст. 401 Учр. о губ., которая до послѣднихъ дней имѣла значеніе дѣйствующаго закона, что, съ другой стороны, наша практика представляетъ развѣ подобныя вышеизложенному, крайне неудачныя, единичныя случаи примѣненія, то можно, не опасаясь впасть въ ошибку, утверждать, что рассматриваемый нами законъ не привился къ нашей юстиціи.

Въ 1782 г. 8 апр. Екатерина II издала Уставъ Благочинія, въ которомъ перечисляются дѣйствія, составляющія преступленіе. За одни изъ этихъ дѣйствій обвиняемые, по уставу, предаются просто суду—говорится: *да отошлется въ судъ*; за другія же обвиняемые берутся сначала подъ стражу, и потомъ уже предаются суду; о нихъ Уставъ выражается такъ: *да отдается подъ стражу и отошлется въ судъ*. Во второму разряду отнесены слѣдующія преступленія: 1) обнародованіе чего-нибудь безъ вѣдома, повелѣнія и согласія правительства (ст. 233); 2) снятіе, раздраніе обнародуемыхъ управою благочинія узаконеній, повелѣній, рѣшеній и т. п. (234 ст.); 3) ослушаніе, оказанное повелѣнію управы благочинія (ст. 235); 4) прерваніе богослуженія въ церкви (ст. 238); 5) насильное вторженіе въ церковь (ст. 240); 6) совращеніе православнаго въ иновѣріе (ст. 243); 7) основаніе общества, товарищества, братства безъ вѣдома и согласія управы благочинія (ст. 250); 8) учиненіе, во время общенародныхъ игръ, или забавъ, или театральныхъ представленій, кому обиды, или придирки, или брани, или драки, также вынутіе изъ ноженъ шпала, употребленіе огнестрѣльнаго оружія, бросаніе камня, или пороха, или чего инаго, чѣмъ можно причинить рану, вредъ, убытокъ или опасенія (ст. 261); 9) смертоубійство (п. 1 ст. 267); 10) причиненіе увѣчья и нанесеніе ранъ (п. 2 т. с.); 11) насиліе (ib.); 12) разбой (ib.); 13) увозъ и похищеніе (ib.); 14) поджогъ (ст. 268 п. 1); 15), воровство со взломомъ (п. 2 т. с.); 16) воровство-грабежъ (п. 1 ст. 269); 17) воровство выше 20 р. или въ четвертый разъ и принятіе краденыхъ вещей (п. 2 ст. 269, п. 8 ст. 271); 18) причиненіе злостнаго ущерба или убытка (п. 4 т. с.); 19) учиненіе воровства-кражи, воровства-мошенничества и злостнаго ущерба цѣною ниже 20 руб. влечетъ тоже взятіе подъ стражу и отсылку не въ судъ, а непосредственно, по распоряженію полиціи, въ рабочій дошъ (пп. 2, 3 и 4 ст. 269); 20) учиненіе лживаго поступка словеснаго или дѣйствіемъ (пп. 1 и 2 ст. 270); 21) сопротивленіе закону или должности

дѣйствіемъ или словами (п. 1 ст. 271); 22) взломъ тюремъ или упускъ под-лежащаго содержанію подѣ стражу (пп. 4 и 7 ст. 271); 23) скрытіе или утай-ка нужной къ производству дѣла бумаги или печати (п. 9); 24) ложное упо-требленіе поддѣланнаго, скрытаго или утаеннаго (п. 10); 25) утайка уголов-наго преступленія (п. 12); 26) созваніе подозрительнаго сходбища (ст. 272 п. 1); 27) кто ѣздитъ или ходитъ, страшая людей (п. 2); 28) посылка письма съ угрозами (п. 3); 29) взломъ оградъ (п. 4); 30) поединокъ или драка (п. 5); 31) учиненіе скопа (п. 6); 32) подача прошенія или доноса скопомъ и загово-ромъ (п. 7); 33) насильственное завладѣніе (п. 8); 34) разсѣваніе лжи и кле-веты (п. 9); 35) привозъ и отвозъ запрещеннаго товара цѣною выше 20 руб., или безпошлинный привозъ или отвозъ дозволеннаго товара на ту же цѣну или въ четвертый разъ (пп. 1 и 2 ст. 273); 36) привозъ и отвозъ запрещеннаго то-вара ниже 20 руб. и въ первый, второй или третій разъ влечетъ тоже взятіе подѣ стражу и отправленіе безъ суда въ рабочій домъ для заработковъ (пп. 1 и 2 ст. 273); 37) разнесеніе заразы (п. 1 ст. 274); 38) продажа испорченныхъ на-питковъ (п. 2 ст. 274). Этотъ перечень убѣждаетъ, что Уставъ Благочинія предписываетъ брать подѣ стражу обвиняемыхъ какъ въ тяжкихъ преступлені-яхъ, такъ и въ маловажныхъ проступкахъ; въ этомъ отношеніи уравниены: ослу-шаніе распоряженій управы благочинія съ бунтомъ; нанесеніе въ публичномъ мѣстѣ обиды дѣйствіемъ и драка съ смертоубійствомъ. Поэтому, законы эти сто-ять неизмѣримо ниже правилъ, изложенныхъ въ Наказѣ и въ Учрежденіи о гу-берніяхъ. Они составляютъ какъ-бы санкцію той практики, которая еще съ кон-ца XVII стол. и особенно съ Петра I водворилась въ нашихъ судахъ; находилъ въ противорѣчій съ Наказомъ и Учрежденіемъ о губерніяхъ, они подрывали ихъ силу и дѣйствіе.

Отъ этого времени мы имѣемъ также сенатскій, одного духа съ правилами Устава Благочинія, указъ (посланный въ Колыванское областное управленіе 1782 г. 5 ноября), въ которомъ сказано, что *содержащихся по уголовнымъ дѣламъ колодниковъ, прежде окончательнаго рѣшенія объ нихъ, на поруки освобож-дать не слѣдуетъ и никакимъ закономъ того не дозволено, но рѣшать объ нихъ дѣла въ положенные сроки безъ всякаго упущенія* (№ 15568). Въ указѣ этомъ не обращено вниманія, во-первыхъ, на уголовныя дѣла маловажныя и не-столь важныя, во-вторыхъ—на содержаніе въ тюрьмѣ хотя и по уголовнымъ дѣ-ламъ, но безъ достаточныхъ или безъ всякихъ уликъ. Слѣдовательно, указъ этотъ противорѣчитъ другимъ, прежде изданнымъ.

Въ началу XIX стол. относится изданіе нѣкоторыхъ, хотя неизмѣвшихъ об-щаго характера законовъ, но тѣмъ не менѣе нелишенныхъ важности.

По ст. 20 Устава о банкротахъ, 1800 г. 19 декабря, повелѣно держать только подѣ присмотромъ, въ благопрістойномъ мѣстѣ, а не въ тюрьмѣ, обви-няемаго въ злостномъ банкротствѣ, если причины къ призанію его злостнымъ банкротомъ еще не доказаны (№ 19692, ч. 1 ст. 20).

Въ 1803 г. закономъ 1 ноября установлены были, относительно принятія мѣръ предупрежденія противъ преданныхъ военному суду, слѣдующія правила:

ожили въ Высочайшемъ повелѣніи о преданіи слѣдствію и суду офицера не будетъ сказано, *чтобы судить его арестованнымъ*, то онъ во время производства слѣдствія и суда долженъ оставаться на свободѣ до постановленія сентенціи. Военно-судная коммисія можетъ его арестовать при заключеніи сентенціи, если найдетъ, что по важности преступленія слѣдуетъ это сдѣлать, дабы, *вѣдалъ* о сентенціи, не ушелъ. Но обвиняемыхъ въ маловажныхъ преступленіяхъ слѣдуетъ оставлять на свободѣ не арестованными до воспослѣдованія Высочайшей конфирмаціи. Законъ этотъ вызванъ былъ сознаніемъ того обстоятельства, что по разнымъ причинамъ дѣла не получаютъ скорого рѣшенія, а между тѣмъ обвиняемый, будучи арестованъ, претерпѣваетъ до окончанія суда нѣкоторымъ образомъ наказаніе, и что часто онъ по суду терпитъ наказаніе меньшее въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ переноситъ во время слѣдствія и суда (№ 21024).

Въ изданномъ въ 1806 г. 13 іюля Горномъ Уставѣ законодатель также коснулся мѣръ пресѣченія: «Подсудимые, сказано въ ст. 870, во время нахождения въ военномъ судѣ, смотря по роду преступленій и по званію и состоянію преступника, содержатся подъ карауломъ, безъ караула, или на порукахъ» (№ 22208).

Болѣе важное значеніе относительно рассматриваемаго предмета имѣютъ постановленія, помѣщенные въ Положеніи департамента удѣловъ, мая 15 дня 1808 г.; 164 § вмѣнено въ обязанность чиновнику удѣльной канторы наблюдать, чтобы только тѣ изъ удѣльныхъ крестьянъ содержались подъ стражею, которые по слѣдствію изобличены въ преступленіи ясными и несомнѣнными доказательствами. Если содержащіеся подъ стражею удѣльные крестьяне долговременно отлучены отъ домовъ своихъ, а между тѣмъ по существу дѣла не подлежатъ тяжкому наказанію, то управляющимъ канторою или приказамъ предоставляется право брать ихъ на свое поручительство, съ обязанностью представить обратно, когда надобность въ нихъ потребуется. Взятыхъ на поруки крестьянъ управляющій отсылаетъ въ ихъ селенія, поручая за ними присмотръ приказу и сельскимъ начальникамъ (№ 23020, §§ 164 и 170).

Въ Учрежденіи объ управленіи водяными и сухопутными путями, 20 ноября 1809 г., предписано брать тотчасъ подъ стражу судовщика, учинившаго уголовное преступленіе, а судовщика, обвиняемаго въ преступленіяхъ менѣе важныхъ, отпустить на поруки хозяина барки, который обязанъ представить его къ суду по востребованію (№ 23996, §§ 264 и 265).

Въ Уставѣ образованія бессарабской области, 1818 г. апрѣля 29, дня представляется цѣлнотнымъ судамъ право рѣшать вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли подсудимаго содержать подъ стражею до окончанія дѣла, или есть возможность дать на поруки, или освободить и безъ нихъ. Разумѣется, сказано въ этомъ Уставѣ, что уличенные по слѣдствію въ смертоубійствѣ, грабежѣ, зажигательствѣ, святотатствѣ, лихоимствѣ, изнасилованіи женскаго пола и въ воровствѣ, превышающемъ 100 руб., а также впавшіе во всѣ прочія преступленія, лишающія по закону чести или жизни, коль скоро они или слѣдствіемъ изобличены, или навлекли на себя важное подозрѣніе, не могутъ и не должны быть освобождены

изъ-подъ стражи до совершеннаго окончанія о нихъ дѣлъ. По маловажнымъ же проступкамъ, за которые законъ опредѣляетъ или денежное взысканіе или гражданскій арестъ, а также по дѣламъ, по коимъ подсудимые не принадлежать къ числу преступниковъ или соучастниковъ, подлежащихъ одинаковому съ первыми наказанію, а только прикосновенны къ дѣлу по какимъ либо стороннимъ обстоятельствамъ, таковыхъ цынутный судъ обязанъ неукоснительно отдать на поруки, или же освободить ихъ и безъ порукъ, если они имѣютъ особенное недвижимое имѣніе (т. XXXV, № 27357 п. 5, стр. 252).

Въ 1822 г. по дѣлу корнета Эрнста, который былъ обвиняемъ въ блудствіи и растлѣніи малолѣтней дѣвочки Федоровой, сенатъ постановилъ, что ораовская палата уголовного суда, опредѣливъ выдержать Эрнста въ тюрьмѣ три мѣсяца, обязана была, при представленіи дѣла въ сенатъ, поручить обвиняемаго полицейскому надзору, и что, не исполнивъ этого, она дала подсудимому возможность скрыться (Соб. Зак. Хав. т. XIV № 191).

По представленію московскаго генералъ-губернатора о пресѣченіи подсудимымъ способомъ уклониться отъ явки въ уголовный судъ, государственный совѣтъ, съ Высочайшаго утвержденія, въ 1824 г. января 28 дня постановилъ, что подсудимый долженъ находиться въ томъ городѣ, гдѣ судъ надъ нимъ производится, а потому и отлучаться изъ города не можетъ иначе, какъ съ дозволенія того мѣста, которое его судить; слѣдовательно, если онъ желаетъ отлучиться изъ города, то обязанъ подать прошеніе въ судъ, отъ усмотрѣнія коего зависитъ, или удовлетворить эту просьбу, или отказать (Собр. Зак. Хав. объ угол. суд. № 160). Въ 1829 г. 16 іюля, по Высочайше утвержденному положенію министровъ, дозволено было бывшему слободско-украинскому губернатору Муратову, находившемуся подъ судомъ сената, отлучиться изъ С.-Петербурга на мѣсто жительства въ владимірскую губернію, съ тѣмъ, что если, по обстоятельствамъ производящагося о немъ дѣла, представится надобность въ личномъ его присутствіи, то по первому требованію онъ неукоснительно обязанъ явиться въ С.-Петербургъ. Тогда же разрѣшено самому сенату давать, въ подобныхъ случаяхъ, разрѣшеніе на выѣздъ (№ 2994).

Обоерѣвая законы, въ которыхъ законодатель, начиная съ Петра I-го до изданія Свода Законовъ, касаяся вопроса о мѣрахъ пресѣченія, легко замѣтить:

а) Непослѣдовательность этихъ законовъ. Такъ, законы Петра I-го, изданные съ 1677 г. по 1700 г., находятся въ противорѣчіи съ закономъ 5 ноября 1723 г.; правила, изложенныя въ екатерининскомъ Уставѣ Благочинія 1782 г. 7 апрѣля, несовѣстны съ началами, записанными въ болѣе зрѣлаго Запада въ ст. 160—174 Наказа 1767 г. и въ ст. 401 Учрежд. о губ. 1775 г. 7 ноября. Естественно, законы одного духа должны были подрывать силу законовъ другаго духа; естественно, одни изъ нихъ должны были быть дѣйствующими, другіе придти въ забвеніе. Какимъ изъ двухъ родовъ этихъ законовъ должна была достаться роль дѣйствующихъ законовъ, на этотъ вопросъ отвѣчать не трудно: тѣмъ, которые гармонировали съ общимъ духомъ законодательства и общимъ строемъ общества.

б) Отсутствие всеобщности. Нѣтъ сомнѣнія, что законы, касавшіеся съ 1800 г. мѣръ пресѣченія, какъ-то: Уставъ о банкротахъ, Уставъ Горный, Положеніе департамента удѣловъ, Уставъ образованія бессарабской области и т. д., внесли и болѣе опредѣленности и болѣе справедливости въ систему мѣръ пресѣченія. Но всѣ эти законы относятся или только къ извѣстному классу народа, или къ извѣстной области государства.

в) Теоретичность. Это особенно можно сказать о статьяхъ Наказа. Эти статьи какъ теорія хороши, но для практическаго примѣненія имъ не достаетъ той законченности и опредѣленности, безъ которой немислимъ ни одинъ хорошо составленный законъ.

г) Временный, случайный ихъ характеръ. Такъ, указъ 1737 г. 4 апрѣля, хотя выразилъ очень рационально правило относительно взятія подъ стражу, но посланъ былъ лично подполковнику Редвину; указы 1734 г. 3 апрѣля и 1768 г. 18 декабря предписывали содержимыхъ подъ стражею освободить изъ тюрьмы, или отдать на поруки, не столько по существу дѣла, сколько изъ религіозныхъ побужденій; указъ 1761 г. касался только одного рода дѣлъ—корчемныхъ; указъ синодскій 1767 г. изданъ былъ для духовнаго вѣдомства.

Изъ этихъ законовъ видно, что законодатель и высшее судебное мѣсто—сенать, признавали, что обвиняемые могутъ во время слѣдствія и суда или оставаться совершенно на свободѣ, или подлежать разнымъ мѣрамъ пресѣченія, какъ то: взятію подъ стражу и заключенію въ тюрьму, отдачѣ на поруки, взятію росписки о явкѣ. Но ни законодатель, ни сенать, не стремились установить общихъ, на всякій случай, и для всѣхъ дѣлъ, обязательныхъ правилъ относительно объема примѣненія каждой изъ этихъ мѣръ. А изданіе такихъ правилъ было крайне необходимо, въ виду неурядицы, господствовавшей въ практикѣ судебныхъ мѣстъ второй и низшей инстанцій.

§ 22. При неимѣніи статистическихъ данныхъ, можно отчасти, только по множеству указовъ, касавшихся участи тюремныхъ слѣдѣльцовъ и крайне медленнаго производства ихъ дѣлъ, составить нѣкоторое, приблизительное понятіе о тѣхъ неблагопріятныхъ результатахъ, которые произошли отъ такихъ неточныхъ и противорѣчивыхъ законовъ, въ особенности изданныхъ въ XVIII вѣкѣ, со времени Петра I-го. Вслѣдствіе уничтоженія старыхъ формъ, которыми были обставлены какъ призывъ обвиняемаго въ судъ, такъ и отдача его на поруки, водворилось личное усмотрѣніе въ примѣненіи мѣръ пресѣченія; съ этихъ поръ отдача на поруки является не столько мѣрою нормальной, сколько случайною, не столько правиломъ, сколько исключеніемъ; содержаніе же въ тюрьмѣ дѣлается почти единственною мѣрою предупрежденія. Стали содержать въ тюрьмѣ до рѣшенія обвиняемыхъ не въ однихъ тяжкихъ преступленіяхъ, но и въ малыхъ винахъ и погрѣшностяхъ. Въ указѣ 1820 г. 3 стр. сказано: *«а которые по дѣламъ въ надворномъ судѣ содержатся колодники не въ важныхъ дѣлахъ»* (№ 3560, см. также № 10788). Въ указѣ 1727 г. стр. 17 далѣе говорится: *«по вышесказаннымъ поданнымъ вѣдомостямъ о колодникахъ таковыя находятъ, что»*

въ не весьма тяжкія преступленія впамя, а содержатся по году и болѣе» (№ 5059). Изъ указа 1728 г. августа 19 дня видно, что малолѣтніе Яковъ и Петръ Лосевы долго содержались въ тюрьмѣ, во время производства дѣла объ убійствѣ двухъ человѣкъ, за то, что, имѣя свѣдѣнія объ этомъ преступленіи, не донесли (т. VIII № 5323). Въ сенатскомъ указѣ 1761 г. 8 іюня сказано: *«иъ-которые за несобранными справками содержатся по винамъ-ли, а друіе въ малыхъ винахъ и достойны-ли содержанію, о томъ единственно быть особому и скорѣйшему разсмотрѣнію, дабы и неподлежащіе долговременному содержанію люди напрасно держаны не были»* (№ 11266). См. также указы сенат. 1768 г. декабря 18, 1803 г. ноября 1 дня, 1805 г. марта 23 дня; изъ послѣдняго указа видно, что крестьянинъ Плехановъ, подравшійся на спорномъ полѣ съ женою брата и обвиняемый въ нанесеніи ей побоевъ, содержался подъ стражею два года, хотя по приговору оштрафованъ былъ только двумя рублями (Собрание Зак. Хав. т. XIV, угол. судопр., стр. 155). Изъ этого указа видно, что не только содержали за малыя вины, но и при неимѣніи въ виду какихъ нибудь вѣроятностей вины. Въ этомъ отношеніи указъ 1737 г. апрѣля 4 дня представляетъ болѣе наглядное доказательство въ слѣдующихъ словахъ: *«Изъ приложеннаго рапорта, пишетъ императрица подполковнику Редкину, о содержащихся у васъ колодникахъ усмотрѣно, что не только въ винахъ, сколько правыхъ содержится, которыхъ по многomu держанію освобождено безъ наказанія 421 человекъ»,... «изъ того вашего рапорта видно, что упомянутые люди забраны и держаны были не для слѣдованія о винахъ ихъ, но знать только для взятокъ и бездѣльныхъ корыстей»* (т. X № 7219). То же видно: а) изъ сенатскаго указа 1767 г. 15 мая, коимъ повелѣно неподлежащихъ содержанію въ тюрьмѣ изъ подъ-караула освобождать (№ 12894); б) изъ указа синода 1767 г. ноября 21 дня, коимъ запрещено брать въ тюрьму лицъ по однимъ просьбамъ и доносамъ, безъ всякихъ доказательствъ виновности, какъ это постоянно дѣлается (№ 12919). Какую «бездѣльную корысть» имѣли иногда въ виду бравшіе подъ арестъ—видно изъ болѣе ранняго указа 1733 г., въ которомъ говорится, что забираемы были изъ уѣздовъ крестьяне и содержимы долговременно подъ карауломъ для употребленія ихъ въ разныя собственныя работы (№ 6475 п. 6). Сенатскій указъ 1803 г. 7 октября, по дѣлу крестьянъ Ларионовыхъ, показываетъ до какого самоуправства доходила полиція, заключая въ тюрьму и подвергая суду людей совершенно невинныхъ, противъ которыхъ она сама сдѣлала насиліе (т. XXVII № 20968). Въ 1822 г. лукояновскій исправникъ, встрѣтивши въ селѣ Пелѣ ѣхавшаго въ Нижній-Новгородъ подпоручика Исакова, потребовалъ отъ него платежа недоимки, и, не обращая вниманія на совершенно законныя его объясненія, приказалъ его арестовать (Собр. Зак. Хавскаго т. XIV ст. 265). Послѣдній случай собственно не относится къ дѣламъ уголовнымъ, но онъ указываетъ, какъ легкомысленно смотрѣли на взятіе подъ стражу тѣ, которымъ принадлежало право ареста: если они лишали свободы людей, когда не было и рѣчи о какомъ бы то ни было преступленіи, то они уже совсѣмъ не

стѣснялись, когда возникалъ вопросъ о существованіи преступленія или проступка. Такое легкомысленное употребленіе содержанія въ тюрьмѣ не исключало явленій противоположнаго характера: если изъ за «взятокъ» и «бездѣльныхъ корыстей» подъячіе брали невинныхъ или маловинныхъ, то они по тѣмъ же побужденіямъ освобождали тѣхъ, которыхъ слѣдовало держать въ тюрьмѣ: *«Вѣдомо намъ учинилось, говорится въ законѣ 1722 г. апрѣля 4 дня, что многихъ колодниковъ въ великихъ воровствахъ и разбояхъ изъ тюремъ отпускаютъ подъячіе изъ-взятокъ»* (№ 3929).

Содержаніе подъ арестомъ, преимущественно въ тюрьмѣ, является въ XVIII и XIX столѣтіяхъ крайне тягостною мѣрою пресѣченія вслѣдствіе того, что оно продолжалось непомерно долго. Уже въ предыдущемъ періодѣ обнаружались первые признаки долговременнаго содержанія обвиняемыхъ въ тюрьмѣ во время слѣдствія и суда. Въ рассматриваемое же время такая продолжительность сдѣлалась нормальнымъ явленіемъ. Во весь этотъ періодъ, съ самаго его начала, идетъ непрерывный рядъ именныхъ и сенатскихъ указовъ, это подтверждающихъ: указъ 1713 г. іюля 8 дня, № 2694; указъ 1719 г. 3 марта, № 3319; указъ 1720 г., № 3560; 1722 г. 4 апр., 3928; 1722 г. 18 сентября, № 4093, № 4530; указъ 1726 г. декабря 23 дня, № 4989; указъ 1727 г. 17 апрѣля, № 5059; 1727 г. 18 сентября, № 5158; 1728 г. 19 августа, № 5323; указъ 1731 г. 5 марта, № 5709; 1734 г. 3 апр., № 6564; 1735 г. 1 сентября, № 6799; указъ 1736 г. 19 декабря, № 7127; указъ 1737 г. 4 апр., № 7219; 1738 г. апрѣля 23, № 7566; указъ 1751 г. 30 іюля и 22 августа, №№ 9871 и 9875; указы 1756 г. 10 апр., 25 ноября, №№ 10538 и 10657; указъ 1760 г. 30 сентября, № 11110; указы 1761 г. іюня 8 дня и 2 сентября, №№ 11266 и 11319; указъ 1762 г. 13 ноября, № 11709; указы 1763 г. 20 января, 10 февраля, 6 апрѣля и 16 декабря №№ 11737, 11750, 11787 и 11992; указъ 1764 г. 3 іюня, № 12173; указы 1766 г. 31 іюля и 10 августа, №№ 12709 и 12721; 1768 г. 29 іюля, № 13154; указъ 1769 г. 15 декабря, № 13395; указъ 1773 г. 24 декабря, № 14092; указы 1774 г. 12 іюня и 17 октября №№ 14155 и 14203; указъ 1782 г. 5 ноября, № 15568; указъ 1797 г. 16 декабря, № 18268; указы 1803 г. 21 февраля и 28 августа №№ 20628 и 20918; указъ 1819 г. 28 марта, № 27743; указы 1826 г. апр. 27 и октября, № 281 и 607; указъ 1827 г. 28 февраля, № 932; указъ 1829 г. 23 сентября, № 3179; указъ 1830 г. 6 марта, № 3517. Этотъ перечень показываетъ что крайне долговременное содержаніе въ тюрьмѣ было не временнымъ, а постояннымъ явленіемъ, и что правительство постоянно, отъ времени до времени, чаще или рѣже, указывало на это зло судамъ. Въ Полномъ Собраніи Законовъ мы находимъ нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, какъ долго иногда длилось содержаніе въ тюрьмѣ во время слѣдствія и суда. Такъ, въ 1727 году императрица Екатерина I, увидѣвъ изъ статейныхъ списковъ, что майоръ Воеводскій содержится подъ наравломъ десятый годъ, обратила на это вниманіе сената (№ 5059). Въ сенатскомъ указѣ 1727 г. 18 сен-

табля говорится, что изъ юстицъ-коллегии рассылаются по губерніямъ невершен-
цыя дѣла и колодники такіе, которые держаны были въ той коллегіи *многіе годы*
(№ 5158). Дѣло содержащагося въ тюрьмѣ крестьянскаго сына Фролова остава-
лось безъ движенія съ 1751 г. по 1756 г. (№ 10538). Въ 1761 г. сенатъ на-
шелъ, что по Смоленску съ приписанными городами содержится по норчменнымъ
дѣламъ 107 колодниковъ, въ томъ числѣ нѣкоторые съ 1753 г., а при саран-
ской воеводской канцеляріи 43 колодника по такимъ же дѣламъ, изъ нихъ три
съ 1755 г., 1 человекъ съ 1756 г., 32 человека, съ 1759 г. и 7 съ 1760 г.
(№ 11319). При разсмотрѣніи въ 1763 г. вѣдомостей о колодникахъ, сенатъ на-
шелъ, что за присутственными мѣстами Москвы и С.-Петербурга, а также губер-
ній, провинцій и городовъ, числится 1862 обвиняемыхъ, которые содержатся въ
тюрьмѣ съ 1756 года (№ 11992). По словамъ указа 1764 г. іюня 3 дня, между
колодниками есть не только такіе, которые по году и по два, но и такіе, кото-
рые болѣе 10 лѣтъ содержатся въ тюрьмѣ, и многіе, въ ожиданіи рѣшенія, ли-
шаясь всѣхъ своихъ имѣній, претерпѣваютъ крайнюю нужду (№ 12173). Какимъ
обыкновеннымъ явленіемъ была продолжительность содержанія служить подтверж-
деніемъ этому указъ 1766 г., въ которомъ говорится, что въ московскомъ сло-
весномъ судѣ колодники содержатся по 10 лѣтъ и болѣе, а въ прочихъ городо-
выхъ словесныхъ судахъ года по три и болѣе, несмотря на то, что словесные
суды учреждены были съ тою цѣлю, чтобы они *судили словеснымъ кратчай-
шимъ образомъ и рѣшеніе чинили въ самой крайней скорости* (№ 12721).
Екатерина II въ 1769 г. обратила вниманіе сената на то, что поручикъ Ду-
басовъ, котораго обвиняли въ неумышленномъ убійствѣ помѣщичьяго крестья-
нина, содержится въ тюрьмѣ съ мая 1761 г. по 15 декабря 1769 г., почти де-
вятъ лѣтъ; по этому случаю она напомнила сенату *неудержимыми окомъ сме-
трѣвъ*, чтобы дѣла, правосудію требующія, столь долго безъ рѣшенія не оста-
вались (№ 13395). По обвиненію въ убійствѣ крестьянина Максимова, пору-
чикъ Бобровъ былъ содержимъ въ тюрьмѣ съ 1798 г. по 1810 г. и по рѣшеніи
сената оставленъ въ подозрѣніи и преданъ церковному покаянію (Собр. Зак. Рос-
скаго т. XVI уголов. улож.). Дѣло объ убійствѣ дѣвочки Марьи Алтуховой дли-
лось съ 1813 г. по 1824 г. и по этому дѣлу содержалось въ тюрьмѣ нѣсколько
человекъ («Журналъ Министерства Юстиціи» 1862 г.). Изъ приведенныхъ при-
мѣровъ можно заключить, что продолжительность содержанія въ тюрьмѣ во время
судовъ и суда была общимъ явленіемъ, что сверх-десятилѣтнее содержаніе въ
тюрьмѣ обвиняемаго не было въ это время явленіемъ редкимъ.

Исследователю исторіи мѣръ пресѣзанія не должны пройти молчаніемъ тѣ
причины, которыя породили эту непоправимую продолжительность содержанія въ
тюрьмѣ. Многія изъ нихъ, какъ болѣе очевидныя, были указаны, въ теченіи XVIII и
XIX столѣтій, самыми законодателями; другія же скрывались въ устройствѣ обще-
ственной жизни вообще и, въ частности, въ характерѣ судопроизводства и управ-
ленія судопроизводствомъ. Въ 1756 г. сенатъ нашелъ, что малочисленность производ-

ства колодничьихъ дѣлъ и волонита происходить отъ небрежности судей; которые, *прѣзжжаютъ не въ указные часы и весьма поздно, а некоторые и въ присутствіи вовсе чрезъ немалое время не бывають* (№ 10657). Екатерина II, въ своемъ замѣчательномъ указѣ 1763 г. 10 февраля, признаетъ причиною медленности то обстоятельство, что записные злодѣи, спустя долгое время послѣ первыхъ своихъ показаній, оговариваютъ невинныхъ людей, или такихъ; которыхъ нельзя отыскать, вслѣдствіе чего начинаются справки, сыски и дѣло затягивается, а вѣдомые преступники достигаютъ возможности, посредствомъ проволочекъ и побѣговъ, избѣжать наказанія (№ 11750). Учрежденіемъ для ускоренія за скорѣйшимъ теченіемъ дѣлъ колодничьихъ, экспедиція въ 1766 г. нашла, что колодничьи дѣла слишкомъ долго длятся отъ недостатка приложенія судищитыхъ, которые, какъ видно изъ присылаемыхъ вѣдомостей, мотивируютъ продолжительность производства самыми недѣльными и съ указами не согласными оговорками (№ 12709). Что это за недѣльныя отговорки, — можно судить отчасти изъ указовъ 1763 г. 20 января и 1773 г. 24 декабря (№№ 11737 и 14092); въ этихъ указахъ, — и съ особенною опредѣленностью во второмъ, — говорится, что дѣла многого числа колодниковъ, сидящихъ въ тюрьмѣ съ давнихъ временъ, не оканчиваются, въ числѣ другихъ причинъ, за несочиненіемъ къ слушанію изъ дѣлъ экстрактовъ и рѣшительныхъ приговоровъ. Въ этихъ же указахъ приводятся и другія причины медленности производства дѣлъ и продолжительности тюремнаго содержанія; а именно: неполученіе отъ высшихъ мѣстъ указовъ на представленія нижнихъ мѣстъ; несвоевременно присылка отъ разныхъ, какъ равныхъ, такъ и нижнихъ присутственныхъ мѣстъ, нужныхъ свидѣній; несмотря на неоднократныя требованія (№ 14092). Эта послѣдняя причина указана и въ указѣ 1797 г. 16 декабря (№ 18268), 1803 г. 31 июля (Собр. Зап. Хавен. т. XIV, стол. судопр.). Въ 1774 г. сенатъ нашелъ, что въ уголовнымъ дѣламъ долговременное содержаніе колодниковъ происходитъ отъ того, что въ юстицъ-коллегіи уголовныя дѣла производятся и рѣшаются на ряду съ обыкновенными административными дѣлами, вопреки указу 10 февраля 1763 года (№ 14155). Не разъ государь обращалъ вниманіе судебныхъ мѣстъ на то, что колодники *содержатся долговременно съ тюрьмами безъ всякаго положенія по той причинѣ, что при отсылкѣ ихъ въ какую-нибудь губернію для суда, лица, заведывающія этимъ, обыкновенно одновременно отправляютъ туда же и дѣла ихъ, и затѣмъ, по той же небрежности, долговременно не исполняютъ саго; вытѣкая безплодную и отнимающую время переписку; въ отращеніе этого издѣяны были слѣдующіе указы: 1803 г. 21 февраля, 1819 г. 28 марта, 1827 г. 28 февраля; 1828 г. 14 декабря (№№ 20628, 27743, II т. Собр. Зап. №№ 932 и 2513). Особенно характерны случаи, по которому издавъ былъ приведенный указъ 1807 г.: арестанты Николаевъ и Васильевъ присланы были въ 1825 г. оренбургскимъ губернскимъ правленіемъ въ Воронежъ и посажены въ тюремный замокъ, но дѣлъ о нихъ прислано не было, даже не сообщена была свѣдѣніе: въ чемъ ихъ обвиняють; а арестантъ дѣла воронежское губернскаго правленія относился къ разѣ въ теченіе 1826 г.*

Наказецъ, въ числѣ причинъ долговременнаго содержанія, указы 1807 г., 1810 г. марта 17 дня и 1824 г. 18 августа указываютъ на долговременное задержаніе губернаторами арестантскихъ дѣлъ, рѣшеніе которыхъ нуждалось въ ихъ утвержденіи (Собр. Хавскаго т. XIV угол. судопр., стр. 182 и 368, т. XVI стр. 292). Указанныя причины, отъ коихъ непосредственно зависѣла медленность производства уголовныхъ дѣлъ, а слѣдовательно и продолжительность содержанія подсудимыхъ въ тюрьмѣ, во время слѣдствія и суда, можно привести къ слѣдующимъ общимъ положеніямъ: а) крайнее развитіе слѣдственного начала, подъ вліяніемъ котораго предпринимались слѣдственные дѣйствія по всякому, какъ самому ничтожному, такъ и мало достовѣрному показанію; б) такое же развитіе письменнаго формализма; в) небрежность слѣдователей и судей въ производствѣ уголовныхъ дѣлъ, равнодушіе ихъ къ участи подсудимыхъ и наклонность ихъ къ злоупотребленіямъ. Сверхъ этихъ причинъ, указанныхъ законодателемъ, одною изъ главнѣйшихъ причинъ, производившихъ медленность, должно признать множество судебныхъ инстанцій,—явленіе, неизвѣстное въ предыдущемъ періодѣ и обязанное своимъ происхожденіемъ XVIII вѣку.

Взятіе подъ стражу и содержаніе въ тюрьмѣ обвиняемыхъ не только въ тяжкихъ преступленіяхъ, но и въ маловажныхъ проступкахъ, и долговременное содержаніе заключенныхъ должны были, естественно, породить многочисленность тюремныхъ сидѣльцевъ и переполненіе тюремъ. Въ указахъ именныхъ и сенатскихъ постоянно встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующихъ: *«въ задержаніи колодниковъ во всѣхъ судныхъ мѣстахъ имѣется многое число»*; или *«колодники отъ долговременнаго по дѣламъ ихъ нерушенія не только убавляются, но отъ времени до времени больше умножаются»*; или *«въ присутственныхъ мѣстахъ колодниковъ содержится весьма многое число и съ давнихъ временъ»* (см. указы 1724 г. 4 іюня, № 4530; 1727 г. 17 апрѣля, № 5059; 1734 г. 3 апрѣля, № 6564; 1738 г. 23 апрѣля, № 7566; 1760 г. 30 сентября, № 11110; 1773 г. 24 декабря, № 14092). Императрица Екатерина II своей знаменитый указъ 1763 г. 10 февраля, изданный съ цѣлью способствовать ускоренію производства уголовныхъ дѣлъ, начинаетъ такъ: *Извѣстно намъ, сколь велико число отъ нескораго ршенія дѣлъ — что происходитъ болѣею частью отъ несыска оговоренныхъ и по другимъ разнымъ околичностямъ — во всемъ нашемъ государствѣ содержится въ острогахъ, тюрьмахъ и въ прочихъ мѣстахъ подъ карауломъ разнаго званія колодниковъ»* (№ 11750). Императоръ Николай, по вступленіи своемъ на престолъ, былъ пораженъ многочисленностью слѣдственныхъ арестантовъ (декаб. № за 1867 г. «Военн. Сборн.»—«Черты изъ жизни царствов. имп. Николая 1; см. также «Голосъ» 1868 г. № 4-й). Не имѣя обстоятельныхъ статистическихъ данныхъ за это время, нельзя составить точнаго понятія о количествѣ содержащихся подъ стражею въ XVIII и XIX стол. Въ рукахъ нашихъ есть только нѣсколько цифръ, которыя, впрочемъ, могутъ дать нѣкоторое понятіе о числѣ содержащихся въ первую четверть XIX

столятія. Въ отчетѣ министра юстиціи Лопухина показано содержащихся подъ стражею 85,621 чел. (Печатн. отчетъ 1806 г. Сен. типогр.); по свѣдѣніямъ, доставленнымъ императору Николаю, послѣ вступленія его на престолъ, въ 1826 г. считалось 127,000 слѣдственныхъ арестантовъ («Голосъ» 1868 г. № 4; «Черты изъ жизни импер. Николая 1»); по отчету петербургскаго тюремнаго комитета за 1823 г. въ городской петербургской тюрьмѣ содержалось 1,589 человекъ, при петербургскомъ губерн. правленіи 5,019 человекъ. (Печатн. отчетъ за 1825 г.). Нужно замѣтить, что цифра отчета министра юстиціи не выражаетъ всего количества содержащихся въ тюрьмѣ за данный годъ; въ отчетахъ министра юстиціи того времени показывались только содержащіеся подъ стражею, дѣла коихъ производились въ судахъ; слѣдовательно, въ приведенную цифру не вошло число тѣхъ содержащихся, надъ которыми производилось еще слѣдствіе и о которыхъ отчетъ отдавался по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ. О цифрѣ 1826 г. можно сказать только то, что вообще цифры, показываемыя въ отчетахъ, были всегда меньше дѣйствительности.

§ 23. Мѣстами заключенія въ XVIII и XIX ст. служили тюрьмы, остроги, крѣпости, помѣщенія при полиціи. Указомъ 1721 г. 1 сентября, относившимся только до одного Петербурга, предписано обвиняемыхъ въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ содержать въ гарнизонѣ, а которые состоятъ подъ арестомъ въ прочихъ дѣлахъ, тѣхъ содержать въ врежнемъ острогѣ, съ тѣмъ, чтобы отъ сената, синода, разныхъ коллегій и канцелярій пристроено было въ этомъ острогѣ по казармѣ для содержанія подвѣдомыхъ имъ арестантовъ (№ 3824). Въ этомъ указѣ проглядываетъ, съ одной стороны, стремленіе отдѣлить тюрьму отъ помѣщеній присутственныхъ мѣстъ, съ другой—остатокъ отдѣльности тюремныхъ помѣщеній по каждому вѣдомству, по каждому присутственному мѣсту. Судя, впрочемъ, по указу 1774 г. 17 февраля, и въ XVIII стол. долго сохранялся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычай помѣщать тюрьму въ одномъ зданіи или въ близкомъ сосѣдствѣ съ присутственнымъ мѣстомъ: въ этомъ указѣ говорится, что по вѣкельнымъ и другимъ дѣламъ, производящимся въ конторѣ главнаго магистрата, содержится всегда не менѣе 35—40 человекъ колодниковъ въ состоящемъ вмѣстѣ съ конторою покоѣ (№ 14125). Какъ удобны были мѣста содержанія подсудимыхъ—видно изъ того же указа, гласящаго, что въ покоѣ, длиною и шириною въ 3 сажени, имѣется налицо 85 человекъ колодниковъ, и что, по причинѣ тѣсноты, отъ худаго воздуха колодники занемогаютъ. Что крайняя тѣснота и неудобства были обыкновенныя качества помѣщеній, въ которыхъ содержались подъ стражею подсудимые въ XVIII и въ первой четверти XIX стол.—доказательство этого мы находимъ въ первыхъ отчетахъ попечительнаго о тюрьмахъ общества, учрежденнаго въ 1819 г. Въ отчетѣ за 1822 г. орловскаго комитета говорится: въ одной, хотя и обширной, казармѣ содержатся 361 человекъ въ тяжеломъ и гниломъ воздухѣ; средину казармы занимаютъ больные; женщины содержатся въ тюремномъ замкѣ, гдѣ онѣ помѣщаются въ одной комнатѣ,—здоро-

выя вѣстѣ съ болѣзнями заразительными болѣзнями; отъ крайней тѣсноты этого помѣщенія нѣкоторые изъ заключенныхъ должны держать себя не иначе, какъ горбившись (стр. 83, 84). Должно полагать, что въ нашихъ тюрьмахъ первоначально вовсе не было никакой классификаціи: обвиняемые въ тяжкихъ преступленіяхъ и заведомые злодѣи содержались вмѣстѣ съ подозрѣваемыми въ маловажныхъ винахъ, малолѣтніе вмѣстѣ съ взрослыми; женщины не были отдѣлены отъ мужчинъ, должники отъ содержимыхъ въ преступленіяхъ уголовныхъ. Первый указъ о раздѣленіи половъ издавъ былъ въ 1744 г. 21 февраля, по поводу одного случая, сдѣлавшагося извѣстнымъ правительству: въ новгородской губерніи, по одному слѣдственному дѣлу взяты были подъ стражу дяковскій сынъ Марковъ и жена его; Марковъ былъ посаженъ въ одну палату, гдѣ былъ скованъ, нога съ ногою, въ теченіе двухъ недѣль, съ чужою женою, а жена его въ то же время содержалась скованная въ другой палатѣ (№ 8877). Впослѣдствіи издадо было нѣсколько указовъ о классификаціи содержимыхъ; таковы указы 1747 г. 18 нояб., № 9452; 1826 г. 4 октяб., № 608; 1828 г. 9 янв., № 1691. Важное значеніе имѣетъ, относительно введенія классификаціи содержимыхъ подъ стражею по роду преступленій, Высочайше утвержденный въ 1802 г. 16 октября планъ малороссійскаго генералъ-губернатора князя Журакина. По этому закону арестанты раздѣляются на три разряда: къ первому принадлежать судимые въ смертоубійствѣ, святотатствѣ, нажбіи, разбоѣ, дѣланіи фальшивой монеты и насиліяхъ; во второму—судимые за кражу, ложные поступки, азартныя игры и распутство; въ третьему—судимые за мошенничество, за отступленіе отъ должности, за долги, *по подозрѣнію для свидѣтельства, посылкѣ чьей либо и по подобнымъ тому случаямъ*. Два первые разряда должны помѣщаться въ острогѣ, въ двухъ отдѣльныхъ казармахъ; перваго разряда—въ оковахъ, въ казармѣ съ окнами за желѣзными рѣшетками, втораго разряда—въ колодахъ, въ казармѣ съ окнами безъ желѣзныхъ рѣшетокъ; въ каждой изъ этихъ казармъ должна быть особое, соответствующее отдѣленіе для лицъ женскаго пола. Для третьаго разряда взятыхъ подъ стражу устраивается особая, при городническомъ правленіи, арестантская, въ которой должно быть особое отдѣленіе для дворянъ и служащихъ. Впрочемъ, не въ острогѣ, а въ этой арестантской должны были быть содержимы обвиняемые хотя и въ тяжкихъ преступленіяхъ, но признанные невинными племною инстанціею суда. Взятыхъ же по усмотрѣнію полиціи и содержимыхъ кратковременно безъ суда, за проступки, противные благочинію, повелѣвается содержать при сѣбѣжихъ домахъ (№ 20465). Этотъ проектъ, получившій силу закона, не былъ осуществленъ вполнѣ; тѣмъ не менѣе онъ всегда служилъ однимъ изъ основныхъ законовъ для введенія классификаціи.

Содержаніе подъ стражею соединено было съ другими добавочными мѣрами, которыя были употребляемы съ цѣлью отнять у содержимаго возможность уйти. Блѣтъ и въ предыдущемъ періодѣ, въ XVIII стол. были въ употребленіи кандалы для жадъ и цѣпи (№ 11282). Въ 1802 г. 18 іюля издавъ былъ по волеиному

вѣдомству законъ, которымъ офицеры и другіе военные чины изъ дворянъ были изъяты отъ заковки въ желѣзо, на томъ основаніи, что закованіе рукъ и ногъ въ желѣзо, по военскимъ процессамъ, причислено къ разряду тѣлесныхъ наказаній, а между тѣмъ въ 15 пунктѣ дворянской грамоты сказано: *«тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго»* (№ 20335). Законъ этотъ получилъ силу дѣйствія и относительно гражданъ. Кандалы, въ которые заковывали подсудимыхъ, были тяжелы и всѣхъ ихъ не было определено закономъ. Комитетъ учрежденнаго въ 1819 г. общества попечительнаго о тюрьмахъ, на первыхъ же порахъ своего существованія, сталъ ходатайствовать объ уменьшеніи тяжести оковъ и введеніи законнаго для нихъ вѣса. Вслѣдствіе этого, въ 1822 году 29 марта изданъ былъ о вѣсѣ и употребленіи оковъ законъ слѣдующаго содержанія: 1) цѣпи или кандалы ножны употреблять только для мужескаго пола; 2) на женщинъ ножныхъ цѣпей не налагать, а наладывать на нихъ во время пути только ручныя; 3) малолѣтнихъ обоюго пола освободить отъ ношенія оковъ, пока они дѣйствительно въ малолѣтствѣ находятся; 4) вѣсъ мужскихъ кандаловъ опредѣлять отъ 5 до 5½ ф.; 5) обручи, на ноги налагаемые, обшивать кожею (№ 28984). Выше мы сказали, что и въ XVIII и XIX стол. были въ употребленіи цѣпи. На этотъ предметъ бросаетъ яркій свѣтъ Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта 1826 г. 20 марта. Изъ этого мнѣнія видно, что частный приставъ Болотовъ содержалъ рядоваго Срамченка въ сѣзжѣмъ дворѣ на цѣпи, прикованной къ стулу и надѣтой на шею. Императоръ, утверждая мнѣніе государственнаго совѣта, дополнялъ его слѣдующимъ повелѣніемъ: *«чтобы министру юстиціи предписать намъ строжайше всѣмъ прокурорамъ: осмотрѣть, есть-ли подобныя стулья съ цѣпями, и истребить, съ строжайшимъ повелѣніемъ не изобрѣтать ничего подобнаго»* (№ 198). Подобно упомянутымъ шейнымъ цѣпямъ со стульями и безъ стульевъ, въ XVIII и долго въ XIX стол. употреблялось заключеніе или забитіе въ колоды или колоду—также одна изъ добавочныхъ мѣръ предупрежденія, которая никогда не была прямо введена закономъ, но которая, тѣмъ не менѣе, изстари была во всеобщемъ употребленіи. Объ употребленіи ея можно заключить изъ того, что заключенные въ тюрьму въ законахъ XVIII стол. носятъ названіе «колодниковъ»,—названіе, совершенно вытѣснившее терминъ XVI стол. *тюремный сидѣлецъ*. Правда, въ первой четверти XIX стол. слово *колодникъ* было замѣнено новымъ: *арестантъ*. Но что колодки были въ употребленіи и XIX въ стол.,—доказательствомъ этому служитъ Высочайше утвержденный объ устройствѣ тюремныхъ помѣщеній планъ Куракина, по которому 2-го разряда арестанты должны были содержаться въ колодкахъ. Рѣшительное запрещеніе употреблять эту добавочную мѣру послѣдовало въ 1827 г. 9 февр. по слѣдующему повелѣ: Сотникъ донской Левицкій посадилъ нѣкоего Климова въ станичной избѣ въ какую-то неподвижную колоду, отчего Климовъ умеръ. Дѣло объ этомъ вошло, чрезъ государственный совѣтъ, до императора, который повелѣлъ: *«дабы нигдѣ и нигдѣ не осклаивался, подъ предлогомъ удержанія отдаваемыхъ подъ стражу лицъ отъ*

побѣговъ, изобрѣтать и употреблять иныхъ способовъ наказанія или содержанія, кромѣ тѣхъ, какіе въ узаконеніяхъ опредѣлены»; тогда жъ, въ предупрежденіе на будущее время подобныхъ злоупотребленій, повелѣно было начальникамъ губерній, чтобы, *по осмотру повсюду мѣстъ, гдѣ содержатся арестанты, если окажутся еще гдѣ подобныя орудія, ихъ истребить* (№ 894). Нельзя не пожалѣть, что около того же времени, на ряду съ столь человѣколюбивыми законами, введена была неоправдываемая справедливостью добавочная мѣра пресѣченія: я говорю о бритьѣ головы. Въ 1824 году командиръ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, для предупрежденія побѣга арестантовъ, просилъ, чтобы дозволено было бритъ имъ половину головы, *какъ сіе дѣлается уже въ московскомъ острогѣ*; необходимость такой мѣры онъ доказывалъ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, особенно въ воронежской, во многихъ уѣзднымъ городамъ и этапамъ остроги и тюремныя зданія находятся въ самомъ ветхомъ положеніи. Министръ внутреннихъ дѣлъ предлагалъ распространить эту мѣру, за исключеніемъ посаженныхъ за долги, на тѣхъ только арестантовъ, которые не заключены въ кандалы, такъ какъ сей послѣдній способъ заключенія достаточно удерживаетъ отъ побѣга. Императоръ Александръ I, коему представлена была мѣра сія на утвержденіе, повелѣлъ бритью половины головы подвергать какъ незаконныхъ, такъ и законныхъ въ кандалы (№ 30211, ук. 1825 г. 29 янв. Собр. Зак. Хавсанаго, т. XIV, № 228, стр. 373). Такъ какъ принятіе этой мѣры мотивировано было веткостью тюремъ, то въ 1826 г. подольскій губернаторъ возбудилъ вопросъ: слѣдуетъ-ли эту мѣру примѣнять къ арестантамъ, содержащимся въ устроенныхъ со всею прочностью тюрьмахъ, каковы въ Балтѣ и Брацлавѣ. Вопросъ этотъ разрѣшенъ утвердительно, на томъ основаніи, что случались побѣги и изъ подобныхъ тюремъ. Тогда опредѣлено было, что мѣра эта не должна быть распространена на класныхъ чиновниковъ, на дворянъ, на присужденныхъ къ временному аресту, равно какъ и на женщинъ, которыя обыкновенно ходятъ съ покрытыми головами (№ 209, 1526 г. 23 марта). Такъ, бритые половины головы—сначала, повидимому, мѣра исключительная—сдѣлалось мѣрою общею.

Независимо отъ неудобства мѣстъ помѣщенія, положеніе содержащихся въ тюрьмахъ было крайне тягостно, въ теченіе большей половины XVIII стол., еще и отъ недостатка и небезопасности продовольствія. Хотя еще въ предыдущемъ столѣтіи правительство обнаружило первые признаки заботливости о прокормленіи подсудимыхъ арестантовъ, но прочная и опредѣленная система продовольствія выработана была только къ концу XVIII столѣтія. Извѣстно, что тюремные сидѣльцы въ прежнее время продовольствовались или на свой счетъ, или добывали содержаніе подаеніемъ, водимые на связкахъ. Оба эти способа практиковались и въ XVIII ст. Правда, въ 1722 г. 20 окт. изданъ былъ указъ, коимъ запрещено колодниковъ, содержащихся въ уголовныхъ дѣлахъ, отпускать для прошенія милостыи на связки. Въ замѣнъ этого, вмѣнено въ обязанность, тѣхъ изъ нихъ,

которые не въ состояніи себя прокормить, отдавать въ казенную работу, выдавая заработныхъ по 4 копейки (№ 4094). Но не прошло и мѣсяца, какъ изданъ былъ новый указъ, 17 ноября, коимъ разрѣшено было, при неимѣніи казенныхъ работъ, отпускать колодниковъ для прошенія милостыни изъ каждого мѣста по одной, а гдѣ ихъ много—по двѣ и по три связки и больше (№ 4111). И въ послѣдствіи времени законодательство наше колебалось между запрещеніемъ арестантамъ просить милостыню (указы: 1737 г. іюня 24, № 7296; 1749 г. янв. 27 дня, № 9751; 1754 г. 30 мар., № 10202; 1756 г. 18 нояб., № 10660) и дозволеніемъ имъ добывать себѣ пропитаніе этимъ способомъ (ук. 1738 г. 23 апр., № 7566; ук. 1742 г. нояб. 16 дня, № 9068; ук. 1765 г. 14 декаб., № 12521). Какъ не обезпечено было въ первой половинѣ XVIII в. продовольствіе подсудимыхъ арестантовъ—видно изъ того, что въ 1749 г. *изъ содержащихся въ полковомъ полтавскомъ секвестрѣ колодниковъ одинъ съ приключившейся ему отъ голода пухлости апр. 9 дня умре, а прочимъ де колодникамъ, больше 30 челов., за неимѣніемъ нищи тоже слѣдовать можетъ, понеже за нынѣшнюю де въ хлѣбѣ скудностію для пропитанія испросить себѣ милостыни не могутъ* (№ 9647). Способы, которыми колодники вымаливали милостыню, были самые возмутительные; указъ 1749 г. янв. 27 дня такъ описываетъ добываніе милостыни: *«Многіе колодники пытаные и въ разодранныхъ платьяхъ такихъ, что едва тѣла лоскутьями прикрыты, стоя скованные на красной площади и по другимъ знатнымъ улицамъ, необычно съ крикомъ поючи, милостыни просятъ»* (№ 9571). Въ указахъ 1756 г. 18 нояб. и 1761 г. 26 іюня говорится, что колодники, и между ними пытаные, въ разодранныхъ и кровавыхъ рубахахъ, ходятъ скованные и въ желѣзахъ по церквамъ и монастырямъ, преимущественно въ праздники, во время большихъ съѣздовъ, также по домамъ, кабакамъ, по улицамъ и торговымъ мѣстамъ, и просятъ милостыни съ невѣжествомъ и необычнымъ крикомъ (№№ 10660, 11282). Въ вышеприведеннымъ указамъ, которыми частью запрещено было отпускать на связки, частью опредѣлены были способы продовольствія арестантовъ, слѣдуетъ присоединить указы: 1785 г. 24 марта., 1788 г. 31 марта, 1800 г. 30 апр., 1816 г. 22 дек., 1819 г. 22 дек., которыми содержаніе заключенныхъ въ тюрьмѣ окончательно было приято на счетъ государства и опредѣлена система продовольствія (№№ 16170, 16640, 19403, 26570, 28040). Но содержащиеся подъ стражею при полиціи продовольствовались однимъ только подаеніемъ до 1810 г., когда и они уравнены были въ содержаніи со всѣми прочими арестантами (№ 24216).

§ 24. Пришедши къ сознанію, что число содержащихся подъ стражею велико, что заключеніе ихъ крайне продолжительно, что иные содержатся подъ стражею безъ основанія или по мало важнымъ винамъ,—законодательная и судебно-административная власть не могла оставаться равнодушною къ виданымъ вреднымъ явленіямъ. Въ вышеприведенные нами указы, въ которыхъ правительство засвидѣтельствовало крайнюю продолжительность содержанія и многочисленность

содержимыхъ, издавы были съ тою цѣлю, «чтобы дѣла были рѣшаемы въ самой скорости, безволжитно»; «чтобы отъ продолженія дѣлъ никто напрасно держанъ не былъ»; «дабы колодникамъ рѣшеніе чинимо было безъ всякаго продолженія, дабы колодниковъ не множилось»; «чтобы въ случаѣ и невинныя содержаніемъ изнуряемы напрасно не были»; «чтобы отъ долговременнаго тѣла дѣлъ рѣшенія содержащіеся колодники не могли перемереть, а другіе уйти»; «чтобы подлежащее содержанію изъ подъ караула были освобождены». Кроме частаго, можно сказать, ежегоднаго напоминанія о скорѣйшемъ окончаніи арестантскихъ дѣлъ, правительство принимало и устанавливало болѣе постоянныя мѣры, направленныя къ этой цѣли.

Мѣры эти были слѣдующія: а) возложеніе на извѣстныя учрежденія и лица обязанности надзора за ходомъ арестантскихъ дѣлъ; б) доставленіе статейныхъ списковъ или вѣдомостей о числѣ арестантовъ, о ходѣ и положеніи ихъ дѣлъ; в) установленіе сроковъ для окончанія ихъ; г) штрафы за медленное рѣшеніе дѣлъ.

Говоря о надзорѣ за теченіемъ и ускореніемъ арестантскихъ дѣлъ, нельзя не упомянуть о томъ вниманіи, которое оказывали къ этимъ дѣламъ русскіе самодержцы. Многіе указы какъ вообще объ ускореніи дѣлъ, по которымъ подсудимые содержались подъ стражею, такъ и о принятіи мѣръ, къ тому направленныхъ, были издавы по личной ихъ инициативѣ. Въ первой половинѣ XVIII стол. двѣ императрицы получали свѣдѣнія объ арестантскихъ дѣлахъ изъ вѣдомостей, которыя были присылаемы въ верховный тайный совѣтъ и кабинетъ, и такимъ образомъ имѣли возможность слѣдить за ходомъ ихъ. Со второй четверти XIX стол. императоръ слѣдилъ за ходомъ этихъ дѣлъ по вѣдомостямъ, доставляемымъ непосредственно къ нему отъ прокуроровъ и стряпчихъ. Что же касается спеціальнаго надзора за этими дѣлами, то онъ состоялъ изъ центрального и губернскаго. Центральный надзоръ первоначально принадлежалъ главнымъ образомъ сенату; надзоръ юстицъ-коллегіи не имѣлъ особеннаго значенія. Императорская власть не разъ напоминала сенату *имѣть крѣпкое смотрѣніе, смотрѣть недремлемымъ окомъ*, за скорѣйшимъ рѣшеніемъ дѣлъ подсудимыхъ, лишенныхъ свободы. Для лучшаго надзора за этими дѣлами и для разсмотрѣнія вѣдомостей о положеніи ихъ и причинахъ медленности производства, сенатъ въ 1761 году 8 іюня учредилъ особую экспедицію. Это учрежденіе обязано было посылать повужденія о скорѣйшемъ доставленіи справокъ, назначать сроки для рѣшенія дѣлъ, докладывать сенату о наложеніи штрафовъ за неисполненіе предписаній и долговременное незаконное содержаніе въ тюрьмѣ (№ 11266). Для выполненія сей обязанности, указомъ 1763 г. 10 января, вѣщено было экспедиціи о колодникахъ вести слѣдующіе реестры, записки и книги: 1) записку о получаемыхъ изъ всѣхъ частей семейныхъ вѣдомостяхъ, съ отмѣтною, когда

онѣ получены; 2) настольный реестръ нерѣшеннымъ дѣламъ, дабы изъ него можно было видѣть, по какимъ дѣламъ слѣдуетъ о наложеніи штрафа докладывать сенату; 3) настольный реестръ тѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, которымъ посланы указы о скорѣйшемъ окончаніи колодничьихъ дѣлъ и доставленіи справокъ и о прочемъ; 4) краткую настольную записку о содержащихся подъ стражей во всемъ государствѣ, съ показаніемъ только общаго числа, прибыли и убыли содержащихся (№ 11731). Экспедиція эта, впрочемъ, не долго существовала: съ раздѣленіемъ сената на департаменты, она была уничтожена, а обязанности ея были возложены на 2-й департаментъ сената (№ 13170). Впослѣдствіи времени общій надзоръ за скорѣйшимъ окончаніемъ дѣлъ раздѣленъ былъ между генералъ-прокуроромъ или министромъ юстиціи и сенатомъ. Губернскій надзоръ возложенъ былъ на губернаторовъ съ самаго учрежденія губернаторской должности (№№ 3319, 5333, 12578, 12709). По мѣрѣ организациі прокурорскаго надзора, къ прокурорамъ переходилъ надзоръ за арестантами и опека о скорѣйшемъ окончаніи ихъ дѣлъ (ук. 1733 г. сент. 3 д., о должн. прок., п. 6, № 6475; ук. 1756 г. 25 нояб., № 10657; 1761 г. 8 іюня, № 11266; ук. 1766 г. 20 февр. и 31 іюля, №№ 12578 и 12709). Въ Учрежденіи о губерніяхъ 1775 г. 5-го ноября точнѣе опредѣленъ характеръ надзора прокурорской власти за содержаніемъ арестантовъ и за успѣшнымъ ходомъ арестантскихъ дѣлъ; губернскимъ прокурорамъ вѣщено въ обязанность каждую недѣлю посѣщать тюрьму и, кромѣ другихъ заботъ, имѣть попеченіе, чтобы *дѣла содержащихся скорѣе рѣшеніе получали* (№ 14392, § 405, п. 13). Съ образованіемъ въ 1807 г. департамента удѣловъ, на управляющихъ удѣльными конторами возложена обязанность заботиться объ ускореніи дѣлъ удѣльныхъ крестьянъ, взятыхъ подъ стражу, по обвиненію въ какомъ нибудь преступленіи. Для достиженія цѣлей надзора служили вѣдомости объ арестантахъ и положеніи ихъ дѣлъ. Уже въ прошедшемъ столѣтіи стали входить въ обычай статейные списки, съ цѣлью привести въ извѣстность число тюремныхъ сидѣльцевъ и положеніе ихъ дѣлъ. Но присылка этихъ списковъ не имѣла характера общей и постоянной мѣры: она вѣняема была въ обязанность воеводамъ только при вступленіи ихъ въ должность. Съ XVIII вѣка доставленіе статейныхъ списковъ или вѣдомостей, какъ ихъ скоро стали называть, превращено въ общую обязанность для всѣхъ судебныхъ мѣстъ и лицъ. Въ 1719 г. 3 марта издано было повелѣніе, чтобы губернаторы присылали въ юстицъ-коллегію о состоящихъ подъ стражею, въ губерніяхъ и въ подчиненныхъ имъ городахъ, колодникахъ статейные списки, въ которыхъ бы, кромѣ обозначенія: кто, гдѣ, съ какого времени и за что содержится,—были объяснены причины, почему извѣстные дѣла заключенныхъ остаются столь долго безъ рѣшенія; за нескорое доставленіе этихъ списковъ указъ грозилъ штрафомъ 5 руб. за каждого челоука. Тотъ же указъ вѣнялъ въ обязанность губернаторамъ, вице-губернаторамъ и прочимъ судьямъ читать каждый день статейные списки собственныхъ приказовъ, удостовѣряя исполненіе этого собственноручною подписью, для того, чтобы дѣла, подлежащіа окончанію, были

немедленно рѣшены, и *чтобы безъ вѣдома ихъ никакой колодникъ держимъ не былъ* (№ 3319). Въ 1726 г. 26 октября велѣно присылать статейные списки въ сенатъ; присланные списки въ слѣдующемъ году внесены были на разсмотрѣніе верховнаго тайнаго совѣта, который повелѣлъ обнародовать замѣченные недостатки, въ предупрежденіе ихъ на будущее время (№№ 4970, 4989 и 5059). Въ 1734 г. сенатъ, убѣдившись въ томъ, что многое число колодниковъ содержится немалое время безъ рѣшенія, 3 апрѣля предписалъ, чтобы такіе статейные списки за судейскими руками были присылаемы въ сенатскую контору еженедѣльно (№ 6564). Спустя два года изданы были: а) именное повелѣніе о присылкѣ въ сенатъ вѣдомостей о колодникахъ каждый мѣсяцъ до тѣхъ поръ, пока всѣ дѣла прошлыхъ лѣтъ не будутъ рѣшены (№ 7095); б) сенатскій указъ о присылкѣ вѣдомостей о колодникахъ изъ губерній, провинцій и городовъ въ сенатъ еженедѣльно, а изъ сената въ кабинетъ Его Величества каждый мѣсяцъ (№ 7114). Въ 1756 г. 10 апрѣля сдѣлано подтвержденіе присылать статейные списки изъ петербургскихъ присутственныхъ мѣстъ въ сенатъ, изъ московскихъ въ сенатскую контору, а изъ губерній по полугодно въ юстицъ-контору (№ 10538). Того же года указомъ 25 ноября возложена на прокуроровъ, гдѣ они есть, а гдѣ нѣтъ — на присутствующихъ, обязанность подавать къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ изъ петербургскихъ присутственныхъ мѣстъ еженедѣльные, а изъ московскихъ и губернскихъ ежемѣсячныя вѣдомости, какъ о часахъ, въ которые присутствующіе пріѣзжаютъ въ судъ, такъ и о колодникахъ (№ 10657). Послѣ этого идетъ рядъ указовъ, изданныхъ съ цѣлью ввести постоянство и регулярность въ доставленіе въ сенатъ ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ вѣдомостей; таковы указы 30 сентября 1760 г., № 11110; 10 и 20 января, 12 февраля 1763 г., №№ 11731, 11737 и 11752; 1797 г. 1 іюля, № 18067. Съ шестидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія доставленіе ежемѣсячныхъ вѣдомостей въ сенатъ и къ генералъ-прокурору становится неизмѣнною, разъ навсегда установленною обязанностью для мѣстъ, отправлявшихъ уголовный судъ. Съ тѣхъ поръ до начала второй четверти нынѣшняго столѣтія, если не считать подтвержденій, мы не встрѣчаемъ новыхъ законовъ относительно вѣдомостей. Въ началѣ 1826 г. императоръ Николай, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, обратилъ вниманіе на двухлѣтнее содержаніе подъ стражею крестьянскаго мальчика Кузьмина, который былъ обвиняемъ въ кражѣ изъ церкви 1 р. 49 коп. Вслѣдствіе сего, издавъ повелѣніе о поспѣшнѣйшемъ ходѣ всѣхъ дѣлъ, а тѣмъ болѣе такихъ, по коимъ есть арестанты, *нерѣдко невинно содержащіеся*, императоръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, вмѣнилъ въ обязанность прокурорамъ, въ случаѣ небрежности, доносить министру юстиціи, съ тѣмъ, чтобы послѣдній представлялъ списки съ тѣхъ донесеній государю (№ 281). Въ 1827 и 1828 гг. изданы были два Высочайшія повелѣнія, коими дополненъ этотъ законъ въ томъ смыслѣ, что губернскіе прокуроры и стряпчіе обязаны, кромѣ того, доносить императору ежемѣсячно, въ собственныя Его Величества руки, о тѣхъ арестантахъ

ихъ вѣдомства, участь коихъ не рѣшена по минованіи года. *) Доставленіе статейныхъ списковъ или вѣдомостей не было одною только формальностью, но служило однимъ изъ способовъ дѣйствительнаго контроля за производствомъ арестантскихъ дѣлъ. Въ эти вѣдомости вносились не одни имена заключенныхъ въ тюрьму, но свѣдѣнія о причинахъ медленности; онѣ нерѣдко служили поводомъ къ изданію указовъ объ ускореніи арестантскихъ дѣлъ, о недержаніи подъ стражею лицъ, совершенно невинныхъ, слабо уличаемыхъ или виновныхъ въ мелкихъ проступкахъ; изъ этихъ же вѣдомостей сенатъ почерпалъ доказательства нерадѣнія того или другаго суда при производствѣ арестантскихъ дѣлъ, и основаніе для наложенія штрафа на виновныхъ въ такомъ нерадѣніи. Конечно, такая мѣра, какъ доставленіе вѣдомостей, не могла, какъ увидимъ ниже, измѣнить сущности вещей, т. е. устранить причины медленности, лежащія въ самомъ существѣ судоустройства и судопроизводства. Тѣмъ не менѣе, она приносила свою пользу: она не допускала развиваться небрежности сверхъ мѣры и вносила извѣстную идею, порядокъ и ясность въ стравленіе уголовного правосудія.

Желая ускорить рѣшеніе дѣлъ тѣхъ обвиняемыхъ, которые содержатся подъ стражею, законодатель еще въ прошедшемъ столѣтіи думалъ достигнуть этой цѣли посредствомъ установленія сроковъ для рѣшенія сихъ дѣлъ. Сроки эти были двухъ родовъ: одни—временно опредѣленные, на одинъ разъ, другіе—разъ навсегда опредѣленные. Отъ XVIII столѣтія дошло до насъ нѣсколько указовъ, которыми предписывалось покончить всѣ арестантскія дѣла къ данному времени; такъ, указомъ 1731 г. 5 марта предписано было приступить, начиная съ 8 марта, къ рѣшенію колодничьихъ дѣлъ безъ всякихъ оговорокъ, съ тѣмъ, чтобы къ наступающему празднику Пасхи, т. е. къ 18 апрѣля, колодничьи дѣла окончательно были рѣшены, подъ угрозою штрафа за неисполненіе этого предписанія (№ 5709). Подобные же указы изданы были въ 1734 г. 3 апрѣля и 1768 г. (№№ 6564 и 13216). Несравненно важнѣе установленіе разъ навсегда опредѣленныхъ сроковъ. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ указъ 10 февраля 1763 г., которымъ Екатерина II предписала оканчивать арестантскія дѣла въ мѣсяцъ (№ 10750). Мѣсячный срокъ, установленный императрицею для окончанія дѣлъ лицъ, содержащихся подъ стражею, не былъ, впрочемъ, новостью въ нашемъ законодательствѣ. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что такой же самый срокъ для окончанія этихъ дѣлъ былъ установленъ 123 пунктомъ новоположеній статей 1669 г. (№ 441). Указъ Екатерины, въ которомъ не упоминается о семъ старомъ законѣ и въ которомъ о мѣсячномъ срокѣ говорится какъ о чемъ-то новомъ, служить только доказательствомъ, что старый законъ былъ забытъ и не исполнялся. Если въ теченіе мѣсяца арестантское дѣло не рѣшено, указъ

*) Въ Полномъ Собраніи Законовъ мы не отыскали этихъ Высочайшихъ повелѣній: въ нихъ есть ссылка въ указѣ 5-го іюля 1837 г. и въ Св. Зак. изд. 1857 г. т. II кн. 2 раз. VII ст. 2474 п. 4, хотя, вопреки принятому правилу, здѣсь они подцитированы безъ указанія номера, что можетъ служить подтвержденіемъ для предположенія, что они дѣйствительно не вошедши въ Пол. Соб. Зак.

1764 г. іюня 3 дня повелѣваетъ доносить о семъ изъ воеводской канцеляріи въ провинціальную, а изъ сей послѣдней въ губернскую, которая обязана за ходомъ дѣла имѣть неослабный надзоръ и объ успѣхѣхъ или неуспѣхѣхъ должна доносить какъ юстицъ-коллегіи, такъ и сенату. Въ случаѣ перѣшенія дѣла въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, мѣсто, за которымъ считается арестованный, обязано за мѣсяцъ до полугода донести сенату о причинахъ, препятствующихъ рѣшенію (№ 12173). По Учрежденію о губерніяхъ верхній земскій судъ, уѣздный судъ, губернскій магистратъ, верхняя расправа обязаны были имѣть свои засѣданія въ три срока: первый срокъ продолжается отъ 8 января до страстной недѣли, второй послѣ троицына дня до 28 іюня, а третій отъ 2 октября до 18 декабря. Дѣла, по которымъ кто нибудь содержится подъ стражею, предписано имъ было рѣшать въ одинъ срокъ подъ опасеніемъ штрафа (ст. 189, 207, 330 и 374). Съ цѣлью ускоренія сроковъ рѣшенія дѣлъ по обвиненіямъ въ маловажномъ воровствѣ, изданъ былъ Екатериною II законъ 1781 г. апрѣля 3 дня. По этому закону предаются суду только обвиняемые въ воровствѣ и въ мошенничествѣ выше 20 руб. или совершившіе воровство на какую бы то ни было сумму въ четвертый разъ. Обвиняемые же въ воровствѣ и мошенничествѣ цѣною ниже 20 руб. въ первый, во второй и третій разъ, по взятіи ихъ подъ арестъ, отдаются тотчасъ въ рабочій домъ, для того, чтобы они отработали тамъ украденное и штрафъ (№ 15147). Законъ этотъ цѣликомъ внесенъ былъ въ Уставъ благочинія (п. 2, 3 и 4 ст. 269). Хотя въ законѣ не сказано, кто и какъ отдаетъ подобныхъ обвиняемыхъ въ рабочій домъ, но изъ существа этого закона и Устава благочинія очевидно, что эта обязанность лежала на полиціи, и что отдача эта должна была слѣдовать на основаніи немедленнаго приговора полиціи. Законодательница, очевидно, хотѣла установить для подобныхъ дѣлъ скорую поддѣйскую расправу и тѣмъ сократить время слѣдственнаго ареста, вмѣсто крайне медленнаго производства въ нѣсколькихъ инстанціяхъ, съ чѣмъ тѣсно связано было долговременное содержаніе подъ стражею. Такъ какъ законъ 1781 г. подвергся съ теченіемъ времени нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ, то въ 1827 г., въ поясненіе и дополненіе, издано было мнѣніе государственнаго совѣта, конимъ рѣшеніе дѣлъ о воровствѣ-кражѣ цѣною выше 5 р. и ниже 20 руб. предоставлено было управамъ благочинія, съ тѣмъ, чтобы произвести ускореніе производства дѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшить накопленіе арестантовъ и избавить ихъ отъ излишняго изнуренія подъ стражею (№ 1425). Въ 1810 г. Александръ I, *милосердствуя объ участи тѣхъ, которые содержатся подъ стражею*, повелѣлъ имѣть въ сенатѣ двѣ очереди дѣламъ: одну тѣмъ дѣламъ, по которымъ подсудимые состоятъ на свободѣ, другую такимъ, по которымъ они содержатся подъ стражею, съ тѣмъ, чтобы дѣла о сихъ послѣднихъ докладываемы и рѣшались были преимущественно предъ первыми (№ 24272).

Чтобы обезпечить исполненіе законовъ и предписаній относительно скорого и въ срокъ рѣшенія арестантскихъ дѣлъ, законодатель XVIII и XIX столѣтій установ-

ждать за нерадѣніе штрафы. Сначала изданы были законы о штрафахъ за медленность рѣшенія дѣлъ о долгахъ, за которые отвѣтчики посажены въ тюрьму (ук. 4 апрѣля и 13 сентября 1722 г. №№ 3928 и 4091). Въ 1726 г. 26 октября предписано было колодниковъ, находившихся долговременно въ тюрьмахъ, содержать на счетъ судей—виновниковъ долговременнаго заключенія (№ 4970). По повелѣнію императрицы, въ 1727 г. 17 апрѣля, объявлено было судьямъ, что за увеличеніе числа колодниковъ въ ихъ вѣдомствѣ они подвергнутся штрафу. Штрафъ за медленность рѣшенія опредѣлялся въ слѣдующихъ указахъ: 1731 г. 5 марта, № 5709; 1736 г. 11 ноября, 1 и 12 декабря, №№ 7095, 7114 и 7127; 1756 г. 10 апрѣля, № 10538; 1761 г. 2 сентября, № 11319. На учрежденіи въ 1761 году экспедицію въ сенатъ возложена была обязанность, по рассмотрѣніи вѣдомостей о колодникахъ, докладывать сенату о наложеніи штрафовъ на допустившихъ медленность судей въ производствѣ колодничихъ дѣлъ (№№ 11266, 11731, 11737, 12709). Указомъ 1764 г. 3 іюня предписано, за перѣсидѣе арестантскихъ дѣлъ въ опредѣленный срокъ, подвергать виновныхъ вычету трети жалованья (№ 12178). Если на верхній земскій судъ, губерпскій магистратъ, уѣздный судъ, верхнюю расправу принесена будетъ жалоба, что, вопреки закону, оны оставили въ теченіе трехъ сроковъ безъ рѣшенія дѣло, по которому обвиняемый содержится подъ стражею, то члены этихъ судебныхъ мѣстъ, по Учрежденію о губерніяхъ, лишаются годоваго жалованья въ пользу заключеннаго, или его наслѣдниковъ, или школъ (№ 14392, §§ 188, 207, 330 и 374).

Легко видѣть, что правительство постоянно заботилось о скорѣйшемъ рѣшеніи арестантскихъ дѣлъ и объ уменьшеніи числа заключенныхъ, для достиженія чего оно предпринимало и узаконяло вышеизложенныя мѣры. Воздается вопросъ: достигали ли эти мѣры своей цѣли? Нельзя оспаривать того, что оны приносили долю пользы: контроль высшей, хотя и отдаленной, власти служилъ преградой для развитія чрезмѣрной небрежности подчиненныхъ учреждений при производствѣ уголовныхъ дѣлъ; присылка вѣдомостей доставляла правительству свѣдѣнія о положеніи арестантскихъ дѣлъ и вносила нѣкоторый порядокъ и ясность въ уголовное правосудіе; наконецъ, безпрестанныя поужденія не могли не способствовать ускоренію хотя нѣкоторыхъ отдѣльныхъ дѣлъ. Но, съ другой стороны, нельзя не сознаться, что всѣ принимаемыя мѣры принадлежали къ ряду мѣръ паллятивныхъ и направлены были на уничтоженіе слѣдствій, тогда какъ причины этихъ слѣдствій, оставаясь нетронутыми, продолжали дѣйствовать и производить свое дѣло. Въ тѣхъ же указахъ, которые издаваемы были съ цѣлью способствовать ускоренію дѣлъ, содержатся такіа, напримѣръ, жалобы: *«Изъ многихъ присутственныхъ мѣстъ о содержавшихся колодникахъ вѣдомостей не получено, а изъ прочихъ свѣдѣній не присылается»; «а особливо въ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ по указамъ весьма слабое исполненіе производится»; «не только по указу 10 февраля (назначившему срокъ для рѣшенія) многіе сроки прошли, но и по генеральному регламенту» два срока*

минувало. Императоръ Александръ I, возвращаясь изъ Москвы послѣ коронаціи, посѣтилъ Валдай; при ревизіи земскаго валдайскаго суда найдено было нѣсколько колодниковъ, содержавшихся по подозрѣнію въ кражѣ, безъ отсылки куда слѣдуетъ; оказалось, что въ доставленныхъ ежемѣсячныхъ вѣдомостяхъ они были скрыты и дѣлъ о нихъ никакихъ не показано (ук. 1801 г. 31 октября). Этотъ случай, конечно, былъ только выраженіемъ того, что существовало въ широкихъ размѣрахъ.

Изъ вышеизложеннаго мы считаемъ себя вправе сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Петръ I своими реформами уничтожилъ косвеннымъ образомъ двѣ старѣйшія по происхожденію мѣры пресѣченія: старыя поруки и отдачу за пристава.

2) Порукъ XVIII и XIX столѣтій отличаются отъ старыхъ порукъ тѣмъ, что онѣ не соединены были съ отвѣтственностью для поручителей.

3) О замѣнѣ старыхъ порукъ новыми и отдачи за пристава полицейскимъ надзоромъ, точно опредѣленныхъ законовъ издано не было: эта замѣна совершилась скорѣе путемъ практики, чѣмъ путемъ закона.

4) О полицейскомъ надзорѣ законы XVIII и XIX столѣтій говорятъ какъ-то вскользь, по случаю; опредѣлить объемъ примѣненія этой мѣры нѣтъ возможности.

5) Въ разсматриваемый періодъ образовался обычай: противъ нѣкоторыхъ обвиняемыхъ вовсе не принимать мѣръ пресѣченія. Законъ о наложеніи обязанности на подсудимыхъ не выѣзжать, безъ позволенія суда, изъ того мѣста, гдѣ они судятся, изданъ былъ подъ конецъ этого періода, но въ какой мѣрѣ онъ соблюдался — я опредѣлить не могу, по неизбѣннѣ данныхъ, если не считать невнесеніе его въ XV т. Св. Зак. обстоятельствомъ, доказывающимъ, что законъ этотъ не вошелъ тогда въ практику.

6) Самою употребительною мѣрою пресѣченія въ этомъ періодѣ было взятіе подъ стражу и содержаніе въ тюрьмѣ. Примѣненіе этой мѣры зависѣло больше отъ произвола слѣдователей, чѣмъ отъ закона, такъ какъ изданные въ этотъ періодъ законы относительно этой мѣры не содержали въ себѣ точныхъ, опредѣленныхъ, редактированныхъ въ одномъ духѣ правилъ.

7) При отсутствіи рациональныхъ и по существу и по редакціи законовъ, само собою вытекало употребленіе содержанія въ тюрьмѣ тамъ, гдѣ не слѣдовало; отсюда происходила многочисленность содержащихся подъ стражу.

8) Мѣры, которыя употребляло правительство, какъ противъ примѣненія содержанія въ тюрьмѣ въ неподлежащихъ случаяхъ, такъ и противъ продолжительности содержанія и увеличенія числа содержащихся, какъ мѣры, направленные противъ явленій, а не противъ причинъ, не могли уничтожить того, противъ чего онѣ были направлены.

Г Л А В А V.

Система Свода Законовъ.

§ 25. Характеръ перемѣтъ, внесенныхъ Сводомъ Законовъ въ систему мѣръ преступленія.

§ 26. Содержаніе постановленій Свода Законовъ, изд. 1832 и 1837 гг., о мѣрахъ преступленія: постановленія общія; законы о маловажныхъ преступленіяхъ и проступкахъ; постановленія особенныя.

§ 27. Свойство и объемъ примѣненія мѣръ преступленія: отдачи на поруки, полицейскаго надзора, домашнего ареста и содержанія подъ стражею—при полиціи и въ тюрьмѣ. Статистическія данныя о числѣ содержащихся подъ стражею во время слѣдствія и суда и о свойствахъ преступленій, за которыя брали подъ стражу.

§ 28. Причины многочисленности содержащихся подъ стражею.

§ 29. Мѣста содержанія подъ стражею: тюрьмы, арестантскія при полиціи.

§ 30. Продолжительность содержанія подъ стражею во время слѣдствія и суда и ея причины: недостаточное устройство слѣдственной части, множество инстанцій, крайнее развитіе письменности.

§ 31. Система мѣръ, коими законодатель думалъ достигнуть ускоренія производства уголовныхъ дѣлъ и сокращенія содержанія подъ стражею: надзоръ, сроки, штрафы.

§ 32. Перемѣты, прямо или косвенно произведенныя съ 1860 г. въ системѣ мѣръ преступленія: учрежденіе судебныхъ слѣдователей и изданіе наказовъ; правила 11 октября 1863 г.; законъ 15 мая 1867 г.—Заключеніе.

§ 25. Изданіе Свода Законовъ есть важная эпоха въ исторіи нашего законодательства вообще и уголовного права и судопроизводства въ частности.

Правда, изданіемъ Свода Законовъ не было внесено перемѣтъ въ наши учрежденія; правда, духъ законовъ остался тотъ же самый, какъ и до изданія. Тѣмъ не менѣе, этою законодательною работою сдѣлано было много: всѣ дѣйствующіе законы приведены въ извѣстность, расположены въ систему по предметамъ, подведены, хотя въ слабой степени и не вездѣ, подъ извѣстныя начала.

Въ редактированіи положеній о мѣрахъ преступленія составители Свода Законовъ руководствовались общими правилами, при посредствѣ которыхъ совершена вся работа составленія Свода. Съ одной стороны, они взяли за матеріалъ изданныя въ равное время и неотмѣненныя, или считавшіяся неотмѣненными, законы о мѣрахъ преступленія. Съ другой, они извлекли изъ этихъ законовъ общія начала, которыя проходили или, по крайней мѣрѣ, должны были проходить чрезъ положенія о семъ предметѣ, ими составленныя.

Матеріаломъ для редактированія постановленій о мѣрахъ преступленія послужили законы, изданныя, начиная съ Соборнаго Уложенія, до появленія Свода.

Тутъ цитируются: статьи Уложенія объ отдачѣ оговореннаго за пристава; постановленія инструкціи 1756 г. объ отдачѣ на поруки дворянъ, отказавшихся помогать сыщикамъ въ преслѣдованіи и поимкѣ воровъ и разбойниковъ; статья 168 екатерининскаго Наказа, въ которой говорится о соразмѣреніи строгости и продолжительности задержанія подъ стражею съ дѣйствительною необходимостью; знаменитая 401 статья Учрежденія о губерніяхъ; всѣ статьи—104, 233 и 274—Устава Благочинія, въ которыхъ говорится о подслѣдственномъ арестѣ; 164 и 170 статьи Положенія департамента удѣловъ, и многие другіе законы и сепаратные указы, содержаніе которыхъ изложено мною въ IV главѣ. Зная содержаніе всѣхъ какъ указанныхъ мною, такъ и неуказанныхъ законовъ, которые цитируются во 2-й ч. XV т. Свода, легко видѣть, что составители его: во-первыхъ, внесли нѣкоторые законы, утратившіе уже свой первоначальный смыслъ; во-вторыхъ, обобщили нѣкоторыя раціональныя положенія старыхъ законовъ, имѣвшихъ частное значеніе.

Такъ, на основаніи ст. 35-й XXI главы Соборнаго Уложенія и 26 ст. новонаказныхъ статей 1669 г., и въ Сводѣ Законовъ внесено слѣдующее правило: «Оговариваемыхъ, кои, запираясь на очной ставкѣ съ преступникомъ, будутъ ссылаться, въ оправданіе свое, на повальный обыскъ, содержать до учиненія сего обыска не въ тюрьмѣ, но подъ надзоромъ полиціи» (ст. 136 ч. 2 т. XV Св. Зак., изд. 1857 г.). Дѣло въ томъ, что повальный обыскъ Соборнаго Уложенія и повальный обыскъ Свода Законовъ—учрежденія одного происхожденія, но различнаго характера. Повальный обыскъ Уложенія былъ большею частью началомъ слѣдствія, тогда какъ по Своду онъ былъ заключительнымъ его дѣйствіемъ. По Уложенію онъ служилъ доказательствомъ, вслѣдствіе чего оговореннаго, неодобреннаго въ поведеніи, подвергали пыткѣ, а оговореннаго, но одобреннаго въ поведеніи на обыскѣ, на который онъ ссылался, тотчасъ вѣльно было освобождать отъ суда на чистую поруку (ст. 35 гл. XXI Улож.; ст. 27 новонаказ. ст. 1669 г. 22 января, № 441). По Своду же Законовъ, неблагопріятный для подсудимаго исходъ повального обыска только служитъ подтвержденіемъ другихъ доказательствъ (ст. 339 ч. 2 т. XV, изд. 1857 г.), а благопріятный не могъ его избавить ни отъ суда, ни отъ осужденія. Вслѣдствіе этого можно положительно сказать, что ст. 136 главы о мѣрахъ пресѣченія, какъ неимѣвшая силы, оставалась безъ дѣйствія.

Относительно обобщеній должно сказать, что смыслъ такихъ частныхъ законовъ, какъ законъ 1756 г. 19 ноября, или какъ законъ 1808 г. 15 мая, и иныхъ подобныхъ законовъ, положенъ въ основаніе всей главы о мѣрахъ пресѣченія. Такимъ образомъ, то, что высказано было въ законахъ или сепаратныхъ указахъ XVIII и XIX столѣтій по частному случаю, относительно одного преступленія, въ примѣненіи къ неизвѣстному только кругу русскихъ гражданъ,—то въ Сводѣ Законовъ возведено въ общее правило.

§ 26. Начало, выработанное изъ упомянутыхъ частныхъ, изданныхъ въ разное время и по разнымъ случаямъ законовъ, и положенное въ основаніе главы

Свода Законовъ о мѣрахъ пресѣченія, есть слѣдующее: строгость мѣръ слѣдуетъ соразмѣрять съ важностью обвиненія, съ силою уликъ, съ званіемъ обвиняемаго, словомъ, — съ дѣйствительною необходимостью. Такъ какъ для достиженія цѣли — отнятія у подсудимаго способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда — употребляются слѣдующія мѣры: 1) содержаніе въ тюрьмѣ и при полиціи; 2) домашній арестъ; 3) полицейскій надзоръ, и 4) отдача на поруки, — то избраніе той или другой мѣры зависитъ вообще отъ свойства преступленія, отъ силы обвиненія, отъ званія обвиняемаго и отъ большаго или меньшаго подозрѣнія въ намѣреніи учинить побѣгъ. Мѣра пресѣченія должна быть тѣмъ мягче, строгость ея тѣмъ меньше, чѣмъ выше званіе обвиняемаго, менѣе сила обвиненія и степень подозрѣнія учинить побѣгъ (ст. 875 и 876 Св. Зак. т. XV ч. 2-й, изд. 1832 г.; ст. 132 и 133 т. XV ч. 2-й, изд. 1857 г.). Не нужно распространяться много о томъ, что изложенныя общія начала о мѣрахъ пресѣченія Свода Законовъ, изданный 1832 и 1857 гг., вполне рациональны и съ справедливостью согласны.

Но иное мы замѣчаемъ, если перейдемъ къ разсмотрѣнію того, какъ эти общія начала были развиты въ Сводѣ и какъ они воплотились въ болѣе частныхъ положеніяхъ. Здѣсь встрѣчается много недостатковъ, состоящихъ въ неопредѣленности, въ пропускахъ и недосмотрахъ. Сказанное относится какъ къ Своду 1832 г., такъ, хотя и въ меньшей мѣрѣ, и къ 2-й ч. XV т. изданія 1857 года.

По Своду 1832 г. слѣдующимъ образомъ проведены границы для опредѣленія каждой изъ упомянутыхъ мѣръ:

Тюремному заключенію подлежатъ тѣ, кои обвиняются въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія или торговую казнь, а равно и тѣ, кои, бывъ обвиняемы въ другихъ менѣе важныхъ преступленіяхъ, не могутъ представить по себѣ поруку (ст. 877).

Въ домашнемъ арестѣ и полицейскомъ надзорѣ тотъ же Сводъ повелѣваетъ содержать обвиняемыхъ въ преступленіяхъ менѣе важныхъ, за которыя они подлежали бы тюремному, на извѣстное время, заключенію (ст. 878).

Наконецъ, отдача на поруки допускается по такимъ преступленіямъ, за которыя законъ не опредѣляетъ тяжкаго наказанія (ст. 880).

Въ этихъ статьяхъ за мѣрку, которою слѣдуетъ руководиться при избраніи той или другой мѣры пресѣченія, приняты только лишеніе всѣхъ правъ состоянія, торговая казнь, тѣсно связанныя со ссылкой въ каторжныя работы и на поселеніе, и тюремное заключеніе. Между тѣмъ, въ Сводѣ 1832 г. существуютъ многія наказанія, среднія между лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, торговой казнью, и ссылкой въ каторжныя работы и между заключеніемъ въ тюрьму, каковы: лишеніе нѣкоторыхъ правъ состоянія, наказанія плетью черезъ полицію.

скихъ и розгами и ссылка на житье въ Сибирь, временная отдача въ арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, заключеніе въ рабочій и смиренный домъ. Всѣ эти наказанія совершенно не упомянуты, и, такимъ образомъ, остался неопредѣленнымъ тотъ вопросъ: какая мѣра пресѣченія должна быть принимается въ отношеніи обвиняемыхъ въ разнообразныхъ преступленіяхъ, за которыя положены послѣдніе-исчисленные наказанія?

Такъ какъ съ изданіемъ въ 1845 г. Уложенія о наказаніяхъ введена въ нашу систему уголовныхъ законовъ точная классификація наказаній и опредѣленная постепенность родовъ, степеней и мѣръ разныхъ наименованій наказаній, то само собою разумѣется, что этотъ успѣхъ въ опредѣленности долженъ былъ отозваться и въ вопросѣ о мѣрахъ пресѣченія. Дѣйствительно, непосредственно послѣ изданія Уложенія о наказаніяхъ изданъ былъ законъ, коимъ постановленія 2-й ч. XV т., т. е. законы уголовного судопроизводства, были приведены въ соотвѣтствіе съ Уложеніемъ (1846 г. 26 января, № 19640). Вслѣдствіе этого, постановлены и внесены потомъ во 2 ч. XV т. Св. Зак., изд. 1857 г., слѣдующія правила:

Въ тюрьмѣ содержатся во время слѣдствія и суда всѣ обвиняемые въ преступленіяхъ, по которымъ опредѣляется лишеніе всѣхъ правъ состоянія или же потеря всѣхъ особыхъ, какъ лично, такъ и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и ссылка на житье въ Сибирь или другія отдаленныя губерніи, или же отдача въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства или въ рабочій домъ, особенно когда подсудимые уже осуждены въ первой степени суда; равно въ тюрьмѣ содержатся тѣ, кои, бывъ обвиняемы въ другихъ, менѣе важныхъ, преступленіяхъ, не могутъ представить по себѣ поруку (ст. 134 ч. 2 т. XV, изд. 1857 г.).

Въ домашнемъ арестѣ и полицейскомъ надзорѣ надлежитъ содержать обвиняемыхъ въ преступленіяхъ менѣе важныхъ, за которыя они подлежали бы заключенію въ крѣпости, въ смиренномъ домѣ или тюрьмѣ (ст. 135).

Отдача на поруки допускается въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемые могутъ подлежать наказаніямъ менѣе строгимъ противъ означенныхъ въ 134 статьѣ (ст. 137).

Такимъ образомъ, закономъ 1846 г. внесено было болѣе точности въ томъ отношеніи, что положительно былъ означенъ цѣлый разрядъ прежде выпущенныхъ изъ виду преступленій, за которыя въ законѣ полагалось лишеніе всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, а также заключеніе въ смиренный домъ и крѣпость.

Но сличая статьи 132 и 133 со статьею 134, нельзя не замѣтить, что въ нихъ осталась прежняя неопредѣленность, которая не могла не имѣть вреднаго вліянія на практику. Въ первыхъ двухъ статьяхъ сказано, что строгость мѣры пресѣченія должна соразмѣряться съ важностью преступленія, съ силою улики, съ свойствомъ званія обвиняемаго, съ степенью подозрѣнія о намереніи обвиняемаго учинить побѣгъ. Между тѣмъ, въ ст. 134 говорится, что *всѣ обвиняемые въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою или лишеніе всѣхъ правъ, или*

лишеніе всѣхъ особыхъ, какъ лично, такъ и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, содержатся въ тюрьмѣ. Рождаются вопросы: слѣдуетъ-ли силу уликъ брать во вниманіе при обвиненіи въ преступленіяхъ, исчисленныхъ въ 134 ст., и, при важности уликъ, заключать обвиняемаго въ тюрьму, при слабости же ихъ принимать другія мѣры пресѣченія, или вопросъ объ уликахъ поглощается важностью указанныхъ преступленій и обвиняемые въ этихъ преступленіяхъ, всѣ, безотносительно къ свойству уликъ, подлежатъ содержанію въ тюрьмѣ; свойство же уликъ имѣетъ вліяніе только на выборъ трехъ остальныхъ мѣръ? Должно-ли заключать въ тюрьму во время слѣдствія и суда обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, исчисленныхъ въ 134 ст., при существованіи сильныхъ уликъ, когда есть вполне убѣдительныя данныя, что подсудимый не можетъ, или что ему нѣтъ интереса бѣжать отъ слѣдствія и суда? Прииѣняясъ къ смыслу всей главы о мѣрахъ пресѣченія, слѣдовало бы рѣшить эти вопросы въ томъ смыслѣ, что свойство уликъ должно имѣть вліяніе и на выборъ мѣры предупрежденія противъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, исчисленныхъ въ 134 ст. Но личный взглядъ на смыслъ закона не могъ устранить той доли неопредѣленности, которая заключалась въ упомянутыхъ статьяхъ и которая тѣмъ болѣе неуѣдѣтна въ столь важномъ дѣлѣ, что слѣдователи тридцатыхъ годовъ особенно нуждались въ законахъ положительно-опредѣленныхъ.

Въ изложенныхъ статьяхъ нельзя не видѣть еще болѣе неопредѣленности относительно прииѣненія трехъ остальныхъ мѣръ пресѣченія. Въ ст. 134 и 137 говорится, что на поруки отдаются обвиняемые въ преступленіяхъ, за которыя въ законѣ положены наказанія, несопряженныя съ лишеніемъ всѣхъ правъ или всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Но къ этимъ наказаніямъ принадлежатъ какъ заключеніе въ крѣпость, въ смиренный домъ съ ограниченіемъ и безъ ограниченія нѣкоторыхъ правъ состоянія, такъ и содержаніе въ тюрьмѣ, подъ арестомъ, денежныя штрафы, выговоры и проч. А между тѣмъ въ ст. 135 говорится, что обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, за которыя бы они подлежали заключенію въ крѣпости, въ смиренномъ домѣ или въ тюрьмѣ, надлежитъ содержать въ домашнемъ арестѣ или полицейскомъ надзорѣ. Выходитъ, что всѣ три мѣры опредѣляются по обвиненіямъ въ одинаковыхъ преступленіяхъ.

Спрашивается: въ какой постепенности каждая изъ трехъ мѣръ, т. е. домашній арестъ, полицейскій надзоръ и отдача на поруки, должна слѣдовать; какую изъ сихъ мѣръ законодатель считалъ болѣе строгою, и какую болѣе мягкою; или выборъ изъ этихъ трехъ мѣръ предоставленъ былъ произволу и усмотрѣнію полиціи, которая одного обвиняемаго въ преступленіи, влекущемъ, на примѣръ, заключеніе въ смиренный домъ, могла содержать подъ домашнимъ арестомъ, другаго обвиняемаго въ подобномъ же преступленіи имѣла право отдать подъ полицейскій надзоръ; третьяго, наконецъ, отдать на поруки, а въ случаѣ неимѣнія поруки, заключить въ тюрьму?

Такимъ образомъ, и съ изданіемъ Свода Законовъ не было осуществлено высказанное Екатериною II въ Наказѣ правило, на основаніи коего принятіе мѣръ пресѣченія должно зависѣть отъ точно опредѣленнаго закона, а не отъ произвола

и усмотрѣнія судьи, а тѣмъ менѣе полиціи. Правда, высказанныя въ Сводѣ общія начала столь раціональны, а неопредѣленности частныхъ правилъ не столь велики и непреодолимы, что первыя могли быть послѣдовательнѣе развиты, вторыя устранены и разъяснены практикою. Но для этого необходимо было, чтобы дѣятели уголовной практики обладали качествами юридически образованныхъ дѣятелей, чтобы въ самомъ устройствѣ судовъ и системѣ уголовного процесса не лежало препятствій къ выполнению такой задачи. Въ періодъ дѣйствія Сводовъ ни того, ни другаго у насъ не было, а напротивъ, практика представляла задачи не для улучшенія, а для ухудшенія законовъ посредствомъ практики.

Такъ какъ, по системѣ Свода, до 1860 г., производителемъ слѣдствія была полиція, то отъ нея зависѣло и примѣненіе въ данномъ случаѣ той или другой мѣры пресѣченія. Но для полиціи существовали не только тѣ правила, которыя изложены въ главѣ о мѣрахъ пресѣченія (глава V кн. II разд. 2 XV т. Св. Зак., изд. 1832 и 1857 гг.), но и другія, смыслъ которыхъ далеко расходится съ содержаніемъ изложенныхъ статей. Такъ, статья 858 угол. суд. (2 кн. т. XV), помѣщенная въ главѣ о производствѣ дѣлъ по маловажнымъ преступленіямъ и проступкамъ, гласитъ: «учинившаго маловажное преступленіе полиція беретъ подъ стражу». Въ слѣдующей, 859 статьѣ также говорится: «*взявъ подъ стражу* (учинившаго это преступленіе), полиція обязана ни мало не медля разобрать дѣло». Съ этими статьями согласны и нѣкоторыя статьи, помѣщенные во II т. Св. Зак., въ тѣхъ книгахъ и раздѣлахъ, въ которыхъ изложены обязанности полиціи. Такъ, въ 2739 ст. II т. сказано: «съ другой стороны, исправникъ наблюдаетъ также, чтобы люди, которые будутъ подлежать легкому полицейскому исправительному наказанію, были подвергаемы оному по существующимъ для сего правиламъ, *безъ излишняго изнурительнаго содержанія подъ стражею*». По смыслу этого закона воспрещается не задержаніе обвиняемыхъ въ маловажныхъ проступкахъ, а только долговременность и изнурительность подобнаго задержанія. Въ ст. 3528 того же тома въ слѣдующихъ словахъ говорится о семъ же задержаніи: «Бѣглецы, беспаспортные, бродяги, уголовные преступники *и лица другихъ состояній, задержанныя за полицейскіе проступки*, передаются сельскимъ старостою, съ разрѣшенія старшины, сотскому для представленія въ земскую полицію». Такимъ образомъ, въ этой статьѣ лица, обвиняемыя въ полицейскихъ проступкахъ, относительно мѣры пресѣченія поставлены на одну линію съ уголовными преступниками. Въ 1834 г., скоро послѣ изданія Свода, императоръ Николай, въ именномъ указѣ с.-петербургскому генералъ-губернатору, писалъ, что по отчетамъ с.-петербургскаго тюремнаго комитета, между содержащимися въ тюремномъ замкѣ и по частямъ города арестантами, значится значительное число лицъ обоого пола и даже малолѣтнихъ, судимыхъ въ малой кражѣ, побѣгѣ, бродяжничествѣ, обманѣ и другихъ маловажныхъ проступкахъ; нѣкоторые же изъ нихъ содержатся по одному подозрѣнію. Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ томъ же самомъ Сводѣ, въ которомъ наложены были правила о содержаніи подъ стражею только за болѣе важныя преступленія, содержалось упоминаніе брать и содержать подъ стражею обвиняемыхъ даже въ маловажныхъ про-

ступкахъ. Несомнѣнныя статьи о проступкахъ такого рода съ тѣми правилами, которыя приложены въ статьяхъ о мѣрахъ преступленія, станутъ еще болѣе яснымъ и поразительнымъ, если мы опредѣлимъ, что законъ разумѣетъ въ данномъ случаѣ подъ маловажными преступленіями и проступками. Въ главѣ о разбирательствѣ уголовныхъ дѣлъ въ полиціи къ маловажнымъ преступленіямъ и проступкамъ отнесенъ многочисленный классъ законопреступныхъ дѣяній, которыя совершены лицами, неизъятыми отъ тѣлесныхъ наказаній, и которыя влекутъ за собою денежное взысканіе не свыше тридцати рублей, кратковременный арестъ отъ одного дня до трехъ мѣсяцевъ, или наказаніе розгами не болѣе тридцати ударовъ (ст. 842 и 843). По смыслу п. 3 ст. 856, разбирательству полиціи не могутъ подлежать тѣ преступленія и проступки, которые сопряжены съ какими нибудь ограниченіемъ правъ.

Говоря о законахъ относительно мѣръ преступленія противъ обвиняемаго въ маловажныхъ проступкахъ, нельзя пройти молчаніемъ законовъ относительно безпаспортныхъ, такъ какъ неимѣніе паспорта, по нашимъ законамъ, есть проступокъ (ст. 1221 Улож. о наказ.). Въ 614 ст. Уст. о нач. и быт. (т. XIV) сказано, что лица, неимѣющія узаконеннаго вида, но по лишеннымъ возможности представить доказательства о своемъ званіи, настоящемъ мѣстѣ жительства или вѣдомствѣ, задерживаются полиціею; затѣмъ, послѣ наложенія въ первый и второй разъ денежнаго штрафа, а за третій по выдѣржаніи, сверхъ того, отъ 3 до 7 дней подъ арестомъ, они отсылаются въ мѣсто жительства по имѣющимся доказательствамъ. Выраженіе: *задерживаются полиціею*, можно толковать въ двоякомъ смыслѣ: или что полиція, проѣзжаго, канимѣръ, безпаспортнаго задерживаетъ въ городѣ и, взявъ съ него штрафъ, отсылаетъ на мѣсто жительства; или она задерживаетъ его посредствомъ заключенія въ тюрьму, пока не собереть о немъ справокъ и не приговоритъ его къ штрафу порядкомъ судебной полиціи. Вслѣдствіе этой-то возможности толковать эту статью въ двоякомъ смыслѣ и происходитъ то, что эта статья служила минимымъ основаніемъ для несправедливыхъ и легкомысленныхъ арестовъ и содержанія въ тюрьмѣ лицъ, виновныхъ только въ неимѣніи паспорта или въ имѣніи просроченнаго или порочнаго паспорта. Такимъ образомъ, въ тюрьму, наравнѣ съ дѣйствительными бродягами, попадали люди вполне честные и задержанные только за неимѣніе паспортовъ. Тамъ напримѣръ, въ—кій уѣздный судъ въ 1853 г. заключилъ въ тюрьму купца 3-й гильдіи С. за неимѣніе узаконеннаго вида, хотя С. въ доказательство своего званія представилъ паспортъ 1850 г., свидѣтельство объ отсылкѣ паспорта 1852 г. для общія на новый и, наконецъ, контрактъ, въ которомъ было означено его званіе. С. просидѣлъ 35 дней, пока не былъ освобожденъ сенатомъ («Юридическій Вѣстникъ» 1862 г., выпускъ 19). По отчетамъ общества попечительнаго о тюрьмахъ, въ однихъ только столичныхъ, губернскихъ, областныхъ и портовыхъ тюрьмахъ, содержалось подъ стражею за неимѣніе паспортовъ, просрочку ихъ и побѣгъ: въ 1836 г. 4948 чел., въ 1838 г. 9211 чел., въ 1840 г. 11631 чел., въ 1841 г. 11019 чел., въ 1842 г. 13455 чел., въ 1844 г. 11466 чел., въ 1846 г. 6329 чел., въ 1848 г. 6633 чел., въ 1851 г. 7870 чел.

въ 1854 г. 11499 чел., въ 1857 г. 10159 чел., въ 1860 г. 7819 чел. Эти числа, конечно, не выражаютъ количества взятыхъ за неимѣніе и просрочку паспортовъ. Съ одной стороны, сюда вошли бѣгле; съ другой, во-первыхъ,—это цифры только тѣхъ губерній, гдѣ уже существовали въ указанные годы тюремные комитеты, во-вторыхъ,—они выражаютъ число содержащихся подѣ стражею за указанные проступки только въ тюрьмахъ столичныхъ и губернскихъ, но не уѣздныхъ. По отчету министра внутреннихъ дѣлъ, въ 1857 г. въ тюрьмѣ содержалось подѣ именемъ бѣглыхъ и бродягъ 30084 чел. Въ этомъ числѣ разумѣлись, по словамъ отчета, и люди, задержанные лишь за неимѣніе и просрочку паспортовъ («Жур. М. В. Д.» 1859 г. іюнь).

Таковы содержаніе и характеръ общихъ правилъ о мѣрахъ пресѣченій.

Но кромѣ этихъ общихъ правилъ, въ Сводѣ Законовъ существовали особенныя, необходимость которыхъ въ значительной степени зависѣла отъ существованія особенныхъ видовъ судопроизводства. Правила эти раздѣляются на два разряда: къ первому принадлежатъ тѣ, въ которыхъ говорится, что извѣстные лица могутъ быть взяты подѣ стражу при обвиненіи въ извѣстныхъ только преступленіяхъ; ко второму—тѣ, которыя по нѣкоторымъ преступленіямъ или относительно нѣкоторыхъ лицъ не допускаютъ другой мѣры предупрежденія, кромѣ взятія подѣ стражу.

Перваго рода постановленія слѣдующія:

105 статьею уголовного судопроизводства (2 кн. XV т. Св. Зак.) запрещается по преступленіямъ, не влекущимъ за собою лишенія всѣхъ правъ состоянія, брать подѣ стражу женщинъ, имѣющихъ грудныхъ дѣтей, а равно и беременных, кои могутъ быть поставлены въ необходимость родить во время пребыванія въ тюрьмѣ; такія женщины, въ случаѣ обвиненія въ подобныхъ преступленіяхъ, оставляются въ мѣстѣ жительства на порукахъ и подѣ ближайшимъ полицейскимъ надзоромъ. Статья эта внесена въ Сводъ Законовъ редакціи 1857 г. на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта, послѣдовавшаго въ 1852 г. 18 февраля, въ отвращеніе неудобствъ содержанія въ тюремныхъ замкахъ арестантокъ съ грудными младенцами (№ 25998).

При производствѣ суда надъ кочевыми инородцами разныхъ наименованій, содержаніе подѣ стражею допущено только при обвиненіи ихъ въ важныхъ преступленіяхъ; за маловажныя же проступки ни подѣ какимъ предлогомъ не дозволено отлучать инородцевъ отъ ихъ промысловъ и содержать подѣ стражею (ст. 1159, 1207 и 1225 кн. 2 т. XV Св. Зак.). Важными же преступленіями въ отношеніи инородцевъ считаются: возмущеніе, наѣмренное убійство, разбой, насиліе, дѣланіе фальшивой монеты, похищеніе казеннаго и общественнаго имущества (прим. IV къ ст. 183 Улож. о наказ. отд. I и отд. V). Въ указѣ 1845 г. августа 15 указывается на грубость нравовъ, какъ на причину, почему, напри- мѣръ, кража вообще, совершенная нѣкоторыми инородцами, не можетъ считаться тяжкимъ преступленіемъ (П. С. З. № 19283).

Съ другой стороны, въ Сводѣ Законовъ опредѣляется только одна мѣра пресѣченія—содержаніе подѣ стражею—для слѣдующихъ лицъ: а) обвиняемыхъ

въ государственныхъ преступленіяхъ и проступкахъ; б) подозрѣваемыхъ въ дѣланіи фальшивой монеты; в) обвиняемыхъ въ конокрадствѣ; г) укрывателей бѣглыхъ, и д) ссыльныхъ.

а) Въ ст. 611 и 613 угод. судопр. (Св. Зак. т. XV ч. 2 ѡ, изд. 1857 г.) предписывается во время слѣдствія содержать подъ стражею обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, означенныхъ въ ст. 275—280 и 282—287 Улож. о наказ. Указанныя преступленія влекутъ за собой разнаго рода наказанія: отъ самаго тяжкаго—смертной казни, до самаго легкаго—семидневнаго ареста (ст. 275—280, 282—287 Улож. о наказ.). Въ Сводѣ Законовъ нѣтъ, однакожъ, предписаній, чтобы при взятіи подъ стражу обвиняемыхъ въ этихъ преступленіяхъ слѣдовало обращать вниманіе на важность вины, вѣроятность уликъ и на другія обстоятельства, указанные въ главѣ о мѣрахъ пресѣченія. Этого мало: статью 613 (2 ч. XV т., изд. 1857 г.) предназначено было брать подъ стражу не только обвиняемаго въ государственномъ преступленіи и прикосновенныхъ лицъ, но и доносителя и свидѣтелей. Законны эти, очевидно—обдумокъ имѣвшаго столь частое въ XVIII в. примѣненіе особаго вида процесса, названнаго подъ именемъ *слова и дѣла*. Они однороднаго происхожденія съ тѣми обычаями, новинувшя которыми въ царствованіе Петра I содержали, въ теченіе почти цѣлаго года, подъ стражею цѣлый монастырь, какъ есть, вслѣдствіе того только, что въ немъ имѣлъ временное мѣстопробываніе страдавшій религіознымъ умопомѣшательствомъ монахъ Левинъ, казненный потомъ какъ государственный преступникъ. Бани бы ни были причины образованія правила брать подъ арестъ караулъ свидѣтелей государственнаго преступленія, мѣра эта всего менѣе во второй четверти XIX столѣтія могла быть оправдываема справедливостію. Другое дѣло—взятіе подъ стражу доносителя: эта мѣра вызвана самою крайнею необходимостію. При прежнемъ характерѣ судопроизводства по государственнымъ преступленіямъ, при наклонности общества, особенно въ старое время, къ абдиничеству и доносамъ, при обѣщаніи достойной награды за справедливый доносъ (ст. 618 2 ч. XV т., изд. 1857 г.), нужно было въ самомъ судопроизводствѣ положить преграду злоупотребленіямъ, и тѣмъ хотя сколько нибудь оградить честь, безопасность и неприкосновенность личности гражданина, въ виду легкомыслія, мести или алчности людей порочныхъ (ст. 607, 609, 610 и 613 кн. 2 т. XV). Чтобы нагляднѣе видѣть разумную причину такого установленія, стоитъ вспомнить замѣчательный указъ, изданный Петромъ III въ 1762 года 21-го февраля объ уничтоженіи тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи. При разсмотрѣніи изложенныхъ законовъ о содержаніи подъ стражею во время слѣдствія и суда доносчиковъ и свидѣтелей, рождается вопросъ: какъ долго должны быть содержимы означенныя лица? Такъ какъ цѣль взятія подъ стражу доносчика состоитъ въ удостовѣреніи, справедливо или ложно его показаніе, то очевидно, что содержаніе его въ тюрьмѣ превращается вмѣстѣ съ дознаніемъ справедливости его доноса, какъ это практиковалось въ XVIII в. («Расколъ дѣла XVIII стол.» Есипова, т. I, стр. 48 и 49), или продолжается до конца суда надъ нимъ, когда доносъ его окажется ложнымъ. Свидѣтели, судя по своему положенію,

ченію, или подлежали отпуску на свободу по минованіи въ нихъ надобности, или были удерживаемы до приговора, уже какъ люди, знавшіе о преступленіи, но не донесшіе.

б) Относительно подозрѣваемыхъ въ дѣланіи фальшивой монеты говорится слѣдующимъ образомъ: если казначей и прочимъ лицамъ, состоящимъ при денежныхъ сборахъ, представлены будутъ кѣмъ либо фальшивыя деньги по пятнадцати копѣекъ въ рубль одного чекана, то приноситель ихъ задерживается и отсылается въ полицію для изслѣдованія (ст. 843 и 945 угол. судопр. 2 кн. XV т.). Кто же по слѣдствію въ поддѣлкѣ монеты обвиненъ не будетъ, тотъ освобождается отъ содержанія и суда (ст. 948). Эти статьи прямо узаконяютъ содержаніе подъ стражею тѣхъ, на которыхъ падаетъ первое подозрѣніе въ дѣланіи фальшивой монеты. Но могло случаться, что предъявитель фальшивой пятнадцатикопѣечной монеты не только вовсе не участвовалъ въ ея дѣланіи, но даже не зналъ, что предъявленная имъ монета фальшивая. Строгость эта объясняется тѣмъ, что эти статьи составлены на основаніи законовъ Петра I, когда государство было болѣе озабочено защитой казенныхъ интересовъ, чѣмъ интересовъ частныхъ лицъ.

в) Обвиняемыхъ въ коноврадствѣ, во время производства слѣдствія и суда, по силѣ 474 и 486 статей XIV т. Св. Зак., вѣльно не отдавать на поруки, а содержать подъ стражею. Эти законы, не допускающіе другихъ мѣръ пресѣченія, кромѣ содержанія въ тюрьмѣ, вызваны были усиленіемъ коноврадства, какъ въ цѣлой имперіи, такъ, въ особенности, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. По отчетамъ министра внутреннихъ дѣлъ въ 1856 г. изъ 20631 кражъ было 7377 коноврадствъ, въ 1857 г. изъ 24217—7712, въ 1858 г. изъ 21218—6118, въ 1859 г. изъ 23607 — 8406 (извлеч. изъ отчета минист., помѣщенное въ «Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» за 1857—1859 гг. июнь, 1860 г. мартъ; 1861 г. июль).

г) Ст. 826 (кн. 2 й т. XV) говоритъ, что укрыватели бѣглыхъ воискихъ чиновъ, какъ во время допросовъ, такъ и во все продолженіе дѣла, содержатся подъ карауломъ и на поруки выпускаемы быть не могутъ. За укрывательство дезертировъ назначаются наказанія различныя, смотря по тому, кѣмъ оно сдѣлано. Если оно сдѣлано тѣмъ лицомъ, которымъ дезертиръ отданъ въ рекруты,—къ кажимъ лицамъ причисляются, между прочимъ, и жители того села и члены того городского общества, откуда бѣжавшій поступилъ на службу,—то лица, изъятые отъ тѣлесныхъ наказаній, подлежатъ штрафу въ 1,200 р.; лица же неплатящія поставляютъ двухъ рекрутовъ за каждаго дезертира; а въ случаѣ неспособности прикосновенныхъ къ сему преступленію лицъ—наказанію розгами и отдачѣ въ арестантскія исправительныя роты отъ 10 до 12 лѣтъ (ст. 83, 578 Улож. о наказ.). Если же укрывательство совершено постороннимъ, то перваго разряда лица присуждаются къ уплатѣ штрафа въ 600 р., а вторыя къ поставкѣ одного рекрута за каждаго дезертира (ст. 577 Улож. о наказ.). Такимъ образомъ, на основаніи 826-й статьи угол. судопр., тюремному заключенію во время слѣдствія и суда подвергаются лица, которые по суду приговариваются къ

денежному штрафу, что совершенно противорѣчитъ общимъ правиламъ того же Свода о мѣрахъ преступленія.

д) Ссылные, пойманные въ бродяжничество или обвиняемые въ какомъ либо преступленіи, по ст. 856 Уст. о ссыл. т. XIV, вообще не освобождаются на поруки до рѣшенія дѣла, а содержатся въ тюрьмѣ. Даже оговоренный въ судѣ показаніемъ другаго ссылнаго увольняется на поручительство надежныхъ людей въ томъ лишь случаѣ, когда по обстоятельствамъ дѣла оговоръ не представляетъ никакого вѣроятія (тамъ-же 856 ст.). Строгость этихъ законовъ объясняется тѣмъ, что ссылные, какъ осужденные за тяжкое преступленіе на лишеніе правъ, не могутъ пользоваться тѣми гарантіями личной свободы, какія предоставлены не потерявшимъ своихъ правъ гражданамъ.

Итакъ, хотя съ изданіемъ Свода Законовъ были улучшены нѣсколько законы о мѣрахъ преступленія, но главнѣйшій ихъ недостатокъ, которымъ они страдали до изданія—неопредѣленность и непоследовательность—не были окончательно уничтожены. Причина понятна: Сводъ не кодексъ, а только систематизація и коммунікація существующихъ законовъ, а потому онъ не можетъ быть чуждъ недостатковъ тѣхъ законовъ, изъ которыхъ онъ составленъ.

§ 27. Обращаясь затѣмъ къ свойству каждой мѣры преступленія и къ дѣйствительному объему ея примѣненія въ практикѣ этого времени, мы должны замѣтить, что официальные отчеты этого времени о положеніи уголовной юстиціи не представляютъ, за исключеніемъ содержанія подъ стражею, никакихъ данныхъ относительно примѣненія трехъ остальныхъ мѣръ. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, тѣмъ болѣе, что разрѣшеніе вопроса объ относительной примѣняемости каждой изъ четырехъ мѣръ могло бы бросить свѣтъ на всю систему мѣръ преступленія.

Въ періодъ дѣйствія Свода, какъ выше сказано, были въ употребленіи слѣдующія мѣры: отдача на поруки, полицейскій надзоръ, домашній арестъ и содержаніе подъ стражею. Отдача на поруки состояла въ томъ, что обвиняемый представлялъ надежное поручительство, что не будетъ скрываться и станетъ являться въ судъ, когда ему приказано будетъ (ст. 137 угол. судопр. 2 ч. XV т., изд. 1857 г.). Поруки Свода Законовъ, по своему характеру, суть поруки не Соборнаго Уложенія, которыя состояли въ имущественной отвѣтственности поручителей, а поруки, вошедшія въ обычай съ петровскаго времени, невлекущія для поручителей никакой матеріальной отвѣтственности, ни личной, ни имущественной. Даже болѣе: по свидѣтельству практиковъ, поручительство не только не влекло отвѣтственности для поручителей, но было для нихъ источникомъ дохода, такъ какъ оно превращалось иногда въ предметъ промысла: исключенный изъ службы чиновникъ, отставной солдатъ, тюремный сторожъ брали, за извѣстное вознагражденіе, обвиняемаго, котораго они прежде въ глаза не видали. (Замѣчанія на Основн. Полож. ч. 1 стр. 495, 550, 604; ч. 2, стр. 191, 285; ч. III, стр. 471, 492, 538; ч. 4, стр. 65). По свидѣтельству одного изъ лицъ прокурорскаго надзора, во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ волыскаго губерніи, населенныхъ евреями, имѣлись изъ среды послѣднихъ, такъ сказать, штатные поручи-

тали, люди большею частью престарѣлые, бѣдные и незавиднаго поведенія, которые за рубль готовы были во всякое время взять на поруки самого важнаго вора. Въ предыдущей главѣ было указано, что необходимымъ слѣдствіемъ отнятія у порукъ ихъ прежняго характера и превращенія ихъ въ поруки формальныя было уменьшеніе числа случаевъ примѣненія этой мѣры пресѣченія. То же продолжалось и теперь: оставалась причина, продолжали существовать и слѣдствія.

Въ законѣ не опредѣляется, въ чемъ состоитъ полицейскій надзоръ, какъ мѣра пресѣченія. Но такъ какъ цѣль его, какъ и всякой мѣры пресѣченія, заключается въ томъ, чтобы отнять возможность у подсудимаго уклониться отъ слѣдствія и суда, то очевидно, что этотъ надзоръ долженъ быть въ тому направленъ. Но если посмотрѣть на него съ этой точки зрѣнія, то онъ самъ по себѣ не достигаетъ цѣли. Ничто не помѣшаетъ подсудимому уйти изъ-подъ надзора полиціи, если бы онъ захотѣлъ. Полицейскій надзоръ получаетъ болѣе стѣсняющій характеръ только въ связи съ другими мѣрами: напримѣръ, со взятіемъ подписки о невыѣздѣ, съ отобраніемъ вида на жительство. По замѣчанію практиковъ, полицейскій надзоръ, какъ мѣра несоотвѣтствующая цѣли, рѣдко примѣнялся на практикѣ, и нѣкоторые не безъ основанія считаютъ его ненужнымъ (Замѣчанія на Основн. Полож. ч. 1, стр. 604; ч. 2, стр. 190; ч. 3, стр. 472; ч. 4, стр. 312 и 313). Полицейскій надзоръ Свода Законовъ имѣетъ историческое происхожденіе: это прежняя отдача за пристава, какъ можно видѣть изъ ссылокъ составителей на законы, въ которыхъ говорится объ отдачѣ за пристава. Такимъ образомъ, подобно порукамъ, эта мѣра, обладая нѣкогда болѣе стѣснительнымъ характеромъ, болѣе и соотвѣтствовала своему назначенію; впоследствии же времени, хотя она оставалась въ практикѣ, но уже съ другимъ характеромъ, отчего она потеряла значительную долю практической примѣняемости.

Домашній арестъ состоитъ въ томъ, что въ домѣ подсудимаго ставится полицейскій служитель или жандармъ. Эта мѣра пресѣченія болѣе достигаетъ своей цѣли, чѣмъ предыдущая. Но примѣняемость ея крайне ограничена, вслѣдствіе естественной невозможности для каждаго изъ многихъ подсудимыхъ имѣть особаго полицейскаго служителя. Эта мѣра—и по своему происхожденію, и по своему характеру—мѣра для немногихъ, мѣра чисто сословная, которая употреблялась и употребляется для лицъ привилегированнаго сословія (въ 119 ст. Уст. о содержан. подъ стражею (т. XIV) говорится: «если чиновники будутъ находиться арестованными *не въ собственной квартирѣ*»). Еще въ XVII стол. былъ обычай у правительства въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ обвиняемымъ знатнаго происхожденія ставить пристава (см. гл. III этого изслѣдованія). Въ XVIII вѣкѣ графъ Бестужевъ-Рюминъ во время слѣдствія и суда содержался подъ арестомъ въ собственномъ домѣ (ук. 1759 г. апрѣля — № 10940). Составители Свода ссылаются именно на этотъ случай. Изъ практики нынѣшняго столѣтія можно указать на домашній арестъ извѣстнаго Чаадаева («Русскій Архивъ» 1868 г. № 6). Но такъ какъ слѣдствіе и судъ по системѣ Свода производились необыкновенно медленно, то, въ обыкновенныхъ случаяхъ, домашній арестъ могъ

нѣтъ примѣненіе только въ началѣ слѣдствія: такъ дворяне Виноградовы, отецъ и сынъ, обвиняемые въ убійствѣ, первый—жены, второй—матери, при началѣ слѣдствія содержались подъ арестомъ въ собственномъ домѣ («Ж. М. Ю.» 1862 г. июль).

Содержаніе подъ стражею по Своду подраздѣляется на содержаніе при полиціи и въ тюрьмѣ. При полиціи обвиняемые содержатся только во время слѣдствія, по окончаніи коего они переводятся въ тюрьму (ст. 2708, 3528, 5392, т. II; 1206 ст. Уст. Угөл. Судопр., 2 ч. XV т., изд. 1857 г.). Поэтому, предварительное заключеніе, и по буквѣ статей Свода и на практикѣ, должно было начинаться содержаніемъ при полиціи. Впрочемъ, по свидѣтельству практиковъ, нерѣдко полиція заключала обвиняемыхъ въ тюрьму при самомъ началѣ слѣдствія, вслѣдствіе тѣсноты, неблагонадежности и другихъ недостатковъ полицейскихъ помѣщеній, или и безъ этихъ побужденій («Юрид. Вѣстн.» вып. 16, стр. 41; «Ж. М. Ю.» 1863 г. февраль, стр. 348). Смотра на этотъ вопросъ съ теоретической точки зрѣнія, очевидно, что содержаніе при полиціи должно считать мѣрою болѣе мягкою, чѣмъ заключеніе въ тюрьмѣ. Но съ практической точки зрѣнія содержаніе въ тюрьмѣ должно было считаться болѣе легкою мѣрою содержанія, такъ какъ арестантскія при полиціяхъ, особенно въ разсматриваемое время, были крайне дурно устроены, тѣсны, лишены свѣта и другихъ удобствъ, необходимыхъ для сохраненія здоровья. Кроме того, и по своей неблагонадежности, и по отсутствію надзора, полицейскія тюрьмы не могли служить мѣстомъ постоянного содержанія подъ стражею и составляли переходъ къ общимъ, болѣе центральнымъ тюрьмамъ, въ которыхъ содержалась собственно вся масса обвиняемыхъ, дѣла коихъ поступили въ судъ.

Чтобы дать понятіе о примѣняемости содержанія подъ стражею въ періодъ дѣйствія 2 ч. XV т. Свода, я прилагаю здѣсь двѣ таблицы, изъ коихъ одна составлена по отчетамъ общества попечительнаго о тюрьмахъ и заключаетъ цифры всѣхъ содержимыхъ подъ стражею, другая составлена на основаніи отчетовъ министра юстиціи и представляетъ цифры заключенныхъ въ тюрьму, дѣла коихъ находились въ разсмотрѣніи судебныхъ мѣстъ.

Цифры содержимыхъ подъ стражею, показанныя въ отчетахъ общества попечительнаго о тюрьмахъ, не могутъ не поразить своею громадностью.

При разсмотрѣніи ихъ прежде всего бросается въ глаза то, что въ періодъ дѣйствія Свода Законовъ наши тюрьмы были слѣдственными, а не судебными карательными учрежденіями. Слѣдующія цифры это подтверждаютъ: въ 1836 г. содержалось по приговорамъ судовъ и полиціи 152 чел.; въ 1841 г. 724; въ 1846 г. 1500; въ 1851 г. 1815; въ 1856 г. 2343; въ 1861 г. 1344 чел.; все это цифры ничтожныя или небольшія, сравнительно съ цѣлымъ тюремнымъ населеніемъ того времени.

Выше мы сказали, что цифры содержимыхъ подъ стражею, показанныя въ отчетахъ тюремнаго общества, громадны; скажемъ болѣе: слишкомъ громадны и необыкновенны, если ихъ принимать на вѣру, не внести въ нихъ свѣта критики. Въ самомъ дѣлѣ, если въ 1841 г. въ тюрьмахъ 35 губерній, съ населе-

вѣтъ въ 30,694,648 чел., содержалось 223296 чел.; то выходитъ, что на каждыя 137 слышнымъ жителей 35 губерній приходился бы одинъ арестованный житель. Въ 1853 г. показано всѣхъ тюремныхъ сидѣльцевъ 339831 чел., а въ 1860 г. 331293 чел.; въ каждый годъ изъ промежуточныхъ между этими годами тюремныхъ сидѣльцевъ не было показано меньше 300000 чел., и въ томъ числѣ самая ничтожная цифра содержащихся въ видѣ наказанія.

Очевидно, что указанныя цифры не опредѣляютъ количества содержащихся подъ стражею: онѣ гораздо выше дѣйствительности. Главнымъ образомъ это возвышеніе происходитъ оттого, что въ общее число содержащихся подъ стражею вносились были цифры пересыльных арестантовъ; такъ напр. въ 1836 г. въ общемъ числѣ арестантовъ показано пересыльных 64045 чел., въ 1841 г. 117977, въ 1846 г. 132263, въ 1851 г. 80488, въ 1856 г. 89720, въ 1860 г. 112,019 чел. Въ числѣ же пересыльных главный процентъ составляли приговоренные въ ссылку: въ каторгу, на поселеніе и на жительство. Цифра этого рода лицъ не была велика: такъ, въ 1848 г. сослано было 5546 чел., въ 1858 г. 8570 чел. Она очень возвышалась оттого, что одна и та же партія пересыльных, по мѣрѣ перехода чрезъ разные города, была показываема въ отчетахъ разныхъ тюремныхъ комитетовъ. Конечно, цифра пересыльных заключала въ себѣ нѣкоторый процентъ и слѣдственныхъ арестантовъ, пересылаемыхъ изъ одного мѣста въ другое для разныхъ цѣлей судопроизводства, но какой процентъ—опредѣлить нельзя по неизвѣстнѣ даннымъ.

Съ другой стороны, нельзя принимать за дѣйствительное количество слѣдственныхъ и подсудимыхъ арестантовъ слѣдующія цифры, показанныя въ отчетахъ министра юстиціи: въ 1839 г. 59314 чел., въ 1843 г. 64808, въ 1848 г. 62459, въ 1854 г. 63563, въ 1858 г. 73378, въ 1859 г. 72232, въ 1860 г. 61023 чел. Эти цифры гораздо ниже дѣйствительности. Сюда не вошли: во-первыхъ, взятые подъ стражу по обвиненіямъ въ преступленіяхъ, подсудныхъ судебнымъ мѣстамъ, надъ которыми при томъ производилось только еще слѣдствіе, и которые, какъ подвѣдомственные полиціи, составляли предметъ отчетовъ министра внутреннихъ дѣлъ; во-вторыхъ, тѣ изъ лишенныхъ свободы, которые были арестованы полиціею за маловажные проступки и содержались при полиціи во время разбирательства дѣла, состоя въ вѣдомствѣ того же министерства. Число тѣхъ и другихъ было велико. Въ отчетахъ попечительнаго общества о тюрьмахъ показаны слѣдующія цифры содержащихся при полиціи: въ 1836 г. 79365 чел., въ 1838 г. 101867, въ 1840 г. 45373, въ 1843 г. 92484, въ 1845 г. 78271, въ 1846 г. 106775, въ 1847 г. 122590, въ 1848 г. въ полицейскихъ помѣщеніяхъ столичныхъ, губернскихъ, областныхъ и портовыхъ городовъ 55619, въ 1858 г. въ помѣщеніяхъ тѣхъ же городовъ 55396, въ 1859 г. 86703 чел. Правда, изъ числа показанныхъ подъ стражею при полиціи, вѣроятно, извѣстная доля была такихъ, которые, будучи переведены въ тюрьмы и въ вѣдомство судебныхъ мѣстъ, вмѣстѣ съ переходомъ сюда ихъ дѣлъ, попадали въ тотъ же годъ и въ отчетъ министерства юстиціи. Но за то, кромѣ показываемыхъ въ отчетахъ министра юстиціи, въ тюрьмахъ было очень много

такихъ арестантовъ, надъ которыми производилось только слѣдствіе и которые, будучи подвѣдомственны пока полиціи, не числились по отчетамъ министерства юстиціи. Цифра этого рода арестантовъ нигдѣ не была показываема отдѣльно, и потому нѣтъ возможности сколько нибудь приблизительно опредѣлить ее. Не безынтересно будетъ указать только на слѣдующія цифры, которыя могутъ бросить нѣкоторый свѣтъ на общее число содержащихся подъ стражею: по отчетамъ общества попечительнаго о тюрьмахъ въ 1858 г. числилось 317376 чел.; за вычетомъ изъ этого числа пересыльныхъ 100769, остается 216607 чел.; въ 1860 г. числилось 331293 чел., за отчисленіемъ 112019 пересыльныхъ остается 219274 чел. Этотъ остатокъ состоялъ главнымъ образомъ: а) изъ подсудимыхъ арестантовъ, содержащихся при полиціи во время слѣдствія и суда по маловажнымъ дѣламъ; б) изъ содержащихся при полиціи во время слѣдствія по дѣламъ болѣе важнымъ, подсудимымъ общимъ судебнымъ мѣстамъ; в) изъ содержащихся въ тюрьмѣ во время слѣдствія по этимъ же дѣламъ; г) изъ содержащихся въ тюрьмѣ во время суда, и д) изъ содержащихся въ тюрьмѣ въ видѣ наказанія, число которыхъ всегда было ограничено. Допуская, что одинъ и тотъ же арестантъ иногда могъ быть показанъ за одинъ годъ два раза: какъ одна изъ единицъ содержащихся при полиціи, потомъ, по переходѣ въ томъ же году въ тюрьму, какъ одна изъ единицъ содержащихся въ тюрьмѣ, и такимъ образомъ числиться за двухъ, допуская, что число подобныхъ арестантовъ было не малое,—все-таки должно полагать, что указанный остатокъ за два года арестантовъ болѣе или менѣе подходит къ дѣйствительному числу содержащихся подъ стражею во время слѣдствія и суда. Въ запискѣ, внесенной въ 1843 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ въ комитетъ министровъ, сказано, что въ 1841 г. всѣхъ подсудимыхъ, содержащихся по 50 губ. и областямъ подъ стражею и заключенныхъ въ таксу, было болѣе 170000. (№ 16557). Въ нѣкоторыхъ отчетахъ министра юстиціи была показываема общая цифра содержащихся подъ стражею во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ имперіи: такъ, въ отчетѣ за 1851 г. выставлена цифра 166553 чел., въ отчетѣ за 1854 г. 174220 чел. Эти три довольно близкія между собою цифры и довольно близкія между собою лѣтъ, можетъ быть, и слѣдуетъ считать тою цифрою, которая опредѣляетъ обыкновенное въ это и близкое время количество содержащихся подъ стражею во время слѣдствія и суда. Должно, впрочемъ, замѣтить, что всѣ приведенныя нами цифры слѣдуетъ принимать только какъ разъясняющія, а отнюдь не какъ точно опредѣленныя. Въ разсматриваемое время составители вѣдомостей объ арестантахъ далеко не всегда доставляли свѣдѣнія, согласныя съ дѣйствительностью. Такъ, въ 1837 г. управляющій I отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи сообщилъ министру юстиціи, что во всеподданнѣйшемъ рапортѣ таганрогскаго прокурора показано 29 такихъ арестантовъ, о коихъ прежде не было рапортовано, хотя эти арестанты содержатся подъ стражею: 15 чел. съ 1832 г., 9 чел. съ 1833 г., а остальные 5 съ 1834 и 1835 гг. (№ 10417). Во всякомъ случаѣ, можно положительно утверждать, что въ отчетахъ цифра скорѣе была уменьшаема, чѣмъ увеличиваема.

Великое число содержащихся под стражею обязано своим происхождением тому обстоятельству, что лишали обвиняемых свободы во время следствия и суда, не вводя въ оцѣнку относительной важности преступления, силы улики и проч. и проч. Въ этомъ насъ убѣждаютъ статистическія данныя. Въ 1843 г. было въ сенатѣ подсудимыхъ, содержащихся подъ стражею, 1563; между тѣмъ приговорено къ тѣмъ наказаніямъ, которыя даютъ право на употребленіе этой мѣры пресѣченія, только 717 чел. Въ уголовныхъ палатахъ числилось подсудимыхъ подъ стражею 20467 чел., а приговорено къ тѣмъ наказаніямъ, предположеніе которыхъ во время слѣдствія и суда влечетъ содержаніе подъ стражею, 15508; въ совѣстныхъ судахъ было подъ стражею 885 чел., а приговорено къ упомянутымъ наказаніямъ 588 чел. Въ 1848 г. было подсудимыхъ, содержащихся подъ стражею: въ сенатѣ 2130, въ уголовныхъ палатахъ 16987, въ совѣстныхъ судахъ 4447, въ судахъ 1-й степени 38995; приговорено къ наказаніямъ (както: къ каторжнымъ работамъ, ссылкѣ на поселеніе, ссылкѣ на житье, къ отдалѣ въ арестантскія роты, рабочій домъ, въ военную службу), предположеніе которыхъ во время слѣдствія и суда влечетъ содержаніе подъ стражею: въ сенатѣ 1301, въ уголовныхъ палатахъ 6363, въ совѣстныхъ судахъ 1373, въ судахъ 1-й степени 10385 чел. Въ 1858 г. было подсудимыхъ, содержащихся подъ стражею: въ сенатѣ 2887 чел., въ уголовныхъ палатахъ 23889 чел., въ совѣстныхъ судахъ 236 чел., въ судахъ 1-й степени 46366 чел.; приговорено къ вышеупомянутымъ наказаніямъ: въ сенатѣ 1338 чел., въ уголовныхъ палатахъ 6508 чел., въ совѣстныхъ судахъ 23 чел., въ судахъ 1-й степени 13361 чел. Итакъ, сопоставляя количество содержащихся подъ стражею во всѣхъ трехъ инстанціяхъ съ количествомъ подвергнутыхъ тѣмъ наказаніямъ, предположеніе которыхъ во время слѣдствія и суда должно влечь за собою содержаніе подъ стражею, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію: а) число содержащихся подъ стражею было несравненно болѣе, чѣмъ слѣдовало бы, если бы дѣйствительно разумно слѣдовали правиламъ, начертаннымъ въ ст. 875—880 Св. Зак., изд. 1832 г., и въ ст. 132—138 Св. Зак., изд. 1857 г.; б) содержали подъ стражею во время слѣдствія и суда очень много обвиняемыхъ въ такихъ преступленияхъ, которыя не влекутъ за собою ни лишенія всѣхъ правъ, ни лишенія всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ.

Еще больше этотъ выводъ подтверждается цифрами, показывающими количество содержащихся подъ стражею по обвиненію въ разныхъ маловажныхъ преступленіяхъ и проступкахъ. Въ отчетахъ попечительнаго о тюрьмахъ общества показаны слѣдующія цифры подъ рубрикою содержащихся за маловажныя вины и безъ означенія оныхъ, въ тюрьмахъ столичныхъ, губернскихъ, областныхъ и портовыхъ городовъ: въ 1836 г. 735 чел., въ 1838 г. 2042, въ 1840 г. 2205, въ 1842 г. 3973, въ 1844 г. 3711, въ 1847 г. 5441, въ 1850 г. 9333 чел. Въ тѣхъ же отчетахъ выставлены такія цифры арестантовъ, содержащихся до рѣшенія ихъ дѣлъ въ тѣхъ же тюрьмахъ, за буйство, пьянство и дурное поведеніе: въ 1836 г. 1726 чел., въ 1841 г. 2702, въ 1844 г. 3393, въ 1847 г. 1808, въ 1851 г. 1632 чел. Въ 1853 и слѣдующихъ годахъ тѣхъ же отчетовъ

содержавшіеся за маловажныя вины и за буйство, пьянство и дурное поведеніе показываемы были въ одной цифрѣ, а именно: въ 1853 г. 10180 чел., въ 1854 г. 16252, въ 1856 г. 17880, въ 1858 г. 12337 чел. Должно замѣтить, что сюда не вошли содержавшіеся подъ стражею въ первой инстанціи по обвиненіямъ въ указанныхъ маловажныхъ проступкахъ. Въ отчетахъ министра юстиціи показано состоявшихъ подъ стражею во время суда за пьянство, буйство, драку и возбужденіе къ ссорамъ: въ сенатѣ въ 1839 г. 39 чел., въ 1843 г. 59, въ 1848 г. 13, въ 1854 г. 46, въ 1858 г. 13 чел.; въ уголовныхъ палатахъ: въ 1839 г. 429 чел., въ 1843 г. 304, въ 1848 г. 58, въ 1854 г. 45, въ 1858 г. 17 чел.; въ совѣстныхъ судахъ: въ 1839 г. 9 чел., въ 1843 г. 8, въ 1848 г. 5 чел. Количество состоявшихъ подъ стражею въ судахъ 1-й степени не означено. Въ тѣхъ же отчетахъ содержится множество данныхъ о количествѣ состоявшихъ подъ стражею по обвиненію въ другихъ маловажныхъ проступкахъ. Такъ, содержавшихся подъ стражею было: въ сенатѣ: въ 1839 г. за блудъ 4 чел., клевету 1, личныя обиды 5, за происшествія случайныя и происшествія отъ неосторожности 10 чел.; въ 1843 г. за блудъ 9 чел., клевету 1, личныя обиды 1; въ 1848 г. за клевету 6 чел., личныя обиды 6 чел.; въ 1854 г. за личныя обиды 16 чел.; въ уголовныхъ палатахъ: въ 1839 г. за блудъ 120 чел., клевету 12, личныя обиды 42 чел.; въ 1843 г. за блудъ 114, прелюбодѣяніе 5, клевету 5, личныя обиды 23, происшествія нечаянныя и происшествія отъ неосторожности 36, за неосторожное убійство 326 чел., случайное отравленіе 11, неосторожный и случайный поджогъ 52 чел.; въ 1848 г. за клевету 10 чел., личныя обиды 69; въ 1854 г. за клевету 5 чел., личныя обиды 50 чел.; въ совѣстныхъ судахъ: въ 1839 г. за блудъ 6 чел., клевету 4, личныя обиды 1, происшествія случайныя и неосторожныя 10 чел.; въ 1843 г. за блудъ 6 чел., клевету 1, личныя обиды 1, неосторожное убійство 10, нечаянное убійство 7, неосторожный и случайный поджогъ 21 чел.; въ 1848 г. за клевету 1 чел., личныя обиды 8 чел.; въ 1854 г. за личныя обиды 1 чел. Въ 1860 г. во всѣхъ инстанціяхъ за личныя обиды содержалось во время слѣдствія и суда 353 чел. По отчетамъ попечительнаго о тюрьмахъ общества въ тюрьмахъ однихъ столичныхъ, губернскихъ, областныхъ и портовыхъ городовъ содержалось: въ 1854 г. за неумышленное убійство 119 чел.; въ 1855 г. за то же преступленіе 97 чел., оскорбленія и обиды 1062 чел.; въ 1856 г. за неумышленное убійство 33 чел., за оскорбленіе и обиды 481 чел.; въ 1859 г. за неумышленное убійство 33 ч., за оскорбленіе 120 чел.; въ 1860 г. за первое—27, за второе—634 чел. Всѣ приведенныя цифры, за исключеніемъ одной, не обнимаютъ количества содержавшихся подъ стражею въ 1-й инстанціи по обвиненіямъ въ маловажныхъ проступкахъ. Мы привели цифры состоявшихъ подъ стражею по такимъ законопротивнымъ дѣйствіямъ, которыя по дѣйствовавшимъ въ разсматриваемый періодъ времени законамъ—Св. Зак. т. XV и Улож. о наказ. угол. и исправит.—влекуть за собою, самое большее—заключеніе въ смиренительный домъ. Поразительнѣе всего, что подъ стражею содержались во время длиннаго слѣдствія и суда во всѣхъ инстанціяхъ лица, обвиняемыя въ клеветѣ и личныхъ обидахъ—

преступленіяхъ, носящихъ болѣе частный, чѣмъ общественный характеръ, преступленіяхъ, допускающихъ примиреніе. Не менѣе удивительно также содержаніе подъ стражею тѣхъ лицъ, которыя были случайно причиною преступленія или совершили оное по неосторожности.

Итакъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ періодъ дѣйствія Свода Законовъ подъ стражею содержалось, во время слѣдствія и суда, очень много такихъ лицъ, противъ которыхъ—и по существу преступнаго дѣйствія, въ которомъ ихъ обвиняли, и по свойству уликъ—не было необходимости употреблять эту мѣру пресѣченія.

§ 28. Это происходило, какъ выше было показано, отъ того, что закономъ не были точно и опредѣленно проведены границы примѣненія каждой изъ мѣръ пресѣченія. Но отсутствіе такой опредѣленности и точности было только одною изъ причинъ явленія. Въ системѣ дѣйствовавшего тогда судоустройства и судопроизводства были и другія причины, отъ которыхъ зависѣло существованіе этого факта. Причины эти были слѣдующія: многочисленность лицъ, пользовавшихся правомъ взятія подъ стражу; отсутствіе формальностей, которыми былъ бы обставленъ этотъ важнѣйшій актъ судопроизводства; недостатокъ хорошихъ правилъ обжалованія; общее направленіе уголовнаго судопроизводства. Разсмотримъ подробнѣе каждую изъ этихъ причинъ.

а) Въ главѣ Ѵ мѣрахъ пресѣченія не были точно поименованы лица, которымъ предоставлялось право брать и содержать подъ стражею; тамъ было сказано: «По приводѣ обвиняемаго, полиція обязана.... постановить мѣру содержанія его, для пресѣченія ему способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда» (ст. 875 т. XV, изд. 1832 г.; ст. 132 ч. 2 т. XV Св. Зак., изд. 1857 г.). Слово «полиція» слишкомъ обширно; оно обнимаетъ самыхъ разнообразныхъ должностныхъ лицъ, отъ простаго полицейскаго служителя до губернатора. Къ полиціи принадлежатъ также, по Своду, и административно-полицейскія учрежденія, какъ-то: земскіе суды, общія городскія полиціи, управы благочинія, губернскія правленія, какъ мѣста, коимъ ввѣренъ былъ надзоръ за производствомъ слѣдствій. Во 2 т. Св. Зак., изд. 1857 г., право ареста предоставляется разнымъ среднимъ и низшимъ полицейскимъ чиновникамъ и даже служителямъ (т. II ст. 2663, 2664, 2708, 2712, 2749, 2751, 2792, 3528, 4225, 4226, 4286, 4409, 5192, 5194—5199, 5237, 5393). Такимъ образомъ, въ періодъ дѣйствія Свода Законовъ правомъ взятія подъ стражу пользовался самый обширный кругъ лицъ. Изъ практики мы знаемъ, что этимъ правомъ пользовались даже и частныя лица, занимавшія извѣстное положеніе въ обществѣ. «До сей поры—сказано въ объяснительной запискѣ къ проекту Устава Уголовнаго Судопроизводства—правомъ задержанія пользовалась не только всякая власть и всякое начальство, но и частныя лица, занимающія выгодное положеніе въ обществѣ» (гл. 6, стр. 202). Такъ, въ 1851 г. помѣщикъ Ковалевскій 17 сутокъ продержалъ, до пріѣзда временнаго отдѣленія, въ амбарѣ трехъ крестьянъ, оказавшихся впоследствии невиновными (Журн. М. Ю. 1862 г. май, дѣло объ убійствѣ дворянина Ухотскаго). Постановленіе мѣры пресѣченія есть не только дѣло общественной безопасности,

но, исправительности: та или другая мѣра пресѣченія принимается сколько въ видахъ общественныхъ, столько же и изъ соображеній правъ и законныхъ интересовъ обвиняемаго. Между тѣмъ, полиція, какъ хранительница общественнаго спокойствія, склонна, по своему характеру, принимать мѣры безопасности тамъ, гдѣ это и не требуется.

б) Въ Сводѣ Законовъ для такого важнаго акта, какъ принятіе мѣры пресѣченія, не было установлено формъ и обрядовъ. «Полиція обязана постановить мѣру содержанія» — такъ выражается законъ относительно способа принятія мѣры пресѣченія (ст. 875 ч. 2 т. XV, изд. 1832 г.; 132 ст. 2 ч. XV т., изд. 1857 г.). Нѣкоторые хотѣли толковать эти слова въ томъ смыслѣ, будто законъ обязываетъ полицію, при принятіи мѣры пресѣченія вообще и въ частности взятія подъ стражу, составлять формальный актъ. Но такое толкованіе есть натяжка и несогласно съ дѣйствительностью. Извѣстно, что до изданія свода, никакого закона не существовало, который бы предписывалъ соблюденіе какихъ нибудь формальностей при взятіи обвиняемыхъ подъ стражу. Напротивъ, изъ многихъ указовъ XIX стол. положительно извѣстно, что не только не составлялся какой нибудь актъ о принятіи той или другой мѣры пресѣченія, но болѣею частью въ цѣломъ дѣлопроизводствѣ не было никакихъ слѣдовъ, никакого упоминанія о томъ, содержится-ли подсудимый подъ стражею, standъ-ли онъ на поруки, или находится на свободѣ. Только съ цѣлью слѣдить за виновниками медленности, и съ тѣхъ поръ, какъ установлена предпочтительная предъ другими дѣлами очередь рѣшенія арестантскихъ дѣлъ, законодатель въ XIX стол. сталъ требовать, чтобы при представленіи дѣлъ въ сенатъ, какъ въ дѣлахъ, такъ и въ рапортахъ, при которыхъ представляются дѣла, непременно было означено, содержится-ли обвиняемый подъ стражею, или же находится на свободѣ. Но рядъ одинъ за другимъ слѣдующихъ въ теченіе 25 лѣтъ указовъ, которыми сенатъ постоянно напоминалъ объ исполненіи сей обязанности, показываетъ, что практика даже и эту легкую формальность выполняла неохотно. Эти то указы (какъ-то: 1807 г. Св. Зак. Хавск. т. XIV, № 111; 1810 г. 27 іюня, № 24272; 1811 г. февраля, № 24543; ук. 1815 г. 26 іюня; ук. 1818 г. 31 марта, № 27329; ук. 1830 г. 26 іюля, № 3755) послужили матеріаломъ для той статьи свода, въ которой говорится, что начальники губерній, при представленіи дѣлъ въ сенатъ, обязаны въ рапортахъ объяснять «кто изъ подсудимыхъ содержится подъ стражею, съ какого времени и по чьему распоряженію или приговору, или кто изъ нихъ состоитъ на свободѣ или на поруки» (п. 2 ст. 442 ч. 2 т. XV, изд. 1857 г.). Существованіе этой статьи доказываетъ, что составители свода не имѣли никакого представленія о необходимости составленія акта при заключеніи обвиняемаго въ тюрьму. Если бы необходимость подобнаго акта признавалась, обозначеніе въ рапортѣ начальника губерній, содержится-ли обвиняемый подъ стражею или же находится на свободѣ, было бы совершенно излишнее, ибо дѣла въ сенатъ посылаются подлинникомъ, и сенатъ могъ бы изъ самаго акта, если бы онъ былъ, усмотрѣть искомое обстоятельство. Что мѣры пресѣченія принимались въ этотъ періодъ безъ всякаго акта — это подтверждаетъ

также и практика. По свидетельству одного изъ ученыхъ практиковъ, одинъ мѣщанинъ, обвиняемый въ растрату общественной суммы, былъ отосланъ полицією въ тюрьму по словесному лишь приказанію. Чиновникъ, назначенный потомъ для производства изслѣдованія по этому дѣлу, не усматривая изъ переданныхъ ему бумагъ, чтобы подсудимый содержался подъ стражею, велъ о розысканіи его весьма длинную переписку съ разными мѣстами. Пока велась переписка, мѣщанинъ просидѣлъ въ тюрьмѣ восемь мѣсяцевъ безъ допроса и въ совершенной безгласности («Архивъ истор. и практ. свѣд.» Балачова 1859 г. кн. 3, статья Ланге). Въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 10 октября 1857 года сказано, что чиновникъ министерства, при обзорѣнннхъ тюремныхъ замковъ одной губерніи, нашелъ въ нихъ арестантовъ, весьма долго сидѣвшихъ безъ всякихъ дѣлъ о нихъ и даже безъ записки въ арестантскія книги («Журн. М. В. Д.» 1857 г. ноябрь).

в) Система обжалованія заключенія въ тюрьму обвиняемаго была исполнена болшихъ несовершенствъ. Пока слѣдствіе производилось, жалоба на несправедливый или неумѣстный арестъ приносилась или земскому суду, или губернскому правленію (ст. 738—741 т. II, Учр. губ.), а на губернское правленіе сенату (ст. 168 т. I, Учрежд. сената). По переходѣ дѣла въ суды 1-й степени, жалоба на неумѣстный арестъ была приносима также губернскому правленію (ст. 740, 741 и 4049 т. II). Такимъ образомъ, жалоба, въ первомъ случаѣ на дѣйствія полиціи, а во второмъ на дѣйствія суда, приносилась административно-полицейскому учрежденію, которое, по своему назначенію, меньше всего способно было рѣшить вопросъ о правильности или неправильности ареста. Самая подача арестантами жалобъ вообще поставлена была въ зависимость отъ воли смотрителя, прокурора и стряпчаго (ст. 163 и 165 т. XIV Уст. о суд. подъ стражею). Правда, въ Сводѣ Законовъ была внесена разсмотрѣнная нами въ предыдущей главѣ 401 ст. Учрежденія о губ. 1775 г. 7 ноября, которою предоставляется: а) арестованному по обвиненію въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ и содержимому подъ стражею, безъ объявленія причины и безъ допроса, въ теченіе трехъ дней—право приносить жалобу совѣстному суду, и б) совѣстному суду—право требовать отъ мѣста арестовавшего присылки арестованнаго, съ объясненіемъ причинъ ареста, и право освобождать отъ ареста, если жалоба окажется справедливою. Въ IV главѣ мы изложили достаточно доказательствъ того, что эта статья оставалась почти безъ примѣненія въ предыдущемъ періодѣ. Со внесеніемъ этой статьи въ Сводъ, ничто ни въ судоустройствѣ, ни въ судопроизводствѣ не имѣнилось къ тому, чтобы придать силу этому закону. Правда, совѣстный судъ, по идеѣ, которая положена была Екатериною въ его основаніе, долженъ былъ быть судомъ, который бы въ своихъ дѣйствіяхъ и въ своихъ рѣшеніяхъ руководился не только закономъ, но и голосомъ совѣсти. Онъ былъ учрежденъ именно съ цѣлью оградить личную безопасность гражданина. «Понеже личная безопасность каждаго вѣрноподданнаго—говоритъ Екатерина II—весьма драгоценна челоуѣколюбивому монаршему сердцу, для того, дабы подать руку помощи страждущимъ иногда болѣе по несчастному какому ни есть приключенію, либо

по степени различных обстоятельств, отягощающих судьбу его выше меры имъ содѣяннаго, заблагоразсуждается учредить въ каждомъ помѣстничествѣ по одному суду подъ названіемъ: *Совѣстный Судъ* (ст. 395 Учрежд. о губ., № 14392). Совѣстный судъ, назначенный быть *преградой частной и личной безопасности*, долженъ былъ во всѣхъ дѣлахъ руководиться слѣдующими правилами: а) человеколюбіемъ; б) уваженіемъ къ ближнему, какъ человеку, и в) отвращеніемъ отъ угнетенія или притѣсненія челоѣчества (ст. 397). Его уголовному правосудію должны подлежать дѣла, касающіяся такихъ преступниковъ, которые впади въ преступленіе или проступокъ болѣе по несчастному случаю и степени разныхъ обстоятельствъ, чѣмъ по собственной винѣ также впадшихъ въ проступокъ по безумію, малолѣтству, вслѣдствіе глупости и невѣжества, каковы дѣла о колдовствѣ (ст. 399). Въ Сводѣ Законовъ сохранена какъ та же подсудность для совѣстныхъ судовъ, такъ и тѣ же правила (почтенія къ ближнему, отвращенія отъ угнетенія, человеколюбія), которыя даны были имъ въ руководство, при ихъ учрежденіи (ст. 1343 т. XV, изд. 1832 г.; ст. 717 и 723 ч. 2 т. XV, изд. 1857 г.). Но на самомъ дѣлѣ совѣстные суды, въ періодъ дѣйствія Свода Законовъ, далеко не соответствовали той цѣли, для которой они учреждены, въ чемъ легко убѣдиться изъ статистическихъ данныхъ. Въ 1839 г. въ совѣстныхъ судахъ содержалось подъ стражею обвиняемыхъ въ такихъ преступленіяхъ, за которыя самъ законъ не требуетъ этой мѣры, какъ-то: за блудъ 6 чел., пьянство и буйство 1, клевету 4, личныя обиды 1, драку и буйство 7, за происшествія нечаянныя и неосторожныя 10 человекъ. Всѣхъ обвиняемыхъ было 2765 чел., изъ нихъ 776 содержалось подъ стражею, т. е. нѣсколько меньше одной трети и больше одной четверти изъ числа всѣхъ подсудимыхъ находилось подъ стражею, тогда какъ въ томъ же году въ уголовныхъ палатахъ, по степени соответствующихъ совѣстнымъ судамъ, изъ всѣхъ подсудимыхъ едва нятая часть содержалась подъ стражею. Изъ 858 подсудимыхъ помѣщичьихъ крестьянъ, 320 содержалось подъ стражею, т. е. болѣе трети и меньше половины, тогда какъ въ томъ же году въ уголовныхъ палатахъ изъ подсудимыхъ помѣщичьихъ крестьянъ содержалась подъ стражею только одна четверть. То же самое повторялось и въ другіе годы, доказательствомъ чему служатъ цифры прилагаемой таблицы, составленной по отчетамъ министра юстиціи. Такимъ образомъ, въ практикѣ совѣстныхъ судовъ, въ періодъ дѣйствія Сводовъ, не замѣчается ни малѣйшихъ признаковъ выполненія тѣхъ задачъ, для которыхъ эти суды были учреждены; даже напротивъ, совѣстные суды не только были похожи на обыкновенные суды, которые не обязаны были главнымъ образомъ руководиться человеколюбіемъ, уваженіемъ къ личности человека, но и превосходили ихъ во всѣмъ тѣмъ, что мало отличало эти прекрасныя правила. При такомъ направленіи своей дѣятельности, при подлѣйшемъ забвеніи своей задачи, могли ли совѣстные суды, хотя и учрежденные для ограды частной и личной безопасности, дѣйствительно явиться въ періодъ дѣйствія Свода защитниками гражданъ, несправедливо взятыхъ подъ стражу? Очевидно нѣтъ; выпустить изъ виду дѣлое, они тѣмъ скорѣе были частности.

г) Исторически взятіе подъ стражу и содержаніе въ тюрьмѣ обвиняемыхъ своимъ происхожденіемъ не одной мысли объ отнятіи у подсудимаго средствъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, но и другимъ побудительнымъ причинамъ, какъ-то: желанію довести подсудимаго посредствомъ содержанія въ тюрьмѣ до признанія, отнять у него возможность скрыть слѣды преступленія и сговориться съ сообщниками, свидѣтелями и т. п. Потому-то примѣненіе содержанія подъ стражею возникло и разраслось вмѣстѣ съ развитіемъ розыскаго начала и пытки въ частности. Употребленіе содержанія подъ стражею съ указанною цѣлью продолжалось и съ уничтоженіемъ пытки, потому что характеръ уголовного судопроизводства въ существѣ оттого не измѣнился: цѣль его и способы, за исключеніемъ пытки, оставались тѣ же самыя. Полиція—производитель слѣдствія въ періодъ дѣйствія Свода—наслѣдовала приемы производства слѣдствій отъ своихъ предшественниковъ, которые, въ свою очередь, получили ихъ отъ слѣдователей временъ существованія пытки. Въ числѣ другихъ способовъ производства, слѣдователи разсматриваемаго нами времени наслѣдовали и содержаніе подъ стражею какъ одно изъ средствъ открыть истину, добиться признанія отъ стороны обвиняемаго и лишить его возможности скрыть слѣды преступленія. Самъ Сводъ Законовъ отчасти подавалъ поводы къ употребленію содержанія въ тюрьмѣ съ означенною цѣлью. Въ немъ содержится два рода предписаній, въ сущности другъ другу противоположныхъ, хотя происхожденіе ихъ вполне понятно. Однимъ изъ этихъ предписаній тѣсно связаны съ законами, запрещавшими пытку, какъ-то: предписаніе, чтобы слѣдователи отнюдь не прибѣгали при слѣдствіи къ жестокимъ мѣрамъ и не дѣлали бы обвиняемымъ пристрастныхъ допросовъ, безчеловѣчныхъ истязаній и притѣсненій (ст. 166 ч. 2 XV т., изд. 1857 г.); предписаніе приводить обвиняемаго къ собственному признанію увѣщаніями и уговорами, но не домогаться оного, какъ единственнаго способа къ обвиненію (ст. 319); напоминаніе обращаться съ обвиняемымъ, какъ съ человекомъ, который можетъ оказаться невиннымъ (ст. 131 того же тома). Другія предписанія являются остатками того времени, когда была въ употребленіи пытка и другіе насильственные способы открытія истины, къ нимъ принадлежатъ: предписанія стремиться получить признаніе подсудимаго посредствомъ увѣщанія обвиняемаго (ст. 172 п. 6 ст. 191 и ст. 289 ч. 2 т. XV, изд. 1857 г.); угрозы увеличеніемъ наказанія за заперательство и недачу отвѣта (ст. 183 и 288, изд. 1857 г.); предписаніе склонять обвиняемаго къ признанію обманомъ уменьшитъ наказаніе (ст. 321, изд. 1857 г.); наконецъ, возведеніе собственного признанія подсудимаго на степень свидѣтельства лучшаго, чѣмъ свидѣтельство всего свѣта (316 ст., изд. 1857 г.). Такимъ образомъ, въ томъ же Сводѣ Законовъ, въ которомъ содержалось запрещеніе употреблять при слѣдствіи насильственные средства, изложены были статьи, побуждавшія властителей вымучивать собственнаго признанія подсудимаго. Слѣдователи Свода Законовъ, торжественно наслѣдовавшіе практикѣ временъ пытки, имѣли такую опору въ законахъ, съ которыми старались добыть собственное признаніе подсудимаго, чѣмъ лучшее свидѣтельство всего свѣта, и какъ во время пытки, такъ и теперь, лучшімъ способомъ данъ до

стиженія этого они считали взятіе подсудимаго подѣ стражу и содержаніе его въ тюрьмѣ. Овладевъ личностью подсудимаго, они надѣялись овладѣть и самою истинною истомою происшествія. Руководствуясь наслѣдованными отъ стараго времени правилами, они, овладевъ личностью привлеченнаго къ слѣдствію, употребляли, вопреки уже прямому смыслу законовъ, разные способы не только моральнаго, но и физическаго насилія. Уголовная практика времени Свода представляетъ намъ доказательства того, что слѣдователи этого времени на взятіе подсудимаго подѣ стражу смотрѣли не только какъ на мѣру пресѣченія, но и какъ на способъ открыть истину. Взявъ подѣ стражу обвиняемаго, слѣдователи старались довести его до признанія разными, большею частью насильственными и принудительными способами, вредившими правильному ходу правосудія (см. «Юридич. Вѣстн.» Калачова вып. 4, стр. 12—34; «Журн. М. Ю.» 1861 г. май, дѣло Ястржемской; 1862 г. май, дѣло объ убійствѣ Ухотскаго; «С.-Петерб. Вѣдом.» 1864 г. № 29, дѣло о похищеніи изъ часовни дома Петра I и убійствѣ двухъ сторожей).

Итакъ, въ періодъ дѣйствія Сводовъ частое и неумѣстное примѣненіе содержанія подѣ стражею и его результатъ — накопленіе слѣдственныхъ арестантовъ въ тюрьмахъ, — происходили:

а) Отъ неточности и непоследовательности коренныхъ законовъ о мѣрахъ пресѣченія: производъ слѣдователя не встрѣчалъ въ самомъ законѣ границъ преградъ и обузданія.

б) Отъ взгляда на содержаніе подѣ стражею не только какъ на мѣру пресѣченія, но и какъ на средство открыть преступленіе. Можно положительно сказать, что это было унаслѣдованной отъ давнихъ временъ одной изъ существенныхъ причинъ указаннаго явленія.

в) Отъ многочисленности лицъ, имѣвшихъ право брать подѣ стражу, и отъ неумѣнья надлежащимъ образомъ взвѣсить соотвѣтствіе содержанія въ тюрьмѣ съ свойствомъ преступленія и силою уликъ.

г) Отъ недостатка точныхъ формъ и обрядовъ, въ которые бы слѣдовало одѣкать принятіе такой мѣры, какъ содержаніе подѣ стражею. Вслѣдствіе этого недостатка содержаніе подѣ стражею очень часто было дѣломъ совершившагося факта: взятіе подѣ стражу обвиняемаго было достаточно для того, чтобы слѣдователь не обратилъ больше вниманія на это обстоятельство и не позаботился о болѣе точномъ опредѣленіи мѣры пресѣченія. Однимъ словомъ, между лишеніемъ обвиняемаго свободы посредствомъ взятія къ допросу и между лишеніемъ посредствомъ содержанія подѣ стражею не было надлежащаго, строго опредѣленнаго перехода, и оба эти существенно-различныя акта были смѣшиваемы.

д) Отъ отсутствія рациональныхъ законовъ обжалованія. Отъ этого употребленіе надѣльныхъ арестовъ не встрѣчало надлежащихъ препятствій въ конторѣ высшей инстанціи.

§ 29. Мѣста, въ которыхъ содержались въ разсматриваемый періодъ обвиняемые подѣ стражею, были двухъ родовъ: собственно тюрьмы и мѣста при полиціи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ періодъ дѣйствія Свода положеніе содержащихся подѣ стражею въ тюрьмахъ улучшилось въ сравненіи съ прошедшимъ временемъ.

Ассигновкой государственных сумм и дѣятельностью общества попечительнаго о тюрьмахъ продовольствіе ихъ было обезпечено. Въ самомъ устройствѣ тюремъ сдѣланы были нѣкоторые успѣхи. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе накопленія арестантовъ, происходившаго отъ неумѣреннаго примѣненія взятія подѣ стражу и долговременнаго содержанія, положеніе содержаемаго подѣ стражею не соответствовало, ни въ матеріальномъ, ни въ нравственномъ отношеніи, требованіямъ справедливости. Классификація содержащихся подѣ стражею, вслѣдствіе тѣсноты помѣщеній, оставалась на довольно низкой степени. Вопреки закону, содержаемые подѣ стражею въ большинствѣ тюремъ едва были раздѣлены по поламъ и сословіямъ.

Въ худшемъ положеніи были содержаемые подѣ стражею въ полицейскихъ тюрьмахъ. Это зависѣло отъ дурнаго устройства сихъ помѣщеній. По общему отзыву официальныхъ лицъ, доставившихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ свѣдѣнія о состояніи тюремъ, тюрьмы полицейскаго помѣщенія даже въ послѣднее время находились *въ самомъ жалкомъ состояніи*. Поувѣренію людей, занимавшихся изученіемъ состоянія нашихъ тюремъ, полицейскими мѣстами содержанія въ уѣздныхъ городахъ нерѣдко служила какое нибудь надворное, старое, негодное для жилья строеніе, какая нибудь канура около архива или прихожей земскаго суда («Русск. Вѣстн.» 1863 года мартъ, статья Забѣлина, стр. 390). Общій голосъ, что въ полицейскихъ арестантскихъ даже раздѣленіе по поламъ явилось въ видѣ исключенія.

Въ видѣ прибавочной мѣры пресѣченія употреблялись въ этомъ періодѣ кандалы и бритье половины головы. Въ предупрежденіе побѣговъ, обвиняемые въ тяжкихъ преступленіяхъ, по заключеніи въ тюрьму, по Своду могутъ быть, за исключеніемъ малолѣтнихъ и лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, заковываемы въ кандалы. Лица женскаго пола заковываются только въ ручные кандалы и то только во время пути (ст. 170 и 172 т. XIV Уст. о сод. подѣ стр.). Выраженіе: *могутъ быть*, показываетъ, что закованіе въ кандалы есть мѣра предупрежденія, примѣняемая по усмотрѣнію надобности, а не абсолютно необходимая. Въ законѣ также сказано, что въ кандалы заковываются пойманные въ грабежъ и разбоѣ (ст. 130 уг. суд. 2 ч. т. XV, изд. 1857 г.); по продолженію 1863 года это предписано относительно пойманныхъ при самомъ совершеніи и другихъ важнѣйшихъ преступленій и относительно несомнѣнно изобличаемыхъ въ этихъ преступленіяхъ; въ числѣ этихъ преступленій отнесены: святотатство со взломомъ, смертоубійство, зажигательство, воровство составившееся для того шайкою, дѣланіе фальшивой монеты и побѣгъ изъ подѣ-стражи (ст. 244 продолж. къ XIV т. Уст. о сод. подѣ стр., изд. 1863 г., кн. 4). На пересылаемыхъ по этапной дорогѣ безъ оковъ могутъ быть налагаемы ручныя желѣзные пруты. Почти во все время дѣйствія Свода употреблялось ежемѣсячное бритье головы, съ тѣми изъятіями, которыя установлены были въ прежнемъ періодѣ. Эта мѣра отмѣнена была въ 1858 г. 10-го ноября. Изъ указа 30-го декабря 1847 г. видно, что, несмотря на повсемѣстное и строгое запрещеніе колдоковъ, употребленіе ихъ еще встрѣчалось уже какъ злоупотребленіе (№ 21481).

§ 30. Содержаніе подъ стражею въ періодъ дѣйствія Свода было столь же продолжительно, какъ и въ предыдущемъ періодѣ. Слѣдующія статистическія данныя, заимствованныя нами изъ отчетовъ министра юстиціи, это доказываютъ.

Содержалось:	Въ 1843 г. въ сенатѣ, уг. палат. и совѣст. суда. содержалось подъ стражею.	Въ 1844 г. въ тѣхъ же встанціяхъ.	Въ 1845 г. въ тѣхъ же встанціяхъ.	Въ 1848 г. во всѣхъ встанціяхъ.	Въ 1849 г. во всѣхъ встанціяхъ.	Въ 1851 г. во всѣхъ встанціяхъ.	Въ 1854 г. во всѣхъ встанціяхъ.	Въ 1856 г. во всѣхъ встанціяхъ.	Въ 1858 г. во всѣхъ встанціяхъ.	Въ 1860 г. изъ 10,474 оставшихся подъ стражею содержалось.
болѣе одного года . .	3,284	3,311	3,190	15,415	16,108	13,228	13,442	13,073	15,305	2,056
— — двухъ лѣтъ . .	386	590	771	4,502	4,733	3,473	3,411	3,503	3,670	751
— — трехъ — . .	17	51	113	561	2,044	1,594	1,320	1,743	1,968	339
— — четыр. — . .	16	9	21	—	—	—	—	—	—	151

Эти цифры, впрочемъ, не вполне характеризуютъ продолжительность содержанія подъ стражею въ это время. Немалое число дѣлъ длилось гораздо дольше четырехъ лѣтъ, какъ показываютъ отдѣльные случаи. «Почти неизмѣнно, сказано въ отчетѣ министра внутреннихъ дѣлъ за 1859 годъ, чтобы обвиняемый могъ содержаться подъ стражею до 10 лѣтъ лишь въ качествѣ подсудимаго, а между тѣмъ факты этого рода существуютъ» («Журн. М. В. Д.» 1861 г. іюль, отч. мин.). Такъ, дѣло объ убійствѣ осыяка Николая Кусмана производилось 11 лѣтъ, съ 1839 или начала 1840 г. по августъ 1851 г.; по этому дѣлу содержалось въ тюрьмѣ одиннадцать человѣкъ, которые приговорены были комитетомъ министровъ къ наказанію розгами по 50 ударовъ, съ предавіемъ ихъ церковному покаянію («Журн. М. Ю.» 1861 г. мартъ). Дѣло объ убійствѣ полковника Якубинскаго длилось 9 лѣтъ; по этому дѣлу содержалось въ тюрьмѣ 11 человѣкъ, изъ коихъ 6 человѣкъ были освобождены государственнымъ совѣтомъ по прошествіи 6 лѣтъ, такъ какъ они были обвиняемы въ самомъ маловажномъ преступленіи, а другіе оставались въ тюрьмѣ до окончанія дѣла («Журн. М. Ю.» 1862 г. февраль). Пятнадцатилѣтній крестьянинъ Василій Сврковъ просидѣвъ въ тюрьмѣ 8 лѣтъ, пока не осужденъ былъ по обвиненію въ положеніи наемщиковъ на рельсы строившейся въ 1849 г. петербургско-московской желѣзной дороги («Ж. М. Ю.» 1861 г. январь). Столько же времени просидѣли въ тюрьмѣ Барповъ, Ильина и Богдановъ, признанные потомъ виновными, такъ какъ не былъ доказанъ самый фактъ существованія убійства, въ которомъ ихъ обвиняли («Ж. М. Ю.» 1862 г. май).

Такая непомерная медленность происходила: а) отъ недостаточнаго устройства судейственной части, и б) отъ множества судебныхъ встанцій.

Относительно производства слѣдствій въ Сводѣ Законовъ мы находимъ два рода постановленій, по поводу различныхъ, но въ сущности вызванныхъ одною и тою же причиною: организациею личнаго состава слѣдователей. Съ одной стороны, Сводъ понуждаетъ какъ можно скорѣе кончать слѣдствіе; съ другой, онъ поощряетъ переслѣдованія, дослѣдованія и всякія дополненія, и слѣдовательно, проволочки. Перваго рода стремленіе Свода выражается въ слѣдующихъ постановленіяхъ. Полиція обязана произвести слѣдствіе со всевозможною скоростью и оканчивать его въ мѣсячный срокъ, не исключая дней воскресныхъ и праздничныхъ. Исключенія допускаются въ самыхъ крайнихъ случаяхъ (ст. 882 изд. 1832 г.; ст. 139 изд. 1857 г.). Запрещается производить слѣдствіе по мало-важнымъ постороннимъ обстоятельствамъ, кончь объясненіе, не принося существенной пользы, послужило бы къ замедленію производства слѣдствія (ст. 885 изд. 1832 г.; ст. 142 изд. 1857 г.). Неотысканіе лица, оговореннаго въ преступленіи, когда главный виновникъ открытъ, и неполученіе справокъ не весьма существенныхъ не должно останавливать отсылки слѣдствія въ судъ (ст. 882 изд. 1832 г.; ст. 139 и 282 изд. 1857 г.). Оконченное слѣдствіе должно быть земскимъ судомъ отослано немедленно и даже, если возможно, не выходя изъ присутствія, въ надлежащее судебное мѣсто (ст. 1002 изд. 1832 г.; ст. 279 изд. 1857 г.). Съ другой стороны, въ томъ же Сводѣ повелѣвается, чтобы каждое уголовное слѣдствіе, произведено ли оно полицейскимъ чиновникомъ однолично, или временнымъ отдѣленіемъ, — было отсылаемо въ надлежащее судебное мѣсто чрезъ земскій судъ, который обязанъ засвидѣтельствовать, что слѣдствіе имъ рассмотрѣно, и что, по мнѣнію суда, не оказалось въ немъ неполноты или другихъ недостатковъ, которые могли бы служить препятствіемъ дальнѣйшему рассмотрѣнію и рѣшенію дѣла (ст. 2712, 2714, 2745, 2664 и 2708 т. II Учр. губ.). Если земскій судъ замѣтитъ неполноту и всякія упущенія, онъ первый обязанъ, для исправленія и дополненія, назначить новаго слѣдователя или временное отдѣленіе (ст. 2714 и 2765 т. II и 284 ст. 2 ч. т. XV, изд. 1857 г.). Право назначать переслѣдованія и дослѣдованія принадлежало также и губернскому правленію, какъ высшей въ губерніи административно-полицейской инстанціи (ст. 738 и 739 т. II, ст. 1006, изд. 1832 г. и ст. 283 ч. 2 т. XV, изд. 1857 г.). Губернаторъ, прежде окончанія слѣдствія, могъ назначить новаго слѣдователя или цѣлую комиссію, для поправленія упущеній; онъ могъ принять мѣры для дополнительнаго исслѣдованія, когда уже дѣло поступило въ уѣздный судъ или магистратъ на рассмотрѣніе, которое въ такомъ случаѣ онъ приостанавливалъ (ст. 590 и 591 т. II, а нач. губ.). Съ своей стороны, суды первой степени, по поступленіи дѣла въ ихъ рассмотрѣніе, могутъ, для дополненія слѣдствія, или отрядить своего члена вмѣстѣ съ уѣзднымъ стряпчимъ, или же потребовать дополненія отъ полиціи (ст. 287 и 293 д. 2 т. XV, изд. 1857 г.). Желовная чета не лищена права потребовать дослѣдованія или дополненія, если она найдетъ его неполнымъ и недостаточнымъ, хотя ей и вѣняется въ обязанности не дѣлать этого безъ особенной надобности; для приведенія своего распоряженія въ исполненіе она сносится съ губернскимъ правленіемъ, которое уже

отъ особа, коррумпированной, подкупленной и несправедливой и наблюдение за ходомъ дѣла (ст. 2400 т. II, ст. 1187, изд. 1832 г. и ст. 378 т. II, изд. 1857 г.). Даже послѣ рѣшенія дѣла въ уголовной палатѣ, оно могло быть, по распоряженію губернатора, обращено для доислѣдованія (ст. 1114 изд. 1832 г. ст. 416 т. II, изд. 1857 г.). По мере ходя дѣла въ сенатъ, сей высшій судъ имѣлъ право обратиться для доислѣдованія доислѣдованію. Хотя, объ этомъ, являя не говорится въ Сводѣ, но оно само собою вытекаетъ изъ цѣлаго строя судовъ и системы тогдашняго судопроизводства. Практика, являя этого подтверждаетъ. Такъ, по дѣлу объ убійствѣ, въ 1841 году, двѣицы дворянки Пятницкой, селить назначалъ два раза переслѣдованіе, которое въ оба раза было произведено комитетомъ изъ чиновниковъ министерства юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и корпуса жандармовъ («Журн. М. Ю.» 1862 г.). Изъ практики мы знаемъ даже примѣры производствъ дополнительныхъ слѣдствій по опредѣленію государственнаго совѣта, который, при разсмотрѣніи дѣлъ, находилъ невозможнымъ рѣшить оныя безъ дополненій. Такъ, государственныя совѣтомъ наложено было доислѣдованіе по дѣлу объ убійствѣ полковника Янушинскаго («Журн. М. Ю.» 1862 г. февраль). По этому дѣлу, а также по вышеупомянутому дѣлу объ убійствѣ Пятницкой, произведено было по пяти слѣдствіямъ.

Мы сказали, что навѣрняка, рода постановленій Свода, объ ускореніи производствъ слѣдствій, такъ и втораго рода постановленія, о производствѣ доислѣдованій и переслѣдованій, вызваны одною и тою же причиною: крайне недостаточною организаціею состава слѣдователей. Производителямъ слѣдствій по Своду была полиція. Тѣмъ же полицейскій чиновникъ, который заплать былъ исполнителемъ многочисленныхъ обязанностей чисто полицейскаго характера, обязанъ былъ, кромѣ того, производить еще множество уголовныхъ слѣдствій. Само собою разумѣется, что въ немъ нѣтъ достаточно времени добросовѣстно, съ особымъ тщаніемъ, производить слѣдствія. Производствъ слѣдствій требуютъ специальныхъ юридическихъ знаній, способности извѣривать и соображать иногда очень тонкіе предметы, рѣшать запутанные вопросы и цѣдоумія. Следователи времени Свода не обладали этими качествами. Въ невольныхъ промахамъ и ошибкамъ присоединялись иногда и намеренные недостатки слѣдствій. Должно притомъ замѣтить, что слѣдователи этого времени были волюнтаристами, отъ судовъ 1-й и 2-й степени, напротивъ того, по основнымъ началамъ судопроизводства, суды оныхъ степеней составлены были въ зависимость отъ слѣдователей, подоміе, въ томъ отношеніи, что они получали матеріалъ для рѣшенія дѣла изъ рукъ слѣдователей, а сами оныи были, возможности собирать и повѣрять данныя для стверженія истинны и рѣшенія дѣла. Откуда-то вытекала необходимость двойнаго рода постановленій Свода, которыя приведены нами выше: видная медленность, медленныя производствъ, видное стремленіе доислѣдовать, малоначули, малому вынужденія постановленій о спордѣиныхъ рѣшеніяхъ слѣдствій; съ другой стороны, видныя стремленія рѣшенія рѣзкихъ, пущенія, медленности о медленности слѣдствій, отъ дѣла законодателя (постановленія) направляя доислѣдованія, медленности.

нимъ образомъ, постановленія объ ускореніи производства слѣдствій являются въ Сводѣ только одними желаніями, которыя на практикѣ никогда не достигались; тогда какъ постановленія о дополненіяхъ были подлиннымъ изображеніемъ характера уголовныхъ слѣдствій: они были въ одно и то же время и признаками медленности, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, постановленіями, узаконившими медленность и парализовавшими постановленія перваго рода.

Второю очень важною причиною крайней медленности производства уголовныхъ дѣлъ и происходящаго оттого долговременнаго содержанія подсудимыхъ было множество инстанцій, чрезъ которыя дѣло проходило. Много дѣлъ проходило не три номинальныя инстанціи, а пять, а иногда и болѣе. Иное уголовное дѣло должно было, по Своду, подвергнуться разсмотрѣнію и рѣшенію: а) уѣзднаго суда или другихъ судовъ 1-й инстанціи; б) уголовной палаты; в) уголовного департамента сената; г) общаго собранія московскихъ департаментовъ сената или 2-го общаго собранія петербургскихъ департаментовъ сената, куда оно поступало или вслѣдствіе разногласія сенаторовъ, или вслѣдствіе несогласія оберъ-прокурора съ единогласнымъ ихъ мнѣніемъ (ст. 142—156 т. I, Учр. сената). Кромѣ этихъ четырехъ обыкновенныхъ инстанцій, нерѣдко уголовное дѣло должно было пройти чрезъ комиссію прошеній, куда приносятся прошенія на имя государя о пересмотрѣ рѣшеній департамента сената; чрезъ 1-е общее собраніе сената, которое разсматриваетъ дѣла по повелѣнію государя, послѣдовавшему на воеводанѣйшее прошеніе; чрезъ государственный совѣтъ и комитетъ министровъ (т. I ст. 137 прим., 59, 61, 157, 238, 241, 244, 245, 505 Учр. сената; ст. 23 п. 19 и 22 Учр. гос. совѣта; ст. 13 и 31 Учр. ком. прош.; ст. 14 Учр. комит. мин.; ст. 457—460, 466 угол. судопр. т. XV ч. 2, изд. 1857 г.). Проходя нечисленныя инстанціи, уголовное дѣло, сверхъ того, подвергалось: а) просмотру и пропуску уѣзднаго страпача, прокурора, оберъ-прокурора и министра юстиціи; б) разсмотрѣнію консультаціи и озложенію ея мнѣніемъ; в) разсмотрѣнію и утвержденію губернатора и утвержденію государя (ст. 130—134, 137, 152, 192, 197, 198 Учр. сен. т. I; ст. 363, 402, 404, 407—430, 452—456, 459, 460 и 617 угол. суд. т. XV ч. 2 изд. 1857 г.). Если уголовное дѣло сопряжено было съ казеннымъ интересомъ, т. е. съ похищеніемъ, убыткомъ или утратою казны, если къ дѣлу прикосновенно было лицо уѣзднаго вѣдомства, или дѣло касалось кровосмѣшенія, то оно, сверхъ того, отсылалось на заключеніе: въ первомъ случаѣ — подлежащихъ министерствъ, во второмъ случаѣ — предсѣдателя департамента уѣдловъ, въ третьемъ — свѣтѣйшаго синода (ст. 448 угол. суд. ч. 2 т. XV, изд. 1857 г.). Должно замѣтить, что иногда одно и то же дѣло проходило всѣмъ исчисленными инстанціями или большую часть ихъ по два раза. Указанное нами дѣло объ убійствѣ Пятницкой, кромѣ пятиратнаго слѣдствія, разсматривалось и рѣшалось три раза жерѣвскимъ уѣзднымъ судомъ и столько же Смоленскою уголовною палатою, два раза петербургскою уголовною палатою, четыре раза уголовнымъ департаментомъ сената, и окончательно рѣшено общимъ собраніемъ сената, которое согласилось съ мнѣніемъ консультаціи министра юстиціи (Журн. М. Ю. 1862 г.). Дѣло объ

убытокъ, толкованія Якубинскаго, сверхъ многихъ переслѣдованій, два раза разсматривалось и рѣшалось государственнымъ сенѣтомъ и въ оба раза оно прошло черезъ всѣ инстанціи («Ж. М. Ю.» 1862 г. февраль). Слѣдующія статистическія данныя, заимствованныя изъ отчетовъ министра юстиціи, могутъ дать понятіе о томъ, въ какомъ размѣрѣ каждый годъ совершалась пересылка и передѣла дѣлъ и подсудимыхъ изъ одной инстанціи въ другую:

Обращено изъ одной инстанціи въ другую подсудимыхъ. . . въ 1839 г. въ 1843 г. въ 1848 г. въ 1854 г. въ 1858 г. въ 1860 г.

Изъ сената . . .	2,149	2,169	1,581	1,449	1,463	} 60,718
— угол. палаты . .	15,843	17,805	22,874	40,368	28,048	
— совѣстн. суд.	528	735	2,388	641	323	
— суд. 1-й степ.	—	—	23,913	24,026	27,539	

Эти огромныя цифры обязаны своимъ происхожденіемъ не только дѣйствительной необходимости въ дополненіяхъ, но въ очень значительной степени и столь извѣстному обычаю старыхъ судовъ—очищать себя отъ дѣлъ предъ высшею инстанціею. Пересылка дѣла изъ высшей инстанціи въ низшую, или изъ одного мѣста въ другое, равное, очень часто была вызываема единственнымъ побужденіемъ—на время себя очистить. Въ указѣ сенатскомъ 7 сентября 1830 г. такъ изображается дѣятельность одной палаты, часто отсылавшей дѣла для дополненій: «Нижегородская палата уголовнаго суда многія изъ доставленныхъ къ ней отъ нижнихъ присутственныхъ мѣстъ дѣла обращаетъ для дополненія усмотрѣнныхъ ею недостатковъ, исключаетъ тѣ дѣла у себя изъ числа нерѣшенныхъ, хотя они никакого рѣшительнаго окончанія не получили, и допускаетъ нижнія присутственныя мѣста полагать по тѣмъ дѣламъ новыя мнѣнія, а по полученіи къ себѣ вторично оныхъ дѣлъ, показываетъ ихъ вновь съ того времени вступившими, хотя бы они, до обращенія оныхъ изъ палаты, находились у ней по два и по три года, и чрезъ то затрудняя нижнія присутственныя мѣста, и обременяя участь подсудимыхъ, удваиваетъ токмо у себя счетъ вступившихъ и рѣшенныхъ дѣлъ» (№ 3891). Несмотря на то, что этимъ указомъ, вошедшимъ потомъ и въ Сводъ, положительно воспрещено уголовнымъ палатамъ безъ надобности обращать для дополненій поступившія на ревизію дѣла,—этотъ обычай оставался въ силѣ и въ рассматриваемое время, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ.

Къ этимъ двумъ изложеннымъ выше кореннымъ причинамъ крайней продолжительности содержанія подъ стражею должно присоединить и третью, какъ дополнительную; это—чрезмѣрное развитіе нисменности. Дѣло, подвергнувшись нѣсколькимъ переслѣдованіямъ, прошедши всѣ инстанціи, наконецъ разрасталось до невообразимо огромныхъ размѣровъ. Въ сенатѣ не рѣдкость было видѣть большую докладную записку—извлеченіе изъ дѣла—доходившую до 1,000 листовъ. Та-

кого образцы, бумагооборачивание, будущи результаты и дѣйствіи многообразны, и многообразныя производствѣ, въ своемъ очередь усложнялись, за медленое производство дѣла, чтобы изукать многотомное дѣло, каждая новая инстанція должна была употребить много времени.

§ 31. Для открытія правды, продолжительности содержанія, подъ стражею и ускоренія производства уголовныхъ дѣлъ, въ Сводѣ Законовъ установлена была дѣлая система мѣръ. Сущность этихъ мѣръ наследована была отъ прошедшаго періода. Мѣры эти были: надзоръ, сроки, штрафы.

Въ теченіе дѣйствія Овода оставался въ силѣ законъ о доставленіи прокурорами и стражниками въ собственныя руки императора донесеній о тѣхъ подсудимыхъ, о которыхъ, по истеченіи года содержанія ихъ подъ стражею, не послѣдовало приговора. Донесенія эти давали возможность императору обращать вниманіе администраціи и суда на долговременность содержанія нѣкоторыхъ арестантовъ. Это обращеніе вниманія выражалось въ формѣ высочайшихъ повелѣній, такихъ повелѣній въ одномъ октябрь 1842 г. послѣдовало о 508 арестантахъ (отч. мн. юст. за 1843 г. ст. XLVIII). Кромѣ того, императоръ Николай, не разъ убѣждаясь изъ донесеній лицъ прокурорскаго надзора въ общей медленности производства арестантскихъ дѣлъ, издавалъ повелѣнія, имѣвшія болѣе общій характеръ, о принятіи мѣръ къ ускоренію рѣшеній. Болѣе замѣчательныя повелѣнія этого рода изданы въ 1834 и 1849 гг. (№№ 7008 и 23026). Органомъ выраженія воли императора служило I-е отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи.

Общій надзоръ состоялъ изъ центрального, губернскаго и уѣзднаго.

Центральный надзоръ сосредоточенъ былъ въ двухъ министерствахъ: въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и министерствѣ юстиціи (ст. 1205 и 1910 т. I, и 16 ст. Уст. о содер. подъ стражею т. XIV, изд. 1857 г.). Что касается дѣятельности перваго министерства, то ближайшее наблюденіе за теченіемъ арестантскихъ дѣлъ и за исполненіемъ повелѣній государя о немедленномъ ихъ оканчаніи лежало спеціально на товарищѣ министра, самъ министръ непосредственно принималъ участіе въ этихъ дѣлахъ въ томъ случаѣ, когда, по ходу арестантскихъ дѣлъ, требовались особыя мѣры понужденія и взысканія (прим. къ 1205 ст. Учр. мн. т. I, изд. 1857 г.). Объ ускореніи арестантскихъ дѣлъ ежегодно въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ велась обширная переписка, въ чемъ можно убѣдиться изъ слѣдующихъ цифръ: такихъ дѣлъ числилось въ 1855 г. 3,185, въ 1857 г. 3,120, въ 1859 г. 2,929, въ 1860 г. 3,558 («Журн. М. В. Д.» 1856 г. декабрь, 1859 г. июнь, 1861 г. июль, «Свѣд. Почта» 1863 г. №№ 29 и 30, см. отчеты мн.). Чтобы имѣть возможность слѣдить за этого рода дѣлами, министерство, чрезъ сообщенія объ арестантахъ, идущихъ болѣе года, получало разносрочныя свѣдомости объ арестантахъ изъ губернскихъ правленій и отъ губернаторовъ. Министерство юстиціи имѣло

еще болѣе обширный надзоръ за ходомъ арестантскихъ дѣлъ. Въ это министерство стекались многочисленныя вѣдомости, доставляемыя периодически, какъ отъ лицъ прокурорскаго надзора, такъ и отъ судебныхъ мѣстъ. Вѣдомости сіи, сказано въ отчетѣ министра юстиціи за 1851 г., своевременно и тщательно разсматривались и въ случаѣ замѣченной медленности министерство юстиціи принимало мѣры къ ея отвращенію. Оно вело обширную переписку, какъ относительно ускоренія хода дѣлъ арестантовъ, пресидѣвшихъ болѣе года подѣ стражею безъ рѣшенія, о которыхъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе, такъ и относительно ускоренія вообще арестантскихъ дѣлъ, главнымъ образомъ «возбуждая дѣятельность въ чиновникахъ прокурорскаго надзора, губернскаго и уѣзднаго» (см. отчеты мин. юст. за 1839 г. стр. XL, 1844 г. стр. LVII, 1845 г. стр. LX, 1849 г. стр. 85, 1851 г. стр. 52—53, 1858 г. стр. 45 и 46). Для ускоренія производства арестантскихъ дѣлъ, оно иногда, не ограничиваясь однѣми мѣрами понужденія, принимало болѣе дѣйствительныя средства. Такъ, въ 1844 г., по случаю особаго накопленія сихъ дѣлъ въ палатахъ: тверской, с.-петербургской, новгородской и вологодской, учреждены были въ этихъ палатахъ чрезвычайныя присутствія и установлена для нихъ особая, сверхъ обыкновенной, подробнѣйшая отчетность (отч. мин. за 1844 г. стр. LVII). Въ 1845 г., по той же причинѣ, открыты были послѣбѣдѣнные присутствія въ палатахъ смоленской, московской, саратовской, нижегородской, тульской, тамбовской и курской (отч. мин. юст. за 1845 г. стр. LX). То же повторялось въ 1856 г. (отч. мин. за этотъ годъ, стр. 8). Установленіе послѣбѣдѣнныхъ засѣданій — это одна изъ тѣхъ мѣръ для ускоренія арестантскихъ дѣлъ, которыя были въ обычаѣ издавна, какъ можно видѣть изъ указа 1727 г. 17 апрѣля (№ 5059). Къ центральному же надзору министерства юстиціи слѣдуетъ причислить и сенаторскія ревизіи, которыя не должны были выпускать изъ виду и арестантскихъ дѣлъ. Сенаторъ, ревизующій губернію, обязанъ требовать списки арестантовъ, осматривать тюрьмы и обращать вниманіе на то, нѣтъ-ли подсудимыхъ, изнуряемыхъ долговременнымъ содержаніемъ подѣ стражею, и если бы таковыя оказались, то онъ обязанъ сдѣлать тотчасъ распоряженіе, клонящееся къ немедленному окончанію дѣлъ подобныхъ арестантовъ (инструкц. сенаторамъ, прил. къ ст. 256 Учр. сен. т. I).

Губернскій надзоръ за скорѣйшимъ окончаніемъ арестантскихъ дѣлъ главнымъ образомъ также сосредоточенъ былъ въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. По первому вѣдомству главными надзирателями въ этомъ смыслѣ были: губернаторы и губернскія правленія. Губернаторъ, какъ главный надзиратель въ губерніи за ходомъ правосудія, какъ постоянный ближайшій ревизоръ дѣлопроизводства, обязанъ былъ способствовать скорѣйшему окончанію арестантскихъ дѣлъ и не допускать напрасной медленности и проволочекъ (ст. 589, 597, 623, 626, 668—670 Учр. губ. т. II, и ст. 18. Уст. о содерж. подѣ стражею т. XIV, изд. 1857 г.). Губернаторъ же, вслѣдствіе сообщеній министра юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, дѣлалъ понужденія о скорѣйшемъ окончаніи дѣлъ

тѣхъ арестантовъ, которые просидѣли подъ стражею болѣе года безъ рѣшенія и о которыхъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе (отч. мин. юст. за 1860 г. стр. 35). Подобно тому, какъ воеводы XVII столѣтія, при вступленіи въ должность, доставляли статейные списки о тюремныхъ сидѣльцахъ, губернаторъ времени Свѣда въ первомъ своемъ рапортѣ, который онъ присылаетъ императору послѣ вступленія въ управленіе губерніею и послѣ перваго ея обозрѣнія, обязанъ доносить въ особой статьѣ о состояніи тюремъ и объ арестантахъ, что онъ исполняетъ потомъ и каждый годъ, послѣ каждой ревизіи (ст. 673 и 677 Учр. губ. т. II). Специальный губернский надзоръ по министерству внутреннихъ дѣлъ сосредоточенъ былъ въ губернскомъ правленіи. Уже по одному тому, что губернское правленіе имѣло общій надзоръ за производствомъ слѣдствій и за дѣлопроизводствомъ вообще низшихъ судовъ, на немъ лежала обязанность не допускать ни малѣйшей медленности въ дѣлахъ вообще, слѣдовательно и въ арестантскихъ дѣлахъ въ частности. Но кромѣ того, на немъ лежала именно специальная обязанность имѣть свѣдѣнія о всѣхъ арестантахъ въ губерніи и понуждать подчиненныя мѣста, обнаруживающія нерадѣніе, къ скорѣйшему окончанію сихъ дѣлъ (ст. 716 п. 42, ст. 908 Учр. губ. т. II, и ст. 18 Уст. о содерж. подъ стр. т. XIV, изд. 1857 г.). Съ 1853 года, на основаніи циркулара министра внутреннихъ дѣлъ, вся переписка и всѣ мѣры по надзору за движеніемъ арестантскихъ дѣлъ, не исключая и личнаго участія начальника губерніи, сосредоточены были въ губернскомъ правленіи, съ тѣмъ, чтобы въ канцеляріи губернатора не было производства по сему предмету, ни требованія особо срочныхъ для того свѣдѣній («Журн. М. В. Д.» 1854 г. мартъ, правит. ук. стр. 63). Для приданія надзору болѣе энергіи и дѣйствительности, съ 1855 г. надзоръ за губернскими тюрьмами возложенъ былъ на вице-губернатора, которому вмѣнено было въ обязанность періодически посѣщать тюрьмы и заботиться, чтобы никто напрасно или весьма долго не томился въ заключеніи (см. отч. мин. вн. дѣлъ за 1855, 1857, 1858, 1859 и 1860 гг. «Журн. М. В. Д.» 1856 г. декабрь, 1860 г. мартъ, 1861 г. іюль). Къ губернскому надзору по министерству внутреннихъ дѣлъ должно отнести не столько обязательный, сколько добровольный надзоръ губернскихъ тюремныхъ комитетовъ, которые обязаны, или посредствомъ письменныхъ сношеній, или чрезъ директоровъ, ходатайствовать о скорѣйшемъ окончаніи дѣлъ арестантовъ, долго содержащихся въ заключеніи, и стараться объ освобожденіи тѣхъ изъ нихъ, кои не подлежатъ заключенію (ст. 57 Уст. общ. попеч. о тюрьмахъ т. XIV). Губернский надзоръ по министерству юстиціи совершался чрезъ губернскихъ прокуроровъ, которымъ вмѣнено было въ обязанность еженедѣльно посѣщать тюрьмы и наблюдать, чтобы арестантскія дѣла имѣли поспѣшайшій ходъ, а въ случаѣ небрежности, доносить министру юстиціи (ст. 2474 пп. 4, 12 и 23, ст. 4420 пп. 4 и 8, ст. 4425 Учр. губ. т. II и ст. 17 Уст. о содерж. подъ стражею т. XIV). Уже не разъ было упомянуто здѣсь о лежавшей на нихъ обязанности ежемѣсячно доносить государю о тѣхъ арестантахъ, которые просидѣли годъ безъ рѣшенія. Чрезъ нихъ главнымъ образомъ дѣйствовалъ министр юстиціи по предмету ускоренія арестантскихъ дѣлъ.

Въ вакантное время (ук. 1836 г. 25 сентября, № 9545). Для просмотра и пропуска рѣшеній установлены были свои сроки: на просмотръ приговора губернскимъ прокуроромъ по Своду полагается трехдневный срокъ; на просмотръ и утверждение губернаторомъ рѣшеній судебныхъ мѣстъ—отъ трехъ до семи дней; на пропускъ сенатскаго опредѣленія оберъ-прокуроромъ—восемь дней (ст. 131 и 137 т. I Учр. сен. и ст. 403 и 417 угол. судопр. ч. 2 т. XV, ст. 597 Учр. губ. т. II, изд. 1857 г.).

Третьимъ средствомъ въ скорѣйшему окончанію тѣхъ дѣлъ, по которымъ обвиняемые содержатся подъ стражею, служило наложеніе взысканій на виновниковъ медленности. Въ этомъ отношеніи замѣчательно Высочайшее повелѣніе, изданное въ 1849 г. Вслѣдствіе замѣченной медленности въ производствѣ арестантскихъ дѣлъ, императоръ повелѣлъ: вмѣнить въ обязанность сенату и уголовнымъ палатамъ, при окончательномъ рѣшеніи каждого дѣла, по коему арестантъ содержится болѣе года, непремѣнно постановлять заключеніе: было-ли по дѣлу замедленіе, и если было, то гдѣ и въ какой части уголовного судопроизводства оно допущено. Когда откроются виновники медленности, то повелѣно въ рѣшительныхъ приговорахъ постановлять, по обстоятельствамъ и законамъ, опредѣленіе о взысканіи. Если взысканію должны подвергнуться мѣста и лица, губернскому правленію подчиненныя, то дѣло для дальнѣйшаго распоряженія о наложеніи взысканія съ виновныхъ передается губернскому правленію. Если же взысканію будутъ подлежать мѣста губернскія, то они подвергаются сему взысканію по непосредственному распоряженію сената (№ 23026). Независимо сего, сенатъ, при ревизіи въ существѣ каждого уголовного дѣла, обращаетъ вниманіе на движеніе его въ судебныхъ мѣстахъ, и если усмотритъ, что оно замедлено было ненужнымъ дополненіемъ и излишними справками, то подвергаетъ виновныхъ въ семъ умедленіи надлежащимъ взысканіямъ (ст. 447 ч. 2 т. XV, изд. 1857 г.). Губернскимъ правленіямъ, на которыхъ по закону лежала обязанность слѣдить за скоростью разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ вообще въ низшихъ судебныхъ и полицейскихъ мѣстахъ, въ 1851 г. сенатомъ подтверждено было своевременно разсматривать вѣдомости и другія свѣдѣнія о положеніи и движеніи уголовныхъ дѣлъ въ упомянутыхъ мѣстахъ. Если они замѣтятъ за низшимъ судебнымъ мѣстомъ большое по важнымъ преступленіямъ число дѣлъ, значительное время за симъ мѣстомъ числящихся, то, по требованіи именной вѣдомости, съ объясненіемъ причинъ медленности, они они обязаны принимать мѣры побужденія и *взысканія*, по каждому дѣлу особо, до совершеннаго окончанія, предписывая открыть послѣобѣденныя засѣданія, когда, несмотря на всѣ побужденія, много важныхъ дѣлъ останется собственно за судебнымъ мѣстомъ (отч. мин. за 1851 г. стр. 53). Мы видѣли, что въ предыдущемъ періодѣ взысканія состояли главнымъ образомъ въ вычетахъ изъ жалованья. Предъ самымъ появленіемъ Свода изданъ былъ законъ, коимъ денежные штрафы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, замѣнены главнымъ образомъ строгими и простыми выговорами, а также посылкою нарочныхъ на счетъ виновныхъ и, въ случаѣ неоднократнаго нерадѣнія, преданіемъ суду. Поводомъ

къ изданію такого закона указаны «неудобства, сопряженныя съ денежными штрафами, изъ коихъ главнѣйшее состоитъ въ томъ, что взысканіе таковое, пополняясь вычетомъ изъ жалованья, отягощаетъ чиновниковъ въ способахъ содержанія и даетъ поводъ къ злоупотребленіямъ» (№ 4945, 2-е П. С. Зак.). Законъ 14 ноября 1831 г. былъ дѣйствующимъ закономъ и въ періодъ, нами разсматриваемый.

Легко видѣть, что ни въ добромъ стремленіи правительства къ сокращенію времени содержанія подъ стражею, ни въ мѣрахъ, къ тому направленныхъ, не было недостатка. Штатъ надзирателей, обязанныхъ содѣйствовать скорѣйшему рѣшенію арестантскихъ дѣлъ, былъ самый многочисленный и правильно организованный по всѣмъ инстанціямъ. Система отчетности по арестантскимъ дѣламъ была обширная и періодически правильная: каждая низшая инстанція обязана была доставлять отъ времени до времени въ высшую вѣдомости ежемѣсячныя, трехмѣсячныя, полугодичныя, годовыя (ст. 1910 Учр. мин. т. I, ст. 385 прилож., ст. 656, 667—671, 673, 674, 677, 2474 пп. 4 и 19, 2480, 2610, 2614, 2615, 2638, 2640, 2645, 2648, 3119, 3391, 3579, 3668, 3713, 3794, 4088 Учр. губ. и уѣзди. т. II). Сроки для производства и рѣшенія дѣлъ установлены были самыя короткіе. Недостатка въ штрафахъ за медленность и нерадѣніе не было. И однакожъ дѣйствительность крайне не соответствовала желаніямъ и тѣмъ трудамъ, которые были предпринимаемы. «Министерство юстиціи постоянно принимало мѣры къ отвращенію медленности, но, несмотря на всѣ старанія министерства, производившаго постоянно обширную переписку по сему предмету, всѣ принятыя имъ мѣры не достигали вполнѣ желаемого успѣха»—такъ говорилъ въ 1850 г. министръ юстиціи въ своемъ отчетѣ государю. Дѣло въ томъ, что причина крайней медленности производства уголовныхъ дѣлъ и происходившаго отъ того непомерно долгаго содержанія подъ стражею лежала не въ личномъ только нерадѣніи, равнодушіи или недобросовѣстности того или другаго служебнаго лица или мѣста, но, главнымъ образомъ—въ строѣ, системѣ и характерѣ уголовного судоустройства и судопроизводства. Это давно было понято самимъ правительствомъ. Въ упомянутомъ отчетѣ за 1849 г. министръ юстиціи говорилъ, что всѣ принятыя министерствомъ юстиціи мѣры къ отвращенію медленности не достигали вполнѣ желаемого успѣха *«по случаю коренныхъ недостатковъ въ нашемъ судопроизводствѣ и судоустройствѣ»* (отч. за 1849 г. стр. 85). Всѣ принимаемыя мѣры къ сокращенію времени содержанія подъ стражею были направлены противъ явленій, а не противъ причинъ, производящихъ эти явленія. Оттого онѣ сами были скорѣе симптомами существовавшаго зла, чѣмъ признаками его искорененія. Самымъ лучшимъ доказательствомъ ихъ безсилія служить то, что онѣ ведутъ свое начало съ того времени, какъ появилась крайняя продолжительность содержанія подъ стражею, между тѣмъ, случаи максимума продолжительности во весь періодъ существованія этихъ мѣръ не уменьшались. Чтобы достигнуть желаемой цѣли, необходимо было имѣнно уничтожить причину этого явленія. Министерство юстиціи еще въ 1849 г. прису-

дѣло было къ дѣлу преобразованія. Въ этомъ году оно потребовало отъ прокуроровъ подробныхъ свѣдѣній за пять лѣтъ о количествѣ, званіи и возрастѣ арестантовъ, съ указаніемъ преступленій, за которыя они судятся, и времени содержанія ихъ подъ стражею. По разсмотрѣніи доставленныхъ свѣдѣній, составлены были въ министерствѣ, съ цѣлью отвращенія медленности въ ходѣ уголовныхъ и особенно арестантскихъ дѣлъ, предположенія, состоявшія въ такихъ улучшеніяхъ устава уголовного судопроизводства, которыя могли бы быть введены независимо отъ общаго пересмотра сего устава. Предположенія эти были сообщены на предварительное разсмотрѣніе II отдѣленія. Тѣмъ, однакожь, на этотъ разъ и ограничилось. Начало преобразованія положено было въ 1860 г. съ учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей и съ изданіемъ наказовъ, къ разсмотрѣнію коихъ, а равно и правилъ 11 октября 1865 г., мы и перейдемъ.

§ 32. Въ наказѣ, изданномъ въ 1860 г. въ руководство судебнымъ слѣдователямъ, не были измѣнены основныя правила о мѣрахъ пресѣченія, изложенныя въ ст. 132—138 ч. 2 т. XV, изд. 1857 г. Въ 85 ст. наказа сказано: «При опредѣленіи мѣръ для пресѣченія обвиняемому уклоняться отъ слѣдствія и суда, слѣдователь обязанъ руководиться ст. 132—138 т. XV. кн. II зак. угол. судопр.» Давая имъ въ руководство старыя правила, законодатель почелъ необходимымъ внушить, чтобы они «избѣгали напраснаго стѣсненія обвиняемыхъ и ограничивались самыми необходимыми мѣрами». Эта прибавка, конечно, нисколько не улучшала самой сущности закона. Неудивительно потому, если скоро было замѣчено, что слѣдователи подражаютъ старинѣ въ примѣненіи мѣръ пресѣченія. Министръ юстиціи, въ циркулярѣ своемъ въ 1863 г., писалъ, что судебные слѣдователи неправильно примѣняютъ мѣры пресѣченія: «неправильность эта, по словамъ циркуляра, преимущественно обнаруживается въ томъ, что обвиняемые часто подвергаются личному задержанію въ тюрьмахъ, когда слѣдовало бы принять относительно ихъ одну изъ другихъ мѣръ, закономъ установленныхъ». Для предупрежденія излишняго отягощенія участи обвиняемыхъ, министръ юстиціи издалъ правила, которыми точнѣе опредѣленъ смыслъ ст. 132—137, хотя и не устранены всѣ недоразумѣнія. По первому пункту этихъ правилъ, въ тюрьмѣ во время слѣдствія и суда должны содержаться лица, заподозрѣнныя въ преступленіяхъ, за которыя назначено лишеніе всѣхъ правъ состоянія или лишеніе всѣхъ правъ и преимуществъ, когда притомъ къ обвиненію ихъ въ означенныхъ преступленіяхъ представляются достаточныя улики. Обвиняемые же въ менѣ важныхъ преступленіяхъ могутъ быть содержимы въ тюрьмѣ или вообще подвергнуты личному задержанію въ особо устроенныхъ помѣщеніяхъ только въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда для пресѣченія имъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда не представлется сама обѣзпеченность, положительнымъ причинамъ, принять одну изъ другихъ мѣръ, какъ-то: отдачу на поруки, содержаніе въ домашнемъ арестѣ и полицейскомъ надзорѣ («Журн. Мин. Юст.» 1863 г. май). Слѣдовательно, этимъ циркуляромъ главнымъ образомъ разрѣшенъ вопросъ, на который въ Сводѣ не было положительно прямого отвѣ-

та: имѣтъ-ли вліяніе свойство уликъ на заключеніе подъ стражу обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ или всѣхъ особыхъ правъ преимуществъ?

Болѣе существенныя перемѣны произведены учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей и изданіемъ наказовъ въ другихъ пунктахъ.

За полиціей оставлено было только производство предварительнаго дознанія. вмѣстѣ съ тѣмъ, положенъ былъ надлежащій предѣлъ и праву ея брать подъ арестъ и содержать подъ стражею. На основаніи 15 ст. наказа пол., полиція можетъ арестовать только заподозрѣнныхъ въ преступленіяхъ, за которыя въ законѣ полагается лишеніе всѣхъ правъ состоянія или потеря всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, когда обвиняемые находятся въ подвѣдомственной полиціи мѣстности, и притомъ въ такихъ только случаяхъ: 1) когда преступникъ захваченъ на мѣстѣ и во время совершенія преступленія; 2) когда преступленіе учинено явно и гласно; 3) когда очевидцы преступленія прямо укажутъ на лицо преступника; 4) когда на подозрѣваемомъ или въ его жилищѣ найдены будутъ очевидныя слѣды преступленія или вещественныя оного доказательства, и 5) когда подозрѣваемый сдѣлалъ покушеніе на побѣгъ или былъ пойманъ послѣ побѣга. Обвиняемые во всѣхъ другихъ преступленіяхъ, а равно и въ исчисленныхъ въ 15 ст., когда итъ противъ нихъ упомянутыхъ уликъ, обязываются подпискою о явкѣ къ слѣдствію и суду, а отъ лицъ, неизвѣстныхъ полиціи и мѣстному начальству, можетъ быть потребовано надежное поручительство (ст. 16 нак. пол.).

Выше мы видѣли, что въ Сводѣ не было никакихъ предписаній относительно обложенія въ извѣстную формальность постановленія о содержаніи обвиняемаго подъ стражею. Этотъ важный недостатокъ теперь былъ исправленъ. По наказу, судебные слѣдователи обязаны о личномъ задержаніи обвиняемаго непремѣнно составлять письменный актъ, съ объясненіемъ причинъ и основаній такого задержанія (ст. 14 учр. суд. слѣд. и ст. 21 и 86 нак. суд. слѣд.). Сдѣлавши постановленіе о личномъ задержаніи, судебный слѣдователь обязанъ въ теченіе сутокъ объявить его лицу, до котораго оно касается (ст. 87 нак. суд. слѣд.). Кромѣ того, какъ о принятіи такой мѣры, такъ и о побудительныхъ къ этому причинахъ, въ тотъ же день и никакъ не позднѣе слѣдующаго дня долженъ донести тому судебному мѣсту, разсмотрѣнію и рѣшенію котораго подлежитъ дѣло о преступленіи и проступкѣ (ст. 86 нак. суд. слѣд.). Равнымъ образомъ и полиція, задержавъ обвиняемаго, обязана въ теченіе сутокъ отправить судебному слѣдователю дознаніе о происшествіи (ст. 15 нак. пол.).

Система надзора за производствомъ слѣдствій и обжалованія дѣйствій слѣдователя,—обстоятельство, столь не безразличное въ дѣлѣ предварительнаго ареста,—была тоже измѣнена. До введенія судебныхъ слѣдователей арестованный полиціею во время слѣдствія могъ жаловаться полиціи. По учрежденіи этого нистатута, хотя не уничтожено вліяніе высшей губернской полиціи на судебныхъ слѣдователей, но право давать указы и предписанія судебнымъ слѣдователямъ, разсматривать жалобы на нихъ и повѣрять ихъ дѣйствія предоставлено только

судебнымъ мѣстамъ (ст. 23, 24, 28 учр. суд. слѣд.). Циркуляромъ министра 20 августа 1860 г. надзоръ за дѣйствіями слѣдователей, рассмотрѣніе поступающихъ жалобъ на медленность и безпорядки, повѣрка ихъ дѣйствій, однимъ словомъ все то, что сосредоточивалось по другимъ частямъ управленія въ ревізійныхъ столахъ губернскихъ правленій, отнесено къ обязанностямъ уголовныхъ палатъ (Журн. Мин. Юст. 1860 г. октябрь). Такимъ образомъ, на основаніи приведенныхъ статей и циркуляра, жалоба на несправедливый и недѣльный арестъ должна быть приносима судебнымъ мѣстамъ.

Наконецъ, однимъ уже учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей сдѣлано было много для улучшенія практики примѣненія мѣръ пресѣченія. То дѣло, которое вела полиція, столь обремененная исполненіемъ разнообразныхъ обязанностей, отдано было въ руки многочисленному классу лицъ, которыя обязаны были заниматься только однимъ этимъ дѣломъ. Отсюда должно было неминуемо произойти ускореніе производства слѣдствій, а слѣдовательно, и сокращеніе содержанія подъ стражею. Не безразлично также для разсматриваемаго нами предмета и то, что въ законѣ объ учрежденіи судебныхъ слѣдователей указана, если не абсолютная, то, по крайней мѣрѣ, желательная, необходимость для слѣдователей спеціальнаго теоретическаго образованія. Конечно, дипломъ на юридическое образованіе, какъ показали опытъ, не есть еще самъ по себѣ ручательство того, что обладатель его есть слѣдователь, отличающійся по стремленіямъ, привычкамъ, отъ старыхъ слѣдователей временъ Свода. Тѣмъ не менѣе, въ законѣ о необходимости юридическаго образованія для слѣдователей лежитъ то сѣмя, изъ котораго растутъ добрые плоды.

Въ 1862 году Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ измѣненъ порядокъ наблюденія за ходомъ арестантскихъ дѣлъ. Перемены, произведенныя этимъ закономъ, состоятъ въ слѣдующемъ: отиѣнено представленіе губернскими прокурорами и уѣздными стряпчими государю императору ежемѣсячныхъ вѣдомостей объ арестантахъ, содержащихся болѣе года подъ стражею; весь существовавшій до того порядокъ наблюденія и отчетности по арестантскимъ дѣламъ признанъ ненужнымъ, почему велѣно прекратить представленіе по сему дѣламъ вѣдомостей: стряпчими—губернскимъ правленіямъ, начальниками губерній—министерству внутреннихъ дѣлъ, губернскими правленіями и палатами—правительствующему сенату (ст. 7). Въ замѣнъ существовавшаго порядка надзора и отчетности введенъ слѣдующій: 1) На губернскихъ прокуроровъ и уѣздныхъ стряпчихъ возложено веденіе вѣдомостей о всѣхъ арестантахъ, содержащихся въ мѣстахъ заключенія губернскаго и уѣзднаго надзора, съ тѣмъ, чтобы они, подъ личною своею отвѣтственностью, имѣли неослабное наблюденіе за успѣшнымъ теченіемъ дѣлъ, по которымъ арестанты содержатся не болѣе года. Для дѣйствительности сего наблюденія предоставлено имъ право понуждать мѣста и лицъ, отъ коихъ зависитъ движеніе арестантскихъ дѣлъ, и, въ случаѣ неисполненія ихъ требованій, представлять о томъ учрежденіямъ, отъ которыхъ зависитъ подвергнутіе законной отвѣтственности виновныхъ въ упущеніяхъ (п. 1). 2) Губернскіе прокуроры о каждомъ арестантѣ, коего содержанію подъ стражею минулъ

годъ, обязаны доносить министру юстиціи, съ краткимъ изложеніемъ хода производящагося о немъ дѣла, причинъ медленности и мѣръ, принятыхъ для ускоренія окончанія онаго. Кромѣ того, о всѣхъ арестантскихъ дѣлахъ, производящихся болѣе года, прокуроры обязаны представлять министру юстиціи именныя вѣдомости къ 1 январю, 1 маю и 1 сентябрю. Всѣ эти донесенія и вѣдомости министерство передаетъ оберъ-прокурорамъ тѣхъ департаментовъ сената, которымъ подвѣдомственны по уголовнымъ дѣламъ тѣ губерніи, гдѣ арестанты содержатся. 3) Со времени этой передачи наблюденіе за успѣшнымъ ходомъ всѣхъ этихъ дѣлъ возлагается на оберъ-прокуроровъ правительствующаго сената, которымъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность о всѣхъ замѣченныхъ упущеніяхъ и медленности въ ходѣ арестантскихъ дѣлъ немедленно предлагать на благоусмотрѣніе сената, для принятія мѣръ побужденія и наложенія взысканій на мѣста и лица, виновныя въ медленности и упущеніяхъ. Опрежденія объ этомъ сената должны быть приводимы въ исполненіе со всевозможною скоростью. 4) По минованіи двухъ лѣтъ содержанія обвиняемыхъ подъ стражею, оберъ-прокуроры, каждый по своему департаменту, обязаны представлять два раза въ годъ, къ 1 январю и къ 1 іюлю, на усмотрѣніе государя вѣдомости объ арестантскихъ дѣлахъ, производящихся болѣе двухъ лѣтъ. Въ вѣдомостяхъ этихъ должны быть излагаемы не только причины, замедляющія окончаніе дѣла, но и самый ходъ онаго и всѣ мѣры, принятыя сенатомъ къ скорѣйшему его окончанію («Журн. М. Ю.» 1862 г. ноябрь, стр. 78—81, часть оффиц.). Этимъ положеніемъ комитета министровъ очень упрощена многообразная и требовавшая очень сложной переписки опека объ ускореніи арестантскихъ дѣлъ и сокращеніи времени содержанія подъ стражею. Попеченіе объ этомъ сосредоточено въ одну министерствъ юстиціи и возложено главнымъ образомъ на прокурорскій надзоръ.

Хотя правилами 11 октября 1865 года не были измѣнены ни статьи Свода Законовъ, ни статьи наказа судебнымъ слѣдователямъ о мѣрахъ пресѣченія, тѣмъ не менѣе правила эти не могли остаться безъ вліянія на содержаніе подъ стражею. Главная цѣль этихъ правилъ заключается въ томъ, чтобы уменьшить число инстанцій, упростить дѣлопроизводство и тѣмъ самымъ сократить количество времени, которое до тѣхъ поръ требовалось для производства, разсмотрѣнія и окончанія дѣла. Законодатель, достигая общей цѣли, достигалъ и частной: сокращенія времени содержанія подъ стражею. Одинъ перечень перемѣнъ, произведенныхъ этими правилами, можетъ въ этомъ убѣдить. Были отиѣнены: а) Первая инстанція для дѣлъ по обвиненіямъ въ преступленіяхъ, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія, всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ и ограниченіе правъ; эти дѣла съ этихъ поръ стали прямо поступать въ уголовную палату, тогда какъ по Своду они предварительно поступали на разсмотрѣніе и постановленіе мѣншія судовъ первой степени, и потомъ уже переходили на ревизію уголовной палаты (ст. 1). б) Уничтожены отзывы на приговоры уголовныхъ палатъ, постановленные по дѣламъ, поступившимъ изъ судовъ первой степени по протестамъ стряпчихъ или по отзывамъ подсудимыхъ (ст. 42), т. е. уничтожена третья инстанція для дѣлъ по обвиненіямъ въ преступленіяхъ, не вле-

кущих ни лишенія, ни ограниченія правъ (ст. 45). в) Отмѣнена передача приговоровъ судебныхъ мѣстъ на разсмотрѣніе и утвержденіе губернатора, за исключеніемъ приговоровъ палатъ по дѣламъ о возвращеніи изъ православія, объ уклоненіи изъ православія въ могометанство, іудейство и идолопоклонство, а равнымъ образомъ и по дѣламъ о преступленіи по должности (ст. 40). г) Упрощены многія формы производства, какъ-то: составленіе записокъ изъ дѣлъ только допускается, но не вмѣняется въ обязанность (ст. 10). Отмѣнено составленіе краткихъ записокъ и выписокъ по дѣламъ, вносимымъ уголовными палатами въ правительствующій сенатъ (ст. 42); объ эти мѣры составляютъ дополненіе закона, вышедшаго нѣсколько раньше, которымъ составленіе въ сенатъ большой докладной записки признано было ненужнымъ. Уничтожено рукоприкладство (ст. 12). Введены изустный докладъ и словесныя объясненія подсудимыхъ или ихъ повѣренныхъ (ст. 13 и 14). Упрощены способы подачи жалобъ *), отзывовъ, сокращены сроки и т. п. (ст. 26—32, 48). Необходимымъ слѣдствіемъ этихъ нововведеній, отмѣнившихъ множество дѣйствій, должно было быть ускореніе уголовного суда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сокращеніе времени содержанія подѣ стражею.

Въ 1867 г. 15 мая изданъ законъ, которымъ окончательно была отмѣнена система мѣръ пресѣченія Свода Законовъ и введены въ дѣйствіе правила Уставовъ 20 ноября 1864 года. Такимъ образомъ, разсмотрѣнная нами въ этой главѣ система мѣръ пресѣченія окончательно отошла въ исторію.

Изъ сказаннаго въ сей главѣ мы дѣлаемъ слѣдующее заключеніе:

1) Система мѣръ пресѣченія Свода Законовъ, по характеру своему, была нѣсколько улучшеннымъ продолженіемъ системы XVIII и XIX столѣтій.

2) Въ періодъ дѣйствія Свода, также какъ и прежде, главную роль въ этой системѣ, а еще болѣе въ практикѣ, играло содержаніе подѣ стражею. Какъ тогда, такъ и теперь, это происходило столько же отъ несовершенства специальныхъ законовъ, регулировавшихъ примѣненіе мѣръ пресѣченія, сколько, — если даже не больше, — отъ общаго характера судоустройства и судопроизводства.

3) Многочисленность слѣдственныхъ и подсудимыхъ арестантовъ и непомѣрная продолжительность ихъ сидѣнья въ тюрьмахъ были слѣдствіемъ этой общей причины. Самая многообразная и самая дѣятельная опека, задача которой состояла въ уменьшеніи числа этого рода арестантовъ и въ сокращеніи времени сидѣнья, въ общемъ результатъ оказалась, — да и не могла не оказаться, — безсильною искоренить зло.

4) Только устраненіемъ причинъ можно было достигнуть уничтоженія указанныхъ недостатковъ. Это было понято высшею правительственною властью

---

*) Въ циркулярѣ управлявшаго министерствомъ юстиціи отъ 21 декабря 1867 г. лицамъ прокурорскаго надзора сказано, «что нарушеніе лицами прокурорскаго надзора порядка представленія жалобъ, изложеннаго въ ст. 26, 32 и 48, отягощаетъ участь арестантовъ излишнимъ, иногда въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, содержаніемъ подѣ стражею». «Судебный Вѣстникъ», 1868 года № 3.

еще въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ одно время съ принятыми мѣрами для улучшенія матеріальной части нашихъ уголовныхъ законовъ. Съ тѣхъ поръ начаты были, для достиженія цѣли, приготовительныя работы, состоявшія въ собраніи матеріаловъ и въ составленіи проектовъ. Но дѣйствительному устраненію причинъ положено было начало только въ 1860 г. съ учрежденіемъ слѣдователей. Конецъ же этихъ недостатковъ лежитъ въ изданіи Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года.

Разсмотрѣніе мѣръ пресѣченія по Судебнымъ Уставамъ составить предметъ слѣдующей главы.

ГЛАВА VI.

Уставъ Уголовнаго Судопроизводства 1864 г.

§ 33. Связь перемѣтъ, произведенныхъ въ системѣ мѣръ пресѣченія Уставомъ Уголовнаго Судопроизводства 1864 г., съ преобразованіемъ общественныхъ отношеній и коренныхъ началъ судопроизводства и уголовного судопроизводства.

§ 34. Очертаніе власти полиціи по принятію мѣръ пресѣченія во время дознанія.

§ 35. Принятіе мѣръ пресѣченія слѣдователемъ во время предварительнаго слѣдствія; граница, положенная для примѣненія содержанія подъ стражею.

§ 36. Общія правила, которыми слѣдователь долженъ руководствоваться при принятіи мѣръ пресѣченія; вліяніе на выборъ мѣръ пресѣченія положенія обвиняемаго въ обществѣ, возраста, возможности скрыть слѣды преступленія, пола, силы уликъ и важности преступленія.

§ 37. Поручительство и залогъ; отличительный характеръ каждой изъ нихъ мѣръ; равенство ихъ—что касается обезпеченія правосудія и неравенство доступности ихъ для подсудимыхъ; опредѣленіе количества залога и поручительства; слѣдуетъ-ли соразмѣрять количество ихъ съ суммою вознагражденія, когда сіе послѣднее обезпечено наложеніемъ запрещенія на имѣніе обвиняемаго.

§ 38. Формальности, необходимыя при принятіи мѣръ пресѣченія.

§ 39. Надзоръ за принятіемъ мѣръ пресѣченія съ цѣлью предупредить аресты: а) незаконные по формѣ, и б) незаконные по существу.

§ 40. Порядокъ обжалованія принятія мѣръ пресѣченія.

§ 41. Принятіе и измѣненіе мѣръ пресѣченія по окончаніи предварительнаго слѣдствія: а) до судебного слѣдствія, и б) по окончаніи судебного слѣдствія, послѣ постановленія приговора.

§ 42. Власть мирового судьи по принятію мѣръ пресѣченія.

§ 33. Въ прошедшемъ періодѣ, какъ мы видѣли, сложилось твердое убѣжденіе, что исправленіе недостатковъ системы мѣръ пресѣченія Свода Законовъ, какъ и другихъ недостатковъ уголовного судопроизводства, невозможно безъ измѣненія общихъ коренныхъ началъ судопроизводства и уголовного судопроизводства. Плодомъ такого убѣжденія явились Уставы 20 ноября 1864 г., которыми, вмѣстѣ съ преобразованіемъ устройства судовъ и съ измѣненіемъ общихъ началъ уголовного судопроизводства, преобразована и система мѣръ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда.

Для того, впрочемъ, чтобы совершиться общей судебной реформѣ и преобразованію системы мѣръ пресѣченія, предварительно необходимы были какъ из-

мѣненія въ общественномъ міросозерцаніи, такъ перемѣны въ другихъ областяхъ общественной жизни.

Русское общество пережило два періода: періодъ самодѣтельности народа и слабости государства, до царствованія Іоанновъ III и IV, и періодъ ослабленія самодѣтельности народа и возрастанія могущества и дѣятельности государства, достигшихъ въ два послѣдніе вѣка возможныхъ предѣловъ. Изъ предыдущаго изложенія мы видѣли, что въ каждый изъ этихъ періодовъ уголовная юстиція и система мѣръ пресѣченія носили общій характеръ, свойственный времени, а потому и отличались и общими недостатками. Подъ влияніемъ сознанія недостатковъ послѣдняго періода, давно чувствовалась необходимость въ такихъ перемѣнахъ, которыя бы устраняли крайности обоихъ періодовъ и давали бы просторъ самодѣтельности народа, на ряду съ дѣятельностью государства. Элементы для осуществленія такой перемѣны содержатся въ Судебныхъ Уставахъ 1864 г. Относительно мѣръ пресѣченія въ Уставѣ Угол. Судопр. соединены двѣ системы: система содержанія подъ стражею, выработанная главнымъ образомъ и получившая чрезмѣрное примѣненіе въ періодъ усиленія могущества государства, и система поручительства, созданная и могущественная въ періодъ самодѣтельности народа, но въ послѣдніе два вѣка потерявшая силу примѣняемости.

Общая судебная реформа въ духѣ улучшенія и надлежащее преобразование такихъ частностей, какъ система мѣръ пресѣченія, были невозможны, если бы оставалась въ силѣ помѣщичья власть надъ цѣлою третью народонаселенія. При существованіи помѣщичьей юрисдикціи, столь обширной и столь безотчетной, никакія прочныя и серьезно-мыслимыя обезпеченія личной свободы не могли бы получить силы и устойчивости. Потому-то, когда приступлено было къ судебной реформѣ, скоро увидѣли, что она невозможна раньше отмыны крѣпостной зависимости.

Характеръ уголовного судопроизводства и свойство системы мѣръ пресѣченія находятся въ тѣсной связи съ системою преступленій и наказаній. Примѣненіе предварительнаго ареста приняло широкіе размѣры вмѣстѣ съ расширеніемъ употребленія смертной казни и жестокихъ тѣлесныхъ наказаній. Вотъ почему нужно было сначала совершиться смягченію наказаній — что было совершенно изданіемъ Уложенія 1845 г. и указа 17 апрѣля 1863 г., — чтобы явилась возможность произвести коренныя перемѣны въ уголовномъ судопроизводствѣ и въ системѣ мѣръ пресѣченія. «Первоначальныя попытки улучшить наше уголовное судопроизводство — говорится въ журналѣ государственнаго совѣта — тотчасъ показали, что отдѣльное исполненіе этого труда было невозможно прежде преобразованія уголовного права и смягченія необходимой строгости уголовного законодательства той эпохи, которое уже начинало расходиться съ развитіемъ понятій и обычаевъ настоящаго столѣтія: вотъ причина изданія Уложенія о наказаніяхъ прежде составленія уставовъ судопроизводства» (Журн. соед. департ. гос. сов. о преобраз. судеб. части въ Россіи стр. 3). Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было серьезно думать о сокращеніи случаевъ примѣненія лишенія свободы и расширеніи употребленія залога и поручительства, пока оставалась нетронутою прежняя наша

система тѣлесныхъ наказаній, страхъ которыхъ былъ однимъ изъ естественныхъ побужденій, заставлявшихъ подсудимаго уклоняться отъ слѣдствія и суда.

Улучшеніе системы мѣръ пресѣченія, произведенное Уставомъ Уголовнаго Судопроизводства, состоитъ какъ въ положительныхъ измѣненіяхъ самой системы, такъ и въ тѣхъ перемѣнахъ, которыя хотя положительно не оговорены, но которыя являются естественнымъ слѣдствіемъ общихъ началъ, положенныхъ въ основаніе судебной реформы.

Въ новомъ судоустройствѣ отдѣлена власть судебная отъ административной, которая окончательно лишена прежняго участія въ отправленіи уголовной юстиціи. Это устраненіе участія администраціи отразится и на системѣ мѣръ пресѣченія положительнымъ уменьшеніемъ случаевъ взятія подѣ стражу и превращеніемъ такого важнаго дѣйствія, какъ лишеніе гражданина свободы, въ судебный актъ. Административная власть находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ гражданами, а находясь въ сношеніяхъ, она, по самому существу вещей, нерѣдко приходитъ и въ столкновеніе. Эти-то сношенія и столкновенія служили для административной власти, пользовавшейся правомъ вмѣшательства въ отправленіе уголовного суда, поводомъ для взятія подѣ стражу. Съ полнымъ выдѣленіемъ судебной власти и съ прекращеніемъ вмѣшательства въ ея вѣдомство административной, эти поводы сами собою исчезнутъ.

Составъ слѣдователей совершенно измѣняется въ новомъ судоустройствѣ. Вмѣсто прежнихъ слѣдователей, для которыхъ не требовалось никакого спеціальнаго образованія и которые дѣйствительно, вообще говоря, его не имѣли, введены слѣдователи, для которыхъ юридическое образованіе есть первое условіе. Такая перемѣна не можетъ не внести въ практическое примѣненіе мѣръ пресѣченія большей осмотрительности, основательности, а потому и большей законности.

Хотя слѣдственное начало оставлено какъ главное руководительное при производствѣ предварительнаго слѣдствія, но тѣмъ не менѣе ему положены извѣстныя границы, которыхъ оно не имѣло въ періодъ Свода. Въ прежнее время слѣдствіе начиналось нерѣдко на основаніи самыхъ ничтожныхъ, чтобы не сказать вздорныхъ, поводовъ, и развѣ начавшись оно иногда длилось годы, переходило затѣмъ въ судебное производство, пока, по прошествіи многихъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ подсудимый лишенъ былъ свободы, дѣло ни оканчивалось нулевымъ результатомъ. Достаточно было пустого оговора, чтобы гражданинъ былъ взятъ или приведенъ къ допросу: даже не было точныхъ законовъ, опредѣляющихъ, въ какихъ случаяхъ и по какимъ обвиненіямъ подозрѣваемый долженъ быть только позванъ, по какимъ приведенъ или взятъ. Въ новомъ уголовномъ судопроизводствѣ точнѣе опредѣлены поводы начатія слѣдствія, установлены правила и формы способовъ привлеченія къ слѣдствію, введенъ контроль прокурорской власти, которая, имѣя своею задачею обвиненіе и будущее публичное поддержаніе сего обвиненія, не можетъ, не роняя своего достоинства, возбуждать и поддерживать явно неосновательныя и голословныя обвиненія, и наконецъ—что весьма важно—предоставлено какъ слѣдователю, такъ и прокурору, право представлять суду о прекращеніи слѣдствія. Не должно также забывать о томъ, что,

по Уставу Уголовнаго Судопроизводства, допросъ обвиняемаго, это грозное орудіе, выработанное прежнимъ слѣдствіемъ, не имѣетъ прежняго слѣдственного характера. Это-то смягченіе и подлежащее ограниченіе слѣдственного начала заключается въ себѣ и упычтоженіе многихъ побужденій къ примѣненію самой энергической мѣры пресѣченія, каково взятіе подъ стражу. Кто слѣдилъ за отчетами о дѣятельности новыхъ судебныхъ учреждений, тотъ, вѣроятно, замѣтилъ, что очень много дѣлъ прекращается, вслѣдствіе представленія слѣдователей и представителей прокурорской власти, судебными мѣстами, по неимѣнію основаній къ продолженію слѣдствій. Изъ циркуляра же прокурора харьковской судебной палаты мы узнаемъ, что вмѣстѣ съ представленіемъ о прекращеніи слѣдствія происходитъ и прекращеніе содержанія подъ стражею. Конечно, арестъ по такому обвиненію, которое при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается неосновательнымъ, есть собственно арестъ неудачный, а потому и нежелательный, но во всякомъ случаѣ больше справедливости теперь, когда его прекращаютъ не поздно, чѣмъ въ прежнее время, когда онъ длился годы, несмотря на крайнюю слабость уликъ.

Съ изданіемъ Устава Уголовнаго Судопроизводства окончательно отмѣнена та многочисленность инстанцій, которая была причиною непомерно-долгой продолжительности содержанія подъ стражею. Для дѣлъ меньшей важности установлены двѣ инстанціи; дѣла же, рѣшаемыя судомъ присяжныхъ, какъ рѣшаемыя по совѣсти, могутъ подвергнуться перевершенію только въ случаѣ кассациі, то есть въ крайне рѣдкихъ случаяхъ. Если же принять во вниманіе введеніе въ производство устности и другихъ ускоряющихъ способовъ производства, то не трудно понять, насколько должна сократиться продолжительность предварительнаго содержанія подъ стражею. При дѣйствіи Устава Уголовнаго Судопроизводства совершенно пемыслима прежняя продолжительность. Конечно, нельзя сказать, чтобы продолжительность уголовныхъ дѣлъ, производимыхъ по новому Уставу, ничего не оставляла желать: и при дѣйствіи этого Устава подсудимый нерѣдко держится болѣе года и даже иногда и полтора. Но, во-первыхъ, слѣдуетъ взять во вниманіе новостъ дѣла; во-вторыхъ, если сравнить тахімъ новой продолжительности съ таковымъ же старой, восходившей до 10 лѣтъ, то слѣдуетъ въ Уставахъ видѣть великое улучшеніе системы мѣръ пресѣченія.

При обзорѣ системы мѣръ пресѣченія по Уставу 20 ноября 1864 г., я разсмотрю примѣненіе мѣръ пресѣченія: а) полиціею при производствѣ дознанія; б) судебнымъ слѣдователемъ при производствѣ предварительнаго слѣдствія, и в) мировымъ судьей при разсмотрѣніи и рѣшеніи имъ уголовныхъ дѣлъ.

§ 34. По Уставу 1864 г. производство слѣдствій составляетъ специальную обязанность судебныхъ слѣдователей. Но такъ какъ полиція находится въ самомъ близкомъ отношеніи къ народонаселенію, такъ какъ по ея наличнымъ средствамъ ей гораздо удобнѣе прежде судебного слѣдователя усмотрѣть совершеніе преступленія и уловить первые слѣды его, то участіе ея въ производствѣ слѣдствій признано совершенно необходимымъ.

Участіе это, смотря по обстоятельствамъ, имѣетъ болѣшій или меньшій объемъ.

Если судебный слѣдователь или представитель прокурорскаго надзора находится въ мѣстѣ совершенія преступленія, то полиція ограничивается первоначально тѣмъ, что о всякомъ происшествіи, заключающемъ въ себѣ признаки преступленія и проступка, немедленно и не позже сутокъ по полученіи о семъ свѣдѣній сообщаетъ ихъ судебному слѣдователю или представителю прокурорскаго надзора (ст. 250 и 252).

При отсутствіи упомянутыхъ лицъ, полиція, вмѣстѣ съ сообщеніемъ свѣдѣній, производитъ дознаніе (ст. 252). Производство дознанія, прежде сообщенія свѣдѣній, составляетъ ея обязанность и въ томъ случаѣ, если свѣдѣнія о происшествіи, заключающемъ признаки преступленія, сомнительны, потому что дошли до ней по слуху, или вообще изъ недостоверныхъ источниковъ (ст. 253).

Наконецъ, когда полиціею застигнуто совершающееся или только что совершившееся преступное дѣяніе, а также, когда до прибытія на мѣсто происшествія судебного слѣдователя слѣды преступленія могли бы изгладиться, то полиція замѣняетъ судебного слѣдователя во всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, нетерпящихъ отлагательства, какъ-то: въ осмотрахъ, освидѣтельствованіяхъ, обыскахъ и выемкахъ, и даже въ производствѣ формальнаго допроса обвиняемому и свидѣтелямъ, если бы кто нибудь изъ нихъ оказался въ тяжкой болѣзни, возбуждающей справедливое опасеніе, что онъ умретъ до прибытія слѣдователя (ст. 258).

Очевидно, что при такомъ участіи полиціи въ производствѣ предварительнаго слѣдствія необходимо было предоставить ей право пресѣкать обвиняемому способы уклоняться отъ слѣдствія (ст. 256). Предоставивъ полиціи право предупредить уничтоженіе слѣдовъ преступленія, въ тоже время нельзя было отнять у нея право употреблять и мѣры пресѣченія: какъ то, такъ и другое вытекаетъ изъ фактическаго положенія полиціи.

Составители Уставовъ стремились къ тому, чтобы предварительное слѣдствіе сдѣлать по возможности, насколько позволяли условія общественнаго быта, специальною и исключительною обязанностью судебныхъ слѣдователей—лицъ судебного вѣдомства; по этимъ причинамъ они, само собою, старались какъ можно болѣе ограничить право полиціи въ принятіи мѣръ пресѣченія, поставивъ дѣятельность ея въ этомъ отношеніи въ опредѣленныя границы.

Поэтому въ статьѣ 257 Устава Уголовнаго Судопроизводства положительно исчислены тѣ случаи, въ которыхъ полиція имѣетъ право принимать мѣры пресѣченія, а именно: полиція, сказано въ этой статьѣ, принимаетъ мѣры къ пресѣченію подозрѣваемыхъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія въ слѣдующихъ случаяхъ:

- 1) когда подозрѣваемый застигнутъ при совершеніи преступнаго дѣянія или тотчасъ послѣ его совершенія;

- 2) когда потерпѣвшіе отъ преступленія или очевидцы укажутъ прямо на подозрѣваемое лицо;

- 3) когда на подозрѣваемомъ или въ его жилищѣ найдены будутъ явные слѣды преступленія;

4) когда вещи, служащія доказательствомъ преступнаго дѣянія, принадлежатъ подозрѣваемому, или оказались при немъ;

5) когда онъ сдѣлалъ покушеніе на побѣгъ, или пойманъ во время или послѣ побѣга;

6) когда подозрѣваемый не имѣетъ постояннаго жительства или осѣдлости.

Судя по выраженію: *«полиція принимаетъ мѣры къ преступленію»* слѣдуетъ считать правиломъ, что полиція уполномочена принимать всѣ безъ исключенія мѣры преступленія, установленныя Уставомъ Уголовнаго Судопроизводства. Это также подтверждается ст. 259 того же Устава, по силѣ которой полиція обязана непремѣнно руководиться, при принятіи мѣръ, правилами, постановленными для производства предварительныхъ слѣдствій, значить и общими правилами о мѣрахъ преступленія.

При сравненіи упомянутой 257 ст. Устава Уголовнаго Судопроизводства съ соотвѣтствующею статьею (ст. 15) наказа полиціи 1860 г., легко видѣть нѣкоторое различіе этихъ двухъ узаконеній при общемъ ихъ сходствѣ. Сходство ихъ заключается въ томъ, что и тамъ и здѣсь исчислены въ сущности одни и тѣ же случаи, въ которыхъ полиція уполномочивается принимать мѣры преступленія. Но разница состоитъ въ томъ, что въ наказѣ говорится объ этихъ случаяхъ какъ такихъ, въ которыхъ полиція имѣетъ право подвергать аресту или личному задержанію оподозрѣнныхъ въ преступленіяхъ, за которыя въ законѣ полагается лишеніе всѣхъ правъ состоянія или потеря всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ. Между тѣмъ, въ 257 статьѣ Устава говорится, что полиція въ исчисленныхъ случаяхъ вообще принимаетъ мѣры.

Какія же мѣры, какъ и когда полиція принимаетъ? На этотъ вопросъ содержится общій отвѣтъ въ 259 статьѣ того же Устава, которая, какъ выше сказано, повелѣваетъ полиціи, при принятіи мѣръ преступленія, соблюдать во всей точности правила, постановленныя для производства предварительнаго слѣдствія. Слѣдовательно, для полиціи обязательно также исполненіе коренныхъ статей Устава Уголовнаго Судопроизводства (ст. 415—432), въ которыхъ изложена нынѣ дѣйствующая система мѣръ преступленія.

Такимъ образомъ, полиція, для преступленія подозрѣваемому способовъ улопяться отъ слѣдствія, вправѣ примѣнять слѣдующія мѣры:

1) отобрать видъ на жительство или обязать подпискою о явлѣнн къ слѣдствію и неотлучкѣ съ мѣста жительства;

2) учредить особый надзоръ изъ своихъ чиновъ;

3) отдать на поруки;

4) взять залогъ;

5) подвергнуть домашнему аресту;

6) взять подъ стражу.

Но очевидно, что принятіе каждой изъ этихъ мѣръ составляетъ ея право въ томъ только случаѣ, когда она, во-первыхъ, на основаніи 256 и 258 статей Уст. Угол. Судопр. изд. 1864 г., замѣняетъ судебного слѣдователя; во-вторыхъ, когда данный случай представляетъ всѣ тѣ условія, которыя исчислены въ вы-

шеизложенной нами 257 статьѣ Устава. Значить, полиція не имѣетъ права принимать мѣры предупрежденія, если она не застигнетъ подозрѣваемаго при совершеніи преступленія или тотчасъ послѣ его совершенія, если очевидцы преступленія или потерпѣвшіе отъ онаго не укажутъ на подозрѣваемое лицо, словомъ, если данный случай не заключаетъ въ себѣ ни одного изъ тѣхъ условій, которыя исчислены въ шести пунктахъ 257 статьи.

Кромѣ этого общаго правила, касающагося всѣхъ мѣръ пресѣченія, полиція, при выборѣ той или другой мѣры пресѣченія, обязана руководиться, на основаніи 417—421 статей Уст. Уг. Суд., соображеніями о важности того преступленія, въ которомъ обвиняется подозрѣваемый. Поэтому она можетъ взять подъ стражу, при существованіи условій, указанныхъ въ 257 статьѣ, только того, который обвиняется въ преступленіи или проступкѣ, влекущемъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ (ст. 419).

Противъ подозрѣваемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ заключеніе въ смирительный домъ или крѣпость съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, полиція вправѣ принять мѣру обезпеченія не выше залога, и только, конечно, при существованіи условій, исчисленныхъ въ 257 статьѣ.

Наконецъ, противъ подозрѣваемыхъ въ преступленіяхъ менѣе важныхъ она можетъ, при существованіи тѣхъ же условій, принять только одну изъ остальныхъ мѣръ пресѣченія (ст. 417).

Лицъ, неимѣющихъ осѣдлости, бродягъ, бѣглыхъ она можетъ подвергать личному задержанію, хотя бы они подозрѣвались въ преступленіяхъ, невлекущихъ лишенія правъ состоянія (ст. 257 п. 6 и ст. 420 Уст. Уг. Суд.).

Такимъ образомъ, полиція должна руководиться по вопросу: слѣдуетъ или не слѣдуетъ принять мѣру пресѣченія—обстоятельствомъ существованія или несуществованія въ данномъ случаѣ условій, исчисленныхъ въ 257 статьѣ, а по вопросу: какую изъ мѣръ слѣдуетъ принять—соображеніями относительной важности преступленія. Если нѣтъ въ виду признаковъ, исчисленныхъ въ 257 ст., то очевидно, что не можетъ быть и рѣчи о выборѣ одной изъ мѣръ. Законъ, въ видахъ огражденія личной свободы гражданъ, и въ видахъ прекращенія старыхъ злоупотребленій полиціи въ дѣлѣ пресѣченія обвиняемымъ способомъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, не призналъ возможнымъ предоставлять полиціи права руководствоваться вообще соображеніями о силѣ улики, подобно тому, какъ онъ предоставилъ это право судебнымъ слѣдователямъ и мировымъ судьямъ, а взялъ на себя трудъ, такъ сказать, поименно исчислить тѣ улики, существованіе которыхъ только даетъ право полиціи на принятіе мѣръ.

Вправѣ-ли полиція ограничиваться видимымъ существованіемъ этихъ вѣдшихъ признаковъ при принятіи мѣръ пресѣченія, и не обязана-ли она по-вѣрять ихъ, въ томъ случаѣ, если заподозрѣнный доказываетъ, что хотя, повиди-

тому, признаки подозрѣнія существуютъ противъ него, но тѣмъ не менѣе они объясняются такимъ-то и такимъ-то обстоятельствомъ? Вопросъ этотъ отчасти былъ затронутъ редакторами Устава Уголовнаго Судопроизводства при рѣшеніи вопроса о томъ: слѣдуетъ-ли предоставить полиціи право снимать формальные допросы съ обвиняемыхъ и свидѣтелей. При рѣшеніи этого вопроса мнѣнія раздѣлились.

Меньшинство, которое стояло за предоставленіе полиціи права дѣлать допросы и составлять протоколы по общимъ правиламъ, въ видахъ защиты самого подозрѣяемаго и въ видахъ сообщенія основательности дѣйствіямъ самой полиціи, признавало необходимымъ, чтобы полиція, при принятіи мѣръ пресѣченія, не оставляла безъ удостовѣренія основательности внѣшнихъ уликъ, исчисленныхъ въ 257 статьѣ, если, конечно, подозрѣяемый ссылается въ свое оправданіе, что въ данномъ случаѣ признаки ошибочны. По ихъ мнѣнію, «полиція, застигнувъ кого нибудь при совершеніи преступленія, или непосредственно по совершеніи имъ онаго, должна спросить: кто онъ такой, онъ-ли это сдѣлалъ, почему и т. д., то есть распросить его о всемъ указываемомъ обстоятельствами.... Если бы подозрѣяемый объявилъ, что это сдѣлалъ не онъ, а кто либо другой, убѣжавшій тотчасъ оттуда, и въ подтвержденіе указалъ бы на свидѣтелей, то необходимо и ихъ спросить». (Объяснит. записка къ проекту Уст. Угол. Судопр., стр. 136). «Для подозрѣяемаго весьма важно заявленіе предъ полиціею такихъ обстоятельствъ, которыя въ случаяхъ, когда полиція обязана принять мѣры къ пресѣченію лицу средствъ уклоняться отъ слѣдствія, могутъ имѣть вліяніе на принятіе той или другой мѣры, или сдѣлать ее вовсе лишнею, несмотря на кажущуюся необходимость. Обстоятельства эти могутъ быть напримѣръ: указаніе на дѣйствительнаго преступника, который извѣстенъ только подозрѣяемому въ преступленіи; разъясненіе обстоятельствъ существованія слѣдовъ преступленія, безъ вины подозрѣяемаго; удостовѣреніе никому неизвѣстнаго отчужденія подозрѣяемымъ принадлежащей ему вещи, составляющей улику противъ него; объясненіе побужденія отлучиться изъ мѣста жительства не съ цѣлью уклоняться отъ слѣдствія, а по необходимости.... Предоставленіемъ обвиняемому права требовать составленія протокола о его показаніи будетъ удовлетворено коренное правило предоставленія всѣхъ средствъ защиты, будетъ обезпечена личная безопасность его и дана возможность искать вознагражденія за понесенные имъ убытки и оскорбленіе, когда онъ, посредствомъ неизгладимаго удостовѣренія своего заявленія, будетъ въ состояніи доказать, что его или неосновательно привлекли къ дѣлу, или подвергнули личность его напрасному стѣсненію, не уваживъ его показанія» (тамъ же, 140 и 141 стр.). Изъ этихъ словъ видно, что меньшинство считало необходимымъ вѣнчить въ обязанность полиціи повѣрять достовѣрность признаній, указанныхъ въ 257 статьѣ, если подозрѣяемый приводитъ доказательства въ ихъ опроверженіе.

Большинство редакторовъ, хотя «вовсе не полагало лишить полицію возможности распросить подозрѣяемое лицо и отпустить его въ тѣхъ случаяхъ, когда оно задержано по явной и неподлежащей сомнѣнію ошибкѣ», но оно, от-

вергая необходимость предоставления полиціи права дѣлать формальные допросы и составлять протоколы, не считало обязательнымъ для полиціи и повѣрку признаковъ, дающихъ основаніе для принятія мѣръ пресѣченія. «Если бы въ отсутствіи судебного слѣдователя—они говорили—полиціи предстояло принять одну изъ мѣръ пресѣченія обвиняемому способамъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, и если бы при этомъ полиція должна была руководиться не одними внѣшними признаками преступленія, но и опредѣленіемъ внутренняго ихъ существа, раскрываемаго лишь разборомъ дѣла, то, для удовлетворительнаго разрѣшенія такой задачи, полиціи надлежало бы не только осмотрѣть мѣсто, изъ коего сдѣлана покража, и обыскать жилище обвиняемаго, но, сверхъ того, допросить какъ его самого и указанныхъ свидѣтелей, такъ и тѣхъ, на которыхъ сослался обвинитель,—однимъ словомъ, произвести цѣлое слѣдствіе. Если это должно быть такъ, то для чего учреждены судебные слѣдователи?....» «Говорятъ—продолжаютъ они далѣе—что такимъ образомъ обвиняемые или подозрѣваемые подвергнутся, по однимъ внѣшнимъ признакамъ, иногда обманчивымъ, напраснымъ стѣсненіямъ, отъ которыхъ они могли бы избавиться, если бы полиція вошла немедленно въ разбирательство дѣла. Но противъ этого нельзя не замѣтить, что разбирательство дѣла невозможно безъ его изслѣдованія, а самое поверхностное слѣдствіе потребуетъ болѣе того времени, въ теченіе котораго обвиняемый можетъ оставаться безъ формальнаго допроса, такъ какъ, по единогласному заключенію комисіи, каждый обвиняемый долженъ быть допрошенъ судебнымъ слѣдователемъ или мировымъ судьей не позже 24 часовъ послѣ его явки или прихода» (ib., стр. 141 и 143).

При окончательной редакціи, хотя мнѣніе о томъ, что полиція формальныхъ допросовъ не дѣлаетъ, было принято, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, установлены были въ ст. 400—402 и нѣкоторыя правила въ обезпеченіе личности подсудимаго. Правила эти хотя помѣщены въ отдѣлѣ о производствѣ предварительнаго слѣдствія слѣдователемъ и касаются допроса подозрѣваемаго, приведеннаго по распоряженію слѣдователя, тѣмъ не менѣе, по силѣ 259 статьи Уст. Уг. Суд., ими должна руководствоваться полиція въ отношеніи къ лицамъ, задержаннымъ ею по своему усмотрѣнію.

Если, говорится въ 400 ст., слѣдователь не прибудетъ для снятія допроса въ теченіе сутокъ по приводѣ обвиняемаго къ слѣдствію, то полиція составляетъ протоколъ, приобщаемый къ дѣлу, и объявляетъ обвиняемому, насколько это ей извѣстно, о причинахъ задержанія. Въ случаѣ, означенномъ въ предыдущей статьѣ, обвиняемый имѣетъ право дать полиціи объясненіе и требовать, чтобы оно внесено было въ протоколъ (ст. 401). Если изъ объясненій окажется, что онъ задержанъ по ошибкѣ или недоразумѣнію, то полиція обязана немедленно его освободить, съ обозначеніемъ причинъ, побудившихъ ее принять эту мѣру (ст. 402).

Въ примѣчаніи къ этимъ статьямъ сказано слѣдующее: «При первоначальномъ обсужденіи вопроса о снятіи съ подсудимаго допроса признано, что цѣль основнаго положенія о допросѣ обвиняемаго въ теченіе сутокъ состоитъ не въ томъ, чтобы съ задержаннаго обвиняемаго снять непремѣнно формальны

допросъ въ теченіе сутокъ, а въ томъ, чтобы не оставлять его продолжительное время подъ стражею въ неизвѣстности, за что онъ подвергнутъ задержанію, и чтобы дать ему возможность, если онъ задержанъ неправильно, разъяснить эту неправильность, такъ какъ бываютъ случаи, въ которыхъ подвергаются задержанію лица, неприкосновенныя къ дѣлу, единственно по сходству фамилій или прийтѣ съ настоящимъ обвиняемымъ, или вслѣдствіе какого либо инаго стеченія обстоятельствъ, неблагопріятныхъ для задержаннаго».

Сводя все сказанное объ отношеніи полиціи къ видимымъ признакамъ, дающимъ по статьѣ 257 ей право принимать мѣры пресѣченія противъ подозреваемаго, мы должны придти къ слѣдующему заключенію:

Полиція, принимая мѣры пресѣченія, непремѣнно должна предварительно, посредствомъ распросовъ и простаго дознанія, удостовѣриться, что виѣшніе признаки именно указываютъ на лицо, противъ котораго она принимаетъ мѣры. И въ самомъ дѣлѣ, если полиція обязана повѣрить доходящія до нея слухи о совершившемся преступленіи, и тогда только, когда удостовѣрится въ ихъ основательности, имѣть право о семъ увѣдомлять судебного слѣдователя и прокурора, тѣмъ паче на обязанности ея лежитъ сдѣлать то же для того, чтобы имѣть право принять ту или другую мѣру предупрежденія и не впасть при этомъ въ ошибку. Положимъ, кто-нибудь говоритъ, что преступленіе совершено такимъ-то. Полиція не имѣетъ права тотчасъ броситься и задержать указанное лицо. Напротивъ, она предварительно должна распросить показателя, почему онъ это говоритъ: есть-ли онъ то лицо, которое потерпѣло отъ преступленія, или очевидецъ, — и только удостовѣрившись въ дѣйствительности означенныхъ качествъ показателя она имѣетъ право употребить противъ указанного мѣры пресѣченія. Никто отъ полиціи въ семъ случаѣ не вправе требовать обширныхъ изслѣдованій, многообразныхъ допросовъ, но всякій вправе ожидать отъ нея не механическаго отношенія къ виѣшнимъ признакамъ, дающимъ право на принятіе мѣръ пресѣченія, а того естественнаго вниканія и той естественной оцѣнки ихъ, которыя можно встрѣтить во всякомъ здравомысленномъ и основательномъ человѣкѣ, рѣшающемся на какую-нибудь практическую мѣру. Только при такомъ отношеніи къ этимъ признакамъ полиція избѣжитъ тѣхъ легкомысленныхъ, неумѣстныхъ и вредныхъ для цѣлой общественности содержаній подъ стражею, которыя до сихъ поръ составляли отличительную черту нашей общественной жизни.

Законодатель въ статьѣ 398 обязываетъ слѣдователя снимать съ обвиняемаго первоначальный допросъ немедленно и никакъ не позже сутокъ послѣ явки или привода его. Но такъ-ли это можетъ быть на самомъ дѣлѣ? При ограниченномъ числѣ слѣдователей, при обширныхъ пространствахъ слѣдовательскихъ участковъ, не приходится-ли многимъ подозреваемымъ ждать слѣдовательскаго допроса по нѣскольку дней? Самъ законодатель предвидѣлъ эту возможность, чему служатъ доказательствомъ вышензложенныя нами 400—402 статьи Устава. Итакъ, задержаніе подозреваемаго полиціею можетъ продолжиться нѣсколько дней.

Для задержаннаго въ это время не важно, будутъ-ли его допрашивать формальнымъ, или неформальнымъ образомъ — вопросъ этотъ чисто процессуальный, такъ сказать государственный, — для него важно его личное задержание. И если онъ считаетъ его незаконнымъ, потому что внѣшніе признаки его задержанія ошибочны — чему, положимъ, представляетъ онъ прямые и ясные доказательства — ужели полиція вправѣ уволить себя отъ обыкновенной повѣрки этихъ доказательствъ, когда эта повѣрка проста и удобна? Ужели подсудимый, изъ-за того только, что полиція признана несостоятельно производить слѣдственные дѣйствія, долженъ терпѣть незаслуженное стѣсненіе? Это бы значило, что изъ принципа, принятаго для огражденія интересовъ подсудимаго, вытекало нарушеніе его интересовъ. Въдѣ полиція въ извѣстныхъ случаяхъ по закону уполномочена исполнять чисто слѣдовательскія обязанности, какъ-то: производить освидѣтельствванія, осмотры, обыски, и въ крайнихъ случаяхъ дѣлать допросы. Значить, государство, въ видахъ собственныхъ интересовъ, дѣлаетъ необходимое отступленіе отъ принятаго принципа. Не вправѣ-ли подозрѣваемый, противъ котораго принята самая крайняя мѣра пресѣченія — содержаніе подъ стражею — требовать, чтобы полиція въ семъ случаѣ дѣйствовала по подобію слѣдователя, чтобы она повѣрила представленныя имъ доказательства того, что хотя внѣшніе признаки говорятъ противъ него, но они ошибочны. Чтобы еще тверже доказать это положеніе, я обращусь за объясненіемъ къ одному случаю нашей судебной практики. 17-го ноября въ окружномъ петербургскомъ судѣ, по приговору присяжныхъ, признанъ невиннымъ и освобожденъ отъ суда и стражи бѣжецкій мѣщанинъ Морозовъ, обвинявшійся въ оскорбленіи квартальнаго надзирателя («Судебный Вѣстникъ» 1867 г. № 257). Сущности дѣла мы касаться не будемъ. Мы обратимъ вниманіе на обстоятельства его арестованія. Самое столкновеніе его съ полиціею возникло изъ-за того, что онъ, пришедши въ полицію для заявленія одного обстоятельства частному приставу и не заставши его въ полиціи, былъ посаженъ находившимся въ кварталѣ чиновникомъ подъ арестъ до прихода частнаго пристава. Затѣмъ, обвиняемый въ оскорбленіи полицейскаго квартальнаго надзирателя, онъ, послѣ трехдневнаго содержанія подъ стражею, былъ отпущенъ частнымъ приставомъ на поруки, съ обязанностью по требованію явиться въ судъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого онъ заболѣлъ и долженъ былъ поступить въ больницу, гдѣ пролежалъ мѣсяца четыре. Когда же онъ вышелъ изъ больницы, то, во время возвращенія изъ церкви, былъ арестованъ полиціею уже не только какъ обвиняемый въ оскорбленіи полицейскаго чиновника, но и какъ уклоняющійся отъ суда. Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ по внѣшности было уклоненіе со стороны Морозова отъ слѣдствія и суда; по существу же этого уклоненія не было, такъ какъ онъ не могъ явиться по болѣзни и не могъ извѣстить о причинахъ неявки, потому что не получилъ повѣстки. Это недоразумѣніе, которое можно было разъяснить своевременно, и имѣло своимъ результатомъ содержаніе Морозова подъ стражею въ секретномъ номерѣ въ теченіе восьми съ половиною мѣсяцевъ («С.-Петерб. Вѣд.» 1867 г. № 330).

Полиція, принимая такія мѣры пресѣченія, какъ отдачу на поруки, взятіе залога и содержаніе подъ стражею, обязана составлять постановленія, предписанныя статьями 426, 430 и 431 Устава Угол. Судопр. Что исполнять это она обязана—это вытекаетъ какъ изъ смысла 259 статьи, такъ и изъ существа этихъ дѣйствій. Для юридическаго бытія отдачи на поруки или взятія залога составленіе постановленія есть необходимое условіе; только подъ этимъ условіемъ возможно предупредить недоумѣнія. Тѣмъ болѣе составленіе постановленія полиціею необходимо при взятіи подсудимаго подъ стражу; безъ него невозможно обезпеченіе личной свободы гражданъ отъ произвольныхъ дѣйствій полиціи. Составленіе этого постановленія въ двухъ отношеніяхъ необходимо: во-первыхъ, оно должно служить побужденіемъ для полиціи при взятіи подъ стражу поступать основательно: такъ какъ, по общему правилу, постановленіе должно содержать точное означеніе, между прочимъ, преступленія, въ которомъ задержанный обвиняется или подозрѣвается, и основаній задержанія, то, очевидно, полиція, будучи обязана составлять постановленіе о задержаніи, тѣмъ самымъ принуждена будетъ отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ приведеніемъ въ основаніе ихъ мотивовъ. Во-вторыхъ, самое постановленіе будетъ служить документомъ, который можетъ оправдать полицію въ случаѣ несправедливой жалобы, или учесть, если она при взятіи подъ стражу дѣйствовала незаконно.

Полиція, подвергнувши подозрѣваемаго содержанію подъ стражею, въ видѣ мѣры пресѣченія, должна немедленно донести объ этомъ представителю прокурорскаго надзора. Такъ поступать она обязана на основаніи 259 статьи, которою предписано, въ случаѣ принятія мѣръ, соблюдать во всей точности правила, постановленныя для производства предварительнаго слѣдствія. А такъ какъ при производствѣ предварительнаго слѣдствія слѣдователь о взятіи обвиняемаго подъ стражу и объ основаніяхъ принятія этой мѣры немедленно извѣщаетъ ближайшее лицо прокурорскаго надзора, то очевидно, что то же должна соблюдать и полиція.

Такъ какъ, по статьѣ 493, жалобы на дѣйствія полиціи вообще приносятся прокурору, то ему же должны быть подаваемы и жалобы по предмету не правильнаго принятія полиціею мѣръ пресѣченія. По статьѣ 485 Уст. Угол. Судопр., полицейскіе чины, волостные и сельскіе начальники, за упущенія и безпорядки, привлекаются къ отвѣтственности прокуроромъ, подъ наблюденіемъ коего слѣдствіе производилось. Прокуроръ, смотря по важности упущеній и безпорядковъ, или только предостерегаетъ неисправныя лица, или предлагаетъ ихъ дѣйствія на разсмотрѣніе суда, при коемъ онъ состоитъ. Очевидно, это правило вообще объ отвѣтственности полиціи по слѣдственной части должно быть примѣнено и къ частной отвѣтственности ея за нарушеніе правилъ, относительно мѣръ пресѣченія. Если оцѣнивать, въ видахъ практической пользы, оба способа подвергнутія отвѣтственности полицейскихъ чиновниковъ: предостереженіе со стороны прокурора и преданіе суду, то нельзя не придти къ тому заключенію, что первый способъ, какъ ведущій скорѣе къ цѣли, можетъ принести пользу нашей практикѣ.

§ 35. Насколько предварительное слѣдствіе, производимое слѣдователемъ, важнѣе полицейскаго дознанія, настолько и дѣйствія слѣдователя по принятію мѣръ пресѣченія имѣютъ болѣе, чѣмъ соответствующія дѣйствія полиціи, важности, какъ вообще, такъ въ особенности для подсудимаго. Вотъ почему при составленіи Судебныхъ Уставовъ было обращено особенное вниманіе на принятіе мѣръ пресѣченія во время предварительнаго слѣдствія.

Составители Устава Уголовнаго Судопроизводства, имѣя въ виду недостатки старой системы законовъ о мѣрахъ пресѣченія и тѣ ненормальныя явленія, которыми отличалась старая уголовная практика, поставили своею задачею — изданіемъ болѣе совершенныхъ законовъ, чуждыхъ прежнихъ недостатковъ, — сдѣлать невозможнымъ повтореніе старыхъ злоупотребленій въ дѣлѣ примѣненія мѣръ пресѣченія. Для достиженія этой цѣли, они приняли слѣдующія основанія: а) не допускать ненужныхъ стѣсненій личности подсудимаго; б) установить норму въ руководство слѣдователямъ и тѣмъ устранить по возможности произволъ съ ихъ стороны; в) предписать извѣстныя формальности, которыя бы удостоверяли правильность дѣйствій слѣдователей; г) ввести дѣйствительный контроль за принятіемъ мѣръ пресѣченія; д) доставить возможность лицамъ, подвергшимся незаслуженнымъ стѣсненіямъ, добиться отмены ихъ — посредствомъ жалобы.

Еще прежде существовавшимъ мѣрамъ пресѣченія: полицейскому надзору, домашнему аресту, отдачѣ на поруки и содержанію подѣ стражею, присоединены еще новыя двѣ мѣры: отобраніе вида на жительство или обязаніе подпискою о явкѣ къ слѣдствію и неотлучкѣ съ мѣста жительства и взятіе залога (ст. 416 Уст. Угол. Суд.). Собственно говоря, отобраніе вида на жительство практиковалось и въ періодъ дѣйствія Свода Законовъ, но мѣра эта не была внесена въ общую систему и не была регулирована точнымъ закономъ. Что касается обязанія подпискою о явкѣ къ слѣдствію и неотлучкѣ съ мѣста жительства, то эта мѣра совпадаетъ съ обязанностью, лежащею на каждомъ, состоящемъ подѣ слѣдствіемъ — не отлучаться, безъ разрѣшенія слѣдователя, изъ того города или участка, гдѣ производится слѣдствіе (ст. 415). Ибо, съ одной стороны, обязаніе подпискою о невыѣздѣ не исключаетъ возможности получить отъ слѣдователя разрѣшеніе отлучки въ извѣстныхъ случаяхъ; съ другой, предписаніе о томъ, что каждый, состоящій подѣ слѣдствіемъ, не долженъ отлучаться безъ разрѣшенія слѣдователя, тогда только можетъ получить свой юридическій смыслъ, если слѣдователь не только предупредитъ подсудимаго, но, для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, возьметъ съ него подписку, какъ удостовѣреніе того, что ему известна эта обязанность. Поэтому, на отобраніе подписки о неотлучкѣ слѣдуетъ смотрѣть какъ на юридическую форму естественной обязанности, лежащей на каждомъ состоящемъ подѣ слѣдствіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не столько какъ на самостоятельную, сколько какъ на прибавочную мѣру пресѣченія. Если примѣняется такая мѣра, какъ отдача на поруки или взятіе залога, то въ принятіи

этихъ мѣръ какъ бы заключается и принятіе мѣры пресѣченія, состоящей во взятіи подписки. Поэтому-то и въ статьѣ 429 сказано, что отдача обвиняемаго на поруки или оставленіе его на свободѣ подѣ обезпеченіемъ залога не увольняетъ отъ соблюденія общей всѣмъ подсудимымъ обязанности—не отлучаться, безъ разрѣшенія слѣдователя, изъ города или участка.

Нельзя оставить безъ вниманія выраженія Устава Уголовнаго Судопроизводства относительно полицейскаго надзора: ему придано названіе: *особый*, чего не было въ старыхъ законахъ. Слово это выражаетъ то понятіе, что полиція должна именно направить свой особый надзоръ къ особой цѣли—къ предупрежденію подсудимому возможности уклоняться отъ слѣдствія и суда.

Въ предыдущихъ главахъ мы видѣли, какъ при дѣйствіи старыхъ законовъ стѣсняема была свобода лица, подпавшаго подѣ слѣдствіе и судъ. Кажется, не было столь малаго преступленія и проступка, который бы не могъ дать повода къ предварительному аресту; какъ бы неосновательно ни было подозрѣніе въ тяжкомъ преступленіи, оно могло стоить подозрѣваемому продолжительнаго содержанія подѣ стражею. Новый Уставъ ввелъ противоположныя начала: онъ установилъ предѣлъ для примѣненія содержанія подѣ стражею и далъ возможность, даже въ границахъ, установленныхъ для личнаго задержанія, замѣнять его отдачею на поруки и взятіемъ залога. Предѣлъ этотъ состоитъ въ томъ, что содержаніе подѣ стражею служитъ законною мѣрою обезпеченія только для лицъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ или проступкахъ, влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ (ст. 419). Но и эта мѣра для обвиняемыхъ въ подобнаго рода преступленій установлена не какъ абсолютно-необходимая, а только какъ высшая, которая можетъ быть, при извѣстныхъ условіяхъ, замѣнена другими, менѣе тяжкими. Свойство уликъ, положеніе подсудимаго въ обществѣ, состояніе здоровья, полъ, возрастъ—вотъ обстоятельства, которыя могутъ способствовать принятію противъ обвиняемаго въ означенныхъ преступленіяхъ мѣры пресѣченія болѣе мягкой, чѣмъ содержаніе подѣ стражею. Относительно того, въ какой мѣрѣ эти обстоятельства могутъ имѣть вліяніе на принятіе болѣе мягкой мѣры противъ обвиняемаго въ тяжкомъ преступленіи, можетъ служить важнымъ комментариемъ опредѣленіе с.-петербургской судебной палаты отъ 8 мая 1868 г. по частной жалобѣ купца Василія Бѣльева объ освобожденіи его изъ-подѣ стражи. Судебная палата, рассмотрѣвши эту жалобу, нашла, что «хотя противъ Бѣльева раскрыты слѣдствіемъ весьма сильныя улики въ преступленіи (въ поддѣлкѣ государственныхъ процентныхъ бумагъ), за которое по закону (ст. 1149 Улож.) полагается лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ каторжную работу, но какъ, при несознаніи Бѣльева въ преступленіи, оцѣнка этихъ уликъ зависать еще отъ суда, Бѣлевъ же человѣкъ осѣдлый, имѣетъ состояніе и семейство, чѣмъ нѣкоторымъ образомъ обезпечивается его личность, то, по смыслу 421 ст. Уст. Угол. Суд., нѣтъ необходимости обезпечивать еще его личность высшей мѣрой, указанной въ ст. 419 того же Устава, а возможно предоставить ему свободу, въ случаѣ, если онъ найдетъ средства представить по себѣ залогъ въ суммѣ, равной стоимости билетовъ, въ

поддѣлкѣ которыхъ онъ обвиняется, такъ какъ эта сумма можетъ быть, по слѣдъ 573 ст. Улож. о наказ., присуждена съ него ко взысканію» («Судебн. Вѣсти.» 1868 г. № 113). Для насъ въ этомъ случаѣ важенъ не практическій исходъ этого опредѣленія, а его юридическое значеніе: по справедливому толкованію палаты, осѣдлость, обладаніе имуществомъ, семейныя связи, представленіе залога—достаточны для того, чтобы служить основаніемъ для оставленія на свободѣ во время слѣдствія и суда такого подсудимаго, который сильно участвуетъ въ преступленіи, влекущемъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку въ каторжную работу. Чтобы понять, что содержаніе подѣ стражею можетъ быть, съ полною безопасностью для правосудія, гораздо рѣже употребляемо, чѣмъ до сихъ поръ оно употребляется, и чѣмъ съ перваго раза употребленіе его кажется необходимымъ,—нужно вникнуть въ положеніе подсудимаго, въ душевное его настроеніе. Много тяжкихъ преступленій совершается подѣ вліяніемъ обстоятельствъ, минутнаго настроенія; виновники этихъ преступленій очень часто сами себя отдають въ руки правосудія, или при первомъ же допросѣ сознаются. Въ душѣ ихъ, исполненной тайнаго раскаянія, не откуда родиться мысли объ уклоненіи отъ слѣдствія и суда, т. е. мысли о совершеніи новаго преступленія. Для преступниковъ, совершающихъ преступленіе обдуманно, сила, удерживающая ихъ отъ уклоненія отъ слѣдствія и суда, заключается въ надеждѣ, никогда ихъ не покидающей, быть оправданными; бѣжать же отъ суда—это значитъ нѣкоторымъ образомъ предварить приговоръ,—это значитъ промѣнять надежду быть оправданнымъ на вѣчную боязнь попасть вторично въ руки правосудія, это значитъ обресть себя на скитальческую жизнь, къ которой не очень многіе способны. Для этого рода преступниковъ самая сильная узда, ихъ сдерживающая—это наложеніе запрещенія на ихъ имущество, въ обезпеченіе гражданскаго взысканія. Есть одинъ разрядъ преступниковъ, въ душѣ которыхъ лежатъ прочныя задатки для бѣгства: это тѣ, которые разорвали связи съ нормальнымъ обществомъ и превратили преступную дѣятельность въ ремесло. Противъ этихъ-то содержаніе подѣ стражею самая настоящая мѣра пресѣченія. Не слѣдуетъ также современному слѣдователю забывать, что въ прежнее время существовала причина, дѣлавшая необходимымъ частое примѣненіе содержанія подѣ стражею; причина эта лежала въ существованіи смертной казни и жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, страхъ которыхъ естественно заставлялъ обвиняемаго бѣжать отъ суда. Нынѣ эта причина исчезла.

§ 36. Для руководства слѣдователей, при принятіи мѣръ пресѣченія, Уставомъ Угол. Суд. установлены слѣдующія нормы: преступленія и проступки, подсудныя общимъ судамъ, раздѣлены на три разряда: къ первому отнесены преступленія, влекушія заключеніе въ тюрьмѣ, въ смиренномъ домѣ или крѣпости, безъ ограниченія правъ и преимуществъ; ко второму—преступленія, подвергающія обвиняемыхъ заключенію въ смиренный домъ или крѣпость, съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ; къ третьему—тѣ преступленія, которыя сопровождаются для обвиняемыхъ въ оныхъ или лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, или лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, кото-

рыя то-есть влекуть ссылку въ каторжную работу, ссылку на поселеніе, ссылку на житье, отдачу въ арестантскія роты и въ рабочій домъ (ст. 417, 418 и 419). Для каждаго изъ сихъ трехъ разрядовъ установлена высшая мѣра пресѣченія: такъ, для перваго разряда вышею мѣрою служить отдача на поруки, для втораго — взятіе залога, для третьяго — содержаніе подъ стражею (тѣ же статьи). Такимъ образомъ, законъ установилъ такую норму, по которой слѣдователь въ принятіи высшей мѣры по обвиненіямъ въ преступленіи даннаго разряда ограниченъ, но относительно низшей усмотрѣнію его предоставленъ широкій просторъ. Такъ, онъ не имѣетъ права потребовать залога по обвиненію въ преступленіи, влекущемъ заключеніе въ крѣпость безъ лишенія правъ, также какъ онъ не вправе постановить опредѣленіе о содержаніи подъ стражею обвиняемаго въ преступленіи, влекущемъ содержаніе въ смиренномъ домѣ съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ, прежде чѣмъ потребуеъ залога и прежде чѣмъ не получить удовлетворенія въ своемъ требованіи. Но онъ, напротивъ, вправе принимать въ отношеніи обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, сопровождающихся лишеніемъ всѣхъ правъ или всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, низшія мѣры, какъ-то: взятіе залога, отдачу на поруки, отдачу подъ особый надзоръ полиціи, отобраніе вида на жительство или взятіе подписки; относительно обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ ограниченіе нѣкоторыхъ правъ — всѣ мѣры болѣе слабыя, чѣмъ поруки. Въ семъ послѣднемъ случаѣ на избраніе низшей мѣры пресѣченія должны имѣть вліяніе: сила представляющихся противъ обвиняемаго уликъ, возможность скрыть слѣды преступленія, состояніе здоровья, полъ, возрастъ и положеніе обвиняемаго въ обществѣ (ст. 421 Уст. Угол. Суд.). Такимъ образомъ, чѣмъ слабѣе улики, чѣмъ меньше возможности въ положеніи обвиняемаго скрыть слѣды преступленія, чѣмъ прочнѣе и солиднѣе его положеніе въ обществѣ, тѣмъ болѣе представляется оснований для слѣдователя отступить отъ высшей мѣры и спуститься къ низшей, и наоборотъ, — причемъ, однакожъ, сила уликъ и даже соображенія о скрытіи слѣдовъ преступленія не могутъ измѣнить мѣры пресѣченія, если она относительно даннаго преступленія есть высшая. Исключеніе сдѣлано только относительно положенія въ обществѣ: по статьѣ 420 Уст. Угол. Суд., противъ обвиняемыхъ, немѣющихъ осядлости, можетъ быть принята высшая мѣра пресѣченія, то-есть содержаніе подъ стражею, хотя бы они обвинялись въ преступленіяхъ, не влекущихъ ни лишенія всѣхъ правъ, ни лишенія всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ.

Какъ понимать довольно неопредѣленное выраженіе Уст. Угол. Суд.: *немѣющихъ осядлости*? Слѣдуетъ-ли подъ это понятіе подвести только бродягъ, бѣглыхъ и лицъ, которыя не имѣютъ опредѣленныхъ занятій, или же этимъ названіемъ покрыть всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя не имѣютъ собственнаго хозяйства, какъ напр. слуги, или которыя въ мѣстѣ совершенія ими преступленія или проступка принадлежатъ къ пришлому народу, какъ напримѣръ работники бѣвъ большихъ городахъ. Очевидно, что упомянутое выраженіе слѣдуетъ понимать въ первомъ, то-есть въ тѣсномъ смыслѣ, разумѣя подъ нимъ только бродягъ, бѣглыхъ людей, немогущихъ указать, какая работа составляетъ ихъ про-

сессию. Дать этому выраженію второе толкованіе — это значило бы придать ему слишкомъ растяжимый смыслъ и открыть свободный просторъ произволу. При удобоподвижности населенія, при значительномъ пришломъ рабочемъ классѣ большихъ городовъ, съ такимъ толкованіемъ оказалось бы, что многочисленный классъ русскаго народа, классъ, честно и неустанно работающій, лишень тѣхъ обезпеченій личной свободы, которыя содержатся въ Уставѣ Угол. Судопр. Довольно того, что положеніе въ обществѣ можетъ имѣть вліяніе на принятіе низшей мѣры, что простому работнику или слугѣ, по его фактическому положенію, гораздо труднѣе, чѣмъ домовладѣльцу и домохозяину, вообще собственнику, достигнуть опредѣленія попиженной мѣры преступленія. Упичтожить для рабочаго класса высшую норму, когда ему, по его фактическому положенію, труднѣе воспользоваться низшей, значило бы ввести путемъ закона привилегію. Во всякомъ случаѣ, можно пожалѣть, что, по примѣру западно-европейскихъ законодательствъ, въ нашемъ Уставѣ Угол. Судопр. не специализировано понятіе осѣдлости простымъ поименованіемъ бродягъ, бѣглыхъ и людей, немогущихъ доказать, какою работою они добываютъ средства къ жизни.

Положеніе обвиняемаго въ обществѣ должно имѣть вліяніе на принятіе мѣръ преступленія. Мы видѣли, что законъ прямо признаетъ неимѣніе осѣдлости за обстоятельство, дающее слѣдователю право не стѣсняться закономъ установленною нормою, выше которой слѣдователь не можетъ подыматься. Въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства есть другое положительное правило, которое повелѣваетъ слѣдователю обращать, при принятіи мѣръ преступленія, вниманіе на положеніе или, лучше, званіе подсудимаго, какъ на обстоятельство, должнствующее вліять на смятеніе. Я говорю о законѣ относительно священнослужителей и монашествующихъ. Священнослужители и монашествующіе, говорится въ 1021 ст. Уст. Угол. Суд., могутъ быть задерживаемы по обвиненіямъ въ важныхъ преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія, или потерю всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, *и лишь въ случаяхъ крайней въ томъ необходимости*. Какъ понимать выраженіе: могутъ быть задерживаемы только по обвиненіямъ въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія или потерю всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ? Вѣдь содержаніе подъ стражею есть высшая мѣра преступленія для всѣхъ обвиняемыхъ въ означенныхъ преступленіяхъ—слѣдовательно, повидимому, не было необходимости этого повторять относительно духовныхъ лицъ. Очевидно, что эта статья имѣетъ иной, спеціальный смыслъ. Дѣло въ томъ, что хотя содержаніе подъ стражею есть высшая мѣра преступленія и для обвиняемыхъ въ означенныхъ преступленіяхъ вообще, но обвиняемые другихъ званій могутъ быть лишены свободы и по обвиненіямъ въ преступленіяхъ менѣе важныхъ, если не въ состояніи представить залогъ или поручительство. Вникая же въ смыслъ слѣдующихъ словъ, относящихся до священнослужителей и монашествующихъ: *могутъ быть задерживаемы только по обвиненіямъ* и проч., слѣдуетъ признать, что обвиняемые изъ сего званія не должны быть подвергаемы содержанію подъ стражею по преступленіямъ менѣе важности, чѣмъ тѣ, которыя влеч-

кутъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, и то лишь въ случаяхъ крайней въ томъ необходимости. Статья эта принята для поддержанія, какъ сказано въ объясненіи къ ней, достоинства духовнаго сана и того уваженія, которымъ должны пользоваться въ глазахъ народа лица, имѣющія степень священства. Помимо этихъ двухъ положительныхъ опредѣленій закона относительно положенія обвиняемаго въ обществѣ, слѣдователь долженъ обращать вниманіе вообще на это обстоятельство. Но онъ не долженъ принимать слово «положеніе» въ какомъ нибудь сословномъ смыслѣ. Законодатель, замѣнившій *звание* Свода Законовъ этимъ словомъ, ясно показалъ, что онъ употребилъ его не въ смыслѣ сословномъ, а въ смыслѣ положенія и репутаціи, коими пользуется обвиняемый въ томъ кругѣ общества, въ которомъ онъ вращается. Въ этомъ смыслѣ крестьянинъ-хозяинъ, имѣющій собственность, семью и пользующійся добрымъ именемъ въ своемъ кругу, можетъ считаться въ равномъ положеніи съ дворяниномъ-землевлaдѣльцемъ, обладающимъ тѣмъ же. Толковать иначе слово «положеніе» въ обществѣ—значило бы придавать несвойственный ему сословный смыслъ.

Въ числѣ обстоятельствъ, поименованныхъ какъ могущихъ имѣть вліяніе на пониженіе высшей мѣры, указанъ возрастъ. Въ Сводѣ Законовъ возрастъ не былъ поименованъ въ числѣ обстоятельствъ, смягчающихъ мѣру пресѣченія, хотя, очевидно, онъ долженъ былъ имѣть вліяніе, потому что онъ по закону есть обстоятельство или отмѣняющее, или смягчающее—въ опредѣленной закономъ, сверхъ обыкновеннаго, мѣрѣ—наказаніе. Хотя такимъ образомъ, посредствомъ толкованія, слѣдовало бы и въ періодъ дѣйствія Свода принимать возрастъ во вниманіе при опредѣленіи мѣры пресѣченія, но потому-ли, что возрастъ не былъ поименованъ въ главѣ о мѣрахъ пресѣченія, или по тому общему безразличію, съ которымъ относились старые слѣдователи къ свободѣ гражданина, только фактъ достовѣрный, что въ тюрьмахъ нашихъ каждый могъ, даже въ послѣднее время, встрѣтить 10-лѣтнихъ дѣтей, какъ подсѣдственныхъ арестантовъ. Поэтому, въ виду такой практики, упоминаніе въ Уставѣ 1864 г. о возрастѣ какъ обстоятельствѣ, могущемъ вліять на смягченіе мѣры пресѣченія, должно считать улучшеніемъ. Но въ какомъ смыслѣ должно принимать возрастъ за обстоятельство, могущее смягчить мѣру: въ томъ-ли, что возрастъ настолько долженъ смягчать мѣру пресѣченія, насколько онъ смягчаетъ само наказаніе, или онъ долженъ еще служить причиною смягченія мѣры, независимо или, точнѣе, сверхъ смягченія наказанія? Мы думаемъ, что возрастъ слѣдуетъ принимать за обстоятельство, смягчающее мѣру пресѣченія въ послѣднемъ смыслѣ.

Нечего говорить, что обвиняемый, коему не исполнилось 10 лѣтъ, какое бы тяжкое преступленіе ни совершилъ, не можетъ, во время слѣдствія, быть содержимъ подъ стражею, потому что до-десятилѣтній возрастъ есть возрастъ абсолютнаго невмѣненія, возрастъ, въ которомъ совершитель не можетъ быть приговоренъ къ судебному наказанію (ст. 137 Улож. о нак., изд. 1866 г.). Поэтому, слѣдователь, при обвиненіи малолѣтняго, долженъ прежде всего освѣдо- миться о его лѣтахъ, и если только удостовѣрится, что обвиняемому нѣтъ еще

10 лѣтъ, онъ не можетъ его подвергнуть содержанію подъ стражею. Ибо содержаніе подъ стражею во время слѣдствія и суда не имѣетъ самостоятельнаго значенія, а существуетъ только ради опредѣленной цѣли; цѣль же эта состоитъ въ томъ, чтобы лишить человѣка возможности уклоняться отъ слѣдствія и суда, которые могутъ кончиться для подсудимаго тяжкимъ наказаніемъ, т. е. конечная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы подсудимый не избѣгъ грозящаго ему правосудія. А такъ какъ лицу, недостигшему 10 лѣтъ, это правосудіе не грозитъ, то значить, за несуществованіемъ цѣли, не должно имѣть примѣненія и средство.

Затѣмъ слѣдуетъ возрастъ отъ 10 до 14 лѣтъ. Этотъ возрастъ по нашимъ законамъ признается относительнымъ возрастомъ невмѣненія (ст. 137 Улож. о наказ., изд. 1866 г.), т. е. въ семь возрастѣ преступленіе не вѣняется только тогда, когда судомъ признано, что преступленіе совершителемъ оного учинено *безъ разумія*. Когда же судъ признаетъ въ совершителѣ разуміе, то виновный хотя и приговаривается къ наказанію, но противъ обыкновеннаго крайне смягченному. Такъ, за преступленія, влекущія каторгу, онъ подвергается только ссылкѣ на поселеніе, съ лишеніемъ правъ; за преступленія, подвергающія ссылкѣ на поселеніе, онъ подлежитъ заключенію или въ монастырѣ, или въ смиренномъ домѣ, безъ лишенія правъ, до 5 лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ; тому же наказанію, въ размѣрѣ отъ сорока дней до восьми мѣсяцевъ, подлежитъ онъ за преступленія, соединенныя съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ; за всѣ остальные онъ даже не подвергается судебному наказанію (ст. 138 Улож. о наказ.). Итакъ, если имѣть въ виду только наказаніе, угрожающее обвиняемымъ, недостигшимъ 14 лѣтъ, то и тогда они могутъ подлежать содержанію подъ стражею во время слѣдствія и суда только за преступленія, влекущія для нихъ ссылку и лишеніе правъ, т. е. за преступленія, подвергающія взрослыхъ ссылкѣ въ каторгу съ лишеніемъ всѣхъ правъ; по обвиненію же въ остальныхъ преступленіяхъ эта мѣра и даже взятіе залога не могутъ быть къ нимъ примѣнены, такъ какъ за преступленія, влекущія заключеніе въ смиренный домъ безъ лишенія правъ, высшею мѣрою можетъ быть только отдача на поруки. Но принимая во вниманіе, что вопросъ о томъ: съ разуміемъ или безъ разумія совершено преступленіе лицомъ, недостигшимъ четырнадцати лѣтъ, рѣшается судомъ только послѣ всесторонняго изслѣдованія; что для постановленія приговора въ смыслѣ отрицательномъ едва-ли не болѣе вѣроятія, чѣмъ въ смыслѣ положительномъ, — слѣдуетъ до-четырнадцатилѣтній возрастъ принимать за обстоятельство, смягчающее мѣру пресѣченія, независимо отъ смягченія наказанія, и поэтому не должно подвергать лицъ этого возраста содержанію подъ стражею даже по обвиненію въ преступленіяхъ, подвергающихъ ссылкѣ въ каторжную работу. Въ самомъ дѣлѣ, если бы до-четырнадцатилѣтній возрастъ слѣдовало принимать за причину смягченія мѣры пресѣченія настолько, насколько онъ имѣетъ по закону смягчающаго вліянія на самое наказаніе, тогда бы не было никакой нужды упоминать о немъ *спеціально* въ главѣ о мѣрахъ пресѣченія, потому что такое смягчающее вліяніе вытекаетъ само собою изъ об-

щихъ законовъ. Притомъ же это такой возрастъ, въ которомъ, съ одной стороны, не можетъ быть ни надлежащаго представленія о всѣхъ послѣдствіяхъ суда и поэтому и побужденій къ уклоненію отъ онаго, ни умѣнья скрыть слѣды преступленія; въ которомъ, съ другой стороны, очень удобно противодействовать уклоненію отъ слѣдствія и суда посредствомъ отдачи обвиняемаго на поруки родителямъ или родственникамъ. Между тѣмъ, содержаніе подъ стражею, не принося правосудію существенной пользы, положительно вредоносно для малолѣтняго, потому что оно ставитъ его въ міръ опытныхъ и закоренѣлыхъ преступниковъ и, такимъ образомъ, способствуетъ его уже сознательной испорченности и развращенію. По всѣмъ симъ соображеніямъ, слѣдуетъ до-четырнадцатилѣтній возрастъ признавать тѣмъ возрастомъ, въ которомъ содержаніе подъ стражею во время слѣдствія и суда совершенно неумѣстно.

Возрастъ болѣе четырнадцати, но менѣе семнадцати лѣтъ признается, по нашимъ законамъ, уже такимъ, въ которомъ не можно допускать полной невмѣняемости: обвиняемые этого возраста или должны быть признаны дѣйствующими *безъ полного разумѣнія*, или съ полнымъ разумѣніемъ. Въ первомъ случаѣ они или наказываются какъ малолѣтніе, не достигшіе 14 лѣтъ, когда эти признаны судомъ совершившими преступленіе съ разумѣніемъ, или отдаются въ исправительные пріюты, или, когда нѣтъ пріютовъ, заключаются въ тюрьму на время до одного года и четырехъ мѣсяцевъ (ст. 137 и 138 Улож. о пак.). Во второмъ случаѣ они подлежатъ тѣмъ же наказаніямъ, къ какимъ должны быть приговорены обвиняемые отъ 17 до 21 года, т. е. въ сущности тѣмъ же наказаніямъ, что и взрослые, только съ уменьшеніемъ на нѣсколько степеней (ст. 139 и 140 Улож. о пак.). Такъ какъ относительно обвиняемыхъ отъ 14 до 17 лѣтъ должно сказать, что они, по свойству своего возраста, дѣйствуютъ скорѣе безъ полного разумѣнія, чѣмъ съ полнымъ разумѣніемъ; такъ какъ по суду они, слѣдовательно, скорѣе могутъ быть поставлены въ положеніе недостигшихъ 14 лѣтъ, чѣмъ приговорены къ наказанію, которое грозитъ обвиняемымъ отъ 17 до 21 года; такъ какъ къ нимъ въ значительной степени должно быть приложено то, что было сказано о недостигшихъ 14 лѣтъ,—то очевидно, что ихъ возрастъ должно считать спеціальною причиною смягченія мѣры пресѣченія, и что содержаніе подъ стражею, какъ самая энергическая мѣра, можетъ быть употреблено противъ обвиняемыхъ этого возраста только развѣ въ крайнихъ случаяхъ.

Возможность скрыть слѣды преступленія признана закономъ также за обстоятельство, долженствовавшее имѣть вліяніе на принятіе мѣры пресѣченія. Разсматривая это обстоятельство въ связи съ мѣрами пресѣченія, легко понять, что оно можетъ имѣть вліяніе только на принятіе одной мѣры пресѣченія, именно: на принятіе содержанія подъ стражею. Ибо, теоретически говоря, одинъ только содержаемый въ тюрьмѣ лишенъ свободы дѣйствія и сношеній съ внѣ-тюремнымъ міромъ, и значитъ, по теоріи, только онъ лишенъ возможности скрыть слѣды преступленія. Состоящій же подъ надзоромъ полиціи, отданный на поруки, представившій залогъ—имѣютъ полную свободу и возможность скрыть слѣды

преступленія, если, конечно, эта свобода и возможность не встрѣчаютъ препятствій въ самой природѣ вещей. Такую же возможность, хотя можетъ быть только въ меньшей степени, имѣтъ и содержимый въ домашнемъ арестѣ, такъ какъ онъ не лишенъ ни свободы дѣйствія въ собственномъ домѣ, ни общенія съ своими домашними и даже посторонними. Итакъ, по смыслу закона, возможность скрыть слѣды преступленія, какъ обстоятельство, имѣющее вліяніе на принятіе только содержанія подѣ стражею, собственно относится къ обвиняемымъ въ преступленіяхъ, влекущихъ лишеніе или всѣхъ правъ состоянія, или всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, такъ какъ только противъ нихъ высшею мѣрою обезпеченія служитъ содержаніе подѣ стражею. Но спрашивается: развѣ обвиняемые въ преступленіяхъ менѣе важныхъ не стремятся и не могутъ стремиться къ скрытію слѣдовъ преступленій? Очевидно, что да, и однакожъ, принимая во вниманіе смыслъ закона, возможность скрытія слѣдовъ этого рода преступленій не можетъ имѣть прямого вліянія на принятіе мѣръ пресѣченія противъ обвиняемыхъ въ сихъ преступленіяхъ. Ибо высшею противъ нихъ мѣрою пресѣченія законъ установилъ взятіе залога, а мы выше указали, что эти мѣры нисколько не отнимаютъ у подсудимаго возможности скрыть слѣды преступленія. Такимъ образомъ, законодатель, указывая на возможность скрытія слѣдовъ преступленія какъ на обстоятельство, могущее имѣть вліяніе на принятіе содержанія подѣ стражею, принимаетъ его не въ видѣ общаго правила, а въ видѣ исключенія, которое, само по себѣ взятое, лишено твердаго основанія.

Признаніе возможности скрыть слѣды преступленія за обстоятельство, увеличивающее строгость мѣры пресѣченія, есть принадлежность чисто слѣдственнаго процесса, когда все искусство слѣдователя состояло въ томъ, чтобы самого подсудимаго заставить разсказать и открыть всѣ обстоятельства преступленія. Такой взглядъ былъ совершенно у мѣста, когда необходимою принадлежностью уголовного процесса была пытка. Но съ отмѣною ея обстоятельства измѣнились.

Служить-ли содержаніе въ тюрьмѣ средствомъ отнятія возможности у подсудимаго скрыть слѣды преступленія? Кому извѣстны состояніе нашихъ тюремъ и уголовная практика временъ Свода, тотъ хорошо знаетъ, что содержаніе въ тюрьмѣ не только не отнимало средствъ у подсудимаго скрывать слѣды преступленія, а напротивъ, увеличивало ихъ. До поступленія въ тюрьму подсудимый нерѣдко чистосердечнымъ разсказомъ способствовалъ раскрытію обстоятельствъ дѣла; послѣ поступленія, получивши наставленіе отъ тюремныхъ юристовъ, онъ начиналъ запутывать дѣло, безсовѣстно лгать и выдумывать обстоятельства, дававшія поводъ къ проводочкамъ и затемнѣнію дѣла. Не должно забывать и того, что если, по закону, содержаніе въ тюрьмѣ должно служить средствомъ отнятія возможности у подсудимаго незаконныхъ сношеній съ внѣ-тюремнымъ міромъ, то на самомъ дѣлѣ этого не бываетъ. Со введеніемъ Судебныхъ Уставовъ 1864 г. тюремная юриспруденція не можетъ имѣть прежняго вліянія на подсудимаго, уже потому самому, что признаніе и показанія подсудимаго потеряли прежнее значеніе. Но и до настоящаго времени содержаніе въ тюрьмѣ не есть еще отнятіе у подсудимаго возможности сношеній съ внѣ-тюремнымъ міромъ

Скрыть слѣды преступленія тому обвиняемому, который находится на свободѣ, не такъ-то легко, какъ съ перваго разу это кажется, особенно съ тѣхъ поръ, какъ искусство производить слѣдствія усовершенствовалось, и когда объективныя доказательства и улики получили такое рѣшительное вліяніе на произнесеніе обвинительнаго приговора. Извѣстно, что, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, совершители преступленій до совершенія и въ періодъ совершенія преступленія, вообще до начала слѣдствія, обращаютъ самое тщательное вниманіе на сокрытіе слѣдовъ преступленій; они иногда составляютъ цѣлый планъ, чтобы достигнуть этой цѣли. Однакожъ, рѣдкимъ изъ нихъ удается достигнуть цѣли, а если и удается, то все-таки они достигаютъ этого тотчасъ по совершеніи преступленія, прежде чѣмъ начато слѣдствіе, прежде чѣмъ возбуждено общее вниманіе. Преступленіе большею частью оставляетъ неизгладимые слѣды или на неодушевленныхъ предметахъ, или, хотя косвенные, въ памяти людской. Уничтожить ихъ въ большинствѣ случаевъ совершитель преступленія не въ силахъ, а въ ту минуту, когда возбуждено вниманіе и начато судебное слѣдствіе, стараніе скрыть слѣды преступленія нерѣдко ведетъ къ противоположному результату. Если бы скрывать и уничтожать слѣды преступленія, когда начато слѣдствіе, было такъ удобно, какъ это кажется съ перваго разу, тогда бы исчезла возможность открыть преступленіе безъ помощи содержанія подѣ стражею, тогда бы пришлось возможность скрытія слѣдовъ принимать при принятіи мѣръ пресѣченія противъ обвиняемыхъ во всевозможныхъ преступленіяхъ, какъ бы малы они ни были. На самомъ же дѣлѣ ни законъ не повелѣваетъ, ни практика не учитъ примѣнять содержаніе въ тюрьмѣ, какъ мѣру пресѣченія и вмѣстѣ отнятія у многочисленнаго класса обвиняемыхъ возможности скрыть слѣды преступленія, и отъ этого, однакожъ, интересы правосудія не страдаютъ. Итакъ, разсуждая логически, слѣдуетъ одно изъ двухъ: или слѣдуетъ признать легкость возможности скрыть слѣды всѣхъ вообще преступленій—и тогда содержаніе въ тюрьмѣ употреблять какъ противоѣдѣствіе этому въ примѣненіи къ обвиняемымъ во всевозможныхъ преступленіяхъ,—выводъ хотя логическій, но несогласный съ закономъ, и такой, отъ котораго всякій долженъ отступить. Или, не признавая такой легкости вообще, не слѣдуетъ признавать ее и относительно обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ,—а слѣдовательно, признавая несуществующею цѣль, слѣдуетъ измѣнить взглядъ на необходимость и средства.

Все сказанное клонится къ тому, чтобы показать, съ какою осмотрительностью судебный слѣдователь, при принятіи мѣръ пресѣченія, обязанъ относиться къ возможности скрыть слѣды преступленія, какъ обстоятельству, подлежащему, по закону, вліянію на употребленіе содержанія подѣ стражею. Эту возможность онъ долженъ разсматривать не *in posse*, а *in esse*, т. е. не предполагать ее вообще, а основывать на извѣстныхъ данныхъ. Въ противномъ случаѣ, для слѣдователя не будетъ и границы, предъ которой онъ могъ бы остановиться. Вообще говоря, желаніе скрыть слѣды преступленія присущее каждому совершившему преступленіе. Если слѣдователь будетъ дѣлать посылку

къ возможности для каждаго привести это желаніе въ исполненіе, тогда онъ потеряетъ всякую мѣру въ употребленіи содержанія подѣ стражею, тогда не будетъ ни одного обвиняемаго въ преступленіи, подвергающему лишенію всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, какъ бы обвиненіе слабо ни было, котораго бы онъ не считалъ необходимымъ взять подѣ стражу. Поэтому, с.-петербургская судебная палата въ высшей степени поступила справедливо, когда она признала незаконными дѣйствія судебного слѣдователя Лосовскаго, по предмету взятія подѣ стражу Звенигородскаго, котораго упомянутый слѣдователь заключилъ подѣ стражу, въ видахъ воспрепятствованія ему стачки съ свидѣтелями, между тѣмъ какъ въ то время стачка была уже невозможна, потому что главные свидѣтели были уже допрошены. Присемъ совершенно справедливо палата постановила, что «возраженіе Лосовскаго, заключающееся въ томъ, что при взятіи имъ Звенигородскаго подѣ стражу не были еще спрошены свидѣтели: Опперманъ, Жуковская и Дуга, не заслуживаетъ уваженія, потому что съ графомъ Опперманомъ, какъ съ обвинителемъ, Звенигородскій не могъ имѣть стачки, а держать Звенигородскаго въ заключеніи пять мѣсяцевъ до спроса Жуковской и Дуги, изъ которыхъ послѣдній не могъ быть отысканъ за неизвѣстностью его мѣстожителства, Лосовскій по закону не имѣлъ никакого права». («Судебн. Вѣстн.» 1868 г. № 115). Судебный слѣдователь долженъ искать средствъ открытія истины не въ отрицательной мѣрѣ—лишеніи подсудимаго свободы,—а въ собственныхъ своихъ положительныхъ дѣйствіяхъ: быстротѣ производства, внимательномъ изученіи среды, въ которой совершено преступленіе, въ тщательности осмотровъ, освидѣтельствваній и обысковъ, въ обстоятельныхъ допросахъ.

Въ Уставѣ Угол. Судопр. указанъ полъ, какъ обстоятельство, долженствующее имѣть вліяніе на выборъ мѣръ пресѣченія. Само собою очевидно, что здѣсь разумѣется полъ женскій. Какъ болѣе слабая по натурѣ, женщина должна пользоваться нѣкоторымъ снисхожденіемъ во время слѣдствія. Притомъ, такъ какъ женщина вообще обнаруживаетъ меньше наклонности къ преступленію, такъ какъ она не обладаетъ той энергіею, которою обладаетъ мужчина въ преодолѣніи препятствій, такъ какъ, по социальному своему положенію, она гораздо болѣе связана, чѣмъ мужчина, то, по этимъ соображеніямъ, такая энергическая мѣра какъ содержаніе подѣ стражею должна быть употребляема противъ женщинъ рѣже. Въ Сводѣ было положительно постановлено, что женщины, имѣющія грудныхъ дѣтей, равно беременныя, кои могутъ быть поставлены въ необходимость родить во время самаго пребыванія въ тюрьмѣ, не берутся подѣ стражу, разѣ по обвиненіямъ въ преступленіяхъ, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія Думаемъ, что этого правила не слѣдуетъ забывать и въ настоящее время, тѣмъ болѣе, что самъ Уставъ Угол. Судопр. не только сему не мѣшаетъ, но благоприятствуетъ, указывая на полъ и на состояніе здоровья, какъ на такія обстоятельства, которыя должны вліять на выборъ мѣръ.

Одно изъ самыхъ важныхъ обстоятельствъ, могущихъ вліять на выборъ

мѣръ пресѣченія, есть сила уликъ. Хотя въ Сводѣ Законовъ на это обстоятельство было также указано, но, по неточности стараго закона и по наслѣдовавшей отъ давнихъ временъ привычкѣ, слѣдователи старой системы очень мало придавали ему значенія; вслѣдствіе этого, какъ бы слабы и ничтожны улики ни были, слѣдователи не колебались, особенно по обвиненіямъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, брать подъ стражу подозрѣваемыхъ въ нихъ. Въ виду такого примѣра, современный слѣдователь долженъ съ особеннымъ вниманіемъ взвѣшивать силу уликъ, чтобы избрать именно ту мѣру, которая наиболѣе свойственна данному случаю. Тѣмъ болѣе онъ это обязанъ дѣлать, что въ рукахъ его находятся всѣ средства къ тому: путемъ слѣдственныхъ дѣйствій онъ собираетъ обыкновенно такой матеріалъ, который даетъ ему возможность судить, насколько слабы или сильны обвиненія. При принятіи мѣръ слѣдователь долженъ поступать подобно тому, какъ поступаетъ судья при постановленіи рѣшенія: какъ судья постановляетъ рѣшеніе на основаніе доказательствъ, такъ и слѣдователь долженъ опредѣлить ту или другую мѣру, только внимательно взвѣсивши силу уликъ. Особенно онъ долженъ вооружиться критическимъ взглядомъ въ томъ случаѣ, когда ему предстоитъ подвергнуть подозрѣваемаго содержанію подѣ стражею, или принять противъ него такіа мѣры пресѣченія, которыя, какъ отдача на поруки и взятіе залога, могутъ быть замѣняемы содержаніемъ подѣ стражею. Такимъ образомъ, чѣмъ слабѣе оказываются улики, тѣмъ мягче противъ высшей законной мѣры должна быть принята дѣйствительная мѣра. Въ законѣ напр. содержаніе подѣ стражею установлено какъ высшая мѣра по обвиненіямъ въ преступленіяхъ, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ или всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Въ данномъ случаѣ обвиненія въ одномъ изъ сихъ преступленій представляются очень слабыя улики противъ подозрѣваемаго; очевидно, слѣдователь, при принятіи мѣръ пресѣченія, долженъ избрать одну изъ слабѣйшихъ, скорѣе наприм. отобраніе вида на жительство, отдачу подѣ особый надзоръ полиціи, чѣмъ отдачу на поруки, и уже ни въ какомъ случаѣ не взятіе залога. Ибо какъ отдача на поруки, такъ и взятіе залога, могутъ, при неимѣніи порукъ, денегъ или залогодателя, перейти въ содержаніе подѣ стражею и, конечно, отдача на поруки съ меньшею вѣроятностью, взятіе залога съ большею, ибо гораздо легче найти поручителя, чѣмъ деньги. Поэтому, если бы слѣдователь, при слабости уликъ, сталъ опредѣлять, какъ мѣру пресѣченія, залогъ, то это для многихъ значило бы опредѣлять содержаніе подѣ стражею, что въ сущности, противорѣчило бы если не буквѣ, то смыслу закона. Относительно оцѣнки уликъ, для каждаго слѣдователя должно быть очень поучительно вышеупомянутое рѣшеніе с.-петербургской судебной палаты, признавшей дѣйствія судебного слѣдователя Лосовскаго по поводу двухъ арестовъ незаконными. Лосовскій арестовалъ крестьянина Иванова, по обвиненію въ кражѣ денегъ у купца Соболева, на основаніи обвиненія Соболева и собственнаго показанія обвиняемаго, что онъ нѣсколько ночей провелъ въ Александровскомъ паркѣ. Палата признала, что Ивановъ былъ арестованъ по одному подозрѣнію, ничѣмъ неоправдавшемуся, и что вышеуказанные факты, послужившіе для слѣдователя

основаніемъ арестованія, по смыслу ст. 421 Уст. Угол. Суд., совершенно недостаточны для припятія этой мѣры («Суд. Вѣстн.» 1868 г. № 115).

Важность преступленія и строгость угрожающаго наказанія есть первая мѣрка для выбора мѣры пресѣченія. Выше мы изложили, какое соотвѣтствіе установилъ законъ между ними. Первоначально имѣлось въ виду установленіе нѣсколько иного соотвѣтствія. Въ проектѣ, начертанномъ Высочайше учрежденною при государственной канцеляріи комиссіею, залогъ предложенъ былъ вышею мѣрою пресѣченія для обвиняемыхъ не только въ преступленіяхъ, подвѣржающихъ заключенію въ смирительномъ домѣ и крѣпости, съ ограниченіемъ правъ состоянія, какъ это установлено въ Уст. Угол. Суд. 1864 г., но и въ преступленіяхъ, влекущихъ ссылку на житіе въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ, или содержаніе въ рабочемъ домѣ, съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ (объяснит. зап. къ проект. Уст. Угол. Суд., стр. 197). Намъ неизвѣстно, какія соображенія были причиною того, что не принято было это проектированное соотвѣтствіе, а усвоено нынѣ дѣйствующее. Можетъ быть, не хотѣли отступать отъ той нормы, которая установлена была въ Сводѣ 1857 г. Нельзя, однакожъ, сказать, чтобы самое существо преступленій и наказаній перечили установленію проектированнаго, но непринятаго въ Уставѣ, соотвѣтствія. При отбикѣ важности преступленія, съ цѣлью выбрать ту или другую мѣру пресѣченія, слѣдователь долженъ обращать вниманіе не на общій родовой, а на видовой, представляемый даннымъ случаемъ, характеръ преступленія. Такъ напримѣръ отнятіе жизни есть родовой характеръ убійства; отнятіе же жизни предумышленно, въ запальчивости, безъ намѣренія, въ дракѣ, при нанесеніи побоевъ, по неосторожности, и, наконецъ, случайно—это будутъ видовые признаки убійства. И такъ какъ разница преступности отдѣльныхъ видовъ убійства, наприм. предумышленнаго и по неосторожности, такъ велика, какъ велико разлечіе между ссылкой въ каторгу на 15 лѣтъ и заключеніемъ въ тюрьму на четыре мѣсяца (ст. 1454 и 1468 Улож. о нак.), то, очевидно, слѣдователь долженъ, при опредѣленіи мѣры пресѣченія, обращать вниманіе не на родовой, а на видовой, данный характеръ преступленія, долженъ въ данномъ случаѣ смотрѣть не на то, что такое-то лицо обвиняется въ убійствѣ, отравленіи, поджогѣ, а на то, съ умысломъ-ли имъ совершенно, по неосторожности или случайно. Только при такой постановкѣ вопроса слѣдователь дѣйствительно исполнитъ законъ, предписывающій соразмѣрять строгость мѣры съ важностью преступленія и строгостью угрожающаго за оное наказанія, и, такимъ образомъ, сдѣластъ невозможнымъ повтореніе и продолженіе обычаевъ старой практики, которая содержала подъ стражею какъ обвиняемыхъ въ умысленныхъ, такъ и неосторожныхъ и даже случайныхъ преступленіяхъ.

§ 37. Въ Уст. Уг. Суд. сдѣлано важное нововведеніе относительно отнятія у подсудимаго, посредствомъ имущественной отвѣтственности, средствъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Мы видѣли, что хотя въ теченіе XVIII и XIX стол. въ насѣмъ уголовномъ судопроизводствѣ существовала мѣра пресѣченія въ видѣ от-

дачи на поруки, но въ сущности она лишена была всякаго юридическаго характера, такъ какъ, не будучи сопряжена съ отвѣтственностью для поручителей, она не имѣла въ себѣ обязательной, сдерживающей силы. При такомъ характерѣ цѣль ничего удивительнаго, что она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выродилась даже въ спекуляцію. Имѣя это въ виду, составители Устава Угол. Суд. признали необходимымъ: во-первыхъ, ввести имущественную отвѣтственность поручителей; во-вторыхъ, установить еще одинъ видъ мѣръ пресѣченія—взятіе залога. Составители Устава, вводя въ Россіи два вида мѣръ пресѣченія посредствомъ имущественной отвѣтственности, очевидно, имѣли предъ собою два образца: англійское законодательство, представляющее развитіе системы порукъ, и французское, въ которомъ разработана система залоговъ.

Хотя составители Устава и ввели денежную отвѣтственность поручителя, «согласно общепринятому въ иностранныхъ законодательствахъ правилу», но для русскаго криминалиста-теоретика и практика не должно быть безразлично и то, что имущественная отвѣтственность поручителей есть стародавнее, коренное русское учрежденіе, продолжавшее существовать съ незапамятныхъ временъ вплоть до Петра I, т. е. на памяти исторіи не меньше какъ въ теченіе семи вѣковъ. Итакъ, подобно тому, какъ введеніе устности, публичности, участія народа въ судѣ, есть столько же подражаніе Западу, сколько и возстановленіе нашихъ стародавнихъ учреждений, такъ и введеніе денежной отвѣтственности должно считать возвращеніемъ къ прежнему порядку, испытанному собственнымъ опытомъ русскаго народа. Конечно, современная общественность мало похожа на ту, среди которой когда-то возникло и достигло широкихъ размѣровъ примѣненіе порукъ. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ сомнѣнія, что и въ настоящее время существуютъ элементы для того, чтобы это стародавнее учрежденіе, хотя въ измѣненномъ видѣ, получило опять широкое развитіе. Самъ законъ, повидимому, указываетъ на эти элементы, говоря: «Всякое лицо, *общество* или управленіе можетъ взять обвиняемаго на поруки, съ принятіемъ на себя денежной отвѣтственности въ случаѣ уклоненія его отъ слѣдствія» (ст. 422). И въ настоящее время у насъ сельская община представляетъ круговую поруку въ платежѣ податей и отбыванія повинностей, и потому можетъ доставлять естественныхъ поручителей и въ дѣлахъ уголовныхъ, если только слѣдователи сумѣютъ надлежащимъ образомъ этимъ воспользоваться. Когда существовала опека въ лицѣ помѣщиковъ и въ лицѣ особыхъ учреждений министерства государственныхъ имуществъ, представителямъ послѣдняго дано было право брать на поруки въ дѣлахъ уголовныхъ лицъ, состоящихъ подъ ихъ опекою. Съ уничтоженіемъ этой опеки крестьяне опять составили болѣе крѣпкую и болѣе самостоятельную общину, и эта-то община можетъ доставлять естественныхъ въ дѣлахъ уголовныхъ поручителей, которые въ состояніи замѣнить прежнюю опеку.

Другая однородная съ поруками мѣра пресѣченія это—взятіе залога. Взятіе залога отличается отъ поручительства тѣмъ, что при поручительствѣ ручатели обязываются внести опредѣленную сумму только въ случаѣ побѣга или уклоненія отъ слѣдствія и суда того, за котораго они ручаются; залогъ же со-

стоитъ въ томъ, что опредѣленная сумма или другое движимое имущество вносится тотчасъ въ обезпеченіе явки подсудимаго къ слѣдствію и суду (ст. 422 и 423 Уст. Угол. Суд.). При составленіи проекта Устава Уголовнаго Судопроизводства, члены коммисіи предполагали, чтобы въ залогъ было принимаемо какъ движимое, такъ и недвижимое имущество, чтобы слѣдователь, принимая въ залогъ недвижимое имущество, о наложеніи запрещенія въ суммѣ залога на это имущество дѣлалъ распоряженіе въ составляемомъ на этотъ случай постановленіи, за подписью своею и залогодателя (объясн. зап. къ пр. Уст. Угол. Суд., стр. 198). Но при окончательной редакціи принятіе въ залогъ недвижимаго имущества не было допущено, по его неудобству, такъ какъ, при существующей системѣ наложенія запрещеній, между сношеніемъ слѣдователя съ сенатскою типографіею и дѣйствительнымъ наложеніемъ запрещенія проходитъ около двухъ или болѣе мѣсяцевъ. Между тѣмъ, въ этотъ промежутокъ времени, когда еще не наложено запрещеніе на имѣніе, и когда, значить, представляющій залогъ имѣетъ возможность передать имущество въ другія руки, не приходится освобождать обвиняемаго изъ-подъ стражи, а ждать и содержать подъ стражею подсудимаго до того времени, пока не послѣдуетъ наложеніе запрещенія; это значило бы, въ большинствѣ случаевъ, содержать до окончанія предварительнаго слѣдствія (Уставы, изд. госуд. канц., т. II прим. къ 423 ст.). Нельзя не пожалѣть, что въ Уставъ не введены проектированныя статьи о принятіи въ залогъ недвижимаго имущества. Если процедура наложенія запрещенія на недвижимыя имущества длинна, то нельзя сказать, чтобы и передача недвижимыхъ имуществъ совершалась у насъ быстро. Притомъ, нельзя допустить, чтобы подсудимый или посторонній залогодатель, первый—въ виду новой уголовной ответственности, второй—въ виду вообще уголовной ответственности, такъ легко стали бы передавать въ чужія руки то имущество, которое ими уже представлено въ залогъ правительству. Наконецъ, возможно было для этого спеціального случая упростить процедуру наложенія запрещенія. Все это мы говоримъ къ тому, чтобы показать, что устраненіемъ недвижимаго имущества отъ представленія въ залогъ пользованіе этою мѣрою пресѣченія для подсудимыхъ крайне затруднено.

При сравненіи природы двухъ однородныхъ мѣръ пресѣченія: отдачи на поруки и взятія залога,—легко замѣтить, что объ онѣ въ равной мѣрѣ могутъ противодѣйствовать уклоненію подсудимаго отъ слѣдствія и суда: та и другая прямо не отнимаютъ физической возможности побѣга, но объ онѣ въ равной мѣрѣ прецѣдствуютъ этому косвенно, посредствомъ угрозы имущественнаго лишенія. Обладая одинаковымъ свойствомъ въ процесуальномъ отношеніи, онѣ, однакожъ, значительно между собою разнятся, по большей или меньшей трудности, съ которою обвиняемый можетъ пользоваться ими. Такъ, очевидно, что для подсудимаго несравненно легче найти такихъ лицъ, которыя, зная его и вѣря ему, изъявляютъ готовность поручиться за исправную явку его въ судъ. Поручители, хорошо зная ручаемаго и имѣя достаточныя основанія вѣрить ему, собственно не только ничего не теряютъ, но и ничѣмъ не рискуютъ. Вслѣдствіе сего, обвиняемому, нелишенному довѣрія среды, въ которой онъ вращается,

не трудно найти поручителей. Совѣсьмъ другое—взятіе залога. Здѣсь подсудимый долженъ или самъ владѣть извѣстнымъ движимымъ имуществомъ, или найти такихъ людей, которые бы владѣли такимъ имуществомъ и согласились бы ради его отдать оное въ залогъ, лишаясь на время пользованія имъ и неся такимъ образомъ потери. Хотя, притомъ, поручители принимаютъ на себя, въ случаѣ уклоненія обвиняемаго отъ слѣдствія, денежную отвѣтственность, но такъ какъ они денегъ не вносятъ и такъ какъ отъ нихъ не требуется удостовѣренія въ томъ, что деньги они имѣютъ, то очевидно, что въ случаѣ уклоненія отъ слѣдствія ручаемаго, они, при неимѣніи денегъ, должны отвѣчать вообще имуществомъ, какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ, которое можетъ быть превращено въ деньги; слѣдовательно, собственно говоря, поручители ручаются не только имуществомъ движимымъ, но и недвижимымъ. Между тѣмъ, залогъ можетъ состоять только во внесеніи или денегъ, или движимаго имущества,—слѣдовательно, не допускаетъ въ этомъ случаѣ утилизированія имущества недвижимаго. Отсюда естественно, что поручительство, дающее возможность утилизировать какъ имущество движимое, такъ и недвижимое, несравненно легче найти, чѣмъ залогъ, недопускающій вовсе эксплуатаціи имущества недвижимаго. Такимъ образомъ, оба эти мѣры, обладая въ равной степени обезпечительною силою въ дѣлѣ охраны интересовъ правосудія, значительно разнятся по своей доступности для подсудимаго. Если же взять во вниманіе, что какъ неотыскавшій поруку, такъ и непредставившій залога, оба подвергаются домашнему аресту или содержатся подъ стражею (ст. 428 Уст. Угол. Судопр.), то легко понять, что неравенство доступности этихъ двухъ мѣръ гораздо значительнѣе по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ съ перваго разу это кажется. Залогъ, достигая въ равной мѣрѣ съ поруками цѣль обезпеченія правосудія, но будучи менѣе доступенъ для подсудимаго, не можетъ-ли сдѣлаться благовиднымъ предлогомъ содержанія подъ стражею того обвиняемаго, который въ состояніи найти поручителей, но лишенъ возможности представить залогъ, и личность котораго можетъ, однакожъ, быть столь же хорошо обезпечена для правосудія поручительствомъ, какъ и залогомъ? Поэтому, нельзя отстранить того вывода, осуществленіе котораго не невозможно—что залогъ, какъ мѣра пресѣченія, условія которой выполнить гораздо труднѣе, чѣмъ условія поручительства, сдѣлается доступнымъ только для людей достаточныхъ или богатыхъ, тогда какъ лица менѣе имущія, при равномъ уголовно-юридическомъ положеніи, не въ состояніи будутъ имъ пользоваться и принуждены будутъ терпѣть тюремное заключеніе, которое съ такимъ же успѣхомъ можетъ быть замѣнено поручительствомъ, какъ и залогомъ.

Могутъ возразить: залогъ, какъ мѣра пресѣченія, потому именно и затруднительнѣе для пользованія и тяжелѣе для подсудимаго, чѣмъ поручительство, что онъ опредѣляется для обвиняемыхъ въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ, чѣмъ поручительство. Возраженіе это тогда можно бы было уважить, если бы цѣль установленія мѣры пресѣченія состояла не въ томъ, чтобы единственно лишить подсудимаго возможности уклониться отъ слѣдствія и суда, а въ томъ, чтобы

заставить его уже во время слѣдствія и суда претерпѣвать тѣмъ больше неприятностей, чѣмъ тяжѣе то преступленіе, въ которомъ его обвиняють. Но дѣло въ томъ: что, во-первыхъ, пока обвиняемый не осужденъ, онъ не считается виновнымъ въ преступленіи, въ которомъ его обвиняють, а невиноватаго никто не имѣетъ права подвергать лишеніямъ; что, во-вторыхъ, примѣненіе мѣръ пресѣченія не есть право, а необходимость, оправдываемая не идеею справедливости, а мыслью, что въ мірѣ человѣческомъ часто приходится допускать и терпѣть неизбѣжное зло для устранения зла большаго. Итакъ, если единственнымъ побужденіемъ къ установленію той или другой мѣры пресѣченія должна служить только необходимость отнять у подсудимаго средства уклоняться отъ слѣдствія и суда, то очевидно, что подсудимыхъ слѣдуетъ стѣснять настолько, насколько это необходимо; что всякое стѣсненіе, котораго, ничѣмъ не рискуя, можно избѣжать, слѣдуетъ устранять; что если бы можно было вовсе избѣжать энергическихъ мѣръ стѣсненія, безъ вреда для правосудія, то и тогда идея правосудія не была бы нарушена. Обвиняемые въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ содержатся въ тюрьмѣ во время слѣдствія и суда не потому, что они обвиняются въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ, а по тому предположенію, что обвиняемый въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ, находясь подъ страхомъ ожидающаго его тяжкаго наказанія, имѣетъ болѣе побужденій уклоняться отъ слѣдствія и суда. Наибольшая стѣснительность здѣсь мотивируется не свойствомъ преступленія, а вліяніемъ страха наказанія на обвиняемаго: если бы было доказано, и если бы убѣдились, что обвиняемому, при извѣстной системѣ наказанія и при данной общественности, нѣтъ ни интереса, ни возможности скрыться отъ карающаго правосудія, то исчезла бы и необходимость предварительнаго тюремнаго заключенія. А если такъ, то очевидно, что изъ двухъ мѣръ пресѣченія, который, будучи по своей природѣ равно обезпечительны, разнятся однакожъ между собою по своей доступности и по своей тяжести для подсудимаго, слѣдуетъ всегда предпочитать ту, которою, по ея доступности, можетъ пользоваться большее число подсудимыхъ, и которая, при меньшихъ стѣсненіяхъ, достигаетъ той же цѣли, что и менѣе доступная и болѣе тяжелая.

Въ вопросѣ о примѣненіи поручительства и залога весьма важно опредѣленіе количества того и другаго. Коммисія, которой поручено было составленіе проекта Устава Уголовнаго Судопроизводства, весьма основательно отказалась установить какую нибудь опредѣленную норму. Въ самомъ дѣлѣ, установленіе въ законѣ опредѣленнаго размѣра поручительства или залога крайне неудобно, потому что случай случаю рознь: въ нномъ случаѣ и низшій закономъ установленный размѣръ могъ бы оказаться не по средствамъ бѣдняку, а въ другомъ случаѣ и высшій его размѣръ былъ бы очень малъ для человѣка богатаго. Поэтому коммисія признала за лучшее—опредѣленіе размѣра залога и поручительства предоставить судебному слѣдователю, съ тѣмъ, чтобы онъ соразмѣрлялъ количество того и другаго съ строгостью наказанія, угрожающаго обвиняемому, и съ состояніемъ поручителя или залогодателя (ст. 424 Уст. Угол. Судопр.). Но сумма поручительства или залога ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть менѣе

количества вознагражденія, отыскиваемого потерпѣвшимъ отъ преступленія, если искъ его подкрѣпляется достовѣрными доказательствами (ст. 425 Уст. Угол. Судопр.). Въ случаѣ побѣга обвиняемого или уклоненія его отъ слѣдствія и суда, взысканная съ поручителя или представленная въ залогъ сумма, за отчисленіемъ изъ нея того количества денегъ, которое можетъ быть присуждено въ вознагражденіе потерпѣвшему отъ преступленія, обращается въ капиталъ на устройство мѣстъ заключенія (ст. 427). Итакъ, сумма залога или поручительства, требуемого отъ обвиняемого въ обезпеченіе его личности, не можетъ быть менѣе вознагражденія, отыскиваемого гражданскимъ истцомъ, но это не можетъ отснять судебныя мѣста въ назначеніи залога въ большемъ размѣрѣ, сообразно съ строгостью наказанія, угрожающаго обвиняемому, и съ его состояніемъ (Сводъ рѣшеній кассац. департ. сената, изд. Утина, ч. I, стр. 38. Рѣш. 1867 г. № 118). Впрочемъ, нельзя думать, какъ съ перваго разу кажется, что этотъ юридическій мінімумъ залога и поручительства, соотвѣтствующій количеству взысканія, бываетъ всегда и фактически мінімумомъ. Напротивъ, практика доказываетъ, что онъ на самомъ дѣлѣ можетъ быть максимумомъ. Слѣдователямъ и судамъ иногда приходится, на основаніи этого закона, опредѣлять очень большія суммы. Такъ, напримѣръ, судебный слѣдователь потребовалъ съ Стребулаева залога въ 51,500 р.; петербургскіе: окружной судъ и палата, признали это требованіе правильнымъ («Судебн. Вѣстн.» 1867 г. № 258). Петербургская судебная палата нашла возможнымъ освободить изъ-подъ стражи купца Бѣлева, если онъ найдетъ средства представить по себѣ залогъ въ суммѣ, равной стоимости билетовъ, въ поддѣлкѣ которыхъ онъ обвиняется, т. е. въ 55,000 р. («Судебн. Вѣстн.» 1868 г. № 113). При возможности опредѣленія такихъ значительныхъ суммъ и послѣдствій, отсюда происходящихъ, слѣдователи и судьи должны въ самомъ строгомъ смыслѣ принимать тѣ слова закона, которыми опредѣляется, въ какомъ случаѣ сумма поручительства или залога должна быть не менѣе количества отыскиваемого вознагражденія потерпѣвшимъ отъ преступленія; въ законѣ сказано: *если искъ его* (потерпѣшаго отъ преступленія) *подкрѣпляется достовѣрными доказательствами* (ст. 425). Такимъ образомъ, для опредѣленія залога или поручительства въ количествѣ вознагражденія недостаточно одного голословнаго исчисленія гражданского истца, недостаточно и заключеній слѣдователя, основанныхъ на однихъ лишь предположеніяхъ, а необходимо, чтобы первый представилъ доказательства своего исчисленія, а послѣдній опредѣлилъ обезпеченіе въ искомой суммѣ только тогда, когда доказательства иска оказываются достовѣрными. Слѣдователямъ не должно забывать и того, что залогъ и поручительство суть, за исключеніемъ взысканія подъ стражу, единственныя мѣры по дѣламъ казеннаго управленія (ст. 1164 Уст. Угол. Судопр.), и что основывать исчисленіе количества вознагражденія, а вмѣстѣ залога или поручительства, по обвиненіямъ въ этого рода преступленіяхъ, на предположеніяхъ—это нерѣдко значило бы дѣлать такія распоряженія, изъ которыхъ бы происходило легкомысленное лишеніе свободы преступниковъ, рѣшительно не требующихъ такой строгой мѣры пресѣченія.

Долженъ ли слѣдователь соразмѣрять сумму поручительства и залога съ количествомъ вознагражденія по собственной инициативѣ, хотя бы не было въ виду гражданскаго иска и истца, или только въ томъ случаѣ, когда потерпѣвшій отъ преступленія именно заявляетъ требованіе о вознагражденіи? Вопросъ этотъ разрѣшается во второмъ смыслѣ слѣдующими словами той же 425 статьи: «Сумма поручительства или залога ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть менѣе количества вознагражденія, *отыскиваемого потерпевшимъ отъ преступленія, если искъ его подкрѣпляется достоверными доказательствами*». Выраженія: «вознагражденія, *отыскиваемого*», «если искъ его подкрѣпляется» — ясно указываютъ на то, что законъ въ этомъ случаѣ требуетъ, чтобы искъ былъ заявленъ. Допустить рѣшеніе вопроса въ первомъ смыслѣ, т. е. въ томъ, что слѣдователь опредѣляетъ сумму обезпеченія личности подсудимаго, по количеству слѣдующаго вознагражденія, самъ собою, по собственной инициативѣ, нельзя потому, что тогда бы упомянутыя выраженія закона: *искъ, отыскиваемого*, не имѣли бы смысла. Притомъ допустить такой способъ рѣшенія, это значило бы отступить отъ того общепринятаго положенія гражданскаго права, по которому судъ, безъ просьбы частнаго лица, самъ не заботится объ обезпеченіи его интересовъ; это значило бы основать оцѣнку количества вознагражденія не на точныхъ данныхъ, которыя долженъ представить гражданскій истецъ, а на однихъ предположеніяхъ слѣдователя.

Рѣшеніе с.-петербургской судебной палаты по частной жалобѣ купца Бѣляева, на которое мы уже не разъ ссылались, вызываетъ слѣдующій чрезвычайно важный вопросъ: когда наложено запрещеніе на имущество обвиняемаго, въ обезпеченіе могущаго пасть на него взысканія причиненныхъ его поступкомъ убытковъ, слѣдуетъ ли въ этомъ случаѣ суммѣ поручительства или залога опредѣлять въ количествѣ не меньшемъ суммы отыскиваемаго вознагражденія, или такъ какъ это послѣднее уже обезпечено наложеніемъ запрещенія, то, вслѣдствіе этого, нѣтъ необходимости сообразовать назначеніе суммы поручительства и залога съ количествомъ вознагражденія? Чтобы нагляднѣе представить сущность рѣшенія этого вопроса палатою, я изложу содержаніе дѣла, его вызвавшаго. Бѣляевъ просилъ судебную палату освободить его отъ содержанія подъ стражею. Изъ дѣла видно было, что, по представленію судебного слѣдователя, окружной судъ въ январѣ и іюлѣ 1867 года наложилъ, въ суммѣ 55,000 р., запрещеніе на недвижимое имѣніе Бѣляева и арестъ на причитающійся къ выдачѣ ему изъ Московскаго страховаго общества въ вознагражденіе за сгорѣвшіе товары денежный капиталъ въ 10,000 руб. Сумма запрещенія въ 55,000 р. равнялась суммѣ тѣхъ билетовъ, въ поддѣлкѣ коихъ Бѣляевъ обвинялся, и которая могла быть присуждена въ вознагражденіе убытковъ, происшедшихъ отъ преступленія. Имѣя все это въ виду, тѣмъ не менѣе судебная палата опредѣлила: освободить купца Бѣляева изъ-подъ стражи, если онъ представитъ залогъ въ суммѣ 55,000 р., т. е. въ суммѣ, равной стоимости билетовъ, въ поддѣлкѣ которыхъ онъ обвиняется, такъ какъ эта сумма можетъ быть, по силѣ 573 ст. Улож. о нак., присуждена съ него ко взысканію.

Итакъ, очевидно, с.-петербургская судебная палата считаетъ, что наложеніе запрещенія на имѣніе въ обезпеченіе могущаго быть присужденнымъ съ обвиняемаго взысканія, въ возмѣщеніе причиненныхъ преступленіемъ убытковъ, нисколько не устраняетъ необходимости и обязанности соразмѣрять сумму поручительства или залога съ количествомъ вознагражденія, которое можетъ быть присуждено ко взысканію. Этотъ способъ рѣшенія поставленнаго вопроса едва-ли можно признать правильнымъ. Цѣль установленія закономъ минимума поручительства или залога въ количествѣ могущаго пасть на подсудимаго гражданскаго взысканія, ясна и опредѣленна, чтобы въ ней можно было сомнѣваться: она состоитъ не въ томъ, чтобы болѣе затруднить представленіе залога, а единственно только въ томъ, чтобы, такъ сказать, однимъ разомъ, одною мѣрою достигнуть двухъ цѣлей: пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда и обезпеченія возможности пострадавшему отъ преступленія получить убытки. Что законъ именно установилъ количество поручительства и залога въ суммѣ гражданскаго вознагражденія съ указанною цѣлью, это видно изъ того, что, въ случаѣ кобѣга обвиняемаго или уклоненія его отъ слѣдствія и суда, изъ взысканной съ поручителя или съ представленной въ залогъ суммы прежде всего отчисляется такое количество, какое можетъ слѣдовать въ вознагражденіе потерпѣвшему отъ преступленія (ст. 427). Теперь, если, независимо отъ принятія мѣры пресѣченія, было наложено запрещеніе на имущество обвиняемаго, въ обезпеченіе могущаго на него пасть гражданскаго взысканія, спрашивается: какая послѣ этого остается необходимость соразмѣрять сумму поручительства или залога съ количествомъ вознагражденія? По нашему мнѣнію, опредѣлять послѣ сего поручительство или залогъ въ указанной соразмѣрности—это значитъ или предпринимать двойное обезпеченіе гражданскаго взысканія, чего законъ не предписываетъ, да и не можетъ предписывать,—или считать, что это соразмѣреніе установлено закономъ въ видахъ затруднить доступъ къ пользованію поручительствомъ или залогомъ, что также несогласно съ духомъ закона. На основаніи этихъ-то соображеній, слѣдуетъ признать, что, по смыслу закона, нѣтъ необходимости соразмѣрять сумму поручительства или залога съ количествомъ гражданскаго взысканія, когда сіе послѣднее обезпечено или можетъ быть обезпечено наложеніемъ запрещенія на имущество.

§ 38. Въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства опредѣленно не сказано, чтобы судебный слѣдователь, при принятіи вообще мѣры пресѣченія, обязанъ былъ составлять постановленіе; эта обязанность специально на него возлагается только при опредѣленіи отдачи на поруки, взятія залога и содержанія подъ стражею (ст. 426, 430 и 431). Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отдать предпочтеніе наказу судебнымъ слѣдователямъ 1860 г., 87-я статья котораго положительно требуетъ, чтобы слѣдователь не только о личномъ задержаніи, но и домашнемъ арестѣ, отдачѣ подъ надзоръ полиціи или на поруки составлялъ постановленіе, которое онъ въ теченіе сутокъ обязанъ объявить лицу, до котораго оно касается. Но что и по вступленіи въ дѣйствіе Устава 1864 г. слѣдо-

ватель обязанъ составлять постановленіе не только объ отдачѣ на поруки, взятіи залога и содержаніи подъ стражею, но и о другихъ мѣрахъ,—это само собою вытекаетъ изъ самаго свойства этихъ мѣръ и ихъ принудительнаго характера, которымъ онѣ должны обладать и который онѣ получаютъ вслѣдствіе обдеченія ихъ въ форму. Необходимость обдеченія самыхъ даже легкихъ мѣръ въ форму требуется въ видахъ обезпеченія интересовъ подсудимаго и предотвращенія неправильныхъ дѣйствій со стороны судебного слѣдователя. Привлеченный къ слѣдствію долженъ знать: кто, за что и почему отбираетъ у него видъ на жительство, или отдаетъ его подъ особый надзоръ полиціи, или подвергаетъ домашнему аресту,—чтобы имѣть въ рукахъ разумное основаніе или подчиниться безапелляционно распоряженію слѣдователя, или обжаловать его распоряженіе суду. Съ своей стороны, судебный слѣдователь долженъ прежде отдать отчетъ въ томъ, что онъ предпринимаетъ, и только тогда предпринимать, а составленіе постановленія есть одна изъ побудительныхъ причинъ къ такой осмотрительности. О принятіи мѣръ пресѣченія противъ священнослужителей и монашествующихъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, слѣдователь немедленно извѣщаетъ ближайшее духовное начальство обвиняемаго (ст. 1023 Уст. Уг. Суд.).

Въ законѣ сказано, что въ принятіи поручительства или залога слѣдователь составляетъ постановленіе, которое подписывается какъ имъ, такъ и поручителемъ или залогодателемъ, и выдается имъ въ копіи (ст. 426). Эта статья вызываетъ вопросъ: достаточно-ли, при опредѣленіи этихъ мѣръ, только этого постановленія, или еще необходимо какое нибудь другое? Принимая во вниманіе, что въ этой статьѣ идетъ рѣчь не объ опредѣленіи мѣры пресѣченія, состоящей въ поручительствѣ или залогѣ, а о принятіи уже условій самаго поручительства или залога, что составляетъ результатъ рѣшимости слѣдователя принять эти мѣры; принимая далѣе во вниманіе, что это постановленіе подписывается какъ слѣдователемъ, такъ и поручителемъ или залогодателемъ, и что посему оно имѣетъ видъ обязательства, подписываемаго большею частью лицомъ неприкосновеннымъ къ уголовному дѣлу, и потому не можетъ содержать основаній принятія самой мѣры, что можетъ интересовать только обвиняемаго, но не его поручителей или залогодателей,—слѣдуетъ признать, что, независимо отъ постановленія о принятіи поручительства или залога, необходимо составленіе предварительно особаго постановленія, въ которомъ должны быть объяснены основанія опредѣленія той или другой мѣры. Подобно тому, какъ слѣдователь, принимая въ данномъ случаѣ за мѣру пресѣченія отдачу подъ надзоръ полиціи или домашній арестъ, предварительно обязанъ составить постановленіе о принятіи одной изъ этихъ мѣръ пресѣченія, и уже потомъ, для осуществленія своего опредѣленія, написать сообщеніе полиціи объ учрежденіи надзора или домашнего ареста, такъ точно и принимая за мѣру пресѣченія поручительство или залогъ, слѣдователь прежде обязанъ составить опредѣленіе о причинѣ принятія этихъ мѣръ, а потомъ, для приведенія въ исполненіе своего опредѣленія, составить постановленіе объ условіяхъ, на которыхъ поручитель или залогодатель беретъ подъ свою отвѣтственность явку въ судъ обвиняемаго. Только при составленіи

этихъ двухъ постановленій будутъ вполне обеспечены какъ интересы подсудимаго, такъ и интересы правосудія: первое постановленіе будетъ юридическою формою самаго принятія мѣры, второе—такую же форму тѣхъ условій, въ которыя съ государствомъ вступаетъ третье лицо, ручающееся за обвиняемаго; первое постановленіе носитъ на себѣ чисто публичный характеръ, второе имѣетъ характеръ гражданскій. При обсужденіи этого вопроса не мѣшаетъ имѣть въ виду форму старой поручной записи, бывшей въ обычаѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ въ древней Россіи: эта поручная записка была чисто гражданскаго характера; но, между прочимъ, потому, что промѣ ея не было составляемо никакого другаго постановленія о самомъ основаніи принятія порукъ, произошло то, что, при напорѣ государственныхъ интересовъ, поруки въ уголовномъ судопроизводствѣ потеряли значеніе и силу.

Самыя точныя правила помѣщены въ Уставѣ относительно постановленія о взятіи подъ стражу. Постановленіе это должно содержать точное означеніе: 1) кѣмъ именно и когда сдѣлано постановленіе; 2) званія, имени, отчества и фамиліи или прозвища задержаннаго лица; 3) преступленія, въ которомъ задержанный обвиняется или подозрѣвается, и 4) основаній задержанія. Въ концѣ постановленія должна быть подпись того, кѣмъ оно сдѣлано (ст. 430). Постановленіе о взятіи подъ стражу предъявляется обвиняемому при самомъ отправленіи его въ мѣсто заключенія и, во всякомъ случаѣ, до истеченія сутокъ отъ времени его задержанія. Копія съ сего постановленія доставляется въ мѣсто заключенія обвиняемаго (ст. 431). Въ мѣстахъ заключенія ведутся реестры, въ которыхъ, при самой сдачѣ арестанта, означается постановленіе о его задержаніи. Въ реестрѣ подписываются сдающій и принимающій арестанта, причемъ первый получаетъ, вмѣсто квитанціи, выписку изъ статьи реестра, для представленія слѣдователю (ст. 432). Кроме этихъ общихъ правилъ, установлены особыя относительно нѣкоторыхъ лицъ: такъ, о взятіи подъ стражу священнослужителя и монашествующаго немедленно извѣщается его ближайшее начальство, для надлежащихъ съ его стороны распоряженій къ отвращенію остановки въ богослуженіи и исправленіи духовныхъ требъ (ст. 1023 Уст. Уг. Суд.). Полиція, мировой судья или судебный слѣдователь, сдѣлавъ распоряженіе о взятіи подъ стражу лица военнаго вѣдомства внѣ казармъ, или вообще внѣ мѣстъ, состоящихъ въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго начальства, увѣдомляютъ о семъ въ то же время начальство взятаго подъ стражу (ст. 1241 Уст. Уг. Суд.). О взятіи подъ стражу преподавателя или чиновника университета, по обвиненію въ уголовномъ преступленіи, увѣдомляется университет (§ 139 общ. унив. уст.).

Исполненіе предписанныхъ закономъ формальностей при взятіи подъ стражу совершенно необходимо для огражденія личной свободы гражданъ и для отвращенія злоупотребленій со стороны слѣдователя. Во время дѣйствія Свода должностныя лица различныхъ наименованій пользовались правомъ ареста, не будучи обязаны своею подписью и обозначеніемъ своего имени удостовѣрять, что взятіе подъ арестъ есть именно ихъ дѣло. Теперь подпись слѣдователя не можетъ оставить въ тѣни или въ неизвѣстности личность арестующаго и потому

устраняетъ всякое сомнѣніе и недоразумѣнія при рѣшеніи вопроса объ отвѣтственности за незаконный арестъ. Въ прежнее время нерѣдко было встрѣтить въ тюрьмахъ арестантовъ, о которыхъ никто, ни даже они сами, не могли дать свѣдѣній: когда, за что и по чьему распоряженію они посажены въ тюрьму. Со введеніемъ упомянутыхъ формальностей, подобные случаи сдѣлаются или невозможными, или явятся въ видѣ непростительныхъ злоупотребленій. Въ періодъ дѣйствія Свода арестъ былъ дѣломъ факта, которому, повидимому, не придавали значенія настолько, чтобы упоминать о немъ въ видѣ краткаго замѣчанія; безъ этого упоминанія дѣло часто достигало высшей инстанціи, то-есть фактъ арестованія оставался какъ бы незамѣченнымъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. По Уставу только тотъ арестъ можетъ быть признанъ законнымъ, который облеченъ въ предписанную форму. Подсудимый имѣетъ полное право считать свое арестованіе, необлеченное въ закономъ предписанную формальность, незаконнымъ и принести на примѣненіе его жалобу. Лица, заведывающія мѣстами заключенія, не только имѣютъ право, но даже обязаны, подѣ страхомъ отвѣтственности, не принимать въ мѣста заключенія тѣхъ, которые присылаются въ тюрьму для содержанія безъ копій съ постановленія, установленнаго 430 ст. Устава. «Требованіе о взятіи подѣ стражу, сказано въ 9 ст. Уст. Уг. Суд., подлежитъ исполненію лишь въ томъ случаѣ, когда оно послѣдовало въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами настоящаго Устава». Относительно того, въ какой степени важно, при арестованіи подсудимаго, соблюденіе воѣхъ предписанныхъ закономъ формальностей, можетъ служить наставленіемъ весьма основательное постановленіе петербургской судебной палаты, на которое мы уже не разъ ссылались, объ арестованіи Звенигородскаго судебнымъ слѣдователемъ Лосовскимъ. Лосовскій арестовалъ Звенигородскаго, чтобы предотвратить стачку его съ свидѣтелями; въ такомъ смыслѣ онъ составилъ и постановленіе объ арестованіи. Между тѣмъ, хотя не было нужды въ предотвращеніи стачки, слѣдователь продолжалъ держать въ тюрьмѣ Звенигородскаго пять мѣсяцевъ на основаніи упомянутаго постановленія. Въ оправданіе себя, Лосовскій объяснялъ, что, арестуя Звенигородскаго, онъ имѣлъ въ виду, независимо отъ свидѣтельскихъ показаній, и другія противъ него улики въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи. Палата признала, что это объясненіе не можетъ оправдывать Лосовскаго, такъ какъ въ семъ случаѣ онъ былъ обязанъ составить постановленіе не о задержаніи Звенигородскаго впредь до спроса свидѣтелей, а о безусловномъ его арестованіи, съ обстоятельнымъ изложеніемъ въ томъ постановленіи основанийъ къ его задержанію. Палата весьма основательно поступила, когда она признала безусловно необходимымъ объясненіе въ постановленіи основанийъ, по которымъ слѣдователь арестуетъ подозрѣваемаго.

§ 39. Чтобы оградить личность гражданина отъ незаконнаго задержанія подѣ стражу, въ Уставѣ установленъ съ этою цѣлью рядъ правилъ относительно надзора за взятіемъ подѣ стражу. Одни изъ этихъ правилъ имѣютъ въ виду предупредить по формѣ незаконное задержаніе подѣ стражу, другія же ка-

саются предупрежденія незаконныхъ по внутреннимъ причинамъ задержаній подъ стражею и относятся къ общему надзору за производствомъ предварительнаго слѣдствія.

Въ предупрежденіе явно незаконныхъ задержаній въ Уставѣ содержатся слѣдующія правила. Каждый судья и каждый прокуроръ, который, въ предѣлахъ своего участка или округа, удостовѣрится въ задержаніи кого либо подъ стражею, безъ постановленія уполномоченныхъ на то мѣстъ и лицъ, обязанъ немедленно освободить неправильно лишеннаго свободы (ст. 10). Судья или прокуроръ, до свѣдѣнія коего дошло, что, въ предѣлахъ его участка или округа, кто либо содержится не въ надлежащемъ мѣстѣ заключенія, долженъ принять мѣры къ содержанію его въ установленномъ порядкѣ (ст. 11).

Эти правила составляютъ прямое слѣдствіе того общаго правила, по которому никто не можетъ быть ни задержанъ подъ стражею иначе, какъ въ случаяхъ, законами опредѣленныхъ, ни содержимъ въ помѣщеніяхъ, неустановленныхъ на то закономъ (ст. 9).

Прежде всего въ этихъ правилахъ обращаютъ на себя вниманіе слова: «каждый судья». Слѣдуетъ-ли понимать эти слова въ обширномъ смыслѣ, т. е., что, сверхъ лицъ прокурорскаго надзора, каждый слѣдователь, каждый членъ окружнаго суда и судебной палаты, каждый предсѣдатель и товарищъ предсѣдателя означенныхъ судовъ, каждый мировой судья, какъ участковый, такъ и почетный, имѣютъ право и обязанность немедленно освободить неправильно лишеннаго свободы; или же слѣдуетъ принимать упомянутыя слова въ тѣсномъ смыслѣ, т. е., что они обнимаютъ, сверхъ лицъ прокурорскаго надзора, только мировыхъ судей? Изъ предварительныхъ работъ, предшествовавшихъ изданію Устава, не вполне ясно обнаруживается смыслъ этихъ словъ. Въ проектѣ Устава Уголовнаго Судопроизводства эти двѣ статьи были редактированы иначе и опредѣленнѣе. Тамъ было сказано, что наблюденіе за точнымъ исполненіемъ правила, содержащагося въ 9 ст. Устава, вѣняется въ обязанность уголовнымъ судамъ и лицамъ прокурорскаго надзора. Но потомъ принята была настоящая редакція комиссіею, окончательно редактировавшею Уставъ. По поводу этого вопроса члены этой комиссіи выражались такъ: «Мировой или иной судья, посѣтивъ острогъ, признаетъ, что такой-то арестантъ содержится незаконно и отдастъ приказъ о немедленномъ его освобожденіи», или: «Обязанность пресѣкать подобное насиліе (заключеніе не въ надлежащемъ мѣстѣ) должна лежать безразлично на каждомъ судѣ, судебномъ слѣдователѣ, или лицѣ прокурорскаго надзора, имѣющихъ къ тому возможность» (объясн. зап. къ Уст. Уг. Суд., стр. 199 и 201). Изъ этихъ словъ можно заключить, что составители, повидимому, подъ словомъ «каждый судья» разумѣли не только мировыхъ судей, но и членовъ и предсѣдателей другихъ судовъ. Если такъ, то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что редакторы выразились въ этомъ случаѣ не точно, ибо словомъ «судья» можно называть, въ буквальномъ смыслѣ, только мирового судью; такъ какъ онъ дѣйствуетъ, рѣшаетъ, вообще судить единолично и потому онъ есть судья въ обширномъ собственномъ смыслѣ. Другія же лица, исполняющія судебскія обязанности, не назы-

ваются судьями, а носят другія спеціальныя названія, какъ-то: сенаторовъ-членовъ ассоціонныхъ департаментовъ сената, председателей, товарищей председателя и членовъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ; эти лица рѣшаютъ и судятъ не одиночно, а въ извѣстномъ составѣ членовъ. Поэтому, относительно рѣшенія дѣлъ мировыми судьями говорится, что судья постановилъ, опредѣлилъ, рѣшилъ, а относительно рѣшенія дѣлъ другими судебными установленіями говорится: окружной судъ, судебная палата, правительствующій сенатъ опредѣлилъ, рѣшилъ и т. п. Въ то время, какъ мировые судьи имѣютъ въ уголовныхъ дѣлахъ право инициативы и пользуются не только распорядительною, но и судебною властью въ цѣломъ ея объемѣ, — изъ другихъ лицъ, исполняющихъ судебскія обязанности, председатели и члены судовъ разныхъ наименованій лишены права инициативы, а послѣдніе и распорядительной власти, судебною же властью всѣ они обладаютъ только въ составѣ съ другими членами суда; даже распорядительная власть, принадлежащая одиночно председателямъ и председательствующимъ, ограничена по объему той, которая принадлежитъ мировымъ судьямъ. Отсюда само собою очевидно, что, по самому своему положенію, лица, исполняющія судебскія обязанности, за исключеніемъ мировыхъ судей, а также судебныхъ слѣдователей, поставлены въ такое положеніе, которое совершенно неблагопріятствуетъ выполненію возлагаемой на нихъ 10 и 11 ст. Уст. Уг. Суд. обязанности; эта обязанность для нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. членовъ окружныхъ судовъ, судебныхъ палатъ, составляетъ совершенное противорѣчіе съ общимъ очерченіемъ круга ихъ дѣятельности: кругъ ихъ нормальной дѣятельности такъ очерченъ, что они только равнѣ случайно могутъ натолкнуться на неправильное лишеніе свободы, въ смыслѣ 10 ст., и на содержаніе не въ надлежащемъ помѣщеніи. При составленіи 10 и 11 ст., члены комисіи, окончательно редактировавшей Уставъ Уголовнаго Судопроизводства, имѣли въ виду главнымъ образомъ англійское законодательство. Въ объяснительной запискѣ говорится: «Въ нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ законодательство постановляетъ самыя строгія правила въ огражденіе личной свободы каждаго изъ членовъ общества. Воимъ извѣстенъ англійскій Habeas corpus act, по которому освобожденіе неправильно арестованнаго производится судомъ «Королевской скамьи», но англійское право представляетъ еще болѣе простое средство отвращенія незаконныхъ арестовъ. Каждый судья въ Англіи, который имѣетъ право судить извѣстное лицо или председательствовать въ томъ судѣ, который долженъ его судить, вправе отпустить арестованнаго подъ поручительство, если замѣтитъ, что противъ него нѣтъ никакого обвинительнаго акта, или что онъ содержится не по силѣ такъ называемаго commitment, приговора объ отсылкѣ къ присяжнымъ, или же, если судья клятвою обвиняемаго удостовѣрится въ незаконности ареста, или изъ доказательствъ увидитъ неосновательность отказа въ поручительствѣ» (объяс. зап. къ Уст. Уг. Суд., стр. 200). Но англійская система не можетъ въ этомъ случаѣ служить образцомъ, потому что каждый членъ трехъ англійскихъ королевскихъ судовъ дѣйствуетъ, рѣшаетъ и судитъ столько же въ коллегіи, сколько и одиночно, — въ послѣднемъ случаѣ тогда, когда онъ держитъ ассизы въ графствахъ.—

поэтому, члена английских судов можно назвать въ собственномъ смыслѣ судьей. Составители Устава Уголовнаго Судопроизводства, дѣлая такую ссылку на английское судопроизводство, выпустили, сверхъ того, изъ виду существеннѣйшую черту различія положенія судебной власти въ Англіи и у насъ, ту черту различія, которая сообщаетъ совсѣмъ иной, чѣмъ въ Англіи, характеръ праву судьи немедленно освобождать изъ-подъ стражи лишеннаго незаконно свободы: въ Англіи судебная власть пользуется этимъ правомъ безъ ограниченія; у насъ же хотя, по общему праву, никто не можетъ подлежать преслѣдованію за преступленіе и проступокъ, не бывъ привлеченъ къ отвѣтственности въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами Устава Уголовнаго Судопроизводства, т. е. не бывъ привлеченъ компетентною судебною властью, но по исключенію полицейскія и другія административныя власти, для предупрежденія и пресѣченія преступленій и проступковъ въ порядкѣ, установленномъ законами, могутъ принимать мѣры, помимо и независимо отъ судебной власти (Уст. Уг. Суд. ст. 1 и прим. къ ней).

Другой важный вопросъ, который возбуждаютъ разсматриваемыя нами статьи, состоитъ въ томъ, какихъ именно неправильно лишенныхъ свободы каждый судья и каждый прокуроръ обязанъ немедленно освободить, и какія мѣста заключенія слѣдуетъ считать ненадлежащими?

Содержаніе подъ стражею можетъ быть незаконно или потому, что оно сдѣлано по распоряженію лицъ и мѣстъ къ тому неуполномоченныхъ, или потому, что оно произведено безъ соблюденія формальностей, т. е. безъ составленія постановленія о заключеніи подъ стражу, или наконецъ потому, что оно, будучи произведено уполномоченнымъ лицомъ съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, лишено однакожъ внутреннихъ причинъ и законныхъ основаній. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ 10 статьѣ разумѣются только два первые вида незаконнаго ареста, т. е. арестъ незаконный по формѣ, и ни въ какомъ случаѣ 10-я статья не касается ареста третьяго вида, т. е. незаконнаго по содержанію. Ибо прекращеніе этого послѣдняго вида ареста совершается по другимъ правиламъ, такъ сказать, нормальнымъ путемъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже: примѣнять установленный 10 ст. способъ къ прекращенію третьяго вида ареста значило бы вводить анархію въ отправленіе суда. Судья можетъ немедленно освободить изъ-подъ стражи только того, который лишенъ свободы лицомъ, неимѣющимъ права производить арестъ. Это правило вызвано вѣковыми злоупотребленіями практики прошедшаго періода. «До сей поры—говорится по этому поводу въ объяснительной запискѣ—правомъ задержанія пользовались не только всякая власть и всякое начальство, но и частныя лица, занимавшія выгодное положеніе въ обществѣ.» (Об. зап. Уст. Угол. Суд., стр. 202). Противъ этихъ-то злоупотребленій и направлена ст. 10, когда она уполномочиваетъ судей и прокуроровъ немедленно освобождать арестованнаго безъ постановленія уполномоченныхъ на то мѣстъ и лицъ. По силѣ этой же статьи, судьи и прокуроры обязаны немедленно освободить изъ-подъ стражи также и тѣхъ, которые бы были заключены подъ стражу вообще безъ постановленія, ибо 9 статьею запрещается исполнять требованіе о взятіи подъ стражу, когда оно послѣдовало не въ порядкѣ, опредѣленномъ пра-

вилами Устава. Къ такому же порядку принадлежит составленіе постановленія; слѣдовательно, если бы кто, вопреки этому правилу, былъ взять подъ стражу безъ составленія постановленія, то такой арестъ долженъ быть прекращенъ, такъ какъ безъ постановленія нѣтъ возможности удостовѣриться, уполномоченнымъ или неуполномоченнымъ лицомъ произведенъ арестъ.

Что касается принатія мѣръ къ предотвращенію содержанія не въ надлежащемъ мѣстѣ заключенія, то судьи и прокуроры обязаны прекращать столь часто встрѣчавшіеся въ прежнее время случаи содержанія подъ стражею въ такихъ напр. мѣстахъ, какъ: сарай, подвалъ, амбаръ, нежилой домъ, вообще заключеніе въ иномъ мѣстѣ, кромѣ тѣхъ, которыя именно предназначены для сего закономъ. Члены комисіи справедливо мотивировали необходимость такого правила, между прочимъ, тѣмъ, что при произвольномъ задержаніи въ мѣстѣ, не предназначенномъ для того закономъ, задержанное лицо естественно можетъ быть лишено физической возможности подать жалобу или просьбу о своемъ освобожденіи.

Далѣе, въ разсматриваемой статьѣ говорится такъ о судѣ или прокурорѣ, которые обязаны прекращать незаконный или не въ надлежащемъ мѣстѣ арестъ: «который, въ предѣлахъ своего округа или участка, *удостоверится* въ задержаніи кого либо подъ стражею безъ постановленія» и проч. Въ чемъ состоитъ это удостовѣреніе и какіе способы представляются судьямъ и прокурорамъ удостовѣриться въ подобныхъ незаконныхъ арестахъ? Что лица прокурорскаго надзора имѣютъ и возможность и способы открывать подобные аресты и въ нихъ удостовѣриться—это совершенно ясно: представители прокурорскаго надзора имѣютъ эту возможность при обязательномъ посѣщеніи тюремъ; ни одно уголовное слѣдствіе не можетъ быть начато безъ ихъ вѣдома или инициативы; они находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ полиціею, слѣдователями и подсудимыми. Мировые судьи и судебные слѣдователи, какъ лица, стоящіе близко къ населенію, и какъ самостоятельно дѣйствующія, обладаютъ неменьшею же возможностью достигать выполненія возложенной на нихъ 10 статьею обязанности. Притомъ-же, такъ какъ прямая обязанность всѣхъ этихъ лицъ состоитъ въ открытіи и преслѣдованіи преступленій, и такъ какъ арестъ, произведенный лицами на это неуполномоченными, есть не только незаконный, но и преступленіе, то по одному этому лица прокурорскаго надзора, мировые судьи и слѣдователи поставлены вдвойнѣ въ возможность удостовѣриться и прекращать арестъ разсматриваемаго нами свойства. Совершенно въ другомъ положеніи находятся члены судовъ. Посѣщеніе тюремъ для нихъ необязательно; отношеніе ихъ къ подсудимымъ и къ производимымъ дѣламъ не непосредственное, а проявляется коллегиально. Эти-то соображенія ведутъ къ тому убѣжденію, что законодатель, хотя и возложилъ на каждого судью обязанность прекращать незаконные аресты, но въ тоже время не поставилъ ихъ въ практическую возможность выполнить эту обязанность.

При составленіи Устава Уголовнаго Судопроизводства было обращено особенное вниманіе на контроль за принятіемъ такой важной мѣры пресѣченія, какъ

содержаніе подѣ стражею, и на предотвращеніе лишенія свободы, незаконнаго по существу. Опытъ прежняго времени училъ, что для слѣдователей нашихъ недостаточенъ общій надзоръ въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ при дѣйствіи Свода, а необходимо специальное наблюденіе за каждымъ случаемъ взятія подѣ арестъ.

Пока не было выработано вошедшее въ дѣйствіе судоустройство, предлагали поставить временное лишеніе свободы подѣ надзоръ суда, а окончательное взятіе подѣ стражу хотѣли сдѣлать дѣломъ одного суда. Такъ, въ проектѣ II отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи предложено было, для большаго огражденія обвиняемыхъ отъ неосновательнаго задержанія, чтобы слѣдователь, сдѣлавъ распоряженіе о задержаніи подозрѣваемаго, представлялъ на утвержденіе предсѣдателя уѣзднаго суда; чтобы предсѣдатель, если признаетъ, что нѣтъ основанія ко взятію подозрѣваемаго подѣ стражу, представлялъ бы о томъ на разсмотрѣніе суда; чтобы это задержаніе, какъ мѣра предварительная, не могло продолжаться болѣе 8 дней; чтобы дальнѣйшее оставленіе подозрѣваемаго подѣ стражею зависѣло уже отъ рѣшенія суда. (Записка госуд. канцел. объ основныхъ начал. судоустр. и судопр. гражд. и угол., стр. 127, 147 и 148). На этотъ проектъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на выраженіе желанія сдѣлать на будущее время невозможнымъ своеволіе и злоупотребленія старыхъ практиковъ, по самъ по себѣ онъ не могъ получить практическаго примѣненія.

Мысль о надзорѣ по существу за взятіемъ подѣ стражу въ дѣйствующемъ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства выразилась въ иномъ видѣ. Надзоръ этотъ порученъ представителямъ прокурорскаго надзора. Для осуществленія его введены слѣдующія правила:

При взятіи обвиняемаго подѣ стражу, судебный слѣдователь объ основаніяхъ такого распоряженія немедленно увѣдомляетъ ближайшее лицо прокурорскаго надзора, *которое можетъ требовать, чтобы слѣдователь ограничился мѣрою менѣе строгою*, если обвиняемый не навлекаетъ на себя достаточнаго подозрѣнія въ преступленіи, влекущемъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія или потерю всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ (ст. 283).

Судебный слѣдователь увѣдомляетъ прокурора или его товарища и о причинахъ, по которымъ не взять подѣ стражу или освобожденъ изъ-подѣ стражи обвиняемый въ преступленіи, подвергающемъ лишенію всѣхъ правъ состоянія или потерѣ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ (ст. 284).

Прокуроръ или его товарищъ имѣетъ право предложить слѣдователю о задержаніи обвиняемаго, оставленнаго на свободѣ или освобожденнаго изъ-подѣ стражи. Но если слѣдователь встрѣтитъ въ томъ препятствіи потому, что подозрѣваемый не навлекаетъ на себя достаточнаго подозрѣнія въ преступленіи, подвергающемъ лишенію всѣхъ правъ состоянія или потерѣ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, то, не исполняя такого требованія, представляетъ о томъ суду (285 ст.).

Итакъ, всякое арестованіе подсудимаго тогда только можетъ остаться въ силѣ, если лицо прокурорскаго надзора найдетъ его основательнымъ. Повѣрка со стороны прокурорскаго надзора основательности должна состоять, по ст. 283,

въ оцѣнкѣ достаточности падающаго на арестованнаго подозрѣнія въ преступленіи, влекущемъ лишеніе всѣхъ правъ или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. Въ этой повѣркѣ заключается существеннѣйшая гарантія для подсудимаго, потому что этимъ способомъ вопросъ: слѣдуетъ или не слѣдуетъ подвергнуть аресту?—рѣшается посредствомъ двухъ лицъ, дѣйствующихъ отдѣльно другъ отъ друга; результатъ отъ этого двойнаго разсмотрѣнія и рѣшенія можно сравнить съ тѣмъ, который достигается для цѣлаго дѣла посредствомъ разсмотрѣнія его въ двухъ инстанціяхъ. Въ статьѣ 283 говорится объ обязанности лицъ прокурорскаго надзора повѣрять основательность ареста со стороны достаточности уликъ обвиненія. Но статью эту слѣдуетъ понимать не въ тѣсномъ, а въ обширномъ смыслѣ. Нельзя, конечно, допустить той мысли, будто представители прокурорской власти не обязаны повѣрять основательность заарестованія со стороны другихъ мотивовъ, а будто бы они не имѣютъ права потребовать замѣны ареста болѣе мягкою мѣрою пресѣченія, когда они убѣждены, что арестъ въ данномъ случаѣ неумѣстенъ по другимъ причинамъ, независимо отъ достаточности или недостаточности уликъ. Если бы, напримѣръ, слѣдователь арестовалъ подозрѣваемаго въ такомъ преступленіи, обвиненіе въ которомъ не влечетъ за собою содержанія подъ стражею во время слѣдствія и суда, или бы онъ арестовалъ кого-нибудь, причисляя его преступленіе къ тягчайшему роду преступленій, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ или всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, а между тѣмъ дѣяніе обвиняемаго явно подходило бы подъ разрядъ болѣе легкихъ преступленій, невлекущихъ лишенія правъ, или бы онъ арестовалъ малолѣтняго, который, по смыслу закона, не долженъ подвергаться сей мѣрѣ пресѣченія, — во всѣхъ сихъ случаяхъ представитель прокурорской власти не только вправѣ, но и обязанъ потребовать, чтобы слѣдователь отмѣнилъ арестъ и постановилъ бы болѣе мягкую мѣру пресѣченія. Ограничить контроль прокурорской власти только повѣркою основательности ареста со стороны уликъ—это значило бы поставить этотъ контроль въ слишкомъ тѣсныя границы и отступить отъ общаго начала, а вмѣстѣ съ тѣмъ предать забвенію истинный характеръ прокурорскаго надзора.

На основаніи 283—285 статей, слѣдователь обязанъ увѣдомлять лицъ прокурорскаго надзора какъ тогда, если арестуетъ, такъ и когда онъ не арестуетъ или освобождаетъ изъ-подъ ареста обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ или всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Съ другой стороны, и представитель прокурорской власти имѣетъ право, по разсмотрѣніи основаній примѣненія или непримѣненія ареста, требовать какъ освобожденія арестованнаго, если онъ не находитъ достаточныхъ данныхъ для принятія этой мѣры, такъ и взятія подъ арестъ оставленнаго на свободѣ или освобожденнаго изъ-подъ стражи, если онъ считаетъ эту мѣру необходимою. Но исходъ этихъ требованій установленъ различный. Требованіе о прекращеніи содержанія подъ стражею и принятія болѣе мягкой мѣры слѣдователь обязанъ исполнить. Что онъ обязанъ подобное требованіе исполнить—это вытекаетъ изъ общаго отношенія слѣдователя къ требованіямъ лицъ прокурорскаго надзора вообще. Ибо, по статьѣ 281,

судебный слѣдователь, по всѣмъ предметамъ, относящимся къ изслѣдованію преступленія и къ собранію доказательствъ, исполняетъ законныя требованія прокурора или его товарища, съ отиѣткою въ протоколахъ, какія именно мѣры приняты по его требованію. Правда, законъ вообще дозволяетъ слѣдователю, въ случаѣ встрѣчающихся препятствій къ выполнению требованій лицъ прокурорскаго надзора, увѣдомлять предъявившаго требованіе и ожидать его разрѣшенія (ст. 282). Но тою же статьею предписывается ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, приводить требованіе прокурора въ исполненіе, насколько возможно, и до полученія разрѣшенія. А такъ какъ содержаніе подъ стражею можетъ быть замѣнено такими мѣрами пресѣченія, какъ поручительство или залогъ, то приведеніе въ исполненіе, насколько возможно, требованія прокурора на счетъ освобожденія изъ-подъ стражи и можетъ состоять въ принятіи другой мѣры, впредь до полученія отъ прокурора разрѣшенія недоумѣній. Сущность же разрѣшенія недоумѣній въ смыслѣ перваго требованія для судебного слѣдователя обязательна къ исполненію. Если законодатель требуетъ отъ слѣдователя исполненія требованій прокурора вообще, то странно было бы сдѣлать отступленіе отъ этого общаго начала въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о принятіи мѣръ пресѣченія, гдѣ вѣроятность правды принятія болѣе строгой или болѣе мягкой мѣры столь условна, что, безъ всякой опасности для правосудія, можетъ быть принято льготное предложеніе для подсудимаго со стороны того органа, специальная обязанность котораго состоятъ въ обвиненіи. Но законодатель, въ видахъ покровительства свободы гражданъ, сдѣлалъ отступленіе отъ этого общаго правила, состоящее въ томъ, что слѣдователь не обязанъ исполнять требованіе представителя прокурорской власти о задержаніи обвиняемаго, оставленнаго на свободѣ или освобожденнаго изъ-подъ стражи. Если онъ признаетъ невозможнымъ исполнить это требованіе, то о разрѣшеніи недоумѣній представляетъ окружному суду. Въ ст. 285 говорится: «если слѣдователь встрѣтитъ въ исполненіи прокурорскаго требованія препятствіе потому, что обвиняемый не навлекаетъ на себя достаточнаго подозрѣнія въ преступленіи, подвергающему лишенію всѣхъ правъ состоянія или потерѣ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ». Разумѣется, на практикѣ можетъ встрѣтиться препятствіе къ исполненію такого требованія не только потому, что обвиняемый не навлекаетъ на себя достаточныхъ подозрѣній, но и по другимъ причинамъ, такъ какъ принятіе мѣръ пресѣченія по закону зависитъ не только отъ свойства уликъ, но отъ опредѣленія свойства преступленія, возраста, отъ состоянія здоровья, пола и тому подобн.,—что также, какъ выше мы показали, можетъ служить предметомъ разногласія между слѣдователемъ и представителемъ прокурорской власти. Такимъ образомъ, препятствія къ исполненію требованій прокурорской власти слѣдуетъ понимать не въ тѣсномъ, а въ обширномъ смыслѣ. Но относительно права судебного слѣдователя—не исполнять требованія представителя прокурорской власти о взятіи обвиняемаго подъ стражу, котораго онъ не считаетъ необходимымъ арестовать, допущено одно исключеніе по отношенію къ обвиняемымъ въ государственныхъ преступленіяхъ. Слѣдствіе по государственнымъ преступленіямъ, подсуднымъ судебной палатѣ, производится

однимъ изъ членовъ судебной палаты. Но если членъ судебной палаты не будетъ въ теченіе сутокъ, то первоначальный допросъ снимается мѣстнымъ судебнымъ слѣдователемъ. По снятіи первоначальнаго допроса съ обвиняемаго, говорится въ 1040 статьѣ, взятаго подъ стражу, судебный слѣдователь можетъ, по обстоятельствамъ дѣла, принять къ пресѣченію ему способовъ уклониться отъ слѣдствія и суда менѣе строгую мѣру (ст. 416 и 421), *если противъ сего не предъявитъ возраженія мѣстный прокуроръ или его товарищъ*. «Можетъ принять, если не предъявить возраженій» — это одно и то же, что слѣдователь не можетъ принять менѣе строгую мѣру, если прокуроръ предъявитъ возраженіе.

§ 40. Порядокъ обжалованія принятія судебнымъ слѣдователемъ мѣръ пресѣченія установленъ въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства слѣдующій:

Жалоба приносится окружному суду (ст. 493), а подается чрезъ судебного слѣдователя, принявшаго ту или другую мѣру пресѣченія (ст. 497). По требованію подающаго, ему выдается росписка въ принятіи жалобы (ст. 498). Взятому подъ стражу, если онъ заявитъ желаніе подать жалобу, предоставляются всѣ необходимыя къ тому способы (ст. 496). Жалобу на лишеніе свободы слѣдователь обязанъ отправить съ надлежащимъ объясненіемъ по принадлежности въ теченіе сутокъ (ст. 499). Само собою разумѣется, что принесеніе жалобы не останавливаетъ приведенія въ исполненіе принятой мѣры пресѣченія (ст. 500). Въ Уставѣ сказано, что вообще частныя жалобы могутъ быть словесныя и письменныя, и что словесныя вносятся въ протоколъ (ст. 495). Безъ сомнѣнія, нѣтъ никакого препятствія къ принесенію словесныхъ жалобъ и на принятіе той или другой мѣры пресѣченія: въ случаѣ заявленія подобной жалобы слѣдователь обязанъ внести ее въ протоколъ и затѣмъ представить о заявленной жалобѣ съ своимъ объясненіемъ окружному суду. Законъ установилъ, какъ выше указано, суточный срокъ для отсылки жалобы на лишеніе свободы. Лишеніе свободы, очевидно, должно понимать въ этомъ случаѣ не въ томъ только тѣсномъ смыслѣ, когда противъ подсудимаго прямо принята эта высшая мѣра пресѣченія, но и въ томъ, когда онъ лишентъ свободы также вслѣдствіе невозможности представить назначенныя слѣдователемъ поручительство или залогъ, которые подсудимый считаетъ для себя слишкомъ высокими.

Жалобы на принятіе мѣръ пресѣченія принадлежатъ къ общему разряду жалобъ (ст. 491—509). Приносить частныя жалобы вообще имѣютъ право всѣ участвующія въ дѣлѣ лица на всякое слѣдственное дѣйствіе, нарушающее или стѣсняющее ихъ права (ст. 491). Отсюда рождается вопросъ, рѣшеніе котораго не безынтересно въ практическомъ отношеніи: можетъ-ли гражданскій истецъ принести жалобу на непринятіе слѣдователемъ противъ подсудимаго такой мѣры, какъ арестъ, или на принятіе слѣдователемъ поручительства или залога въ меньшемъ объемѣ, чѣмъ гражданскій истецъ считаетъ необходимымъ?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ наша судебная практика представляетъ примѣръ жалобы гражданской истицы Коссовой, принесенной въ с.-петербургскую судебную палату на опредѣленіе с.-петербургскаго окружнаго суда по предмету

освобожденія изъ-подъ стражи итальянскаго подданнаго Боргазани («Суд. Вѣстн.» 1868 г. № 146). Къ сожалѣнію, изъ опредѣленія судебной палаты не видно, въ чемъ именно состояла жалоба и какіе мотивы приняты были палатою въ основаніе отказа въ этой жалобѣ; намъ приходится пока довольствоваться тѣмъ фантомъ, что практика можетъ представить случаи подачи жалобъ гражданскаго истца по предмету принятія мѣръ пресѣченія. Вникая же въ сущность нашего судопроизводства, должно сказать, что жалобы гражданскаго истца, касающіяся самой сущности принятія мѣръ, не должны имѣть, по закону, мѣста, за исключеніемъ одного случая. Гражданскій истецъ, по ст. 742, не имѣетъ права касаться уголовной отвѣтственности подсудимаго, такъ какъ вопросъ этотъ чисто общественнаго, а не частнаго характера. По тѣмъ же самымъ причинамъ онъ не имѣетъ права касаться и принятія мѣръ пресѣченія. Соразмѣреніе мѣръ пресѣченія соотвѣтственно интересамъ государства вполне обезпечивается дѣятельностью судебного слѣдователя и представителя прокурорской власти. Посему, допущеніе гражданскаго истца къ ходатайству объ увеличеніи строгости мѣры пресѣченія противъ лица, отъ котораго онъ потерпѣлъ убытки, было бы равносильно допущенію его къ ходатайству объ увеличеніи строгости наказанія. Отвергая второе, должно отвергнуть и первое, и наоборотъ: принявъ первое, уже не логично было бы не принять второе. Поэтому, слѣдуетъ считать общимъ правиломъ, что гражданскій истецъ не имѣетъ права ходатайствовать объ увеличеніи строгости мѣръ пресѣченія, и что всякая жалоба на невзятіе, напримѣръ, подсудимаго подъ стражу, невзятіе залога, нетребованіе поручительства и т. п., не должна быть даже разсматриваема по существу. Въ одномъ только случаѣ можно допустить подачу жалобы со стороны гражданскаго истца по поводу принятія мѣръ пресѣченія: это—подачу жалобы на неопредѣленіе суммы залога въ количествѣ искомаго имъ вознагражденія, и то въ томъ только случаѣ, если его искъ предварительно не обезпеченъ наложеніемъ запрещенія на имущество, принадлежащее обвиняемому.

Жалоба по предмету принятія мѣръ пресѣченія разсматривается окружнымъ судомъ въ первый присутственный день, въ распорядительномъ засѣданіи (ст. 501). Принесшій жалобу допускается къ словеснымъ на судѣ объясненіямъ, если онъ находится налицо (ст. 504). Передъ постановленіемъ рѣшенія выслушивается заключеніе прокурора (ст. 505). Рѣшеніе вносится въ протоколъ, съ указаніемъ принятыхъ судомъ основаній къ разрѣшенію жалобы (ст. 506). Въ случаѣ признанія окружнымъ судомъ жалобы неосновательною, подсудимый имѣетъ право принести судебной палатѣ жалобу на отказъ окружнаго суда въ удовлетвореніи его просьбы (ст. 893 п. 3). Хотя жалобы вообще на частныя опредѣленія окружнаго суда подаются въ двухнедѣльный срокъ со времени объявленія частнаго опредѣленія, или если оно не было объявляемо, то со времени приведенія его въ дѣйствіе (ст. 895), но изъ сего правила исключаются жалобы на неправильное взятіе подсудимыхъ подъ стражу: жалобы этого рода могутъ быть приносимы въ теченіе всего производства (ст. 896). Подъ неправильнымъ взятіемъ подъ стражу здѣсь слѣдуетъ разумѣть не только непосредственное взя-

тіе подѣ стражу, но и то, которое является замѣною поручительства или залога, неправильно, по мнѣнію подсудимаго, опредѣленныхъ, то-есть жалобы и на сего рода арестъ могутъ быть приносимы въ теченіе всего производства. Очевидно, что отказъ въ жалобѣ, произнесенный судебною палатою, есть окончательное рѣшеніе вопроса о принятой мѣрѣ пресѣченія. Подѣ однимъ только условіемъ возможно разсмотрѣніе въ самой палатѣ того же вопроса, именно: подѣ условіемъ представленія такихъ обстоятельствъ, которыя не были въ виду суда при постановленіи перваго его опредѣленія; въ этомъ случаѣ, по-справедливому постановленію московской судебной палаты, разѣ постановленное опредѣленіе судебной палаты о личномъ задержаніи подсудимаго не стѣсняетъ ея въ постановленіи новаго опредѣленія о семъ предметѣ («Юрид. Газета» № 18). Жалоба въ кассационный департаментъ сената не должна имѣть мѣста и не подлежитъ разсмотрѣнію въ существѣ, потому что, какъ справедливо сказано въ судебной революціи на подобную жалобу Звенигородскаго — частныя жалобы, на основаніи 893 ст. Уст. Угол. Судопр., допускаются только въ апелляціонныя инстанціи, а правительствующій сенатъ, въ общемъ порядкѣ судопроизводства, составляетъ кассационную инстанцію («Судебн. Вѣстн.» 1867 г. № 214).

Но если подсудимый не имѣетъ права подавать частной жалобы на несправедливый арестъ въ кассационный департаментъ сената, не можетъ-ли онъ, принося кассационную жалобу въ сенатъ на нарушеніе прямого смысла закона или существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, вмѣстѣ съ тѣмъ обжаловать неправильное примѣненіе къ нему законовъ о мѣрахъ пресѣченія?

Собственно говоря, нарушеніе законовъ о принятіи мѣръ пресѣченія есть нарушеніе формъ и обрядовъ судопроизводства. Конечно, порядокъ принятія мѣръ пресѣченія не принадлежитъ самъ по себѣ къ формамъ и обрядамъ столь существеннымъ, чтобы безъ соблюденія его невозможно было признать приговоръ въ силѣ судебного рѣшенія. Но, тѣмъ не менѣе, при осложненіи нарушенія его другими нарушеніями должна послѣдовать кассация, а вмѣстѣ съ тѣмъ кассационный сенатъ не можетъ пройти молчаніемъ и оставить безъ вниманія нарушение законовъ принятія мѣръ пресѣченія. Въ отношеніи занимающаго насъ вопроса весьма важнымъ разъясненіемъ могутъ служить рѣшенія кассационнаго сената по дѣламъ Звенигородскаго и Проценка. Отвергнувъ частную жалобу перваго по предмету принятія мѣръ пресѣченія, сенатъ, между прочимъ, выразился такъ: «разсмотрѣнію правительствующаго сената подлежатъ въ кассационномъ порядкѣ приносимыя на окончательные приговоры жалобы, въ которыхъ подсудимые и участвующіе въ дѣлѣ имѣютъ право просить объ отмѣнѣ рѣшенія, если въ производствѣ дѣла и въ постановленіи приговора нарушенъ, во вредъ ихъ, прямой смыслъ закона, или при производствѣ дѣла не соблюдены были установленныя формы и обряды судопроизводства, или же судъ вышелъ изъ предѣловъ предоставленной ему власти, *чѣмъ открытъ для нихъ путь достигать возстановленія законнаго порядка во всемъ, въ чемъ они считаютъ оный въ отношеніи къ нимъ нарушеннымъ*» (рѣш. кас. угол. депар. 1867 г. № 404). Изъ этихъ словъ ясно, что обвиняемый, въ своей кассационной жалобѣ, имѣетъ

законное основаніе доказывать, что въ отношеніи къ нему были нарушены закономъ установленные порядокъ и формы принятія мѣръ пресѣченія, и что кассационный департаментъ не вправѣ отклонить отъ себя обязанности разсмотрѣть и рѣшить вопросъ: дѣйствительно-ли такой порядокъ нарушенъ и въ какомъ отношеніи это нарушение находится къ приговору. Такъ сенатъ и поступилъ при разсмотрѣніи кассационной жалобы Проценка. Сенатъ нашелъ, что хотя подсудимый двумя приговорами мирового съѣзда присужденъ былъ лишь къ аресту, однако мировой съѣздъ потребовалъ отъ подсудимаго, впредь до вступленія приговоровъ въ законную силу, денежный залогъ въ 300 руб. и, за непредставленіемъ имъ такого залога, подвергъ его аресту, тогда какъ по закону относительно обезпеченія личности обвиняемыхъ въ проступкахъ, подвергающихъ аресту, высшею мѣрою можетъ быть поручительство, какъ во время суда надъ ними, такъ и при постановленіи о нихъ приговора (Уст. Угол. Суд. ст. 77 и 125). Поэтому, передавая дѣло Проценка въ другой мировой съѣздъ, вслѣдствіе нарушения законовъ о рѣшеніи по совокупности проступковъ, правительствующій сенатъ предписалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлать немедленно распоряженіе объ обезпеченіи личности подсудимаго на законномъ основаніи (рѣш. угол. кас. деп. 1867 г. № 453).

Само собою разумѣется, что когда кассационный департаментъ сената является судящимъ, а не касирующимъ учрежденіемъ, частныя жалобы по предмету принятія мѣръ пресѣченія могутъ быть ему приносимы. Кассационный департаментъ сената вѣдаетъ какъ судящее учрежденіе слѣдующія дѣла: 1) дѣла о преступленіяхъ по должности (1073 и 1113 ст. Уст. Угол. Суд.); 2) дѣла о преступленіяхъ посредствомъ печати, означенныхъ въ статьяхъ 181, 189, 274 и 1035—1037 Улож. о нак., и 3) дѣла объ оскорбленіяхъ въ печати должностныхъ лицъ, присутственныхъ мѣстъ и установленій (Высоч. утвржд. 12-го декабря 1866 г. мнѣнія госуд. совѣта ст. 3). По поводу разсмотрѣнія частной жалобы, принесенной ему подполковникомъ Соколовымъ на неправильное взятіе его подъ стражу, по обвиненію его въ стремленіи возбудить, посредствомъ напечатанія сочиненія, къ неуваженію и явному неповиновенію верховной власти, кассационный департаментъ сената высказалъ слѣдующее мнѣніе: «По исчисленнымъ выше родамъ дѣлъ могутъ быть приносимы въ правительствующій сенатъ не только апелляціонныя, но и частныя жалобы, въ законѣ установленныхъ случаяхъ, лишь тогда, когда по этимъ родамъ дѣлъ приговоры постановлены въ судебной палатѣ безъ участія присяжныхъ, какъ въ первой степени суда. Но по тѣмъ дѣламъ, по которымъ въ окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ постановляются окончательные приговоры, не только апелляціонныя, но и частныя жалобы и протесты не могутъ имѣть мѣста, такъ какъ, по опредѣленію закона, послѣдніе подаются отдѣльно отъ отзывовъ и протестовъ, приносимыхъ въ апелляціонномъ порядкѣ, слѣдовательно допускаются лишь по тѣмъ дѣламъ, по которымъ дѣйствія суда первой степени могутъ быть обжалованы какъ въ частномъ, такъ и въ апелляціонномъ порядкѣ. На этомъ основаніи сенатъ призналъ жалобу Соколова подлежащею разсмотрѣнію

кассационнаго департамента, какъ поданную по дѣлу о государственномъ преступленіи, которое разсматривается только въ одной степени суда, въ судебной палатѣ, на приговоры которой могутъ быть приносимы лишь кассационныя жалобы и протесты (рѣш. кас. депар. 1867 г. № 140). Съ этимъ толкованіемъ согласиться нельзя. По общему порядку, узаконенному Уставомъ Уголовнаго Судопроизводства, частныя жалобы, и въ томъ числѣ по предмету принятія мѣръ пресѣченія, могутъ быть приносимы не только отдѣльно отъ отзывать апелляціонныхъ, но и отъ отзывать кассационныхъ, а слѣдовательно не только тогда, когда дѣло, рѣшаемое безъ участія присяжныхъ, разсматривается въ двухъ инстанціяхъ, но и тогда, когда оно, при участіи присяжныхъ, окончательно рѣшается въ окружномъ судѣ. Обвиняемый въ умышенномъ убійствѣ подлежитъ окончательному приговору окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ; несмотря, однакоже, на то, что произносимый надъ нимъ приговоръ можетъ быть отиѣненъ только въ кассационномъ порядкѣ, онъ имѣетъ полное право приносить частныя жалобы по предмету принятія мѣръ пресѣченія не только въ окружной судъ, но, получивъ отказъ, и въ судебную палату (ст. 491—509 и п. 3 ст. 893 Уст. Угол. Суд.). Какъ, по общимъ дѣламъ, на приговоры окружнаго суда, постановленные безъ участія присяжныхъ засѣдателей по существу, и на опредѣленія его по всѣмъ инымъ дѣламъ, постановленные въ частномъ порядкѣ по предмету принятія мѣръ пресѣченія, приносятся судебной палатѣ въ первомъ случаѣ апелляціонныя, а во второмъ случаѣ частныя жалобы и протесты,—такимъ же самымъ образомъ въ дѣлахъ по преступленіямъ должности, судимымъ въ судебной палатѣ какъ первой инстанціи, въ кассационный департаментъ могутъ быть подаваемы какъ апелляціонныя жалобы, когда дѣло подлежитъ рѣшенію двухъ инстанцій, такъ и частныя жалобы по предмету напр. принятія мѣръ пресѣченія, когда дѣло рѣшается окончательно съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей въ судебной палатѣ. То же самое имѣетъ примѣненіе къ дѣламъ о преступленіяхъ печати, означенныхъ въ ст. 181, 189, 274 и 1035—1037 Улож. о наказ., и къ дѣламъ объ оскорбленіяхъ въ печати должностныхъ лицъ, присутственныхъ мѣстъ и установлений (Выс. утв. мѣнія гос. совѣта 12-го декабря 1866 г. ст. 3). Болѣе представляетъ недоумѣній разсматриваемый нами вопросъ въ примѣненіи къ преступленіямъ чисто государственнымъ, которыя подсудны судебной палатѣ (ст. 1030 п. 1) и которыя рѣшаются хотя и безъ участія присяжныхъ, но окончательно, съ правомъ подачи кассационныхъ жалобъ и протестовъ. Но принимая во вниманіе, что, по 1031 статьѣ Уст. Угол. Судопр., дѣла по государственнымъ преступленіямъ производятся общимъ порядкомъ уголовного судопроизводства съ соблюденіемъ особенныхъ правилъ, въ которыхъ однакоже ничего особеннаго не говорится о частныхъ жалобахъ; что частный вопросъ о прекращеніи этого рода дѣлъ рѣшается въ частномъ порядкѣ кассационнымъ гражданскимъ департаментомъ (ст. 1046—1049 Уст. Угол. Судопр.),—нѣтъ никакого основанія обвиняемаго въ государственномъ преступленіи лишать права подавать частныя жалобы по предмету принятія мѣръ пресѣченія въ кассационный департаментъ сената,

который долженъ въ этомъ случаѣ быть въ отношеніи судебной палаты тѣмъ же, чѣмъ судебная палата въ отношеніи къ окружному суду. Въ самомъ дѣлѣ, если для рѣшенія частныхъ жалобъ по предмету принятія мѣръ пресѣченія противъ обвиняемыхъ въ обыкновенныхъ преступленіяхъ, существуетъ двѣ инстанціи, то нѣтъ никакого основанія лишать этой гарантіи обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, подсудныхъ судебной палатѣ.

Имѣетъ-ли право представитель прокурорской власти обжаловать постановленіе окружного суда по предмету принятія мѣръ пресѣченія, и останавливаетъ-ли такое обжалованіе исполненіе означеннаго постановленія? Въ 893 ст. говорится: могутъ быть подаваемы, до постановленія приговора, частныя жалобы и *протесты* по принятію мѣръ для воспрепятствованія подсудимому уклоняться отъ слѣдствія и суда (ст. 893 п. 3). Такъ какъ протестомъ вообще называется только обжалованіе постановленій суда представителями прокурорской власти, то значить, что дозволительно обжалованіе прокурорскою властью постановленій окружного суда и по предмету принятія мѣръ пресѣченія. Что же касается вопроса: приостанавливаетъ или не приостанавливаетъ такой протестъ исполненіе постановленія окружного суда, то онъ разрѣшается 897-ст. Уст. Угол. Судопр., въ которой говорится: «Подача жалобы или протеста на частное опредѣленіе не останавливаетъ его исполненія, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда признаетъ это необходимымъ судъ, постановившій опредѣленіе, или судебная палата, въ которую жалоба или протестъ представлены». Итакъ, если окружной судъ признаетъ возможнымъ освободить подсудимаго изъ-подъ ареста или взять подъ стражу находящагося на свободѣ, то онъ имѣетъ право тотчасъ: въ первомъ случаѣ — освободить арестованнаго, во второмъ — взять подъ стражу находящагося на свободѣ, хотя бы со стороны прокурорской власти были обжалованы его постановленія.

Въ 504 ст. говорится, что принесшій частную жалобу допускается къ словеснымъ на судѣ объясненіямъ, *если находится налицо*. Выраженіе «если находится налицо», въ отношеніи жалующихся по предмету принятія мѣръ пресѣченія вообще, имѣетъ тотъ смыслъ, что судъ самъ не заботится о явкѣ подавшаго жалобу въ засѣданіе суда, назначенное для ея разсмотрѣнія, но онъ долженъ допустить непременно, если онъ явится и изъявить желаніе объяснить словесно свою жалобу. Но, положимъ, лишенный свободы желаетъ объяснить свою жалобу словесно на судѣ, а между тѣмъ онъ поставленъ въ такое положеніе, въ которомъ онъ не можетъ, безъ посторонняго распоряженія, быть самъ собой въ судѣ налицо. Спрашивается: имѣетъ-ли онъ право требовать, чтобы ему дали возможность явиться въ судъ? Право это положительно ему принадлежитъ; оно принадлежитъ ему тѣмъ болѣе, что Уставъ, къ сожалѣнію, оставилъ безъ отвѣта вопросъ о возможности, вмѣсто жалующагося арестованнаго, явиться на этотъ разъ въ судъ его защитнику. Такъ какъ вопросъ о личномъ задержаніи — вопросъ первѣйшей важности для подсудимаго, такъ какъ, съ другой стороны, арестованный лишенъ возможности явиться на судъ самъ собой, то-есть лишенъ той возможности, которою пользуются другіе, при-

носящіе жалобы по предметамъ меньшей важности, то само собою разумѣется, что обязанность доставить его въ судъ лежитъ на самомъ государствѣ. Лишить его на это права значило бы лишить его возможности защищаться. Конечно, вопросъ о представленіи арестованнаго въ судъ для объясненія частной жалобы не представляетъ особенныхъ недоумѣній въ томъ случаѣ, когда подсудимый содержится въ тюрьмѣ того города, гдѣ помѣщается судъ, рассматривающій частную жалобу, — и судебная практика представляетъ намъ примѣры присутствія арестованныхъ при докладѣ ихъ жалобы по предмету ареста («Судебн. Вѣстн.» 1868 г. № 113, рѣшеніе по жалобѣ Бѣляева). Но онъ усложняется въ томъ случаѣ, если арестованный содержится не въ тюрьмѣ судебного города, и притомъ далеко отъ мѣста суда.

Публично или при закрытыхъ дверяхъ рассматривается и рѣшается частная жалоба по предмету принятія мѣръ пресѣченія? Въ статьѣ 501 говорится: «судъ приступаетъ къ разсмотрѣнію частной жалобы *въ распорядительномъ засѣданіи*». Распорядительныя же засѣданія, сказано въ 152 ст. Учрежд. Судебн. Устан., происходятъ при закрытыхъ дверяхъ. Итакъ, выходитъ, что разсмотрѣніе частной жалобы по предмету принятія мѣръ пресѣченія вообще и содержанія подъ стражею въ частности происходитъ въ окружномъ судѣ при закрытыхъ дверяхъ. Относительно способа рѣшенія частныхъ жалобъ въ судебной палатѣ, 900 ст. Уст. Угол. Суд. гласитъ слѣдующее: «Частныя жалобы и протесты рассматриваются палатою въ публичномъ засѣданіи и рѣшаются немедленно по ихъ полученіи». А такъ какъ выше, въ 893 ст., говорится по частной жалобѣ по принятію мѣръ пресѣченія, то само собою разумѣется, что и этого рода жалобы должны быть рассматриваемы и рѣшаемы также публично. Практика судебныхъ палатъ представляетъ тому подтвержденіе въ обнародованныхъ доселѣ рѣшеніяхъ жалобъ по предмету содержанія подъ стражею («Судебн. Вѣстн.» 1867 г. №№ 258, 266, 280; 1868 г. № 46, см. судебныя резолюціи с.-петербургской судебной палаты по уголовному департаменту). Трудно, да и невозможно, найти правильное основаніе, отчего бы тотъ вопросъ, который въ судебной палатѣ рассматривается и рѣшается публично, долженъ въ окружномъ судѣ рассматриваться и рѣшаться при закрытыхъ дверяхъ. Скажутъ, что рѣшеніе вопроса о принятіи мѣръ пресѣченія относится къ предмету предварительнаго слѣдствія, а такъ какъ предварительное слѣдствіе производится не публично, слѣдовательно, и рѣшеніе сего вопроса должно происходить при закрытыхъ дверяхъ. Но если такъ, то въ такомъ случаѣ слѣдовало бы выдержать принятое начало, и предписать закрывать двери и въ судебной палатѣ при разсмотрѣніи и рѣшеніи вопроса о принятіи мѣръ пресѣченія, потому что, съ поступленіемъ сюда жалобъ, ни положеніе дѣла, вообще говоря, не измѣняется, ни самая жалоба не перестаетъ принадлежать къ тому производству, которое носятъ названіе предварительнаго слѣдствія. Если же признано возможнымъ не держаться тайны разсмотрѣнія частной жалобы въ одной инстанціи, то, конечно, нѣтъ разума основанія держаться ея въ другой. Рассматривая притомъ само по себѣ закрытіе дверей при разсмотрѣніи жалобы по предмету принятія мѣръ

пресѣченія, нельзя найти ему основанія: если уже присутствует подсудимый, котораго бы прежде всего слѣдовало устранить, если уже стараться сохранить тайну,—то отъ постороннихъ нельзя опасаться скрытія слѣдовъ преступленія. Что касается вообще упомянутой непослѣдовательности, то нельзя не согласиться, что она есть скорѣе слѣдствіе недосмотра редакціи, чѣмъ принципиальное правило.

Дозволяется-ли подсудимому, приносящему частную жалобу по предмету принятія мѣръ пресѣченія, пользоваться оффиціально содѣйствіемъ повѣреннаго? Вопросъ этотъ открыто не рѣшается Уставомъ Уголовнаго Судопроизводства. Изъ объясненія мотивовъ принятія въ дѣйствіе тѣхъ или другихъ началъ мы знаемъ, что содѣйствіе повѣреннаго или защитника при предварительномъ слѣдствіи не было принято въ число началъ, введенныхъ въ Уставъ, хотя, какъ мы уже сказали, это непринятіе выразилось молчаніемъ, а не въ формѣ положительнаго запрещенія. Такимъ образомъ, принимая во вниманіе, что принятіе мѣръ составляетъ принадлежность предварительнаго слѣдствія, а сіе послѣднее производится безъ оффиціальнаго содѣйствія защитника, слѣдуетъ признать, что и въ принесеніи жалобы по предмету принятія мѣръ и въ разсмотрѣніи ея не можетъ участвовать повѣренный или защитникъ. Не касаясь общаго вопроса о допущеніи защитника на предварительномъ слѣдствіи, мы однакожь думаемъ, что защитникъ можетъ быть: не только безъ вреда, но и съ положительною пользою для правосудія, допущенъ къ выясненію вопроса о мѣрахъ пресѣченія, въ особенности о взятіи подсудимаго подъ стражу. На предварительномъ слѣдствіи защитникъ не допускается изъ боязни, чтобы онъ своею дѣятельностью не противоdѣйствовалъ открытію преступленія и преступника въ то время, когда рѣчь идетъ только о фактѣ, который, пока не открытъ, можно затемнять. Допустивъ это вообще относительно предварительнаго слѣдствія, все-таки должно согласиться, что вышесказанное не касается разсмотрѣнія въ судахъ вопроса о мѣрахъ пресѣченія, потому что вопросъ этотъ въ высшей степени юридическій, рѣшаемый на основаніи собранныхъ слѣдствіемъ данныхъ. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, необходимо знаніе законовъ, нужна способность къ тонкому анализу. Развѣ подсудимые владѣютъ всѣмъ этимъ? А если они этимъ не владѣютъ, то не значить-ли, что они фактически беззащитны предъ юридическою опытностью слѣдователя и представителя прокурорской власти, не значить-ли, что они, въ вопросѣ чрезвычайной важности, оставлены въ положеніе гораздо худшее, чѣмъ то, въ которомъ находится обвинительная власть, и что здѣсь законодатель отступилъ отъ начала равенства. Нельзя также въ допущеніи публичности (по крайней мѣрѣ въ судебной палатѣ) разсмотрѣнія жалобы по предмету принятія мѣръ пресѣченія и недопущенія при этомъ имѣть защитника—не видѣть явной непослѣдовательности, ибо эти два начала: публичность и защита, другъ друга предполагаютъ. Когда признано безопаснымъ открыть двери для публики, тогда тѣмъ болѣе можетъ быть допущенъ защитникъ. Наконецъ извѣстно, что читатель, которому законъ отказалъ въ оффиціальной защитѣ, непременно откроетъ себѣ иные пути и иные средства защиты; лишенный публичной помощи и за-

щиты повѣреннаго, онъ станетъ пользоваться ею негласно; съ другой стороны, и защитникъ, лишенный официального права представительства вмѣсто подсудимаго, станетъ за него ходатайствовать частнымъ, закулиснымъ образомъ. Кто хотя нѣсколько знакомъ съ практикою нашихъ новыхъ судовъ, тотъ согласится съ нами; говоря это, мы не витаемъ въ области предположеній.

§ 41. По окончаніи предварительнаго слѣдствія, дѣло передается прокурору, а отъ него переходить въ судъ. Вопросъ о принятіи мѣръ пресѣченія и въ этотъ періодъ производства можетъ быть возбужденъ какъ представителями прокурорской власти, такъ и судомъ.

Прокуроръ, говоритъ 524 статья, вмѣстѣ съ обвинительнымъ актомъ или заключеніемъ о прекращеніи или пріостановленіи дѣла, излагаетъ мнѣніе свое и относительно пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, если признаетъ нужнымъ измѣнить или отмѣнить какую либо изъ принятыхъ уже противъ него мѣръ.

Въ этой статьѣ достойно вниманіе выраженіе: *излагаетъ мнѣніе свое и относительно способовъ пресѣченія*. Для чего онъ излагаетъ свое мнѣніе: для того-ли, чтобы только представить его на усмотрѣніе суда, или же для того, чтобы, приведши свое мнѣніе въ исполненіе, сообщить объ этомъ для свѣдѣнія суду? Очевидно, что вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ различно, смотря по свойству мнѣнія. Если представитель прокурорской власти, получивши и разсмотрѣвши предварительное слѣдствіе, пайдетъ возможнымъ, не прекращая слѣдствія, смягчить мѣру пресѣченія, наприм. замѣнить содержаніе подъ стражею низшею мѣрою, или признаетъ, вмѣстѣ съ судебнымъ слѣдователемъ, необходимымъ прекратить самое слѣдствіе, отчего само собою дѣлается излишнимъ продолженіе такихъ тяжелыхъ мѣръ пресѣченія, какъ содержаніе подъ стражею, то въ этомъ случаѣ онъ имѣетъ право, на основаніи ст. 283 Уст. Угол. Судопр., сдѣлать распоряженіе объ освобожденіи подсудимаго изъ-подъ стражи. Ибо если его требованіе о смягченіи мѣры пресѣченія слѣдователь исполняетъ въ то время, когда имъ производится еще предварительное слѣдствіе, то рѣшительно нѣтъ никакого основанія, чтобы подобное же предложеніе не было исполнено по окончаніи слѣдствія и послѣ поступленія его представителю прокурорской власти. Вотъ почему нельзя не признать основательнымъ мнѣніе прокурора харьковской судебной палаты, выраженное имъ въ циркулярѣ отъ 30 апрѣля 1868 г. Онъ замѣтилъ, что товарищи прокурора, представляя обвинительные акты и заключенія о прекращеніи дѣлъ, часто дѣлаютъ въ этихъ актахъ заключенія относительно освобожденія изъ-подъ стражи арестованныхъ во время слѣдствія лицъ, но, не приводя въ исполненіе своего заключенія, представляютъ акты къ прокурору судебной палаты. Поэтому онъ, ссылаясь на статью 283 Устава, находилъ вполне законнымъ немедленно освобождать такихъ лицъ, въ задержаніи коихъ, по убѣжденію товарищей прокуроровъ, надобности не представляется («Судебный Вѣстникъ» 1868 г. № 102). Совершенно иначе долженъ поступить представитель

прокурорской власти, если онъ находитъ необходимымъ, вмѣсто принятой судебнымъ слѣдователемъ болѣе мягкой мѣры пресѣченія, примѣнить содержаніе подъ стражею: въ этомъ случаѣ онъ не имѣетъ права, по силѣ статей 285 и 524, дѣлать предложеніе о приведеніи своего мнѣнія въ исполненіе, а обязанъ мнѣніе свое насчетъ усиленія мѣръ пресѣченія представить, вмѣстѣ съ обвинительнымъ актомъ, на усмотрѣніе суда.

Статья 541 Уст. Угол. Судопр. гласитъ: «Опредѣленія судебной палаты обращаются къ исполненію въ засвидѣтельствованныхъ копіяхъ, передаваемыхъ отъ прокурора палаты прокурору окружнаго суда, *на котораго возлагаются расторгненія и по постановленію палаты о взятіи обвиняемаго подъ стражу и объ иной мѣры, непринятой слѣдователемъ, но признанной ею необходимою*».

Итакъ, судебная палата по собственной инициативѣ можетъ предписать принять данную мѣру пресѣченія или измѣнить принятую на болѣе строгую или вновь возобновить отмѣненную. Такъ наприм. московская судебная палата, нашедши, что противъ Умецкихъ не принято никакихъ мѣръ пресѣченія, предписала немедленно отдать ихъ на поруки, по обвиненію ихъ въ жестокомъ обращеніи съ своею дочерью и въ вовлеченіи тѣмъ ее въ преступленіе; та же палата предписала 20 декабря 1867 года взять подъ стражу мѣщанъ Орлова, Познякава, Радиана, Боярчикова, а мѣщанку Малахову отдать на поруки, по обвиненію ихъ въ убійствѣ дѣвицы Радиной («Судебный Вѣстникъ» 1867 г. № 221; 1868 г. № 149). Въ 1867 г. та же палата, не согласившись съ представленіемъ прокурорской власти о прекращеніи дѣла по обвиненію Ипокренскаго въ составленіи подложнаго предписанія отъ лица управляющаго акцизными сборами, предписала предать обвиняемаго суду присяжныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для отнятія ему способностей уклоняться отъ суда, возобновить взятіе его подъ стражу, отмѣненное прокурорскою властью («Судебный Вѣстникъ» 1867 г. № 239). Едва ли цужно говорить о томъ, что, въ дѣлѣ принятія болѣе строгихъ мѣръ пресѣченія, палата должна поступать крайне осторожно. Если подсудимый, оставаясь въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ слѣдствія на свободѣ, добросовѣстно исполняетъ обязанность явки къ слѣдствію, то безъ достаточнаго основанія нельзя предположить, что онъ почему нибудь перестанетъ исполнять такъ же добросовѣстно эту обязанность. Законъ признаетъ дознанное у подсудимаго намѣреніе скрыться отъ слѣдствія и суда за обстоятельство, которое можетъ дать поводъ къ увеличенію строгости мѣръ пресѣченія: не слѣдуетъ-ли слѣдователямъ, прокурорамъ и судьямъ, при рѣшеніи вопроса о принятіи мѣръ пресѣченія, принимать во вниманіе, въ смыслъ смягчающемъ мѣру, то обстоятельство, что подсудимый доказалъ постоянною явкою къ слѣдствію и суду свою рѣшимость неуклонно подчиниться приговору сего послѣдняго?

Въ Уставѣ не говорится, имѣетъ-ли право судебная палата, по собственной инициативѣ, смягчить строгость мѣры пресѣченія, на примѣръ предложить замѣ-

нить арестъ залогомъ, поручительствомъ или еще болѣе мягкою мѣрою пресѣченія. Въ этомъ правѣ ни на минуту нельзя усомниться, хотя было бы далеко не излишне, если бы законодатель положительнымъ постановленіемъ обратилъ вниманіе судебныхъ палатъ на это ихъ право и обязанность. Въ правѣ этомъ нельзя сомнѣваться по слѣдующимъ причинамъ. Если, въ видахъ предотвращенія незаконныхъ лишеній свободы, каждый судья уполномоченъ закономъ освобождать явно незаконно арестованнаго, то тѣмъ болѣе право освобождать изъ-подъ ареста, признаннаго въ данномъ случаѣ неумѣстнымъ, должно принадлежать судебной палатѣ, рѣшающей важный вопросъ о преданіи суду. Было бы странно, если бы палата по собственной инициативѣ имѣла право усиливать строгость мѣры пресѣченія, и если бы она лишена была права смягчать ихъ, когда бы она въ необходимости этого была убѣждена положительными данными. Это значило бы ставить ее выше слѣдователей и представителей низшихъ степеней прокурорской власти.

Рѣшеніе уголовного суда можетъ быть обжаловано: постановленное съ участіемъ присяжныхъ—въ порядкѣ кассационномъ, постановленное безъ участія присяжныхъ—въ порядкѣ апелляціонномъ. Слѣдовательно, вопросъ о продолженіи, прекращеніи или принятіи вновь мѣры пресѣченія не перестаетъ существовать. Относительно этого пункта въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства содержатся слѣдующія правила:

Статья 819. По рѣшенію присяжныхъ засѣдателей, оправдывающему подсудимаго, предсѣдатель суда немедленно *объявляетъ его свободнымъ отъ суда и отъ содержанія подъ стражею, если онъ состоитъ подъ арестомъ.*

Статья 875. Подсудимый, подавшій отзывъ противъ приговора, присуждающаго его къ содержанію подъ стражею, можетъ остаться на свободѣ только по представленіи суду залога или поручительства.

Статья 876. Отзывъ или протестъ противъ приговора, коимъ постановлено освободить подсудимаго изъ-подъ стражи, не останавливаетъ исполненія по этому предмету.

Статья 958. Приговоръ, оправдывающій подсудимаго, исполняется при самомъ провозглашеніи сущности его. *Оправданный, находящійся подъ стражею, если не обвиняется въ другомъ преступленіи, по которому долженъ содержаться подъ стражею, тогда же получаетъ свободу.*

Такъ какъ оправдательный приговоръ немедленно приводится въ исполненіе и такъ какъ содержащійся подъ стражею немедленно освобождается изъ-подъ стражи, хотя бы представитель прокурорской власти заявилъ отзывъ въ кассационномъ порядкѣ, то само собою разумѣется, что теченіе содержанія подъ стражею, въ видѣ мѣры пресѣченія, прекращается, несмотря на то, что самое производство уголовного дѣла слѣдуетъ считать непрекратившимся. Такое постановленіе закона вполне основательно. По справедливому замѣчанію членовъ комисіи, окончательно редактировавшей Уставъ Угол. Суд., случаи кассационныхъ протестовъ со стороны представителей прокурорской власти могутъ быть весьма рѣдкимъ и чрезвычайнымъ явленіемъ, потому что судъ, во

время судебного слѣдствія, рѣшаетъ возникающіе вопросы судопроизводства только послѣ того, какъ по каждому изъ нихъ выслушиваетъ заключеніе прокурора, который, значитъ, имѣетъ полнѣйшую возможность во-время предотвратить нарушенія, могущія дать поводъ къ кассациі. При такой малой вѣроятности кассационныхъ протестовъ и при существующей вѣроятности, что не всякій протестъ можетъ быть уваженъ, было бы несогласно ни съ видами человеколюбія, ни съ видами справедливости, оставлять подсудимаго подъ стражею впредь до вступленія оправдательнаго приговора въ законную окончательную силу, по одному предположенію о возможности подачи жалобы въ кассационномъ порядкѣ. Это значило бы колебать довѣріе къ силѣ и значенію приговоровъ присяжныхъ. Все сказанное относится не только къ тому случаю, когда подсудимый, состоящій подъ арестомъ, оправдывается судомъ присяжныхъ, но и къ случаю, когда подсудимый, арестованный вслѣдствіе непредставленія залога или поручительства, или вслѣдствіе признанія его неимѣющимъ осядлости, оправдывается судомъ безъ присяжныхъ засѣдателей (ст. 876).

По поводу разсматриваемыхъ статей рождается нѣсколько вопросовъ, которые могутъ возникнуть въ практикѣ. Первый вопросъ: можно-ли, въ случаѣ подачи кассационнаго отзыва и въ случаѣ признанія его основательнымъ, подсудимаго, освобожденнаго изъ-подъ стражи вслѣдствіе перваго оправдательнаго приговора, снова подвергнуть, въ видѣ мѣры пресѣченія, содержанію подъ стражею, или же употребить противъ него другія мѣры пресѣченія, которыя могутъ повлечь за собою содержаніе подъ стражею, какъ-то: залогъ и поручительство? Очевидно, не можно, какъ по тѣмъ соображеніямъ, по которымъ обвиняемый освобожденъ изъ-подъ стражи послѣ объявленія оправдательнаго приговора, такъ и потому, что кассированіе оправдательнаго приговора далеко не предполагаетъ въ будущемъ приговоръ обвинительный. Въ одномъ, конечно, случаѣ можно считать возможнымъ возобновленіе ареста, это—въ случаѣ побѣга или явнаго уклоненія отъ вторичной явки въ судъ.

Второй вопросъ: оправдательный приговоръ, вступившій въ законную силу вслѣдствіе подачи кассационнаго или апелляціоннаго отзыва, прекращаетъ-ли продолженіе дѣйствія принятыхъ при слѣдствіи и судѣ иныхъ, кромѣ ареста, мѣръ пресѣченія? Такъ какъ необходимость явки подсудимаго въ судъ остается, пока приговоръ не вошелъ въ окончательную силу и пока не отвергнутъ кассационный или апелляціонный отзывъ, то, само собою разумѣется, и сила принятыхъ мѣръ должна продолжаться.

Третій вопросъ: имѣетъ-ли право окружной судъ освободить изъ-подъ стражи хотя вовсе неоправданнаго, но приговореннаго судомъ присяжныхъ къ наказанію менѣе строгому, чѣмъ содержаніе подъ стражею, впредь до вступленія приговора въ законную силу? Вопросъ этотъ былъ возбужденъ въ практикѣ и рѣшенъ былъ однимъ изъ окружныхъ судовъ отрицательно. Чтобы сдѣлать болѣе нагляднымъ разрѣшеніе этого вопроса, я изложу содержаніе случая, давашаго поводъ къ отрицательному рѣшенію. Одинъ волостной старшина, преданный суду присяжныхъ по обвиненію въ растратѣ общественныхъ денегъ,

былъ признанъ присяжными виновнымъ только въ незлонамѣренной убыли и недочетѣ денегъ и притомъ заслуживающимъ снисхожденія. На основаніи этого приговора присяжныхъ, судъ опредѣлилъ подвергнуть подсудимаго замѣчанію. На предложеніе прокурора немедленно освободить изъ-подъ стражи подсудимаго предсѣдатель отказался исполнить это предложеніе, на томъ основаніи, что приговоръ этотъ неокончательный и поэтому подсудимый долженъ оставаться подъ стражею до истеченія срока, опредѣленнаго для подачи кассационнаго протеста. Послѣ этого отказа защитникъ обратился съ ходатайствомъ объ освобожденіи подсудимаго въ окружной судъ. Сей послѣдній также отказалъ въ ходатайствѣ на томъ основаніи, что: а) освобожденіе подсудимыхъ изъ-подъ стражи или же заключеніе ихъ, вслѣдствіе болѣе или менѣе тяжкихъ обвинительныхъ приговоровъ, подлежащихъ еще обжалованію и отмѣнѣ въ кассационномъ порядкѣ, не входитъ въ составъ правъ и обязанностей суда; б) откуда обвиненіе можетъ быть возобновлено, отмѣна заключенія въ тюрьму, какъ мѣры пресѣченія, или замѣна другою, зависитъ не отъ суда, а отъ обвинительной власти, которая соображаетъ, подлежитъ ли приговоръ обжалованію, или же онъ долженъ получить силу судебного приговора. По нашему мнѣнію, взятіе подъ стражу и освобожденіе изъ-подъ стражи есть дѣло столько же судебного слѣдователя и представителя прокурорской власти, сколько и суда: судъ въ дѣлѣ принятія мѣры пресѣченія есть высшій рѣшитель, у котораго слѣдователь, въ случаѣ несогласія съ требованіемъ прокурора, испрашиваетъ постановленія. Поэтому, судъ не только тогда имѣетъ право, впредь до вступленія приговора въ окончательную силу, освободить изъ-подъ стражи приговореннаго къ такому легкому наказанію, какъ выговоръ, когда о томъ дѣлаетъ предложеніе представитель прокурорской власти, но и въ томъ случаѣ, если бы этого предложенія не было, по собственной инициативѣ. Тѣмъ болѣе онъ не вправе отказаться отъ взятія на себя обязанности рѣшить вопросъ объ освобожденіи, если вопросъ этотъ возникаетъ по просьбѣ защитника: здѣсь судъ находится въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ бываетъ, когда къ нему, во время предварительнаго слѣдствія, обращается подсудимый съ просьбою объ освобожденіи. Основаніе же для освобожденія приговореннаго къ выговору онъ имѣетъ какъ въ общихъ законахъ о мѣрахъ пресѣченія, по которымъ выговоръ—наказаніе—и содержаніе подъ стражею—мѣра пресѣченія—совершенно не совмѣстны, такъ и въ статьѣ 875, которая предписываетъ, подъ условіемъ представленія поручительства или залога, оставлять на свободѣ даже приговореннаго къ содержанію подъ стражею, впредь до вступленія приговора въ законную силу. Если законъ положительно говорить объ оставленіи приговоренныхъ къ сего рода наказанію на свободѣ, подъ условіемъ представленія поручительства или залога, то само собою разумѣется, что, по смыслу закона, приговоренные къ наказаніямъ менѣе строгимъ, чѣмъ содержаніе подъ стражею, должны оставаться на свободѣ даже безъ представленія поручительства или залога, хотя бы приговоръ и былъ обжалованъ въ порядкѣ кассационномъ. Спрашивается: какая разница между тѣмъ, который приговоренъ къ наказанію менѣе строгому, чѣмъ содержаніе подъ стражей, но кото-

рый находится на свободѣ, и тѣмъ, который приговоренъ къ тому же наказанію, но находится подъ стражею? Кромѣ разницы фактическаго ихъ положенія, юридической разницы никакой, ибо и тотъ и другой приговоръ могутъ быть обжалованы въ кассационномъ порядкѣ. Слѣдовательно, если первый по закону остается на свободѣ, хотя бы приговоръ еще и не вошелъ въ окончательную силу, то по тѣмъ же самымъ основаніямъ и второй долженъ быть освобожденъ изъ-подъ стражи, хотя бы и не устранена была возможность кассационнаго протеста.

Въ 875 статьѣ говорится, что приговоренный къ содержанію подъ стражею, но подавшій отзывъ противъ приговора, можетъ оставаться на свободѣ подъ условіемъ представленія залога или поручительства. Какъ понимать выраженіе «содержаніе подъ стражею» — въ тѣсномъ-ли или обширномъ смыслѣ? Конечно въ обширномъ, то-есть подъ этими словами слѣдуетъ понимать не только содержаніе подъ арестомъ и въ тюрьмѣ, но и содержаніе въ крѣпости и смиренномъ домѣ. Такъ, недавно Тулякову, приговоренному къ заключенію въ смиренный домъ, дозволено было остаться на свободѣ до вступленія приговора въ окончательную силу, подъ условіемъ представленія залога въ 3,000 руб.

Вообще, въ случаѣ присужденія къ наказанію подсудимаго, оставшагося на свободѣ, слѣдуетъ, относительно мѣръ пресѣченія, держаться общихъ правилъ, установленныхъ для пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. При этомъ нельзя, кажется, выпускать изъ виду того обстоятельства, которое должно истолковать въ пользу принятія противъ подсудимаго болѣе мягкихъ мѣръ пресѣченія — что онъ, оставаясь на свободѣ, неуклонно являлся къ слѣдствію и суду, чѣмъ уже доказалъ готовность подчиниться приговору суда.

§ 42. Для производства уголовныхъ дѣлъ мировыми судьями установлена въ общемъ та же система мѣръ пресѣченія и образъ ихъ примѣненія. Нѣкоторые различія обуславливаются нѣкоторыми особенными свойствами мирового судопроизводства.

Основные правила для принятія мировыми судьями мѣръ пресѣченія заключаются въ слѣдующихъ статьяхъ:

Статья 76. Никто изъ обвиняемыхъ не долженъ отлучаться, безъ разрѣшенія мирового судьи, изъ того города или участка, гдѣ производится дѣло.

Статья 77. Для пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ суда, мировой судья можетъ принять слѣдующія мѣры:

1) Когда обвиняемый подозрѣвается въ проступкѣ, за который въ законѣ положено денежное взысканіе или арестъ, или когда съ него отыскивается вознагражденіе — взять подписку о явкѣ, или потребовать представленія вида на жительство, или поручительства, и

2) Когда обвиняемый подозрѣвается въ преступномъ дѣянѣ, за которое въ законѣ положено заключеніе въ тюрьмѣ или наказаніе болѣе строгое — потребовать поручительства или залога, или даже подвергнуть личному задержанію.

Статьи 78, 79, 80, 81, 82 и 83 тождественны съ соотвѣствующими стать-

ями общего порядка судопроизводства, какъ-то: съ 422, 423, 424, 425, 426, 427 и 429. Въ нихъ говорится: что поручительство состоитъ въ принятіи поручителемъ на себя денежной отвѣтственности въ случаѣ уклоненія обвиняемаго отъ суда (ст. 78); что залогъ долженъ состоять во внесеніи денегъ или движимаго имущества обвиняемымъ или другимъ лицомъ (ст. 79); что сумма того и другаго, опредѣляемая по усмотрѣнію мирового судьи, соответственно съ строгостью угрожающаго наказанія и съ состояніемъ залогодателя или поручителя, не должна быть меньше количества вознагражденія, отыскиваемаго гражданскимъ истцомъ (ст. 80); что о принятіи поручительства или залога судья составляетъ за своимъ подписомъ и залогодателя или поручителя постановленіе, копія котораго имъ выдается (ст. 81); что въ случаѣ побѣга или уклоненія отъ суда обвиняемаго, сумма залога или поручительства обращается частью на удовлетвореніе вреда и убытковъ, причиненныхъ преступленіемъ, частью на устройство мѣстъ заключенія (ст. 83); что отдача на поруки или взятіе залога не избавляютъ подсудимаго отъ общей обязанности не отлучаться, безъ разрѣшенія мирового судьи, изъ города или участка (ст. 82).

Относительно формальностей, въ которыя должно быть облечено взятіе подъ стражу, статья 84 говоритъ слѣдующее:

При взятіи обвиняемаго подъ стражу составляется о томъ особый протоколъ, съ точнымъ означеніемъ:

- 1) времени задержанія,
- 2) задержаннаго лица,
- 3) преступнаго дѣйствія, въ которомъ оно обвиняется.

Протоколъ сей подписывается мировымъ судьей и въ копіи препровождается въ мѣсто заключенія.

Въ 77 статьѣ сказано: «мировой судья можетъ принять слѣдующія мѣры»... Значитъ, принятіе мѣръ со стороны мирового судьи не есть, по закону, необходимая необходимость, а предоставлено усмотрѣнію судьи, который можетъ принять, можетъ не принять. Предполагается, что по многимъ дѣламъ, рѣшаемымъ мировыми судьями, достаточно обезпечиваетъ явку въ судъ напоминаніе общей обязанности не отлучаться изъ города или участка.

Для принятія мировымъ судьей мѣръ пресѣченія, установлены двѣ высшія нормы: поручительство—когда преступленіе влечетъ за собою наказаніе не свыше ареста, и личное задержаніе—если за преступленіе положено заключеніе въ тюрьму или наказаніе болѣе строгое. Разумѣется, что стѣсненный въ принятіи высшей мѣры, судья не ограниченъ низшею. Онъ можетъ по обвиненію въ преступленіи, влекущемъ тюремное заключеніе, принять самую низшую мѣру. На выборъ той или другой мѣры должны имѣть вліяніе тѣ же самыя обстоятельства, которыя въ семъ случаѣ предписано имѣть въ виду судебнымъ слѣдователямъ и которыя исчислены въ статьяхъ 420 и 421. Объ этомъ хотя не говорится въ томъ отдѣлѣ, въ которомъ изложены правила принятія мѣръ пресѣченія мировыми судьями, но это само собою разумѣется.

Съ перваго разу какъ будто кажется, что въ Уставѣ Угол. Судопр. допущена нѣкоторая непоследовательность. Въ главѣ о принятіи мѣръ пресѣченія судебными слѣдователями, вышею мѣрою по обвиненію въ преступленіяхъ, влекущихъ заключеніе въ тюрьму, положено представленіе поручительства; домашній же арестъ и содержаніе подѣ стражею выставлены вышею нормою по обвиненію въ преступленіяхъ, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. А между тѣмъ, въ уголовномъ судопроизводствѣ мировомъ, личное задержаніе, въ видѣ мѣры пресѣченія, установлено по подозрѣнію въ преступленіяхъ, за которыя въ законѣ опредѣляется только тюремное заключеніе. Но эта непоследовательность существуетъ только по формѣ, а не по содержанию. Дѣло въ томъ, что въ Уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, тюремное наказаніе налагается, если не считать прошенія милостыни, исключительно за кражу и мошенничество. За эти преступленія дворяне, священнослужители, монашествующіе и почетные граждане, во всѣхъ безъ изъятія случаяхъ, наказываются, сверхъ тюремнаго заключенія, и лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, и оттого они и судятся общими судами, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Поэтому, такъ какъ обвиняемые изъ сихъ званій во время слѣдствія и суда могутъ, по обвиненіямъ въ кражѣ и мошенничествѣ, подлежать содержанію подѣ стражею, то, для уравниенія положенія, та же мѣра допускается противъ обвиняемыхъ въ сихъ же преступленіяхъ изъ другихъ классовъ, подсудныхъ по симъ преступленіямъ мировымъ судьямъ.

Во 2-мъ пунктѣ 77 статьи говорится, что мировой судья даже можетъ подвергнуть обвиняемаго, въ видѣ мѣры пресѣченія, личному задержанію. Здѣсь подѣ личнымъ задержаніемъ слѣдуетъ разумѣть двѣ мѣры пресѣченія: домашній арестъ и содержаніе подѣ стражею, такъ какъ домашній арестъ, по свойствамъ своимъ, есть личное задержаніе.

Нельзя не замѣтить, что взятіе обвиняемаго подѣ стражу мировымъ судьей, въ видѣ мѣры пресѣченія, обставлено меньшими гарантіями, чѣмъ принятіе той же мѣры судебнымъ слѣдователемъ. Такъ, не требуется обозначенія въ протоколѣ основаній задержанія подѣ стражею, выдачи подсудимому копій съ протокола, сообщенія прокурору объ основаніяхъ взятія подѣ стражу. Очевидно, составители Устава, въ томъ предположеніи, что мировое судопроизводство есть сокращенное и должно окапчиваться, самое большее, въ нѣсколько дней, не считали удобнымъ и практически принять такую мѣру, какъ контроль представителей прокурорскаго надзора. Во всякомъ случаѣ, мы думаемъ, что мировой судья не избавленъ отъ обязанности объявлять подсудимому основаніе задержанія и выдавать копію протокола, если подсудимый того требуетъ.

Подвергнутый мировымъ судьей содержанію подѣ стражею можетъ подать частную жалобу въ мировой сѣздъ (ст. 152). Подобная частная жалоба приносится въ семидневный срокъ со времени исполненія распоряженія о взятіи подѣ стражу (ст. 153). Она подается самому мировому судѣ, который обязанъ представить ее въ сѣздъ, вмѣстѣ съ своимъ объясненіемъ, въ теченіе сутокъ отъ

времени получения (ст. 154). Трудно понять, какая цель установления семидневного срока для подачи жалобъ на неправильное взятіе. Предположеніе, что производство не можетъ долго длиться? Въ такомъ случаѣ нечего и говорить о срокахъ. Если подсудимый лишень свободы неосновательно, развѣ можетъ истечение семи дней измѣнить сущность дѣла?

Законъ ничего не говоритъ о томъ, можетъ-ли подсудимый приносить жалобу по поводу принятія другихъ мѣръ пресѣченія. Право это несомнѣнно ему принадлежить; безъ него подсудимый былъ бы лишень защиты противъ такихъ дѣйствій судьи, которыя прямо клонятся ему во вредъ. Практика представляетъ примѣры такихъ жалобъ: такъ, Орловъ приносилъ жалобу съѣзду на неправильное, по его мнѣнію, исчисленіе суммы залога (рѣшеніе кассационнаго департамента сената отъ 29 марта 1867 г. № 118).

По постановленіи мировымъ судьей неокончательнаго рѣшенія, которымъ обвиняемый присуждается къ заключенію въ тюрьму, приговоренный можетъ быть оставленъ на свободѣ, впредь до вступленія приговора въ законную силу, не иначе, какъ по представленіи залога и поручительства (ст. 125).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Введеніе.	3
ГЛАВА I. Время до Судебниковъ	4
— II. Время Судебниковъ до Уложенія Алексѣя Михайловича	19
— III. Время Соборнаго Уложенія до преобразованія Петра I.	39
— IV. XVIII и XIX столѣтія до изданія Свода Законовъ.	63
— V. Система Свода Законовъ.	97
— VI. Уставъ Уголовнаго Судопроизводства	136

